

Джон Рёкинн,

как социальный реформатор

А. Гобсане

Перевод с английского

П. Николаева.

Изд. К. М. Солдатенкова

Москва.

1899

## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

### Формирующія вліянія дѣтства и юности.

1. „Вполнѣ честный купецъ“ и его жена.—2. Первые литературныя и художественныя впечатлѣнія.—3. Образование, полученное отъ природы и изъ книгъ.—4. Юность, проведенная дома—Зачатки литературныхъ способностей. — 5. Годы студенчества въ Оксфордѣ.

1. Только люди, знакомые съ взглядами Джона Рёскина на торговую дѣятельность и на хозяйственную домашнюю жизнь, могутъ ясно понять все значеніе тѣхъ выраженій, въ которыхъ онъ опредѣлялъ относительныя и главныя добродѣтели его родителей. Первымъ крупнымъ формирующимъ вліяніемъ въ его жизни было то, что онъ былъ сынъ „вполнѣ честнаго купца“ и „превосходной хозяйки“.

Въ жилахъ обоихъ его родителей текла шотландская кровь, съ примѣсью крови галловейскихъ кельтовъ. Люди, придающіе особое значеніе расѣ, какъ силѣ, опредѣляющей характеръ и дѣятельность личности, могутъ съ интересомъ прослѣдить свойства кельтовъ въ художественной и литературной дѣятельности Рёскина и приписывать именно этой причинѣ живое воображеніе и импульсивность, придававшія такую блестящую окраску его соціальной критикѣ. Но еще большее влія-

говсонъ.

Ц/ф

594895  
Библиотека  
педуниверсит  
г.Новосибир

ніе на него имѣли якобитскія традиціи его предковъ, дѣйствовавшія въ теченіе многихъ поколѣній и въ Шотландіи часто соединявшіяся съ глубокимъ и страстнымъ напряженіемъ религіознаго чувства. Джонъ Джемсъ Рёскинъ и его кузина — супруга, переселившись въ 1809 году на югъ, принесли съ собою значительную дозу стремленія къ пріобрѣтенію и проницательности, торговой и умственной энергіи, которыя такъ часто выдвигали впередъ сѣверянъ въ борьбѣ за существованіе. Съ одинаковымъ стараніемъ и усердіемъ они устроили двѣ сферы своей жизни, дѣловую и домашнюю. Рёскинъ — отецъ вложилъ свои умственные способности и свою энергію въ веденіе крушной виноторговли, получившей прекрасную репутацію за ея хересь высшаго сорта. Онъ находилъ „полную честность“ очень выгодной и скоро скопилъ значительное богатство, давшее ему возможность вполне удовлетворить всѣмъ требованіямъ роскошнаго дома и почтеннаго общественнаго положенія. Положеніе удачно ведущаго свои дѣла виноторговца даже въ то время, когда занятіе торговлей не считалось столь респектабельнымъ, какъ въ настоящее время, было всегда хорошимъ, такъ какъ онъ былъ отвѣтственнымъ совѣтникомъ аристократіи и дворянства въ одной изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ жизни джентльмена — въ выборѣ винъ. Это обстоятельство болѣе всякаго другого позволяло оптовой виноторговлѣ избѣгать деморализующихъ слѣдствій чрезмѣрной конкуренціи, разрушающихъ репутацію купца въ глазахъ его потребителей въ большинствѣ другихъ отраслей торговли.

Рёскинъ — отецъ очень усердно занимался своимъ дѣломъ, но оно не поглощало его всего. Получивъ хорошее и либеральное образованіе въ Эдинбургѣ, онъ обладалъ и достаточнымъ досугомъ и достаточными средствами для того, чтобы развивать свои литературные и художественные вкусы и чтеніе вслухъ хорошихъ книгъ и собираніе и изученіе хорошихъ картинъ

играють значительную роль въ воспоминаіяхъ его сына о его дѣтствѣ и юности. Повидимому, г-жа Рёскингъ обладала болѣе сильнымъ, чѣмъ у ея мужа, характеромъ и съ нѣскольکو автократической властью рѣшала все наиболѣе важныя вопросы и имѣла постоянный, доходящій до мелочей, надзоръ за поведеніемъ ея единственнымъ сына. Ея характеръ—на сколько мы знаемъ о немъ изъ отдѣльныхъ мѣстъ, разсыпанныхъ по разнымъ книгамъ Джона Рёскина — былъ черезъ чуръ положительнымъ, черезъ чуръ неуклоннымъ и властнымъ; она стремилась и добивалась не столько любви, сколько уваженія и удивленія. Читая рассказы Рёскина о его дѣтствѣ, мы чувствуемъ, что принципы его матери были черезъ чуръ прямолинейными, чтобы ея вліяніе на сына было вполне пріятнымъ и даже вполне полезнымъ. „Общія принципы моей матери въ сферѣ первоначальнаго воспитанія состояли въ томъ, чтобы постоянно и бдительно охранять меня отъ всякихъ страданій и опасностей, и позволять мнѣ забавляться, какъ мнѣ было угодно, лишь бы я не капризничалъ и не надобдалъ“<sup>1)</sup>. Но выраженіе: „какъ мнѣ угодно“ требуетъ серьезныхъ оговорокъ, такъ какъ игрушки строго воспрещались; Рёскингъ рассказываетъ грустную исторію о легкомысленной теткѣ, подарившей мальчику куклу (Punch and Judy), немедленно же конфискованную матерью, изрекшей при этомъ: „не годится, чтобы у него она была—и я никогда послѣ не видалъ ее“. Въ домѣ Рёскина господствовали старомодныя взгляды на значеніе наказаній въ дѣлѣ воспитанія. „Меня всегда сѣкли, когда я плакалъ, не исполняя того, что мнѣ приказывали или падалъ на лѣстницѣ“. Если къ этому прибавить, что ея основнымъ понятіемъ о ея воспитательныхъ обязанностяхъ было принужденіе Джона заучивать каждое утро наизусть длинную главу изъ Библии и прочитывать по крайней мѣрѣ разъ въ году всю эту

<sup>1)</sup> „Fors“, письмо li.

книгу безъ пропусковъ отъ книги Бытія до Апокалипсиса—и это въ такомъ возрастѣ, когда ни раннее развитіе ребенка, ни самое искусное истолкованіе учителя не могли дать ребенку правильнаго пониманія многихъ мѣстъ книги—мы не можемъ составить особенно благопріятнаго мнѣнія о разумности и тактѣ воспитательницы.

Но вообще говоря, невозможно особенно довѣрять возсозданію характера личности воображеніемъ на основаніи отдѣльныхъ эпизодовъ; такое возсозданіе характера матери Рёскина, очевидно, повело бы къ несправедливымъ заключеніямъ. Болѣе полную и болѣе общую картину представляетъ намъ изображеніе этого тихаго и добраго дома, родителей, привязаннымъ другъ къ другу и постоянно добрыхъ и заботливыхъ по отношенію къ ихъ ребенку—заботливыхъ во всемъ, что касается его интересовъ и его блага. Сильныя евангелическія стремленія матери допускали, однако, извѣстныя послабленія, позволяющія ей наслаждаться даже разсказами Фильдинга и Стерна, которыя читалъ вслухъ по вечерамъ отецъ Рёскинъ, человѣкъ, преданный изученію образцовыхъ произведеній литературы.

2. Семейная жизнь Рёскиновъ была до чрезвычайности замкнутой; крайняя заботливость обоихъ родителей о ихъ мальчикѣ отстраняла его отъ многихъ изъ дѣтскихъ интересовъ, которые могли бы заставить его имѣть общеніе съ другими дѣтьми и расширить сферу его дѣтской жизни. Читая исторію его дѣтства, мы невольно вспоминаемъ о заглавіи одной изъ его книги—*Notus inclusus*. Джонъ, обладавшій хрупкимъ здоровьемъ и рано развившійся умственно, многимъ обязанъ заботамъ его матери; еще болѣе онъ обязанъ полученному имъ съ дѣтства литературному и художественному образованію. Часто придають слишкомъ большое значеніе „книгамъ, имѣвшимъ на меня вліяніе“, по всякій, внимательно изучившій дѣятельность Рёскина, долженъ признать громадное вліяніе, произведенное на

его живое воображеніе и на его великолѣпную память „великими книгами“, по которымъ онъ съ юнаго возраста учился пониманію жизни и людей. Библия, Вальтеръ-Скоттъ и Гомеръ (въ переводѣ Попа) не только создали его первые взгляды на жизнь и исторію, но и дали его дѣтскому уму образы и выраженія, имѣвшія прочное вліяніе на всю его литературную дѣятельность.

Искусство то же рано вошло въ жизнь Рѣскина, какъ формирующее вліяніе, потому что его отецъ былъ не только собирателемъ картинъ, но и любителемъ-художникомъ, обладавшимъ изящнымъ вкусомъ и серьезно интересовавшимся картинами и гравюрами. Нѣсколько строгіе обычанъ этого шотландскаго дома, кажется, допускали значительный матеріальный комфортъ и даже, при постоянно увеличивающемся доходѣ, предметы роскоши — хотя это никогда не переходило въ стремленіе къ великолѣпію и къ показному блеску.

Джонъ Рѣскинъ родился въ Лондонѣ, но онъ, собственно говоря, не былъ городскимъ ребенкомъ. Въ 1824 году, когда ему было только пять лѣтъ, семья переселилась въ комфортабельный домъ въ Хернъ-Хиллѣ. въ то время бывшемъ еще прелестной деревенской мѣстностью, на которую еще не наложилъ свою святотатственную руку спекулянтъ-строитель. Тамъ Рѣскины жили почти въ полномъ одиночествѣ, рѣдко принимали, никогда не выѣзжали въ общество и давали своему сыну Джону все лучшее изъ духовной и матеріальной культуры, какъ они ее понимали. Пребываніе въ подобной атмосферѣ, охраняемой родительской заботливостью, конечно, представляло серьезную опасность — воспріимчивый и рано развившійся мальчикъ могъ сдѣлаться надменнымъ и надутымъ шалопаемъ. Онъ избѣжалъ такой судьбы отчасти благодаря прирожденной скромности, а отчасти благодаря рано пробудившемуся у него сильному интересу къ книгамъ, искусству и природѣ, заставлявшей его не сосредоточивать на себѣ самомъ все его дѣтское вниманіе.

3. Если бы Рёскинъ старшій обладалъ той способностью, которой обладалъ другой шотландецъ <sup>1)</sup>, едва не погубившій другого выдающагося человѣка, его сына — Джону Рёскину пришлось бы плохо. Къ счастью суровый режимъ, которому подвергался юноша Рёскинъ, смягчался, досугомъ, той „широкой свободой“, которая такъ необходима для здороваго развитія. Спасительный отдыхъ отъ книгъ и отъ рутинны черезъ чуръ регулярной домашней жизни Джонъ нашелъ въ красотахъ природы, которую онъ полюбилъ съ юности и любилъ всю свою жизнь. Лѣса, ручьи и деревья въ прелестной мѣстности у Дульвича были его друзьями и ихъ красота составляла здоровый и полезный противовѣсъ „роскоши и формализму“, главнымъ недостаткамъ его юныхъ лѣтъ, какъ онъ признавался впоследствии. А кромѣ того каждое лѣто мирная, монотонная жизнь въ Хернъ-Хиллѣ прерывалась продолжительными и пріятными поѣздками, во время которыхъ ребёнокъ знакомился съ разнообразными красотами его родины. Есть нѣчто несказанно прелестное въ описаніи маленькаго Джона, сидящаго въ почтовой каретѣ съ отцомъ и матерью и путешествующаго, не спѣша, по Англійи и Шотландіи, переѣзжая отъ одного изъ замковъ къ другому для полученія заказовъ на хересъ. Рёскинъ отецъ не держалъ разъѣздныхъ агентовъ для своей торговли и очень умѣло соединялъ дѣло съ удовольствіемъ. Это было, конечно, превосходнымъ воспитательнымъ средствомъ для ребенка Джона, такимъ образомъ познакомившагося со всѣми знаменитыми видами, съ городами, кафедральными соборами, рѣками, горами и замками своей родной страны. Эти поѣздки, къ которымъ потомъ присоединились путешествія по континенту, давали реальную историческую пищу его воображенію, его дѣтскій умъ возбуждался размышленіями и составленными рано убѣжденіями. Уже изъ чтенія Гомера и

---

<sup>1)</sup> Джеймсъ Милль.

Скотта онъ составилъ „странныя понятія о короляхъ“; въ „Fors Clavigera“ <sup>1)</sup> онъ говоритъ: „мой дѣтскій умъ горестно удивлялся тому, что теперь замки остаются пустыми; у меня появилось смутное желаніе реставраціи своего рода“ — это было зачаткомъ позднѣйшаго преклоненія предъ героями и новаго феодализма, которые играли такую видную роль въ его схемахъ общественной реформы.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ придавать черезъ чуръ большого значенія такимъ смутнымъ предчувствіямъ. Первой любовью Рёскина была чистая романтическая страсть къ красотамъ природы и къ связаннымъ съ прекрасными ландшафтами историческимъ событіямъ. Вскорѣ эта страсть переходитъ у него въ зачатки научной любознательности. Не довольствуясь „поверхностными чувствами“, возбуждаемыми величіемъ горъ, онъ жаждетъ знанія, ищетъ причинъ. Такимъ образомъ красота горъ приводитъ его къ изученію минералогіи и физической географіи, постепенно онъ начинаетъ интересоваться и другими отраслями естествознанія, онъ стремится получить болѣе опредѣленные представленія о рѣкахъ, облакахъ, деревьяхъ и всѣхъ предметахъ внѣшняго міра.

Такое раннее пробужденіе научныхъ стремленій обусловливалось „аналитической“ способностью, признаваемой Рёскинымъ впоследствии наиболѣе выдающимся изъ его дарованій. Его умъ никогда не былъ только тонко воспринимающимъ, помимо воспримчивости онъ обладалъ силой анализа и сопутствующей этой силѣ способностью творческаго воображенія. Люди, считающіе его натурой исключительно поэтической, несомнѣнно, ошибаются. У него во всякомъ случаѣ творческое воображеніе всегда было слабѣе способности къ наблюденію и анализу.

---

1) „Fors“ — письмо X.



4. Позднѣ Рёскинъ примѣнилъ свою рѣдкую способность къ анализу къ вопросу о нравственномъ воспитаніи въ его юности. Онъ очень ясно и вѣрно указалъ на всѣ достоинства и недостатки своего воспитанія. Миръ, повиновеніе и вѣра—такова была нравственная атмосфера, окружавшая его дѣтство и юность; правдивости, честности и совершеннѣйшей корректности поведенія онъ выучился у своихъ родителей; домашняя жизнь заложила въ его душѣ основанія справедливости и вниманія къ людямъ. Такая нравственная атмосфера была, несомнѣнно, здоровой, но наврядъ ли возбуждающей. Она не давала, по его словамъ, „ничего для любви“ и „ничего для страданія“; „понятіе о справедливомъ и несправедливомъ, о добрѣ и злѣ, способность къ независимому дѣйствію оставались совершенно неразвитыми“<sup>1)</sup>. Такое нѣсколько расслабляющее спокойствіе не имѣло корректива школьной жизни. За исключеніемъ непродолжительнаго посѣщенія Рёскиномъ школы, его образованіе велось домашними учителями подъ тѣмъ же заботливымъ надзоромъ родителей. Онъ пользовался „личнымъ вниманіемъ“ искусныхъ учителей во всѣхъ отрасляхъ искусства и науки. Трудно рассчитать всѣ неудобства и удобства такой системы домашнего образованія. Вообще говоря, вѣроятно, слѣдуетъ радоваться тому факту, что юноша Рёскинъ избѣжалъ испытанія посѣщенія большихъ общественныхъ школъ въ то время, когда современныя понятія о гуманности еще не смягчили суровость механической дисциплины. Грубая несправедливость наврядъ ли уравнивается грубымъ чувствомъ товарищества; свергнуть такого впечатлительнаго мальчика, какимъ былъ Рёскинъ, въ этотъ образовательный омутъ, чтобы „изъ него выбили бессмыслицы“, чтобы онъ былъ „приведенъ къ уровню“, было бы глупостью—и здравый смыслъ и любовь не позволяла его родителямъ сдѣлать такую глупость. Та-

---

<sup>1)</sup> „Fors“—письмо Iiv.

кимъ образомъ Рёскингъ избѣжалъ обычной судьбы англійскихъ юношей, выходящихъ въ девятнадцатилѣтнемъ возрастѣ изъ „фабрикъ образованія“ свѣтскими людьми съ опредѣленными на всю жизнь навыками, идеями и общественными связями.

Слѣдствіемъ чрезмѣрно замкнутаго домашняго образованія было полное отсутствіе товарищей дѣтства въ работѣ и играхъ и преждевременное чрезмѣрное стремленіе къ искусству писателя. Надъ Рёскинымъ не было производимо такого невыносимаго давленія, которое едва не погубило Джона Стюарта Милля. Но одиночество и досугъ его дѣтства слишкомъ рано и слишкомъ быстро пробудили въ немъ жажду къ литературной дѣятельности. Уже въ шестилѣтнемъ возрастѣ у Рёскина появляется „графоманія“; еще раньше, чѣмъ онъ выучился писать, онъ начинаетъ копировать печатныя буквы; чтеніе книгъ и писаніе становятся его постоянной страстью. Первыми его произведеніями были повѣсти и романы съ длинными описаніями и моральными разсужденіями, въ подраженіе любимому его автору, миссъ Эджвортъ, иногда переполненными отступленіями о „гидравликѣ, пневматикѣ, акустикѣ, электричествѣ, астрономіи и минералогіи“. Съ восьмилѣтняго возраста имъ овладѣваетъ такая страсть къ рифмѣ и къ метрамъ, что большую часть своего досуга онъ употребляетъ на сочиненіе поэмъ, по содержанію довольно претенціозныхъ, какъ это указываетъ заглавіе одной изъ поэмъ, начатой Рёскиномъ, когда ему было всего девять лѣтъ отъ роду— „Эвдосія—поэма вселенной“. По мѣрѣ того, какъ онъ росъ, развивалась у него привычка давать въ литературной формѣ, главнымъ образомъ поэтической, точный отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ. Эта литературная дѣятельность Рёскина не уменьшалась и въ то время, когда онъ долженъ былъ по необходимости посвящать много времени на уроки. По-видимому, родители не препятствовали серьезно такому постоянному напряженію его умственной энергіи

и несомненно, что образованіе такой привычки къ неустанной умственной дѣятельности имѣло очень важныя послѣдствія въ его жизни.

Окруженный такимъ образомъ въ дѣтствѣ всей роскошью богатой семьи, состояніе которой замѣтно увеличивалось, пользуясь лучшими книгами, избранными произведеніями искусства, избранными учителями, постоянными заботами любящихъ родителей, совершая по временамъ интереснѣйшія путешествія, Рёскинъ изъ ребенка превращается въ молодого человѣка. Его душевный покой только одинъ разъ былъ серьезно нарушенъ: ранняя привязанность Рёскина къ юной гостьѣ дома, дочери французскаго компаньона его отца, была задумана въ самомъ зародышѣ благоразумными родителями, съ немалымъ ужасомъ открывшими, что ихъ баловень, котораго они предназначали для церкви съ тайной надеждой, что когда нибудь онъ будетъ епископомъ, готовъ на всегда отдать свое сердце католичкѣ. Разлука съ любимой дѣвушкой было первымъ горестнымъ событіемъ въ жизни Рёскина, и его душевныя и тѣлесныя страданія доказываютъ необыкновенную силу его эмоцій.

Среди различныхъ интересовъ, занимавшихъ Рёскина въ его дѣтствѣ—искусства, литературы, науки, путешествій, исторіи — мы не замѣчаемъ сколько нибудь опредѣленныхъ признаковъ направленія моральныхъ и умственныхъ силъ на общественную критику, которая потомъ привела бы его къ идеямъ общественной реформы. Въ Хернъ-Хилль не пріѣзжали государственные люди и экономисты, серьезные разговоры которыхъ возбуждали энтузіазмъ и развивали умъ юнаго Джона Милля, бывшаго до извѣстной степени предшественникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ Рёскина въ дѣлѣ соціальной политики. Отецъ Рёскина, довольствуясь политической философіей Скотта и Гомера, былъ столь непреклоннымъ и первобытнымъ тори, что тучи, собиравшіяся на политическомъ гори-

зонть, не возбуждали въ немъ ни интереса, ни страха. Рёскинъ—сынъ очень точно опредѣляетъ его политическія воззрѣнія, называя его „крайне ненавидящимъ радикаловъ и очень преданнымъ палатѣ лордовъ“<sup>1)</sup>. Англія въ то время, время борьбы за парламентскую реформу, переживала самый критическій моментъ современной политической исторіи, — а въ воспоминаніяхъ о домашней жизни въ Хернъ-Хиллѣ почти совсѣмъ не упоминается о политикѣ. Это мирное хозяйство почти совсѣмъ не допускало вліянія политическихъ событій, если оно не имѣло спеціально литературной или художественной окраски.

Немногіе посѣтители, проникавшіе въ это жилище „самодовлѣющаго покоя“, были, за исключеніемъ двухъ или трехъ художниковъ, дѣловыми знакомыми, и ихъ разговоры наврядъ ли могли сдѣлать общественныя воззрѣнія мальчика болѣе широкими. И тѣмъ не мене кажется, что юный Рёскинъ получилъ кое-какія свѣденія о характерѣ дѣловыхъ предпріятій именно изъ этого источника, потому что въ „Praeterita“ онъ рассказываетъ, что присутствуя на этихъ дѣловыхъ обѣдахъ, онъ составилъ себѣ „до чрезвычайности невысокое представленіе о комерческомъ духѣ“<sup>2)</sup>. Впечатлѣнія, получаемыя Рёскинымъ отъ внѣшняго міра, тоже не дали ему ничего, необходимаго для общественнаго воспитанія. Богатое лондонское предмѣстье почва, наименѣе благопріятная для роста искреннихъ общественныхъ симпатій. А кромѣ того Рёскины, повидимому, имѣли очень мало отношеній съ сосѣдями, какъ богатыми, такъ и бѣдными. Они не посѣщали ни театровъ, ни другихъ общественныхъ увеселеній и ихъ выходы, кажется, ограничивались посѣщеніями по воскресеньямъ скромной капеллы. У нихъ

---

1) „On the Old Road“—т. I. См. интересную вышѣтку Рёскина старшаго.

2) „Praeterita“, I.

было мало знакомыхъ, еще меньше друзей; „мой родители въ глубинѣ души не заботились ни о комъ на свѣтѣ, кромѣ меня“<sup>1)</sup>).

Даже во время путешествій по Англіи и континенту Рёскины интересовались исключительно ландшафтами, церквами, замками, произведеніями искусства; жизнь и нравы населенія имѣли для нихъ значеніе случайное и совершенно второстепенное.. Джонъ Рёскинъ, путешествуя по Бретани въ почтовой каретѣ, проѣзжалъ эту страну въ такое время, когда тамъ былъ голодъ и нищета дошла до небывалыхъ предѣловъ, когда положеніе народа начинало беспокоить даже и правящіе классы, такъ какъ оно вело къ вызываемымъ отчаяніемъ революціоннымъ вспышкамъ — и однако ничто не указываетъ, чтобы бѣдность и страданія народа, быстро шествующаго по пути къ безнадежному пауперизму или скоплявшагося въ грязныхъ зараженныхъ улицахъ новыхъ промышленныхъ городовъ, возбудили вниманіе путешественниковъ, вызывая въ нихъ глубокія симпатіи. Энгельсъ въ его сочиненіи: „Англійскіе рабочіе въ 1844 году“ даетъ ужасающую картину великаго „Коттонополиса“; а юношескія записи Рёскина ограничиваются простымъ замѣчаніемъ, что „Манчестеръ чрезвычайно непріятный городъ“<sup>2)</sup>).

Юношеской страстію Рёскина была Англія романтическихъ замковъ, кафедраловъ, прекрасныхъ рѣкъ и величественныхъ горъ. Можетъ быть, было и хо-

---

1) „Praeterita“. I.

2) Только позднѣйшіе опыты заставили Рёскина обосновать такой приговоръ; въ „Fors“ (IV) онъ говоритъ: „Манчестеръ, вообще говоря, не можетъ создать ни хорошаго искусства, ни хорошей литературы; даже качество его тканей ухудшается; онъ извратилъ самые существенные принципы политической экономіи, превративъ ихъ въ открытую ложь“. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что такая филиппика была вызвана предложеніемъ провести воду въ Манчестеръ изъ озера Тирльмеръ.

рошо, что безобразія и горести жизни не портили мечты его золотой юности. И однако, читая краснорѣчивыя нападенія и полныя состраданія къ людямъ рѣчи Рёскина, мы иногда чувствуемъ, что въ нихъ нѣтъ той полноты, той заключительной ноты, того личнаго опыта, которые даютъ такую выразительность и силу его словамъ о неодушевленной природѣ и объ искусствѣ. Часто мы встрѣчаемъ у него глубокую правду, и все таки чувствуемъ нѣкоторую нереальность; такого чувства у насъ не было бы, еслибы Джонъ Рёскинъ съ дѣтства находился въ близкомъ личномъ соприкосновеніи съ жизнью народныхъ массъ, права которыхъ на достойное существованіе онъ отстаивалъ столь энергично.

Самъ Рёскинъ ясно сознавалъ, что его знаніе мрачной стороны жизни было позднимъ. Говоря объ опытѣ первыхъ двадцати лѣтъ своей жизни, онъ замѣчаетъ: „Я никогда не видалъ смерти, я не принималъ никакого участія въ огорченіяхъ и заботахъ комнаты больного; я не видалъ никогда и никогда не представлялъ себѣ всѣхъ горестей безпомощной бѣдности“<sup>1)</sup>.

Это указаніе очень важно—оно доказываетъ, какъ поздно открылись предъ Рёскинымъ значеніе и полный смыслъ жизни.

5. Многимъ юношамъ по окончаніи пребыванія въ школѣ приходится сразу вступить въ битву за существованіе, пробивать себѣ дорогу въ дѣловомъ мірѣ, въ какой-нибудь профессіи, въ университетѣ и полагаться на свои собственные силы.

Но родители Джона Рёскина окружили его въ Оксфордѣ почти такими же заботами, какъ и дома. Мать его жила въ университетскомъ городѣ въ теченіе всего времени, когда онъ былъ тамъ; фигура его отца сдѣлалась знакомой обитателямъ Гай-Стрита. Выборъ коллегіи былъ важнымъ вопросомъ. Джонъ долженъ былъ всегда получать все, что только можно добыть забот-

---

<sup>1)</sup> „Practerita“, I.

ливостію и деньгами; онъ долженъ поступать непремѣнно въ коллегію Церкви Христовой; жизнь простаго коммонера даже въ такой аристократической коллегіи не достаточно хороша для него; онъ долженъ быть коммонеромъ—джентльменомъ, носить золотыя кисти и имѣть общеніе съ сыновьями знатныхъ людей. Хотя и предполагають, что подобное рѣшеніе было отчасти вызвано сомнѣніемъ въ способности Рѣскина выдержать вступительный экзамень, но самъ Рѣскинъ не скрываетъ того обстоятельства, что почтенный вино-торговецъ при всѣхъ его достоинствахъ былъ отчасти снобомъ и онъ очень юмористически отзывается о тайныхъ честолюбивыхъ надеждахъ своего родителя.

„Мой отецъ не любилъ слова коммонеръ—тѣмъ болѣе, что наши родственники были вообще не очень обыкновенны. Его гордость довольствовалась лично для себя и тѣмъ, что онъ былъ главой торговой фирмы, но въ своемъ сынѣ онъ видѣлъ способности, которыя не могутъ получить полнаго простора при торговлѣ хересомъ. Его идеаль о моемъ будущемъ—созданный имъ въ виду его полной увѣренности въ моей геніальности—состоялъ въ томъ, чтобы въ коллегіи я познакомился съ лучшимъ обществомъ, ежегодно получалъ всѣ первыя награды, и по окончаніи курса получилъ двойную награду; чтобы я женился на лэди Кларѣ Веръ-де-Веръ; чтобы я писалъ стихи, такіе же хорошіе, какъ Байронъ—только благочестивые; чтобы я произносилъ такія же краснорѣчивыя проповѣди, какъ Боссюэтъ—только протестантскія; чтобы я, наконецъ, въ сорокъ лѣтъ былъ епископомъ Винчестерскимъ, а въ пятьдесятъ—примасомъ Англіи“<sup>1)</sup>.

Къ счастью, Джонъ, кажется, не унаслѣдовалъ отъ отца такихъ наклонностей; правда, въ „Fors“ и въ другихъ книгахъ онъ иногда въ шутку сознается въ своемъ пристрастіи къ лордамъ, но иронія настолько

---

<sup>1)</sup> *ibid.*

очевидна, что она никого не обманула. Рёскинъ всегда хвастался, что онъ аристократъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но ни одинъ изъ знаменитыхъ людей Англіи настоящаго столѣтія не имѣлъ въ своей натурѣ меньшей дозы того качества, которое по мнѣнію Теккерера составляетъ самую сущность снобизма — „пошлаго удивленія къ пошлымъ предметамъ“.

Очень часто указывали на то обстоятельство (хотя вообще при этомъ указаніи не принимаютъ во вниманіе величину и доступность нашихъ университетовъ), что изъ людей, имѣвшихъ сильное вліяніе на умственное развитіе нашего вѣка, только немногіе получили образованіе въ Оксфордѣ или Кембриджѣ.

Болѣе справедливое сужденіе о методахъ нашего университетскаго образованія принимаетъ во вниманіе неспособность, проявляемую нашими университетами, открывать, поощрять и направлять спеціальныя таланты или гены юношей, вступающихъ въ академическія аудиторіи. Рёскинъ искренно любилъ Оксфордъ; проведенные имъ тамъ годы принесли ему много пользы и радости; но онъ любилъ его, какъ мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній, какъ пребываніе учености, какъ „домъ проигранныхъ дѣлъ“, а не какъ образовательное заведеніе, пригодное для современнаго англійскаго джентльмена. Рёскинъ и Матью Арнольдъ въ Оксфордѣ также, какъ Теннисонъ и Дарвинъ въ Кембриджѣ, получали свою лучшую умственную пищу совсѣмъ не отъ общепринятой рутинной системы образованія—ни одинъ изъ нихъ не искалъ и не получалъ академическихъ отличій за ортодоксальныя университетскія науки.

Открытіе грамматическихъ тонкостей, въ то время называемое ученостію, разсѣченіе историческихъ и философскихъ труповъ, безъ всякой серьезной попытки возродить духъ прошлаго или бросить свѣтъ на настоящее, не могли удовлетворить упорнымъ умственнымъ запросамъ такого молодого человѣка, какъ Рё-



скинѣ. Кое-чему онъ выучился изъ великихъ древнихъ книгъ, особенно у Платона, неувядаемая слава котораго всегда сіяетъ даже сквозь самые нелѣпые и самые неумѣлые методы его истолкованія, и у первыхъ великихъ историковъ, Городота и Фукидида; но университетъ рѣшительно не давалъ никакой помощи и никакого руководства къ развитію ума. Позже Рёскинѣ такимъ образомъ отзывался объ этихъ годахъ его жизни: „Оксфордъ выучилъ меня, насколько могъ, по латинѣ и по гречески; что касается до всего остального, то мой умъ во время, пока я былъ тамъ, пребывалъ въ состояніи горошины въ ея шелухѣ—и такимъ онъ оставался еще годъ или два послѣ моего выхода изъ университета“<sup>1)</sup>).

Признавая, что во всѣхъ извѣстныхъ сочиненіяхъ Рёскина встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ право думать, что онъ мало получилъ отъ того образованія, которое давали студентамъ университетскіе классы. Но повидимому, онъ очень усердно и даже съ жадностью занимался другими науками, кромѣ классиковъ, хотя его слабое здоровье и не позволило ему искать „почестей“ (ho pougs—ученыхъ степеней) въ школахъ. Онъ получилъ въ университетѣ единственную награду — Ньюдигатскую за англійскую поэму. Но непрямая, не академическая польза его пребывания въ Оксфордѣ была очень цѣнной. Общественное воспитаніе, получаемое отъ общенія съ многими разнообразными людьми различныхъ умственныхъ наклонностей, образованіе нѣкоторыхъ личныхъ привязанностей и атмосфера свободы и умственной дѣятельности были особенно полезны для этого юноши, получившаго домашнее воспитаніе. Начало сохранившейся на всю жизнь дружбы съ Генри Акландомъ, бывшимъ однимъ изъ піонеровъ въ дѣлѣ введенія современныхъ физическихъ наукъ

<sup>1)</sup> „Praeterita“, II.

въ университетѣ, привело Рёскина въ соприкоснове-  
ніе съ могущественнымъ научнымъ движеніемъ нашего  
времени и значительно расширило его умственный  
кругозоръ. Джонъ Рёскинъ не симпатизировалъ все-  
поглощающемуся религіозному движенію, въ то время  
собиравшему свои силы и въ скоромъ времени полу-  
чившему такое преобладающее господство въ Оксфор-  
дѣ, что оно смѣло приняло названіе „Оксфордскаго  
движенія“. Воспитанный въ шотландскомъ евангелиз-  
мѣ, онъ, повидимому, не испытывалъ еще въ то время  
возбужденія религіознаго чувства, довольно опредѣленно  
выразившагося нѣсколько лѣтъ позднѣе въ его любо-  
пытномъ трактатѣ: „Замѣтки объ устройствѣ овечьихъ  
загоновъ“ (Notes on the Construction of Sheepfolds) и  
проявлявшагося въ теченіе всей его жизни рядами  
концентрическихъ круговъ все болѣе и болѣе широ-  
каго религіознаго чувства. Интересы группы его ок-  
сфордскихъ друзей не увлекали его къ разсмотрѣнію  
важныхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ.  
Въ числѣ его товарищей въ Церкви Христовой были  
люди выдающихся умственныхъ способностей, но не  
было такого блестящаго кружка горячихъ молодыхъ  
людей, какой имѣлъ десять лѣтъ до-этого времени въ  
Кембриджѣ Теннисонъ; не было кружка, гдѣ

„Held debate, a band  
Of youthful friends, on mind and art  
And labour and the changing mart,  
And all the framework of the land“ 1).

Молодой Рёскинъ, кажется, получилъ очень прочныя  
убѣжденія по многимъ вопросамъ во время своего пре-  
быванія въ университетѣ; самыя раннія изъ его про-  
изведеній указываютъ на необыкновенно основательное  
знакомство не только съ техническими трактатами объ

---

1) Кучка юныхъ друзей спорила о духѣ и искусствѣ, о трудѣ и  
объ измѣнчивости рынка, и о всемъ общественномъ строѣ“.

искусствѣ, которымъ онъ главнымъ образомъ занимался, но и съ древней и новой исторіей и литературой и даже съ великими писателями по этикѣ и богословію. Но во всѣхъ этихъ раннихъ его мысляхъ и занятіяхъ не имѣется никакихъ признаковъ мысли о примѣненіи составленныхъ имъ взглядовъ на жизнь и искусство къ общественной реформѣ. Повидимому, во все время его студенческой жизни и нѣсколько лѣтъ послѣ выхода изъ университета у Рёскина не было никакихъ определенныхъ убѣжденій относительно экономическихъ золь и производимыхъ ими нищеты и бѣдствій — они еще не возбуждаютъ въ немъ духа возмущенія и протеста. Большую часть своего времени онъ посвящаетъ искусству, литературѣ и путешествіямъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, даже ненатуральнымъ. И однако, тутъ нѣтъ ничего страннаго. Широкія и поверхностныя общія черты экономической и политической жизни націи знакомы намъ съ такого ранняго возраста, что всякая личная оцѣнка ихъ можетъ откладываться на неопредѣленное время, если только наше образованіе не направлено спеціально къ такой оцѣнкѣ или если какое-нибудь сенсаціонное событие или сенсаціонный фактъ не разбудитъ наши дремлющія эмоціи. Въ юности Джона Рёскина и въ его воспитаніи не было ничего, что сосредоточило бы его любознательность на общественныхъ явленіяхъ, что возбудило бы въ немъ общественныя симпатіи. Всѣ условія его развитія — и отрицательное условіе: почти полное отсутствіе общественнаго опыта, и положительное: ранній и глубокій интересъ къ явленіямъ, далекимъ отъ общественной реформы — казалось, отстраняли его отъ миссіи, которую ему было предназначено исполнить и къ которой онъ подготовлялся вполне безсознательно.

---

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### Отъ искусства къ общественной реформѣ.

1. Различіе импульсовъ общественной реформы. 2. Позднее развитіе у Рёскина общественныхъ интересовъ и взглядовъ. 3. Неосновательное обвиненіе его въ непослѣдовательности мышленія. 4. Его точка отправления — любовь къ природѣ. Первые его труды по архитектурѣ. 5. Художественная доктрина въ „Современныхъ живописцахъ“. Реализмъ и идеализмъ. 6. Критерій въ искусствѣ—нравственная цѣль. 7. Нравственныя идеи суть истеченія Божества. 8. Первые слѣды общественныхъ взглядовъ Рёскина. 9. Въ „Современныхъ живописцахъ“ еще нѣтъ опредѣленнаго признанія общества. 10. Отношеніе архитектуры къ національной жизни и національному характеру. 11. Первые идеи о возвышеніи и паденіи націй—„Камни Венеціи“. 12. Переходъ отъ реформы въ искусствѣ къ социальной реформѣ. 13. Зачатки общественнаго протеста. 14. Политическая экономія искусства. 15. Рёскинъ начинаетъ свой крестовый походъ— „Unto this Last“. 16. Формальное отреченіе отъ художественной миссіи — „Munera Pulveris“. 17. Практическое примѣненіе социальной доктрины— „Time and Tide“. 18. Цѣль и характеръ „Fors Clavigera“ — Полное развитіе социальной доктрины Рёскина.

1 Если употреблять терминъ общественная реформа въ широкомъ его смыслѣ для обозначенія тѣхъ широкихъ измѣненій въ строѣ и дѣятельности общества, которыя имѣютъ своей задачей непосредствен-

ное и общее улучшение жизни человѣчества, въ отличіе отъ такой реформаціонной дѣятельности, которая стремится къ устраненію болѣе узкихъ и специфическихъ недостатковъ, то мы увидимъ, что общественные реформаторы доходятъ до такой общей реформаторской дѣятельности очень различными путями. Часто личный опытъ, поучающій человѣка о какомъ-нибудь конкретномъ злѣ, впервые пробуждаетъ въ немъ сознаніе объ общественной несправедливости и желаніе исправить ее; тогда пробуждается реформаторская энергія; она питается естественнымъ приливомъ силъ изъ различныхъ смежныхъ сферъ жизни, движеніе растетъ и человѣкъ, дѣятельность котораго сначала вызывалась просто стремленіемъ разрушить какую-нибудь плотину, припятствующую притоку воды въ его огородъ, становится лицомъ къ лицу съ могучимъ морскимъ теченіемъ. Такъ было съ такими людьми, какъ Кобденъ, лордъ Шафтсбюри и Коббетъ; необходимая связь близкихъ интересовъ и симпатій отвлекала ихъ отъ какого-нибудь отдѣльнаго дѣла на широкій путь филантропической государственной дѣятельности. Иначе бываетъ съ тѣми, которые, вступивъ на общественное поприще какъ профессиональные политики, начинаютъ различать за мелочами партійныхъ движеній, за тѣми законодательными и административными мелкими мѣрами, которыя узурпировали почетное названіе политики, болѣе глубокія потребности органической соціальной политики и серьезно принялись за болѣе серьезную политическую работу. Примѣромъ такихъ, людей можно считать Фокса и Гладстона. Существуютъ также общественные реформаторы *à priori*, вступающіе на поприще практическаго общественнаго служенія чрезъ ворота какихъ-нибудь общихъ философскихъ принциповъ. Утилитаристы школы Бентама и Милля и современные социалисты по большей части люди, пришедшіе къ общественной реформѣ путемъ дедукцій. Литера-

тура, искусство и теологія часто давали толчекъ, приводящій къ общественному протесту, сопровождаемому болѣе или менѣе опредѣленными предложеніями общественной реформы. Байронъ, Вордсвортъ, Шелли, Гуго, Уитманъ, Толстой и Ибсенъ даютъ намъ примѣры движенія свободныхъ литературныхъ силъ въ томъ же направленіи. Префаэлизмъ, Вагнеризмъ, и побочныя художественныя направленія натурализма и импрессионизма тоже имѣли широкія соціальныя развѣтвленія и дали не мало могучихъ пророковъ революціи или реформы. Самъ Вагнеръ, Бернъ Джонсъ и Моррисъ въ Англіи были одними изъ многихъ радикаловъ, возставшихъ противъ нѣкоторыхъ изъ характерныхъ особенностей современной цивилизаціи.

Что касается до вліянія теологіи, то я ограничусь указаніемъ на христіанскій социализмъ духовенства широкой церкви нашей страны въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія и на могущественный и все болѣе и болѣе распространяющійся духъ реформы, господствующій въ значительной части высокой англиканской церкви, въ католической церкви Австріи, Германіи, Франціи и Бельгіи въ настоящее время, не говоря уже о напряженной страстности протеста, одушевляющаго русскихъ сектантовъ, жертвующихъ жизнью для осуществленія въ своемъ общественномъ поведеніи духа первобытнаго христіанства, какъ они понимаютъ его.

2. Политика, какъ мы видѣли, не особенно интересовала Рёскина. Онъ самъ всегда называлъ себя „старымъ тори“ и дѣятельность механизма демократіи всегда была противна его инстинкту политическаго порядка. Радикальная философія Бентама, Аустина и утилитаристовъ составляла всегда предметъ его суроваго осужденія съ того времени, когда онъ обратилъ на нее свое вниманіе. Вообще нужно сказать, что его умъ естественно не былъ склоненъ къ

политическому мышленію; у него рано развилась своя собственная, довольно грубая интуитивная политика, основанная на естественной набожности, препятствовавшая ему пытаться объяснять личное или общественное поведеніе законами, открываемыми рационалистическимъ анализомъ. Можетъ показаться неизбѣжнымъ, что литература, современная годамъ его юности, должна была посѣять сѣмя протеста на такой благодарной почвѣ, какой была чувствительная натура Рёскина. Но мы не можемъ открыть слѣдовъ такого вліянія. Правда, онъ съ юныхъ лѣтъ любилъ Байрона, но его привлекалъ не байронизмъ, а проникновеніе Байрона въ природу. Дарованія Байрона онъ цѣнилъ очень высоко, даже, можетъ быть черезъ чуръ высоко: „изо всѣхъ вещей, входящихъ въ придѣлы человѣческаго мышленія, онъ сознавалъ факты, онъ съ замѣчательной точностью различалъ характеры“<sup>1)</sup>. Рёскинъ заимствовалъ у Байрона именно эту любовь къ фактамъ и удачное поэтическое выраженіе фактовъ въ словѣ, но онъ не могъ усвоить себѣ жгучаго и блестящаго цинизма и благородныхъ чувствъ великой души, протестующей противъ условности и безчеловѣчія общества.

Шелли никогда не имѣлъ надъ Рёскинымъ такой власти, какую онъ имѣлъ надъ такимъ могучимъ гениемъ, какъ Броунингъ; повидимому, онъ былъ для Рёскина тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и для Арнольда — „прекраснымъ, но безсильнымъ ангеломъ, тщетно махающимъ въ пустотѣ своими свѣтлыми крыльями“. Гуманизмъ Вордсворта вліялъ на Рёскина позже, хотя съ самаго начала поклоненіе поэта природѣ было для Джона Рёскина непрерывнымъ источникомъ наслажденія.

Краткій эскизъ внѣшнихъ условій юности Рёскина и порядка развитія его интересовъ, данный нами въ

1) „Praeterita“.

предыдущей главѣ, объясняетъ намъ то, повидимому, странное отсутствіе всякихъ признаковъ симпатіи ко всякому общественному движенію, которое составляло характерную черту Рёскина въ его юности.

Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ случаемъ запоздалаго эмоціональнаго или интеллектуальнаго развитія. Наоборотъ, чтеніе первыхъ трактатовъ Рёскина объ архитектурѣ или перваго тома „Современныхъ живописцевъ“ доказываетъ замѣчательную зрѣлость тонкаго эмоціональнаго анализа. Какимъ же образомъ случилось такъ, что человекъ, такъ много видѣвшій, такъ много и глубоко думавшій о различныхъ вопросахъ, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о такой дѣятельности, которую въ срединѣ своего жизненнаго поприща онъ самъ призналъ высшей своей миссіей? Отвѣтъ на такой вопросъ вполне ясенъ и убѣдителенъ. Джонъ Рёскинъ бывалъ иногда неостороженъ и экстравагантенъ въ выраженіяхъ, но онъ былъ глубокимъ и послѣдовательнымъ мыслителемъ; его мышленіе не было необходимымъ соотношеніемъ его раннихъ интересовъ направлено на изслѣдованіе общественно экономическаго строя и потому онъ и не имѣлъ какихъ либо опредѣленныхъ убѣжденій относительно этого строя.

Не будучи увлеченъ вслѣдствіе условій своего воспитанія и жизни волнами какого либо радикальнаго движенія въ политикѣ или философіи, онъ не былъ вовлеченъ соприкосновеніемъ съ другими энтузіастами въ торопливо составленныя или дешево пріобрѣтаемыя убѣжденія относительно основныхъ общественныхъ задачъ. И тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что именно его занятія природой, искусствомъ и исторіей посѣяли сѣмяна, много лѣтъ лежавшія глубоко въ землѣ, но предназначенныя вслѣдствіе необходимыхъ процессовъ мысли и чувства вырости и созрѣть въ идеалы его общественной доктрины.



3. Ни одинъ изъ великихъ писателей не проявлялъ такого презрѣнiя къ тому литературному искусству, которое обыкновенно употребляется для того, чтобы дать разсужденiямъ видъ послѣдовательности; ни одинъ такъ открыто и свободно не отрицалъ общепринятыхъ положенiй по самымъ важнымъ вопросамъ, какъ Рёскинъ и никогда люди не относились съ такимъ отсутствiемъ пониманiя и доброжелательства къ такой честной откровенности, какъ по отношенiю къ Рёскину. Такъ какъ Рёскинъ всегда старался оказать читателю величайшую изъ услугъ, какую только можетъ оказать ему мыслитель, дѣлая все имъ написанное „частью исповѣди“ автора, такъ какъ онъ выражалъ свои идеи и чувства въ ихъ естественномъ порядкѣ, безъ преувеличенiя въ формахъ и напряженности, то многiе изъ его критиковъ считали его мыслителемъ безсвязнымъ и непослѣдовательнымъ, руководившимся внезапными капризами чувства, лишеннымъ единства мышленiя и яснаго порядка развитiя мыслей. Полная неосновательность псдобныхъ обвиненiй очевидна для всякаго, кто потрудится прочесть главныя изъ его произведенiй въ хронологическомъ ихъ порядкѣ.

4. Такое изученiе его сочиненiй откроетъ даже въ первыхъ изъ нихъ извѣстные основные и первоначальные законы мышленiя и чувствованiя, которое позволятъ намъ разсматривать всю его послѣдующую дѣятельность въ ея настоящемъ свѣтѣ, какъ многообразное и гармоническое примѣненiе тѣхъ же принциповъ. Такой глубокой послѣдовательности нисколько не нарушаетъ измѣненiе взглядовъ, дающее новое освѣщенiе важнымъ вопросамъ, и трудность внести порядокъ въ выраженiе идей. Самъ Рёскинъ всегда сознавалъ, что именно эта трудность и составляетъ главную причину многихъ недоразумѣнiй. „Странно, говорилъ онъ, что мнѣ рѣдко удавалось высказать какое ни-

будь положеніе безъ нѣкоторой важной сшибки, хотя главное мое положеніе и было вѣрнымъ“<sup>1)</sup>).

Разумная и дѣятельная любовь къ природѣ, проявившаяся у Рёскина такъ рано, должна быть взята за точку отправления при справедливой оцѣнкѣ его дѣятельности. По времени и по силѣ она предшествовала у него интересу къ искусству. „Начало всей моей художественной дѣятельности въ жизни зависѣло не отъ моей любви къ искусству, а отъ любви къ горамъ и морю“—говоритъ онъ<sup>2)</sup>. Его дѣтскія занятія, собираніе камней—бывшее началомъ его занятій геологіей и металлургіей—его любовь къ дикимъ цвѣтамъ, изученіе рѣкъ, формы облаковъ и горъ, были не только дѣтской и юношеской страстью, а и главнымъ средствомъ развитія его ума. Въ то же время въ его литературномъ образованіи основательное изученіе силы и формъ словъ—этихъ единицъ, индивидуумовъ естественной исторіи литературы—положило основаніе абсолютной „точности дикціи и акцента въ прозѣ“,<sup>3)</sup> которую самъ Рёскинъ приписывалъ обученію, данному ему его матерью и которая была главной изъ его литературныхъ способностей. Какъ мы уже говорили, въ послѣдующее время Рёскинъ признавалъ своей главной способностью—способность къ анализу, и эта способность коренилась у него въ „терпѣливомъ наблюденіи и въ опредѣленности чувствованій“, отличавшихъ юнаго любителя природы. Не простая случайность, а вѣрный инстинктъ заставилъ Рёскина издать его первое значительное произведеніе съ псевдонимомъ *хатъ фѳири* („согласно природѣ“).

Было неизбѣжно, что внимательный наблюдатель природы, одаренный аналитическими способностями и

---

1) Письмо, цитируемое Коллингвудомъ, II.

2) *Eagl's Nest*.

3) „*Praeterita*,” II.

обратившій свое вниманіе на ортодоксальное искусство Англии пятьдесят лѣтъ тому назадъ, занялъ позицію радикальнаго реформатора. Рёскинъ, по натурѣ человекъ мирный и приверженецъ установленнаго порядка, вслѣдствіе условій времени и среды сдѣлался еретикомъ во всѣхъ вопросахъ, которые возбудили его интересъ. Самъ онъ только позднѣе открылъ глубокія причины болѣзни, дѣлавшей это неизбежною, но и съ самаго начала онъ долженъ былъ отмѣтить симптомы этой болѣзни во всѣхъ родахъ искусства.

„Сильный инстинктъ къ архитектурѣ“<sup>1)</sup>, заставившій его еще въ годы его студенчества выступить на поле битвы<sup>2)</sup>, любопытенъ какъ по заглавію сочиненія, такъ и по рѣзкимъ замѣчаніямъ автора относительно рабства архитектуры предъ узко понимаемыми принципами полезности. Это раннее сочиненіе Рёскина о „Поэзии архитектуры или архитектура европейскихъ націй, разсматриваемая въ связи съ національнымъ ландшафтомъ и національнымъ характеромъ“ — замѣчательно главнымъ образомъ тѣмъ, что оно содержитъ уже въ себѣ зародыши блестящаго изложенія пользы архитектуры для человечества въ „Семи лампахъ архитектуры“ и указываетъ, что Рёскинъ съ самаго начала признавалъ основаніемъ красоты и правильности въ архитектурномъ искусствѣ надлежащее приспособленіе матеріала къ истиннымъ жизненнымъ потребностямъ. Первый зародышъ его мысли, что реализмъ или изученіе жизненныхъ факторовъ и идеализмъ или пользование силой воображенія для созданія красивыхъ формъ, удовлетворяющихъ

---

1) *ibid.* I.

2) Первая статья Рёскина, напечатанная въ *Magazine of Natural History* (мар. 1834) и въ другихъ изданіяхъ, а также не изданная черновая рукопись, гдѣ излагаются главные идеи „Современныхъ живописцевъ“ въ формѣ отвѣта критика о картинахъ Тернера въ *Blackwood's Magazine*, указываютъ также на раннее проявленіе духа протеста противъ общепринятыхъ мнѣній.

эстетическому чувству, процессы не противорѣчащіе одинъ другому, а дополняющіе другъ друга—находится уже въ этомъ юношескомъ произведеніи Рёскина. Но въ немъ наврядъ ли можно открыть идею объ отношеніи между архитектурой и національнымъ характеромъ, развитую Рёскиномъ въ „Семи лампахъ“.

5. Мы уже указали на двухъ первыхъ учителей Рёскина—на Тёрнера и Томаса Карлиля. Принимая даже во вниманіе его энтузіазмъ и его поклоненіе героямъ, все же слѣдуетъ признать, что эти два человѣка имѣли главное значеніе въ опредѣленіи характера будущей дѣятельности Рёскина. Тёрнеръ былъ для него пророкомъ въ сферѣ искусства, а Карлиль пророкомъ соціальной реформы. Коллингвудъ въ его замѣчательномъ сочиненіи: „Жизнь и дѣятельность Джона Рёскина“ прослѣживаешь, какимъ образомъ у Рёскина сложились его убѣжденія о художественной правдѣ, какъ совершилось, такъ сказать, его обращеніе въ 1842 году, когда онъ созналъ истинную миссію искусства, какъ истолкователя природы въ ея глубокихъ атрибутахъ и мотивахъ при посредствѣ искренняго человѣческаго чувства. Такое убѣжденіе развилось у него подъ вліяніемъ отличительныхъ особенностей пейзажей Тёрнера. Коллингвудъ рассказываетъ, что съ того времени юный Рёскинъ отказывается отъ своихъ поэтическихъ стремленій, отъ своего артистическаго призванія, отъ надежды сдѣлаться человѣкомъ науки и беретъ на себя миссію „сказать міру, что искусство также, какъ и всѣ другія сферы жизни, имѣетъ своихъ героевъ, что главная пружина, главный мотивъ ихъ энергій-искренность, а главное содержаніе ихъ произведеній правда“. <sup>1)</sup>

Съ этого момента Рёскинъ начинаетъ свой первый

---

<sup>1)</sup> Коллингвудъ I.

крестовый поход<sup>1)</sup>. Ему было только двадцать три года, когда онъ написалъ первый томъ своего сочиненія. „Современные живописцы; ихъ превосходство въ ландшафтной живописи надъ всѣми старыми мастерами доказывается образцами истиннаго, прекраснаго и интеллектуальнаго въ произведеніяхъ современныхъ художниковъ, въ особенности Д. М. В. Тернера, эсквайра“.

Насъ здѣсь не занимаетъ эффектъ, произведенный этимъ сочиненіемъ въ мірѣ художниковъ; незначѣмъ намъ говорить о блескѣ стиля Рёскина и проявляемомъ имъ въ сочиненіи богатствѣ свѣденій съ искусствѣ. Насъ занимаетъ только ясное изложеніе основныхъ принциповъ художественной критики, которые въ послѣдствіи были примѣнены имъ и къ его социальнымъ ученіямъ. Въ этомъ первомъ томѣ „Современныхъ живописцевъ“, появившемся въ 1843 году, мы встрѣчаемъ вполне опредѣленно и энергично высказанныя три главныя правила, которыя Рёскинъ въ послѣдствіи переноситъ изъ сферы искусства въ узкомъ смыслѣ этого слова въ сферу искусства жизни. Всякое искусство должно основываться на терпѣливомъ, полномъ и подробномъ знаніи его фактическаго содержанія въ природѣ. Таково основаніе реализма, отсутствіе котораго составляетъ одно изъ двухъ главныхъ обвиненій Рёскина противъ большинства великихъ мастеровъ послѣ рафаэлевскихъ школъ въ Италіи и Англии. Выставляя это правило противъ репутацій такихъ крупныхъ мастеровъ, какъ Клодъ и Пуссенъ, Рёскинъ вскрываетъ смертный грѣхъ условности въ

---

1) „Современные живописцы“ справедливо считаютъ первымъ полнымъ изложеніемъ ученія Рёскина о художественной критикѣ, и характеръ этого ученія вполне оправдываетъ утвержденіе автора, когда онъ позже рассматривалъ свою жизненную дѣятельность съ болѣе широкой и человѣчной точки зрѣнія. „Современные живописцы“ отстаиваютъ право нижней природы на вниманіе къ ней человѣческаго сердца“ (Fors—письмо LXXVIII).

искусствѣ. Цѣль искусства не въ подражаніи, не въ обманѣ чувствъ, а въ томъ, чтобы говорить правду. Но должно ли искусство говорить всякую правду, буквально передавать всѣ отдѣльныя явленія внѣшняго міра? Итъ, такой реализмъ не искусство. Наоборотъ, искусство должно передавать идеалы. Природа служитъ этому идеализму, доставляя искусству идеи истины и красоты. „Идея правды есть основа всякаго искусства, а идея подражанія есть его разрушеніе“<sup>1)</sup>. Эти „идеи правды“ составляютъ существенную характеристику всего того, гдѣ все случайное или чисто индивидуальное исключается изъ типовъ. Намъ незачѣмъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, кто настоящій творецъ такого ученія объ идеяхъ—Локкъ или Платонъ; но важно указать на то, что подобныя идеи, строго говоря, утопическія (потому что подобно платоновскимъ идеямъ „онѣ не существуютъ на землѣ и если и существуютъ гдѣ либо, то только на небесахъ“) составляютъ настоящее содержаніе художественной дѣятельности. Первая цѣль искусства и состоитъ во внесеніи этихъ специфическихъ формъ въ пейзажъ. Въ предисловіи ко второму изданію этого тома мы находимъ болѣе зрѣлое изложеніе этой основной доктрины; въ немъ мы находимъ также болѣе опредѣленно выраженнымъ второе изъ обвиненій Рёскина противъ послѣ рафаэлевскихъ школъ съ одной стороны, и противъ голландской школы съ другой. Если первая обобщала столь широко, что уничтожали всякую специфическую правду, создавая деревья, не принадлежація ни къ одному изъ извѣстныхъ въ природѣ видовъ, скалы, не существующія на землѣ, то послѣдняя переполняетъ свои картины мелкими и ничтожными деталями. Рёскинъ настаиваетъ на томъ, что существуетъ идеальная форма всякой травы, всякаго цвѣтка, всякаго дерева—это „та форма, къ которой стремится вся-

---

<sup>1)</sup> „Современные живописцы“ т. I.

кій принадлежацій къ виду индивидъ, свободный отъ вліянія случайности или болѣзни“<sup>1)</sup>). И далѣе: „всякая травка, всякій полевой цвѣточекъ обладаютъ своей отдѣльной специфической и совершенной красотой, они имѣютъ свою особую среду, особыя выраженія и функцію. Высшимъ искусствомъ будетъ то, которое схватываетъ это специфическое свойство, развиваетъ и уясняетъ его, даетъ ему его надлежащее мѣсто въ ландшафтѣ и при посредствѣ этого возвышаетъ и усиливаетъ то впечатлѣніе, которое должна произвести картина“.<sup>2)</sup> Болѣе полно это ученіе объ идеализмѣ въ искусствѣ изложено во второмъ томѣ „Современныхъ живописцевъ“, изданномъ нѣсколько лѣтъ позднѣе; тамъ функціи воображенія въ искусствѣ излагаются подробнѣе и болѣе зрѣло, но существенныя черты ученія находятся уже въ первомъ изъ замѣчательныхъ произведеній Рёскина.

6. Еще важнѣе было признаніе Рёскинымъ съ самаго начала его литературной дѣятельности нравственной цѣли критеріемъ искусства, мѣриломъ для оцѣнки идей и вмѣстѣ съ тѣмъ основой эстетическаго вкуса. „Картина, которой идеи многочисленнѣе и наиболѣе благородны, хотя бы выраженіе ихъ и было неудачнымъ, выше и лучше такой, въ которой идей менѣе и онѣ менѣе благородны, хотя бы выраженіе ихъ и было прекрасно“<sup>3)</sup> — таково было смѣлое заявленіе молодого художественнаго критика. И далѣе—„совершенный художественный вкусъ есть способность получать наибольшее возможное наслажденіе отъ тѣхъ вещественныхъ источниковъ, которые привлекательны для нашей нравственной природы по ихъ чистотѣ и совер-

---

1) „Modern Painters“—предисловіе, XXVI.

2) *ibid*, XXX.

3) *ibid*, томъ I.

шенству“<sup>1)</sup> и „идеи красоты суть объекты не умственного, а нравственного воспріятія“<sup>2)</sup>).

Болѣе полное изложеніе во второмъ томѣ, гдѣ авторъ вскрываетъ существенно моральное и религіозное основаніе „специфическихъ идей“ въ природѣ съ одной стороны и силы воображенія художника съ другой, представляетъ только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же понятій.

Однимъ словомъ, въ качествѣ художественнаго критика Рёскинъ съ самаго начала проявляетъ органическое соединеніе способностей реалиста, идеалиста и моралиста, проявляетъ воображеніе, работающее на интеллектуальной и эмоціональной основѣ точнаго знанія дѣйствительности подъ высшимъ контролемъ духовныхъ силъ.

Высказавъ положеніе, что искусство есть представленіе вѣрныхъ и достойныхъ идей, открываемыхъ въ природѣ проникновенной и творческой силой воображенія, Рёскинъ никогда не уклонялся отъ такого положенія. Онъ постоянно шелъ впередъ, не покидая земли, но съ головой въ облакахъ, въ своемъ вѣчномъ исканіи проблесковъ блаженнаго небеснаго свѣта.

Такимъ образомъ человѣчность становится и мѣриломъ и цѣлью искусства. Въ послѣдующихъ томахъ „Современныхъ живописцевъ“ онъ постоянно настаиваетъ на этомъ положеніи. Простой реализмъ, т. е. точное изображеніе естественной правды, не есть искусство, достойное этого имени. „Всякое искусство, не имѣющее отношенія къ человѣку, низшее или ничтожное искусство. Всякое же искусство, которое проявляетъ непониманіе человѣка или низкія мысли о немъ, есть искусство ложное или низкое“<sup>3)</sup>. Оправданіе искусства—въ услугахъ, оказываемыхъ имъ чело-

1) *ibid.*

2) *ibid* и томъ II.

3) „*Modern Painters*“, V.



вѣчеству. „Различіе между великимъ и низкимъ искусствомъ состоитъ всецѣло въ благородствѣ цѣли, на которую направляетъ художникъ свои усилія... Такъ что настоящая художественная критика никогда не можетъ состоять въ простомъ примѣненіи правилъ; она можетъ быть справедлива только въ томъ случаѣ, если основывается на живой симпатіи съ безчисленными инстинктами и измѣняющимися усиліями человѣческой природы, если очищается и охраняется неизмѣнной любовью ко всему, что Богъ создалъ прекраснаго, ко всему, что признается благомъ“<sup>1)</sup>.

Такое соотношеніе искусства съ требованіями человѣческой жизни имѣетъ неразрывную связь съ оцѣнкой двухъ великихъ источниковъ всякой художественной дѣятельности. Греція, благодаря ея искренности, ея сознанию самодостаточности природы и человѣческой жизни, ея любви къ гармоніи и порядку въ личной и гражданской жизни, создала наиболѣе совершенныя формы искусства въ опредѣленныхъ классическихъ границахъ, какъ наиболѣе вѣрное представленіе фактовъ и идей. Но тамъ не было соответствующаго такому совершенству формъ духовнаго развитія человѣка. „Греки открыто принимали жизнь, какъ создали ее боги и наслаждались ей. Небо грека на землѣ. Если и существуетъ другой міръ, то грекъ насколько возможно избѣгаетъ мысли о немъ. Смерть для него только грустная необходимость; у него нѣтъ мысли о приготовленіи къ такой необходимости—мысли, которая повліяла бы на сознаніе долга въ настоящемъ. Правда, что грека посѣщаетъ иногда мысль о судьбѣ; но судьба не ви́шній законъ, а только часть жизни грека. По большей части его боги суть обожествленные люди и, какъ люди, или равнодушны или ихъ можно умилоствивить“<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> idem. III.

<sup>2)</sup> „A Disciple of Plato“—Вильяма Смарта: очень ясное изложеніе ученія Пѣскаиа.

Такіе искренніе, но ограниченныя взгляды на жизнь не могли удовлетворять Рёскина, никогда не сочувствовавшаго открыто языческому положенію, занятому современными эстетамы. Готическое искусство, живопись и архитектура, вдохновляемая христіанствомъ, давали то, чего не было у грековъ—глубокую серьезность, сознание тайны и духовную борьбу. Красота, какъ „выраженіе творческаго Духа вселенной“, передавалась въ греческомъ искусствѣ недостаточно. потому что слишкомъ конечно. Образцовыя произведенія готическаго искусства рѣдко достигали, если вообще достигали когда либо, совершенства формъ величайшихъ произведеній Греціи, но они свидѣтельствуютъ о божественности человѣка; они отъ природы обращаются къ человѣчности; въ нихъ выражаются болѣе глубокіе и возбуждающіе взгляды на жизнь; они присутствіемъ въ нихъ духа освящаютъ обычныя вещественныя факты. „Готическая архитектура всегда была архитектурой какъ церкви, такъ и таверны; такимъ образомъ домъ Божій и домъ человѣка находится въ неразрывной связи“.

Такимъ образомъ сущность художественной теоріи Рёскина состоитъ въ томъ, что искусство должно служить человѣчеству изображеніемъ благородныхъ идей. Техника искусства есть только его орудіе, а не сущность.

„Существенная характерная черта моихъ книгъ, моихъ опытовъ объ искусствѣ состоитъ въ томъ, что я привожу все искусство къ его основѣ въ человѣческихъ страстяхъ и человѣческихъ надеждахъ. Всякій установленный мной принципъ въ живописи приводится къ какому-нибудь жизненному или духовному факту; въ моихъ произведеніяхъ объ архитектурѣ предпочтеніе, оказываемое мной одной школѣ надъ другой, основывается на сравненіи ихъ вліянія на жизнь работника—этотъ вопросъ совершенно забывается или игно-

рируется всѣми авторами, писавшими объ архитектурѣ“<sup>1)</sup>.

Въ этомъ указаніи на вліяніе работы на жизнь работника мы видимъ уже главный мотивъ позднѣйшаго общественнаго ученія Рёскина.

7. Говоря о нравственномъ мѣрилѣ идей у Рёскина, необходимо помнить, что онъ основывается не на этикѣ, а на теологіи; нравственное чувство не есть самодовлѣющая и самосуществующая сущность, оно есть истечение Божества. Религіозный тонъ изложенія въ „Современныхъ живописцахъ“ обусловливается не общимъ ортодоксальнымъ признаніемъ власти Божества въ міровомъ порядкѣ; тѣмъ менѣе можно считать его чисто литературнымъ выраженіемъ юношеской набожности автора. Это скорѣе первое обдуманное и философское утвержденіе той доктрины о теократическомъ правленіи природой и человѣческой жизнью, которая оставалась постояннымъ и руководящимъ принципомъ всей дѣятельности Рёскина и была, какъ мы увидимъ дальше, его доминирующимъ представленіемъ о здоровомъ общественномъ порядкѣ. Несомнѣнно, что въ первыхъ заявленіяхъ Рёскина объ этомъ вѣрованіи мы видимъ суровый энтузіазмъ, отличавшій его предковъ кальвинистовъ и напоминающій намъ извѣстный шотландскій „Краткій катехизисъ“. „Полезность и функція человѣка состоитъ въ томъ, чтобы свидѣтельствовать о славіи Божіей и поддерживать эту славу разумнымъ повинованіемъ и счастіемъ, какъ слѣдствіемъ такого повинованія—и пусть тѣ, которые не признаютъ положенія, не читаютъ меня дальше, ибо я намѣренъ всегда слѣдовать ему“<sup>2)</sup>

Во время пребыванія Рёскина на континентѣ въ 1845 году онъ переживаетъ душевную борьбу; онъ

<sup>1)</sup> „Modern Painters“, V.

<sup>2)</sup> idem, II.

разсказываетъ въ одномъ интересномъ мѣстѣ своей книги „Praeterita“, что въ теченіи лѣта этого года, проведеннаго имъ главнымъ образомъ въ небольшой альпійской деревнѣ Макуньяна, онъ „началъ изслѣдованія, приведшія его къ плодотворнымъ мыслямъ и отвлекшія его отъ тогдашнихъ пассивныхъ ощущеній жизни артиста и натуралиста“<sup>1)</sup>.

Теологія второго тома „Современныхъ живописцевъ“, появившагося въ 1846 году, указываетъ на большую зрѣлость нравственнаго и религіознаго энтузіазма этого періода его жизни. Теологія Барроу и Гукера и горячая набожность Джоржа Герберта овладѣли его душой во время его странствованій по Швейцаріи въ 1844 г., а въ 1845 году его поклоненіе итальянскимъ мастерамъ живописи и архитектуры двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ укоренили въ немъ идею о нравственности, какъ основѣ искусства. Такъ какъ искусство существуетъ для человѣка и его величіе состоитъ въ томъ, что оно служитъ человѣку, то и значеніе всѣхъ великихъ художественныхъ произведеній должно имѣть своимъ источникомъ величіе самого художника. Тутъ мнѣніе Рёскина совпадаетъ съ мнѣніемъ Карлиля; искусство есть внушеніе, вдохновеніе; „ему нельзя выучиться, его нельзя пріобрѣсти, оно есть выраженіе созданнаго Богомъ великаго человѣка; какъ вы ни учите, ни проповѣдуйте, какъ вы ни работаете, всегда останется различіе между способностями отдѣльныхъ людей—эта Богомъ данная способность безцѣнна и во всякое время встрѣчается въ мѣрѣ рѣдко“<sup>2)</sup>.

8. Обращаясь къ понятію Рёскина объ истинной общественной системѣ, мы увидимъ, какимъ образомъ такое поклоненіе героямъ въ искусствѣ примѣняется и къ болѣе широкому искусству общественной жизни.

<sup>1)</sup> „Praeterita“, II.

<sup>2)</sup> „Modern Painters“, III.

Рѣдкость великихъ художниковъ и безцѣнность ихъ произведеній— „ибо различіе между всѣмъ неизящнымъ и изящнымъ безконечное, непредѣльное“<sup>1)</sup> — составляетъ необходимое основаніе для введенія Рѣскинымъ въ порядокъ общественной жизни понятія аристократіи. Одно письмо, написанное Рѣскинымъ въ 1845 году, указываетъ, что такой мотивъ быстро увлекъ его къ исполненію миссіи, болѣе широкой, чѣмъ защита Тернера и современной школы пейзажистовъ. „Я не могу сочувствовать вашимъ надеждамъ на поднятіе англійскаго искусства посредствомъ живописи fresco. Не матеріаль и не пространство могутъ дать вамъ идеи, страсти и силу. На стѣнахъ нашей академіи я вижу только низменное въ небольшихъ картинахъ и отвратительное въ большихъ. Намъ недостаетъ не любви къ фреско, а любви къ Богу и Его созданіямъ; намъ недостаетъ смиренія, милосердія, самоотверженности и поста; необходимо полное измѣненіе характера. Вамъ нужны не стѣны, не полотна, не краски, — *ça ne fait rien à l'affaire*; вамъ нужны Джіотто, Гирландайо и Анжелико и этого вамъ будетъ не доставать и должно не доставать до тѣхъ поръ, пока это отвратительное девятнадцатое столѣтіе не испуститъ... не скажу, своего послѣдняго вздоха—а своего послѣдняго пара“<sup>2)</sup>. Тутъ мы видимъ уже первые проблески болѣе широкихъ общественныхъ идей Рѣскина.

Несомнѣнно, что мы можемъ считать опредѣленные моральные и религіозные взгляды Рѣскина въ этотъ періодъ его жизни переходомъ отъ эстетической критикѣ къ критикѣ общественной. Для молодого человѣка съ широкими симпатіями и расположеніемъ къ анализу обдумываніе глубокихъ религіозныхъ вопросовъ неизбежно должно было завершиться отрицаніемъ всякой ортодоксіи. Самъ Рѣскинъ считалъ необходимымъ со-

---

1) „Queen of the Air“.

2) „Life and Work“—Коллингвуда.

общить намъ, какъ онъ въ 1845 году въ первый разъ „нарушилъ субботу“, взойдя на холмъ за церковью. Дѣйствительно, создаваемые руками храмы начинаютъ утрачивать для него ихъ прежнее значеніе и онъ постепенно доходить до болѣе общаго понятія о церкви, основанной на глубокой гармоніи духовныхъ убѣжденій, до идеи о соединеніи всѣхъ протестантовъ, предлагаемомъ имъ въ его памфлетѣ 1851 года: „Замѣтки о постройкѣ овчарень“. Его широкій протестантизмъ былъ только переходной стадіей развитія, на которую самъ Рёскинъ позже смотрѣлъ съ презрѣніемъ <sup>1)</sup>, но онъ указываетъ на постепенное освобожденіе мысли. Рёскинъ былъ еретикомъ въ живописи, архитектурѣ и геологій, а теперь онъ становится для его родителей и для его друзей еретикомъ и въ религіи.

9. Во всѣхъ этихъ первыхъ произведеніяхъ Рёскина о философіи и практикѣ искусства и объ его отношеніяхъ къ нравственности и религіи мы не встрѣчаемъ опредѣленнаго представленія о значеніи общественныхъ вопросовъ. Во второмъ томѣ „Современныхъ живописцевъ“, при всей замѣчательной широтѣ его содержанія, мы не встрѣчаемъ указанія на общество, какъ объектъ искусства и творчества. Правда, что мы находимъ здѣсь краснорѣчивое признаніе человѣчества. Глава „о жизненной красотѣ человѣка“ представляетъ, можетъ быть, первое ясное указаніе на глубокое недовольство Рёскина положеніемъ человѣка, какъ существа физическаго и нравственнаго. Настоящій идеаль человѣческой природы есть объектъ страстнаго убѣжденія и можетъ быть достигнуть искусствомъ посредствомъ „уничтоженія непосредственныхъ знаковъ грѣха на лицѣ и тѣлѣ“. Сила,

<sup>1)</sup> См. напр. его первое „письмо объ итальянскомъ вопросѣ“ (написано въ іюнь 1859 г. и перепечатано въ „Arrows of the Chase“, т. II). Тутъ Рёскинъ ясно говоритъ объ узости и надменности протестантизма.

дающая воображенію художника возможность исполнить его миссію, есть любовь. „Только любовь может читать, только симпатія может уловить звук“. Но при этомъ Рёскинъ имѣетъ въ виду только личность. Когда онъ говоритъ, „во всякомъ лицѣ окружающихъ насъ людей есть идеаль“, онъ все таки не примѣняетъ такой идеализмъ къ человѣку коллективному. Потому въ „Современныхъ живописцахъ“ мы находимъ идеалы неорганической природы, растительной и животной жизни въ ихъ различныхъ видахъ и человѣка, какъ индивидуума, но не идеаль человѣчества.

И однако уже попадаются проблески сознанія истины объ отношеніи труда къ человѣку. Пафлетъ о „Префаэлизмѣ“, написанный въ 1851 году, начинается такой замѣчательной сентенціей: „съ большой увѣренностью можно доказать, что Богъ не хотѣлъ, чтобы человѣкъ въ этомъ мірѣ жилъ безъ труда; но миѣ представляется не менѣе очевиднымъ, что Онъ хотѣлъ, чтобы всякій былъ счастливъ въ своемъ трудѣ“. Хотя въ этомъ изреченіи уже содержится все то, что выражено въ позднѣйшихъ энергичныхъ изреченіяхъ Рёскина: „жизнь безъ труда есть воровство, а работа безъ искусства есть скотство“ — но авторъ еще далекъ отъ того негодованія, которое дѣлаетъ его эпиграмы столь выразительными и сильными.

Болѣе широкое примѣненіе „евангелія труда“ пока остается скрытымъ отъ Рёскина; пока все его мышленіе поглощено вопросами искусства. И однако, несомнѣнно, что только благодаря своему изученію искусства Рёскинъ дошелъ до признанія необходимости соціальной реформы.

10. Приступивъ къ изученію исторіи архитектуры и живописи съ убѣжденіемъ, что „впечатленіе красоты съ одной стороны не есть чувственное, а съ другой не интеллектуальное, а зависитъ отъ чистаго, справедливаго и откровеннаго стремленія сердца къ ея правдѣ

и напряженности“<sup>1)</sup>), Рёскингъ долженъ былъ по необходимости сдѣлать нѣкоторые выводы о вліяніи политическихъ и экономическихъ учрежденій и обычаевъ на характеръ искусства. Ни въ чемъ характеръ и жизнеспособность народа не выражается такъ замѣтно, въ такихъ разнообразныхъ формахъ, такъ выразительно и такъ бессознательно, а потому самому и такъ вѣрно, какъ въ архитектурѣ. Разсматривая храмы, дворцы и дома, какъ памятники національнаго характера, Рёскингъ неизбежно долженъ былъ бросить новый свѣтъ на значеніе исторіи.

Примѣняя свои нравственные принципы искусства къ исторіи этой отдѣльной ея отрасли, Рёскингъ пришелъ къ глубокимъ размышленіямъ о нравственныхъ причинахъ, управляющихъ судьбой націй и опредѣляющихъ ихъ возвышеніе и паденіе. Сочиненіе, въ которомъ излагаются эти размышленія, „Семь лампъ архитектуры“, написано въ 1848 году и хотя Рёскингъ недавно женился, имѣлъ свой собственный покойный домъ и не потерялъ отъ грубыхъ ударовъ этого бурнаго года, хотя ничто еще не нарушало его покоя, но сочиненія Карлиля уже начали вызывать неясныя движенія въ глубинахъ его души и онъ, полный мрачныхъ предчувствій, писалъ въ это время: „наступающіе годы торжественны и полны тайны; зло, противъ котораго намъ придется бороться, растетъ подобно морскому приливу. Теперь не время для бездѣлья метафизики или для занятія искусствомъ. Земныя проклятія становятся все болѣе и болѣе громкими, земныя несчастія съ каждымъ днемъ становятся тяжелѣе“<sup>2)</sup>).

11. „Камни Венеціи“ — сочиненіе, начатое имъ въ 1849 году, представляетъ уже замѣтный прогрессъ его соціальной доктрины. Тутъ Рёскингъ уже окончательно

---

1) „Modern Painters“, II.

2) „Life and Work“ — Коллингвуда, I.



пристѣпаетъ къ конкретному уясненію своей теоріи о зависимости національнаго искусства отъ національнаго характера.

„Камни Венеціи отъ начала до конца преслѣдуютъ только одну цѣль: показать, что готическая архитектура Венеціи выросла изъ чистой національной вѣры и изъ семейныхъ добродѣтелей націи и проявила эти черты во всѣхъ своихъ деталяхъ, и что наоборотъ архитектура Возрожденія выросла изъ скрытаго состоянія національнаго безвѣрія и семейной распущенности и въ своихъ характерныхъ чертахъ отразила эти свойства націи“<sup>1)</sup>.

Венеція, какъ изолированный примѣръ національнаго развитія въ искусствѣ, торговлѣ и въ политическомъ строѣ, должна была непосредственно уяснить для Рёскина положеніе Англіи, страны, руководящейся той же дурной гордостью поклоненія Мамону, которая погубила и невѣсту Адриатики, и очевидно погрузившейся въ тоже болото ослабляющаго и унижающаго матеріализма. Рёскинъ самъ указываетъ съ полной ясностью, какое воспитательное значеніе имѣло для него это изученіе. Въ одномъ мѣстѣ въ „Praeterita“ онъ говоритъ, что произведенія Тинторета заставили его изучать судьбу венеціанской республики, а „это вынудило меня приступить къ изученію исторіи Венеціи и благодаря такому изученію, я пришелъ къ изслѣдованію законовъ національной силы и національной доблести“<sup>2)</sup>.

12. Въ прежнихъ книгахъ и лекціяхъ Рёскина встрѣчаются мѣста, въ которыхъ авторъ, повидямому, настаиваетъ на нравственномъ характерѣ художника, какъ на существенно необходимомъ условіи истинной художественной дѣятельности. Но въ послѣдствіи его болѣе зрѣлое мышленіе заставило его придавать большее зна-

---

1) „Crown of Wild Olive“.

2) „Praeterita“ I.

ченіе общественной, а не личной нравственности, такъ какъ онъ началъ сознавать все могущество наслѣдственности, традицій и непосредственной общественной поддержки, получаемой личностью отъ духа времени и отъ учреждений. Настоящее его ученіе онъ выразилъ въ слѣдующемъ общемъ положеніи: „если нація здорова, счастлива, чиста въ ея наслажденіяхъ, честна въ ея дѣйствіяхъ и широка въ ея симпатіяхъ, то и ея искусство будетъ исходить и распространяться въ ней и вокругъ нея столь же свободно, какъ пѣна бьетъ изъ фонтана; но если источникъ жизни націи не чистъ, если теченіе ея загрязнено, то вы не получите чистой струи никакими трактатами о математическомъ строеніи пузырьковъ газа“<sup>1)</sup>).

Это ясное и развивающееся признаніе органической связи между искусствомъ и національнымъ характеромъ послужило для Рёскина переходомъ отъ его художественной миссіи къ миссіи общественной.

Какимъ путемъ можно очистить источники жизни современной англійской націи, чтобы для Англии снова было возможно истинное національное искусство? Какія пятна въ поведеніи и характерѣ должны быть смыты, какіе пороки и дефекты соціального порядка должны быть устранены, чтобы въ искусствѣ расцвѣла истинная національная жизнь?—Таковы вопросы, занимающіе теперь Рёскина. Прочтите въ „Семи лампахъ“ главу о „Характерѣ готики“—и вы найдете тамъ въ зародышѣ весь процессъ его общественной доктрины. Прочтите его „Камни Венеціи“—и весь его планъ общественной реформы представится вамъ неизбѣжнымъ.

13. Самымъ раннимъ выраженіемъ общественнаго протеста у Рёскина были его рѣзкія нападенія на вульгарный матеріализмъ, на „извращенную, паупе-

1) „On Old Road“, т. I. Ср. Лекціи объ искусствѣ.

ризованную цивилизацію“<sup>1)</sup> на современные чисто механическія понятія о прогрессѣ. Филиппики Карлиля противъ общества возбуждали симпатіи Рёскина; начиная съ перваго ихъ знакомства въ 1850 году, онъ можетъ считаться ученикомъ Карлиля. Въ 1851 году онъ не могъ присоединиться къ хору самовосхваленій, начавшемуся въ Англии по поводу апофеоза промышленности на выставкѣ, и издатель одного промышленнаго журнала былъ настолько проникателенъ, что уже въ то время открылъ признаки того, что Рёскинъ „враждебно относится къ священнымъ и неприкосновеннымъ интересамъ“.

Но прошло еще нѣсколько лѣтъ до того времени, когда его общественные взгляды приняли окончательно форму критики и протеста.

Въ 1855 году мы встрѣчаемъ впервые указаніе на серьезное вниманіе Рёскина къ экономическимъ вопросамъ. Въ этомъ году онъ съ нѣкоторою самоувѣренностью замѣчаетъ: „мои изученія въ области политической экономіи заставляютъ меня думать, что никто ничего не знаетъ о ней; въ настоящее время я занятъ совершенно самостоятельными изслѣдованіями о свойствахъ денегъ, ренты и налоговъ въ абстрактной ихъ формѣ; эти изслѣдованія часто не даютъ мнѣ спать по ночамъ“<sup>2)</sup>.

Можетъ быть, именно эти экономическія изысканія Рёскина заставили его заинтересоваться различными филантропическими планами образованія рабочихъ классовъ и онъ принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. Въ 1854 году онъ читалъ лекціи рабочимъ декоративной промышленности, въ томъ же году начались его отношенія съ коллегіей рабочихъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Фредерикомъ Денисономъ Маурисомъ сдѣлалъ довольно удачную попытку войти въ близкія отношенія съ ра-

---

1) „Modern Painters“, II.

2) „Life and Work“—Коллингвуда. II.

бочими. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ усердно посѣщаетъ рисовальныя классы и даже послѣ того, какъ онъ прекратилъ свои лекціи, сохраняетъ интересъ къ этому дѣлу. Эти опыты Рёскина также, какъ изданіе имъ простыхъ учебниковъ, вродѣ „Начатковъ рисованія“ (1856) и „Начатковъ переспективы“ (1859) могутъ считаться доказательствомъ, что онъ еще не отказался отъ надежды въ возможность возрожденія искусства среди народа безъ радикальнаго измѣненія существующаго общественнаго и промышленнаго строя.

14. Результаты изученія Рёскинымъ политической экономіи получили болѣе опредѣленную форму въ 1857 году, когда, приглашенный читать лекціи на художественной выставкѣ въ Манчестерѣ, онъ избралъ тему „политическая экономія искусства“. Эти лекціи, позже вошедшія въ составъ книги: „A joy for Ever“, представляютъ первое изложеніе Рёскинымъ существенныхъ недостатковъ торговой конкуренціи по отношенію къ производству и распредѣленію того рода богатства, которое называется художественными произведеніями. Здѣсь въ первый разъ у Рёскина мы встрѣчаемъ социалистическое положеніе, что государство обязано давать образованіе, организовать и всячески экономизировать художественныя силы націи для того, чтобы получить и сохранить для общаго пользованія возможно большее количество лучшихъ произведеній искусства. Многіе изъ плановъ, вполне развитыхъ Рёскинымъ въ послѣдующіе годы, уже намѣчаются въ этихъ лекціяхъ, какъ напримѣръ устройство корпоративныхъ ремесленныхъ гильдій, регулирующихъ каждую изъ промышленностей, въ которой требуется искусный трудъ. Хотя въ этихъ лекціяхъ мы и находимъ уже зародыши наиболѣе „революціонныхъ“ доктринъ Рёскина, мы еще не имѣемъ основанія полагать, чтобы авторъ сознавалъ полное значеніе вытекающихъ изъ нихъ логически выводовъ. Глубоко

укоренившаяся привязанность къ существующему порядку и еще болѣе глубоко укоренившіеся недовѣріе и страхъ къ „евангелію свободы и равенства“, бывшему мотивомъ большей части волненій того времени, не позволяютъ Рёскину сдѣлать логическіе выводы изъ его мысли. Въ прочитанной имъ около того времени лекціи онъ высказываетъ такое положеніе: „я считаю существующій общественный порядокъ хорошимъ и согласенъ съ моимъ другомъ Карлилемъ, находившимъ, что при немъ только неспособный, не можетъ найти работы“<sup>1)</sup>—неосновательное мнѣніе, отъ котораго Рёскину вскорѣ пришлось отказаться.

15. Литературную дѣятельность Рёскина до 1859—60 года можно отдѣлать отъ дѣятельности его въ послѣдующіе годы; первый періодъ занять дѣятельностью художественной, а второй общественной. Такое раздѣленіе, если и не вполне вѣрно, то довольно удобно. На сороковомъ году своей жизни Рёскинъ, повидимому, все болѣе и болѣе сознаетъ происходящую въ немъ душевную борьбу. Кажется, что онъ уходитъ въ пустыню“ и тамъ начинаетъ ужасную борьбу съ призраками, всегда появляющимися пророкамъ и искушающими ихъ уклониться отъ того пути, по которому они должны идти. Мы не имѣемъ отчета объ этой душевной борьбѣ, вродѣ отчета, даннаго намъ Карлилемъ о его борьбѣ, но „Everlasting Yea“ Рёскина было если и менѣ шумно торжествующимъ, то болѣе положительнымъ и опредѣленнымъ по сравненію съ разсказомъ его учителя.

Очевидно, что общественная и экономическая критика созрѣвала въ его душѣ; рядъ лекцій, написанныхъ осенью 1859 года по поводу стачекъ лондонскихъ строительныхъ рабочихъ, составилъ зародышъ статей, въ окончательной формѣ появившихся въ видѣ

---

<sup>1)</sup> *ibid.*

книгѣ „Unto this last“. Эти статьи играютъ громадную роль въ исторіи литературной дѣятельности Рёскина. Теккерей, руководившійся отчасти личной дружбой съ Рёскинымъ, а частію уваженіемъ къ его литературному таланту, согласился напечатать ихъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ „Cognhill Magazine“. Но послѣ напечатанія трехъ статей Теккерей письменно заявилъ Рёскину, что онъ можетъ помѣстить еще только одну статью въ виду единодушнаго осужденія статей читателями.

Интересное предисловіе къ книгѣ „Unto this Last“ указываетъ, съ какимъ настроеніемъ Рёскинъ принялъ такое неодобреніе общества. Благосклонный читатель охотно признавалъ Рёскина учителемъ въ сферѣ искусства, его краснорѣчивое истолкованіе картинъ и архитектуры онъ читалъ съ удовольствіемъ. Но пусть этотъ апостоль культуры держится за свою кисть и не пытается учить упорныхъ практическихъ англичанъ относительно поведенія въ дѣловой ихъ жизни.

Какъ же отвѣтилъ на это обществу Рёскинъ?

„Слѣдующія четыре статьи были напечатаны восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Cognhill Magazine и встрѣчены были, какъ я слышалъ, большинствомъ читателей съ крайнимъ неодобреніемъ. Тѣмъ не менѣе я считаю ихъ лучшими, то есть наиболѣе истинными, наиболѣе полезными и наилучше высказанными, изъ всего, что я когда либо писалъ“.

Можно даже сказать, что всѣ остальные годы своей трудовой жизни Рёскинъ посвятилъ доказательству такого положенія. Въ исторіи литературы мы наврядъ ли встрѣтимъ другой такой же примѣръ человѣка, борящагося почти въ полномъ одиночествѣ съ равнодушіемъ общества и съ нескрываемымъ презрѣніемъ большинства образованныхъ классовъ; человѣка, признаваемаго кабинетными экономистами, догматизирующими о принципахъ политической экономіи, не обладаая никакими практическими свѣдѣніями о тѣхъ самыхъ про-

цессахъ производства и потребленія, по поводу которыхъ они теоретизировали, фанатическимъ невѣждой; челоуѣка, возбуждившаго сожалѣнїя въ его друзьяхъ, художникахъ и литераторахъ, какъ челоуѣкъ, отдавшійся дикому и бесполезному крестовому походу; челоуѣка, котораго большинство читателей считало мечтателемъ и утопистомъ, хотя оно и прощало ему его вредныя идеи за прекрасный языкъ, которымъ онъ высказывалъ ихъ. Рёскинъ защищался храбро противъ такого потока враждебности, противъ этой несокрушимой стѣны равнодушїя и непониманїя, пользуясь всѣми орудїями своего литературнаго арсенала, чтобы найти доступъ къ сердцу и уму народа. Если мы взглянемъ на списокъ изданныхъ имъ съ этого времени сочиненїй, мы найдемъ тутъ тоже замѣчательное разнообразїе содержанїя, какимъ отличалась и прежняя его литературная дѣятельность. Но каковы бы ни были заглавїя произведенїй Рёскина этого періода, какова бы ни была ихъ непосредственная цѣль—лекціи по исторїи, живописи, объ образованїи скаль, о техникѣ рисованїя, поэзія или прозаическая фикція, трактаты о воспитанїи, о религїи, о войнѣ—кто бы ни были его слушателями—студенты оксфордскаго университета, институтъ архитектуры, дѣловые люди, школьницы, рабочїе, военные—вездѣ доминируетъ духъ общественной критики; этотъ духъ всегда вдохновляетъ и часто заслоняетъ собой избранную имъ тему.

Экономическая теорїя Рёскина въ послѣдующїе годы была нѣсколько видоизмѣнена имъ, но сущность ея уже содержится въ книгѣ „Unto this Last“, которая и теперь можетъ считаться самымъ лучшимъ и наиболее энергичнымъ популярнымъ изложенїемъ его критической теорїи, отличаеомой отъ его созидающей теорїи. Критика Рёскина двухсторонняя: съ одной стороны она указываетъ на неудовлетворительность и непослѣдовательность общепринятой политической экономїи, рассматриваемой, какъ объясненїе существующей

щей промышленности, и на невыгодность, несправедливость и безчеловѣчіе самой промышленности. Такая двойственность критики, характерная для метода Рёскина, хотя временами эти два теченія сливаются, какъ на примѣръ въ томъ случаѣ, когда Рёскинъ обвиняетъ политическую экономію въ поддержкѣ и одобреніи, оказываемыхъ ею конкуренціи, какъ основѣ промышленной дѣятельности.

Предлагаемыя Рёскинымъ въ этой книгѣ средства исцѣленія болѣзни доказываютъ, что даже въ этотъ періодъ броженія и разрушительной критики онъ уже думалъ о томъ новомъ общественномъ порядкѣ, о которомъ онъ говоритъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Книга „Unto this Last“ не только по мысли, но и по стилю была черезъ-чуръ оригинальна, чтобы на нее было тогда же обращено общественное вниманіе. Соединеніе въ ней всѣхъ характерныхъ для Рёскина литературныхъ достоинствъ — быстрый и точный анализъ предложеній, страстность его воззваній, кусающій юморъ и изящество этимологическихъ изслѣдованій — могло произвести въ умахъ его культурныхъ читателей только удивленіе, а не убѣдить ихъ.

16. Рёскинъ не умѣлъ падать духомъ. Въ 1861 г. онъ задумалъ написать новый рядъ статей, въ которыхъ тѣже самыя существенныя его экономическія положенія должны быть изложены болѣе полно и въ болѣе рациональномъ порядкѣ. Эту работу онъ сдѣлалъ въ Морнексѣ въ Альпахъ и издатель *Frazers Magazine* оказался настолько смѣлымъ, что обѣщаль напечатать ее. Но послѣ напечатанія трехъ статей раздраженная публика и самъ издатель не пожелали болѣе „такого мусора“. Потому эти статьи, самое блестящее и самое сильное изложеніе его соціальной теоріи, были отложены и перепечатаны уже въ 1872 году подъ заглавіемъ „*Munera Pulveris*“. Отвѣтомъ Рёскина на такую неудачу была его рѣчь въ Инсти-



тутъ британскихъ архитекторовъ въ 1865 году. Эта рѣчь предоставляетъ формальное отреченіе Рёскина отъ его прежнихъ надеждъ на искусство и отъ его собственной художественной мисси, которой раньше онъ отдавалъ всѣ свои силы; причиной такого отреченія Рёскинъ признаетъ необходимость радикальнаго преобразованія промышленнаго общества, какъ необходимаго предварительнаго условія для прогресса въ искусствѣ. Въ исторіи мысленія Рёскина эта рѣчь документъ чрезвычайной важности. Обращаясь съ ней къ архитекторамъ, онъ подтверждаетъ свои обвиненія противъ современнаго хаоса примѣромъ внѣшняго вида и внѣшняго строя современныхъ промышленныхъ городовъ и въ слѣдующихъ выраженіяхъ указываетъ на мораль своей рѣчи:

„Въ нашихъ городахъ съ ихъ испорченнымъ воздухомъ, своей грязью дѣлающимъ сначала всѣ орнаменты невидимыми издали, а потомъ наполняющимъ той же грязью всѣ отверстія и выступы; въ нашихъ городахъ, представляющихъ просто скопленіе товарныхъ складовъ, магазиновъ и конторъ и потому представляющихъ по отношенію ко всему остальному міру то, чѣмъ служатъ для дома погребъ и кладовыя; въ нашихъ городахъ, гдѣ люди не живутъ, а только работаютъ, гдѣ самая величина зданія нужна только для того, чтобы помѣстить въ немъ машины; въ нашихъ городахъ, гдѣ улицы не мѣсто для движенія и прогулокъ счастливыхъ людей, а каналы для спуска по нимъ замученной черни, гдѣ единственная цѣль прихода на какое-нибудь мѣсто состоитъ только въ томъ, чтобы тотчасъ же передвинуться въ другое, гдѣ существованіе становится чисто переходнымъ, гдѣ всякій есть только атомъ движущейся человѣческой пыли, частица среди измѣняющагося потока другихъ частицъ, потока, движущагося то по подземнымъ туннелямъ, то по трубамъ въ воздухѣ — въ такихъ городахъ невозможна никакая архитектура; мало того — для ихъ оби-

тателей невозможно даже желаніе какой-либо архитектуры“<sup>1)</sup>).

Личныя убѣжденія, къ которымъ привели автора эти страстныя размышленія, высказаны имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Что до меня касается, то я сознаю, что сила механизма и свирѣность жадной торговли въ настоящее время столь непреодолимы, что я отказываюсь отъ изученія не только архитектуры, но почти всякаго искусства; я посвящаю себя, какъ обитатель осажденнаго города, изысканію средствъ полученія хлѣба и масла для его населенія“<sup>2)</sup>).

Искренность такого отреченія Рёскина доказывается тѣмъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ, до окончанія его книги „Fors Clavigera“, онъ отказывался отъ новаго изданія его прежнихъ произведеній объ искусствѣ, надѣясь такимъ путемъ выдвинуть на первый планъ свои сочиненія по общественнымъ вопросамъ. Съ этого времени темой работъ Рёскина становится положеніе Англии, съ этого времени на первый планъ онъ выдвигаетъ плапы реформы экономическаго строя; и тѣмъ не менѣе онъ всегда уклонялся отъ фанатизма. Люди, считающіе его фанатикомъ, не понимаютъ значенія этого термина. Человѣкъ сильно чувствующій и сильно выражающійся еще не есть фанатикъ. Безошибочный признакъ, по которому можно узнать фанатика, состоитъ въ томъ, что онъ превращается въ раба какой нибудь опредѣленной идеи, что онъ обладаетъ панацеей, которую и примѣняетъ безразлично къ излѣченію всѣхъ недуговъ. Но Рёскинъ ни на одну минуту не былъ такимъ человѣкомъ, никогда онъ не былъ одержимъ такой маніей, бывающей всегда слѣдствіемъ извращенной и недостаточной точки зрѣнія. Сказать, что онъ болѣе упорно и послѣдовательно напалъ на

1) „On the Old Road“, §§ 277.

2) *ibid.* §§ 291.

зло, чѣмъ защищать добро — значить только сказать, что онъ былъ пророкомъ и практическимъ реформаторомъ. Но его страстное отвращеніе къ какой-нибудь отдѣльной фазѣ зла не поглощало всего его мышленія и всей его дѣятельности. Когда онъ составилъ себѣ во всей его полнотѣ и силѣ убѣжденіе о безчестности и безчеловѣчии системы промышленности, зиждущейся на конкуренціи, то это убѣжденіе не породило у него, какъ подобное убѣжденіе порождаетъ у многихъ, ожесточеннаго классоваго раздраженія; оно не ослабило его широкаго моральнаго пониманія общественныхъ вопросовъ, не заставило его возлагать чрезмѣрныя упованія на реформы общественнаго строя. Даже тогда, когда онъ утверждаетъ, что „всѣ общественныя бѣдствія и религіозныя заблужденія происходятъ отъ ограбленія рабочаго бездѣльниками“<sup>1)</sup>, онъ не теряетъ вѣры въ необходимость образованія, какъ наиболѣе надежнаго способа исправленія зла. Однимъ словомъ, его общественная миссія была скорѣе этической, чѣмъ политической; онъ никогда не упускалъ изъ виду перваго требованія всякаго здраваго этического ученія — необходимость „наблюдать жизнь и наблюдать ея, какъ пѣлое“.

Необходимость общественной честности и убѣжденіе, что современный строй промышленности основывается на безчестности, ставится центральнымъ узломъ его системы; но онъ отдаетъ также всю свою энергію и весь свой умъ изслѣдованію распредѣленія самыхъ отдаленныхъ нервовъ по общественному организму, изслѣдованію ихъ взаимоотношеній и ихъ отношеній къ центру и тѣхъ специфическихъ модусовъ здоровья и болязни, которые относятся къ каждому изъ нихъ. Путаница и даже хаосъ, на которыя жаждутся многіе изъ невнимательныхъ читателей сочиненій Рёскина, приводятся къ ясному и систематичес-

<sup>1)</sup> „Fors“, IV, письмо I.XXXIV.

кому единству, если мы будемъ смотрѣть на всѣ уклоненія его гибкаго и разносторонняго ума съ точки зрѣнія общественной справедливости, съ точки зрѣнія требованія честности во всѣхъ отношеніяхъ между людьми. Это единство, конечно, не механическое, не объективная система мышленія, а скорѣе единство, обусловливаемое личномъ темпераментомъ и личной оцѣнкой. Понявъ это, мы поймемъ всего Джона Рескина, его личность и его міровоззрѣніе. Достоинство этого міровоззрѣнія состоитъ въ разнообразіи и точности отмѣчаемыхъ имъ чувствованій и впечатлѣній, въ ихъ распредѣленіи соотвѣтственно первичнымъ принципамъ честности и гуманности.

17. Эти общія замѣчанія до нѣкоторой степени могутъ объяснить характеръ измѣненій, происшедшихъ въ жизни Рескина въ періодъ отъ 1860 до 1865 года. Онъ продолжалъ интересоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ интересовался и ранѣе; онъ продолжалъ быть художественнымъ критикомъ, литераторомъ, ботаникомъ, геологомъ и историкомъ; но интеллектуальный и эмоциональный центръ тяжести перемѣнился вмѣстѣ съ измѣненіемъ сознанія о практической нравственности.

Вся его будущая работа и будетъ, дѣйствительно, состоять въ примѣненіи этой нравственности.

Именно въ этомъ направленіи слѣдуетъ толковать его лекціи о „Сокровищахъ короля“ и о „Садахъ королевы“, читанныя имъ въ 1864 году и напечатанныя въ книгѣ „Sesame and Lilies“. Книга: „Munera Pulveris“ ставитъ „нѣкоторыя условія нравственной культуры“ личности необходимымъ условіемъ совершенія реформы промышленнаго общества, требуемой истинной политической экономіей. Книга: „Sesame and Lilies“ это попытка объяснить эти условія членовъ мнимо культурныхъ классовъ. Сборникъ лекцій, „Crown of wild Olive“, изданный въ 1866 году, занимается специально вопросомъ: что такое трудъ? и излагаетъ глав-

нѣйшія примѣненія одной изъ существеннѣйшихъ идей книги: *Unto this Last*, что истинная цѣль труда состоитъ въ созданіи богатства, а не въ полученіи прибыли. Такъ какъ главное обвиненіе, выставляемое Рёскинымъ противъ ложной системы промышленности, состоитъ въ томъ, что она зиждется на ложной основѣ, на конкуренціи, и такъ какъ причина конкуренціи есть личная прибыль, то главный интересъ послѣдней изъ вышеупомянутыхъ книгъ состоитъ въ полномъ доказательствѣ зловредности прибыли, какъ *raison d'être* конкуренціи. Краснорѣчивая защита войны и милитаризма, которую мы находимъ въ этой книгѣ, доказываетъ, что Рёскинъ не смотря на перемѣшеніе центра тяжести его мышленія продолжалъ держаться нѣкоторыхъ изъ наиболѣе спорныхъ изъ его прежнихъ убѣжденій.

Политическая экономія Рёскина, какъ мы увидимъ, оставляла очень тонкой перегородку между теоріей и практикой. Въ „Политической экономіи искусства“ мы находимъ множество практическихъ предложеній; въ слѣдующихъ за ней двухъ болѣе обширныхъ трактатахъ имѣются тоже отрывки творческаго мышленія, а въ книгѣ „*Crown of Wild Olive*“ мы встрѣчаемъ первый проектъ тѣхъ реформъ въ образованіи и въ земледѣліи, <sup>1)</sup> которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ были объектами собственныхъ опытовъ Рёскина. Его стремленіе сдѣлать „что нибудь практичное“ и въ особенности войти въ близкія отношенія съ интеллигентными рабочими доказывается рядомъ писемъ къ рабочему на пробочномъ заводѣ въ Сундерландѣ, сначала печатавшихся въ первые мѣсяцы 1867 года въ *Manchester Examiner* и въ *Leeds Mercury*, а потомъ составившія томъ, озаглавленный „*Time and Tide by Weare and Tyme*“ Коллингвудъ называетъ эту книгу центральной работой всей

---

1) См. лекцію IV о „будущемъ Англіи“.

2) „*Life and Work*“ — Коллингвуда, II.

жизни Джона Рёскина <sup>2)</sup>, такъ какъ она содержитъ наиболѣе важныя и наиболѣе зрѣлыя его идеи въ наиболѣе удачномъ и доступномъ изложеніи. Простымъ языкомъ, чтобы „быть понятнымъ для народа“, Рёскинъ, повторяя существенныя изъ критическихъ замѣчаній „*Munera, Pulveris*“, прибавляетъ къ нимъ, какъ ихъ естественное развитіе, полный и популярно изложенный планъ истиной соціальной системы, какъ онъ понималъ ее, и тѣхъ предварительныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ могутъ быть сдѣланы необходимыя измѣненія. Эта книга „*Time and Tide*“ въ особенности любопытна тѣмъ, что она содержитъ три предложенія, признаваемые Рёскинымъ существенно необходимыми для здороваго общества — а именно о возобновленіи системы гильдій, о капитанахъ промышленности и о регулированіи государствомъ брака и населенія.

18. Книга „*Fors Clavigera*“ должна была служить дополненіемъ къ вышеупомянутой книгѣ „*Time and Tide*“ <sup>1)</sup> относительно „возможнаго комфорта и здоровыхъ законовъ домашней хозяйственной жизни и того участія, которое рабочіе могутъ получить въ искусствѣ и сокровищахъ высшаго искусства“. Но это еще не даетъ правильнаго представленія о дѣйствительномъ содержаніи книги, представляющей смѣсь всяческихъ идей Рёскина, приходившихъ ему въ голову во время написанія книги и ея печатанія и имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ общественной реформѣ.

Самое заглавіе книги: „*Fors Clavigera*“, будучи замѣчательнымъ образчикомъ склонности Рёскина къ серьезной игрѣ словами, уже указываетъ на преобладаніе моральныхъ мотивовъ въ его общественной доктринѣ. Тройственное значеніе слова *Fors*, содержа-

<sup>1)</sup> См. предисловіе къ *Time and Tide* въ изданіи 1872 года.

щееся въ трехъ англійскихъ словахъ: „Force, Fortitude и Fortune“, воплощаетъ всю сущность этой доктрины—дѣятельность мужественнаго труда, способность къ выносливости и терпѣнію и ту виѣшнюю для насъ силу, которую мы можемъ называть судьбой или провидѣніемъ смотря потому, какъ мы смотримъ на ея происхожденіе и сущность. Fors Clavigera, по стилю намѣренно безсвязная и популярная, съ начала до конца преисполнена страстной серьезности. Стремленіе выдти къ народу и проповѣдывать евангеліе общественной справедливости становится у Рёскина почти невыносимымъ для него Въ одномъ изъ первыхъ писемъ онъ говоритъ: „я не могу ни рисовать, ни читать, ни разсматривать минералы, ни дѣлать что нибудь, что мнѣ раньше нравилось; даже свѣтъ утренняго солнца мнѣ ненавистенъ, такъ какъ никакое воображеніе не можетъ представить съ такой силой нищету, которую я вижу, и ея признаки, когда я не вижу самой нищеты. Я не могу болѣе покойно выносить этого; съ этого времени, съ немногими или многими, которые захотятъ помогать мнѣ, я буду дѣлать все, что могу, для устраненія этой нищеты“<sup>1)</sup>.

Болѣе опредѣленно о цѣли книги Рёскинъ высказывается въ письмѣ XLIII въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Постоянная и текущая задача Fors Clavigera состоитъ въ уясненіи силы случая или счастья (Fors), дающаго людямъ шансы на преуспѣяніе; эти шансы могутъ быть приняты или отвергнуты людьми и они такимъ образомъ навсегда „пригвазживаютъ“ и укрѣпляютъ свою судьбу и потому она Clavigera, т.-е. пригвожденная (nail bearing). Этотъ образъ знакомъ изъ теологій; мое представленіе о немъ я заимствовалъ у Горация и развилъ его постояннымъ и безпристрастнымъ чтеніемъ исторіи и милосерднымъ наблюденіемъ.

<sup>1)</sup> „Fors“ I. Письмо I.

надъ жизнью окружающихъ меня людей. Распространительное значеніе заглавія будетъ таково: какимъ образомъ можно создать свое счастье и какимъ образомъ можно погубить его“<sup>1)</sup>).

Тѣмъ не менѣе съ самаго начала книги очевидно, что центральной ея идеей была идея о социальной реформѣ съ ея практической стороны. Правда, что въ книгѣ нѣтъ систематическаго изложенія этой или какой нибудь другой темы. Въ теченіи всѣхъ лѣтъ ежемѣсячнаго выхода этой работы она была для Рескина средствомъ выраженія его мыслей по поводу разнообразныхъ текущихъ событій<sup>2)</sup> Одинъ вопросъ за другимъ временно выдвигается на первый планъ, захватываетъ вниманіе читателя, внезапно исчезаетъ и снова появляется; тутъ мы встрѣчаемъ автобіографическія замѣтки, богатые залежи художественной критики, комментаріи на библію, критику поэзіи, разныя вскользь брошенныя вдохновляющія словечки, и все время идутъ замѣчанія относительно начатковъ рисованія и разныхъ наукъ. Эта книга представляетъ вѣрное отраженіе разнообразныхъ интересовъ, занимавшихъ этотъ замѣчательный и плодовитый умъ; это отраженіе передается совершенно безыскусственно и потому книга *Fors Clavigera* представляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ исповѣдей во всемірной литературѣ. Но не смотря на то, что другія задачи часто какъ бы заслоняютъ собою общественную доктрину Рескина, она всегда появляется, выплываетъ наружу и занимаетъ въ этихъ томахъ наиболѣе мѣста.

Доктрина Рескина теперь стремится не только къ тому, чтобы поучать умы или воспламенить сердца страстью къ общественной справедливости; она стре-

---

<sup>1)</sup> *ibid.* IV. Письмо LXXXV.

<sup>2)</sup> „Давъ этой книгѣ такое заглавіе («Fors»), я имѣлъ въ виду между прочимъ указать на случайный характеръ этой книги“ (Письмо LXXXV).



мится къ тому, чтобы побудить читателей присоеди-  
ниться къ автору въ его опытахъ практической ре-  
формы. Это очевидно по слѣдующему объявленію автора  
о его цѣли, сдѣланному имъ въ первомъ же письмѣ  
(январь 1871 года): „я долженъ очиститься отъ вся-  
кой отвѣтственности за окружающую меня нищету,  
объяснивъ вамъ самымъ понятнымъ англійскимъ язы-  
комъ, какимъ я только могу говорить, все, что я знаю  
о ея причинахъ, указавъ вамъ нѣкоторые изъ спосо-  
бовъ, которыми можно облегчить ее, и откладывая акку-  
ратно небольшую часть своего дохода для помощи въ  
томъ, что каждый и всѣ мы должны бы были дѣлать;  
пусть каждый изъ насъ сообразно съ его средствами  
вноситъ что нибудь для общей пользы, пока мы не-  
скопимъ наконецъ національный капиталъ, хотя бы и  
небольшой, вмѣсто накопленія національнаго долга“<sup>1)</sup>.  
Это стремленіе „сдѣлать что нибудь практическое“  
одушевляетъ автора, когда онъ писалъ письма, изъ ко-  
торыхъ составилаь его книга. Купить кусокъ земли  
и отдать его рабочимъ, которые захотѣли бы обрабо-  
тывать ее и заниматься полезными ремеслами, живя  
здоровой семейной жизнью, въ здоровой сосѣдской ко-  
операциі, и повинаясь законно установленной власти,  
обладая досугомъ и желаніемъ культивировать истинныя  
жизненные удовольствія и радости—таковъ опытъ об-  
щественной жизни, который хочетъ теперь продѣлать  
Рёскинъ. Общество св. Георга, составившееся для  
осуществленія такой задачи и для того, чтобы помо-  
гать ея осуществленію сочувствіемъ и деньгами, игра-  
етъ большую роль въ этихъ письмахъ; нѣсколько пер-  
выхъ писемъ посвящены опредѣленію цѣли, метода и  
состава общества. Послѣ того, какъ въ слѣдующемъ  
году дѣйствительно началась практическая дѣятельность,  
письма становятся хроникой развитія дѣятельности  
общества и орудіемъ для обсужденія различныхъ обра-

---

<sup>1)</sup> «Fors», 1 письмо I.

зовательныхъ и промышленныхъ проектовъ, которые Рёскинъ надѣялся осуществить на средства общества. Объ этихъ планахъ Рёскина мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ, а теперь замѣтимъ только, что они составляютъ, такъ сказать, скелетъ писемъ, даютъ книгѣ извѣстное единство и служатъ выраженіемъ ростущаго желанія перейти отъ теоріи къ практикѣ—желанія, характернаго для послѣднихъ лѣтъ жизни Рёскина. Образованное имъ общество св. Георгія составило тѣсный кружокъ, къ которому Рёскинъ могъ обращаться съ авторитетной фамиллярностью любимаго и признаннаго учителя и воспитаніе этого кружка въ искусствѣ жизни становится постояннымъ предметомъ заботъ Рёскина.

Но такое центральное положеніе дѣятельности общества св. Георгія нисколько ни ограничивало того круга вопросовъ, о которыхъ Рёскинъ бесѣдуетъ въ своихъ письмахъ. Во всякомъ случаѣ самыми характерными чертами этихъ писемъ остаются: широкая экзотерическая проповѣдь общественной доктрины, изложеніе и доказательство великихъ истинъ справедливости и гуманности, какъ Рёскинъ наблюдалъ ихъ въ различныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, убѣжденіе въ этихъ истинахъ возможно большаго количества людей посредствомъ всякихъ способовъ, какими только могъ располагать такой удивительно гибкій умъ, какъ умъ автора. Отрывочный и неправильный способъ созданія этой книги, которая писалась при всевозможныхъ условіяхъ мѣста и времени, дѣлаетъ ее особенно живымъ и вѣрнымъ отраженіемъ разнообразныхъ сторонъ его ума, а популярность книги позволяетъ говорить о многомъ, что обыкновенно скрывается за литературно обработаннымъ языкомъ; въ книгѣ мы встрѣчаемъ и переходящія настроенія мышленія и темперамента, и импульсивныя сужденія о текущихъ событіяхъ и импрессионизмъ, который при разумномъ его примѣненіи составляетъ одну изъ величайшихъ услугъ, которую мо-

жетъ оказать людямъ человѣкъ чувствительный и обладающій широко развитыми вкусами. Для всякаго читателя очевидно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ послѣднихъ томовъ книги умъ автора охватывается мракомъ и по временамъ даже раздражается и отравляется заботами и горестями. Но даже и въ этихъ мѣстахъ книги постоянно и упорно проглядываетъ непоколебимое и несокрушимое здоровье міровоззрѣнія Рёскина; хаотичность и запутанность изложенія только кажущіяся и случайныя. Вообще говоря, книга занимаетъ исключительное положеніе не только среди другихъ сочиненій Рёскина, но и во всей современной литературѣ. Переполненная блестящей и умѣстной сатирой, нѣжнымъ и проникновеннымъ пафосомъ, тонкими изслѣдованіями словъ и объектовъ, глубокимъ анализомъ причинъ и слѣдствій въ жизни, она есть самая полная, самая свободная и въ цѣломъ самая дѣйствительная критика жизни Англіи девятнадцатаго столѣтія. Подобно всѣмъ великимъ книгамъ, ее слѣдуетъ разсматривать, какъ нѣчто цѣлое, и дѣйствительно, несмотря на большія неправильности формы и несмотря на то, что она писалась съ большими перерывами, она есть нѣчто цѣлое, вслѣдствіе единства личности автора, вѣрнымъ выраженіемъ которой она служить.

Отзываясь о „Fors Clavigera“ такимъ образомъ, мы, конечно, должны настаивать на томъ, чтобы читатель постоянно помнилъ о центральной идеѣ и о цѣли книги, чтобы онъ помнилъ, что настоящимъ примѣнимымъ къ ней критеріемъ долженъ быть тотъ критерій, который примѣнимъ только къ автобіографіямъ, а не тотъ, который примѣняется обыкновенно къ книгамъ, написаніе которыхъ происходитъ при старательномъ исключеніи всякой непоследовательности, такъ что книга въ концѣ концовъ получаетъ выглаженную поверхность систематическаго и упорядоченнаго мышленія.

Я придаю такое важное значеніе „Fors Clavigera“

потому, что въ книгѣ этой содержится полное и зрѣ-  
лое изложеніе социальнаго ученія человѣка, которому  
благодаря соединенію въ немъ сильнаго чувства спра-  
ведливости съ широкой культурой и съ изящнѣйшимъ  
литературнымъ талантомъ, удалось сказать нашимъ со-  
временникамъ болѣе необходимыхъ для нихъ истинъ,  
чѣмъ кому либо изъ писателей.

Среди произведеній Рёскина книга занимаетъ тоже  
выдающееся положеніе, такъ какъ она представляетъ  
высшее и полнѣйшее развитіе его мышленія.

Слѣдующее извлеченіе изъ послѣдняго тома „Fors  
Clavigera“ указываетъ на мнѣніе самого Рёскина на  
развитіе его доктрины въ пяти самыхъ важныхъ его  
произведеніяхъ:

„Въ Современныхъ живописцахъ“ отстаивается пра-  
во всей низшей природы на сердечное вниманіе къ  
ней человѣка, право скалы, волны, травы, какъ час-  
ти, необходимой для жизни духа человѣка; во всемъ  
томъ, что я теперь предлагаю вамъ дѣлать, обрабаты-  
вая землю и охраняя ее, я только исполняю то, что  
я началъ тогда. Въ „Камняхъ Венеціи“ я училъ васъ  
законамъ строительнаго искусства и зависимости кра-  
сoty всякой человѣческой работы или зданія отъ  
счастливой жизни работника; въ книгѣ „Unti this Last“  
я училъ о законахъ этой жизни и о зависимости та-  
кой жизни отъ солнца справедливости; въ оxford-  
скихъ лекціяхъ я говорилъ о необходимости признанія  
милостивыхъ законовъ красоты и труда какъ высши-  
ми, такъ низшими классами англійскаго общества, и  
наконецъ въ „Fors Clavigera“ я говорилъ объ отно-  
шеніяхъ классовъ, о единственно возможныхъ усло-  
віяхъ мира и чести для высокихъ и низкихъ, для бо-  
гатыхъ и бѣдныхъ, составляющихъ „первое сословіе“  
въ мірѣ, находящееся подъ властью одного только  
Господина, Бога—и всякій, отпавшій отъ Него, бу-  
детъ ли онъ ангелъ или человѣкъ, будетъ пребывать,  
не мифически, не гадательно, а дѣйствительно и

здѣсь, въ видимыхъ пѣняхъ, во мракѣ до послѣдняго суда, а служеніе Ему есть совершенная свобода и наслѣдіе всего, что любящій Творецъ можетъ дать Его созданіямъ и безсмертный Отецъ Его дѣтямъ.“<sup>1)</sup>

Таково было развитіе идей и дѣятельности Рёскина—отъ природы къ искусству, чрезъ искусство къ человѣческой жизни, а въ самомъ искусствѣ жизни непрерывное развитіе сознанія о вѣчныхъ законахъ созиданія и управленія человѣческаго общества, основаннаго на принципахъ справедливости и гуманности.

---

<sup>1)</sup> „Fors“. т. IV. Письмо LXXVIII.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

### Обвинительный актъ Рёскина противъ общепризнанной политической экономіи.

1. Права Рёскина на признаніе его экономистомъ—Онъ ученый специалистъ въ изящныхъ работахъ и продуктахъ такихъ работъ.—2. Онъ замѣчательный филологъ и логикъ.—3. Искренность Рёскина.—4. Рёскинъ обладалъ гениальными аналитическими способностями.—5. Два главныхъ его обвиненія противъ политической экономіи.—6. Ложное понятіе объ экономическомъ человѣкѣ.—7. Механическое обсужденіе органической проблемы.—8. Попытки гуманизировать теорію объ экономическомъ человѣкѣ.—9. Можетъ ли существовать наука о приобрѣтеніи и расходываніи?—10. Политическая экономія и меркантильная экономія.—11. Богатство состоитъ изъ всѣхъ полезныхъ или пріятныхъ вещей.—12. Богатство измѣряется жизнью, а не деньгами.—13. Мѣрило богатства—истинная полезность, а не преходящія желанія.—14. Органическое понятіе объ обществѣ существенно необходимо для истинной политической экономіи.—15. Экономическая цѣль—производство „душъ хорошаго качества“. -- 19. Высшій утилитаризмъ Рёскина.—17. Въ соціальной экономіи Рёскинъ былъ пионеромъ.

1. Очень распространено мнѣніе, что Рёскинъ оставилъ свое настоящее дѣло художественнаго критика для того, чтобы необдуманно приступить къ занятіямъ политической экономіей, къ которымъ онъ не имѣлъ

ни способностей, ни надлежащихъ знаній и научныхъ навыковъ. Для того, чтобы доказать, насколько неосновательно такое мнѣніе, будетъ не бесполезно указать какими спеціальными качествами обладалъ Рёскинъ для дѣятельности общественнаго и экономическаго критика. Политическая экономія, даже въ томъ узкомъ смыслѣ науки промышленной, которая именно и подвергается суровой критикѣ Рёскина, имѣетъ своимъ содержаніемъ трудъ, вкладываемый людьми въ сырье, доставляемое природой ради доставленія необходимыхъ или полезныхъ предметовъ человѣческаго потребленія. Первое право Рёскина считаться способнымъ къ изученію политической экономіи состоитъ въ томъ, что онъ былъ искуснымъ спеціалистомъ въ изящной работѣ съ одной стороны, и спеціалистомъ въ пользованіи продуктами этой работы или въ потребленія съ другой. Благодаря личному опыту и давнимъ навыкамъ наблюденія работы искусныхъ работниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ онъ обладалъ широкими и разнообразными свѣдѣніями о пользованіи различными орудіями и матеріалами для производства полезныхъ и прекрасныхъ товаровъ. Этотъ опытъ не ограничивался живописью, скульптурой и такъ называемыми изящными искусствами, но охватывалъ практическую дѣятельность архитектуры, издѣлій изъ дерева и металла, издѣлій гончарныхъ, ювелирнаго искусства, ткачества и другихъ ремеслъ.

Его изслѣдованія по земледѣлію какъ на континентѣ, такъ и въ Британіи, были основательными и подробными; хотя его опыты обработки и дренированія земли были не всегда удачными, они указываютъ на точное знаніе конкретныхъ фактовъ.

Кромѣ того Рёскинъ всё свою жизнь изучалъ животную и растительную жизнь, строеніе и составъ земли и такимъ образомъ близко познакомился съ свойствами сырья, изъ котораго создается богатство, составляющее главный предметъ индустріальной и торговой эконо-

номін. Большая часть его трудолюбивой жизни прошла въ подробныхъ наблюденіяхъ надъ характеромъ и дѣятельностью людей. Процессы, посредствомъ которыхъ производятся многіе товары, были знакомы ему какъ по личному опыту, такъ и по изученію исторіи. Многіе ли изъ тѣхъ экономистовъ, которые такъ презрительно относились къ Рёскину, обладали даже девятой долей подобныхъ практическихъ свѣдѣній? Многіе ли изъ нихъ изучили развитіе различныхъ искусствъ и ремеслъ, какъ онъ изучалъ ихъ? Большинство людей пытавшихся осмѣять его и заставить замолчать въ полемикѣ съ нимъ, или игнорировавшихъ его, были кабинетными людьми, свѣдѣнія которыхъ о фактахъ современной промышленности были изрекаемы ими только изъ книгъ, и знакомыми, даже изъ книгъ, съ исторіей промышленности очень мало или дѣловыми людьми, занятыми какой нибудь спеціальной отраслью машиннаго производства или финансовъ, и личное знаніе ихъ—несомнѣнно въ извѣстныхъ границахъ очень точное—охватывало только незначительную часть всей сферы промышленности. Несомнѣнно, что Рёскинъ не обладалъ ни опытомъ, ни спеціальными знаніями относительно извѣстныхъ типическихъ формъ крупной промышленности; но многіе ли изъ нашихъ наиболѣе авторитетныхъ экономистовъ когда либо обучались на фабрикѣ, въ рудникѣ, въ купеческой конторѣ или мелочной лавкѣ? Что же касается до свѣдѣній, полученныхъ изъ первыхъ рукъ, о работѣ и ея результатахъ, то Рёскинъ обладалъ громадными преимуществами предъ своими оппонентами.

2. Другимъ преимуществомъ Рёскина было его замѣчательное мастерство слова. Ни въ одной наукѣ „замаскированныя слова“ (выраженіе самого Рёскина) не играютъ такой роли, какъ въ политической экономіи, нигдѣ „идолы рыночной площади“ такъ часто не заслоняли собою мысль, ни въ одной отрасли науки



пышныя округленныя фразы, выдаваемые за научные законы, не запутывали настолько изслѣдователя, старающагося открыть въ нихъ факты, которые якобы онѣ представляютъ.

Такой недостатокъ неизбеженъ въ наукѣ, созданной торопливо изъ общихъ результатовъ множества разнообразныхъ и раньше не объединенныхъ изслѣдованій по земледѣлю, финансамъ и налогамъ, по политической философіи и иностранной торговлѣ, этюдовъ о населеніи и т. д., объединенныхъ теперь въ отдѣльную науку о богатствѣ народовъ, получившую свою терминологию частію отъ текущей политики, частію изъ философскихъ учебниковъ и главнымъ образомъ отъ принятыхъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ выраженій, далеко не научныхъ и неточныхъ. Было неизбежнымъ, что значительная доля разсужденій при посредствѣ подобныхъ неустановившихся и измѣнчивыхъ терминовъ была совершенно нелогична и неудивительно, что учебники политической экономіи занимаются опроверженіемъ безсвязной аргументаціи книгъ предшествующихъ авторовъ, построенной на двусмысленности терминовъ, и построеніемъ при помощи подобныхъ же методовъ новой аргументаціи, которая въ свою очередь тоже опровергалась вскорѣ слѣдующимъ по времени экономистомъ. Развитая способность Рѣскина къ словесному анализу должна была оказать ему серьезныя услуги именно въ подобной наукѣ. Слѣдуетъ, правда, признать, что его страсть всегда докапываться до корней словъ, часто уводила его на ложный путь и что нѣкоторыя изъ его попытокъ къ „реставраціи“ словъ были слишкомъ фантастическими, чтобы онѣ могли оказаться на самомъ дѣлѣ полезными. Но признавая даже неудовлетворительность методовъ филологіи, все же нельзя не признать, что его привычка къ анализу, примѣняемая къ такимъ терминамъ, какъ капиталъ, цѣнность, прибыль, потребление, была полезна въ томъ отношеніи, что она помогала ему указать на двусмы-

сленность и извращеніе фактовъ, къ которымъ при-  
мѣнялись подобные термины.

3. Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ другихъ интел-  
лектуальныхъ и моральныхъ свойствахъ Рёскина, дѣ-  
лавшихъ его особенно пригоднымъ для исполненія взятой  
на себя задачи. Прежде всего онъ обладалъ безстраш-  
ной смѣлостью по отношенію къ наблюдаемымъ имъ  
фактамъ. Всякій, кому приходилось изучать исторію  
развитія политической экономіи, долженъ былъ неиз-  
бѣжно замѣтить, что политическіе или дѣловые инте-  
ресы или иногда даже академическія склонности  
извращали свободное и естественное развитіе науки и  
препятствовали ему, дѣлая науку служанкой интере-  
совъ какого нибудь класса или какой нибудь полити-  
ческой партіи. Полной искренности наблюденій и вы-  
раженій Рёскина никогда не вредили подобныя извращающія и затемняющія вліянія. Онъ никогда не под-  
чинялся никакому авторитету, хотя вообще и былъ  
склоненъ принимать разумныя и хорошо обоснованныя  
положенія другихъ ученыхъ. Таже самая оригиналь-  
ность мышленія, благодаря которой онъ низвергалъ  
вредный авторитетъ Рейнольдса въ искусствѣ, была  
внесена имъ и въ политическую экономію для низвер-  
женія авторитета Рикардо и Милля. Это безстрашное  
отрицаніе недостаточно установленныхъ авторитетовъ,  
это требованіе права независимаго изслѣдованія фак-  
товъ и принциповъ, бывшія безспорно источникомъ  
наиболѣе цѣнныхъ его услугъ въ качествѣ художе-  
ственного критика, были полезны ему и въ полити-  
ческой экономіи, въ области которой крайняя бѣдность  
изслѣдователей, обладавшихъ умомъ перворазряднымъ,  
давала авторитетъ людямъ, совершенно не имѣвшимъ  
на такой авторитетъ права.

4. Наконецъ не признавая даже за Рёскинымъ права  
считаться самымъ аналитическимъ умомъ во всей  
говсогъ.

Европѣ, всѣ, внимательно прочитавшіе его книги, начиная отъ „Современныхъ живописцевъ“ до „Fors Clavigera“, должны будутъ признать замѣчательную силу его анализа въ деталяхъ. Многіе ли изъ англичанъ въ девятнадцатомъ столѣтіи проявили такую умственную энергію и такую тонкость ума, какую мы видимъ въ философскомъ изложеніи происхожденія искусства во второмъ томѣ „Современныхъ живописцевъ“ или такую способность къ классификаціи, какую проявилъ Рёскинъ въ „Семи лампахъ архитектуры“? Ту же способность, развитую обширной опытностью, Рёскинъ внесъ и въ общественныя науки. Разсматривая его борьбу съ учеными экономистами, мы видимъ, что онъ оказался способнымъ выдерживать всякія нападенія и хотя его творчество не всегда оказывалось основательнымъ, но его критика ошибочныхъ разсужденій другихъ вообще была и сильной и убѣдительною.

Всѣ предыдущія замѣчанія доказываютъ ошибочность сильно распространеннаго мнѣнія, будто Рёскинъ былъ плохо вооруженнымъ странствующимъ рыцаремъ, сантиментальнымъ Донъ Кихотомъ, необдуманно выступившимъ на арену экономической полемики; обладая фактическими свѣдѣніями, будучи великимъ мастеромъ слова, обладая развитой способностью къ аргументаціи, онъ былъ человѣкомъ, совершенно компетентнымъ для обсужденія экономическихъ вопросовъ и для полемики съ Сеньоромъ, Фоусетомъ и Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Главный же его недостатокъ: отсутствіе случаевъ входить съ молодости въ соприкосновеніе съ рабочими классами, работа и жизнь которыхъ играютъ такую важную роль при изученіи экономической науки, и недостаточное пониманіе эволюціи въ строѣ промышленныхъ и политическихъ учреждений—былъ у него общимъ съ большинствомъ экономистовъ предыдущаго поколѣнія.

5. Еслибы Рёскинъ, признавъ границы экономиче-

ской науки, установленныя прежними авторитетами, ограничился только критикой непоследовательности и ошибокъ, вкравшихся въ эту науку, то и тогда тѣ его способности, на которыя мы сейчасъ указали, позволили бы ему оказать серьезныя услуги наукѣ въ качествѣ застрѣльщика. Но для той болѣе широкой задачи, которую онъ поставилъ себѣ, эти рѣдко встрѣчающіяся способности имѣли особую цѣнность.

Его обвинительный актъ противъ общепризнанной политической экономіи можетъ быть формально раздѣленъ на двѣ части. Во первыхъ, онъ обвиняетъ науку о промышленно-торговомъ богатствѣ въ томъ, что она облыжно приняла названіе и функціи политической экономіи. Во вторыхъ, онъ отвергаетъ вѣрность многихъ изъ основныхъ ученій торговой науки и признаетъ ихъ вредное вліяніе на счастье и нравственность общества.

Въ эту вторую часть его обвинительнаго акта можно включить и его нападки на справедливость и полезность промышленности, зиждущейся въ конкуренціи и существующей ради личной прибыли, потому что вся сила этого обвиненія противъ политической экономіи основывается на томъ, что эта наука поддерживаетъ существующую промышленную систему. Въ этой главѣ мы будемъ говорить только о первой части обвинительнаго акта Рёскина.

6. Непониманіе характера нападеній Рёскина на политическую экономію заставило многихъ думать, будто онъ ошибочно вноситъ элементъ чувства въ обсужденіи такихъ вопросовъ; гдѣ чувство неумѣстно. Но такое мнѣніе просто уклоняется отъ поставленнаго вопроса, который еще подлежитъ рѣшенію, такъ какъ Рёскинъ именно и утверждаетъ, во первыхъ, то, что чувство по праву входитъ и въ концѣ концовъ даже господствуетъ въ истинной экономической наукѣ, а во вторыхъ то, что и общепризнанная политическая эконо-

номія, и по своему происхожденію и по своему вліянію, до значительной степени основывается на чувствахъ—но только чувства то эти ложныя.

Прежде всего обратимся къ обвиненію въ томъ, что общепризнанная политическая экономія облыжно такъ называется. Содержаніе этой науки состоитъ въ богатствѣ, опредѣляемомъ какъ полезности, воплощенныя въ вещественныхъ объектѣхъ и имѣющія денежную цѣнность. Тутъ мы имѣемъ два постулата—первый, будто богатство ограничено вещественными воплощеніями и второй, что оно оцѣнивается приведеніемъ его къ мѣрилу денегъ. Изслѣдованіе надлежащаго значенія терминовъ: богатство и цѣнность составляетъ самую важную часть критики въ книгѣ Рёскина „Unto this Last“. Употребляемый Рёскинымъ методъ филологическаго изслѣдованія, частое обращеніе его къ фантастическимъ аналогіямъ и чрезмѣрное значеніе, придаваемое имъ корнямъ словъ, не должно вводить насъ въ ошибочное предположеніе, будто дѣлаемая имъ различія чуть чисто словесныя. Въ сущности, онъ всегда отъ словъ переходитъ къ реальностямъ, всегда имѣетъ ихъ въ виду; когда онъ задаетъ вполне умѣстный вопросъ: „какое право имѣете вы употреблять слово: богатство, первоначальное значеніе котораго есть *благосостояніе* и унижать и суживать его, ограничивая его значеніе для выраженія только нѣкоторыхъ родовъ вещественныхъ предметовъ, измѣряемыхъ деньгами“, онъ въ концѣ концовъ занимается не опроверженіемъ терминовъ, а опроверженіемъ самой идеи. Собственно говоря, онъ обвиняетъ экономистовъ въ томъ, что они допускаютъ извѣстное умственное раздробленіе и дѣлаютъ одинъ родъ вещественныхъ объектовъ предметомъ отдѣльнаго научнаго изслѣдованія и хотятъ на подобной наукѣ обосновать искусство національнаго и личнаго поведенія. Слѣдуетъ никогда не упускать изъ виду того обстоятельства, что политическая экономія всегда призна-

вала себя и наукой и искусством—причемъ искусство, понятно, въ исторіи предшествовало наукѣ.

Рёскинъ не отрицаетъ возможности построения гипотетической науки на томъ предположеніи, что всякій человѣкъ есть лѣнтяй и „жадное животное“, что наибольшее количество богатства, воплощеннаго въ вещественныхъ формахъ и измѣряемаго деньгами, составляетъ единственную цѣль его стремлений; онъ не отрицаетъ возможности построения подобной науки съ цѣлью изысканія законовъ производства и распредѣленія такого богатства. Наука, зиждущаяся на подобныхъ предположеніяхъ о характерѣ и цѣляхъ человѣка, можетъ быть послѣдовательной и въ ея разсужденіяхъ. Но когда Рёскину предлагаютъ такую науку, какъ науку о дѣйствительно существующимъ человѣкѣ, онъ отказывается отъ подобнаго признанія. Ну, а если человѣкъ не бездѣльникъ и не „жадная машина“. а одаренъ любовью къ хорошей работѣ и способностью къ самопожертвованію, если онъ стремится не къ однимъ вещественнымъ рыночнымъ благамъ, а и къ другимъ благамъ, и не вещественнымъ и не рыночнымъ?—спрашиваетъ Рёскинъ. Какая же польза въ наукѣ, начинающей съ предположенія, что человѣкъ есть то, что онъ не есть въ дѣйствительности?

Въ книгѣ „Unto this Last“ Рёскинъ особенно настаиваетъ на томъ, что экономисты будто бы дѣйствительно признаютъ существованіе экономическаго человѣка и полезность жадности къ приобрѣтенію. Даже самый строгій изъ старыхъ экономистовъ при его ученіи о полезности для общества просвѣщеннаго эгоизма охотно призналъ бы, что экономическій человѣкъ есть только гипотеза. Но чрезмѣрное настаиваніе Рёскина именно на этомъ пунктѣ, въ сущности, нисколько не вредитъ вѣрности его критики. Констатированіе такого предложенія ортодоксальной политической экономіи, содержащееся въ началѣ книги „Unto this Last“, по су-

шеству представляет вполне вѣрное изображение метода выработки науки:

Общественныя привязанности составляютъ случайныя и нарушающіе элементы въ человѣческой природѣ, наоборотъ скупость и стремленіе къ прогрессу суть элементы постоянныя. Исключимъ эти непостоянныя элементы и рассматривая человѣка, какъ приобретающую машину, изслѣдуемъ, при посредствѣ какихъ законовъ относительно труда, продажи и покупки достигается наибольшій результатъ, т. е. богатство. Разъ эти законы открыты, каждая личность потомъ можетъ вводить такую дозу нарушающаго элемента чувства, какую она захочетъ и можетъ сама опредѣлить результатъ при новыхъ гипотетическихъ условіяхъ<sup>1)</sup>.

Цѣлыя страницы изъ сочиненій такихъ писателей, какъ Джемсъ Милль, Макъ Куллохъ и Рикардо дадутъ намъ полное доказательство правильности такого описанія обычной аргументаціи экономистовъ. Прежде всего выработайте свой вопросъ, изолируя эгоистическія силы, а потомъ дѣлайте поправку внесеніемъ нарушающаго вліянія другихъ мотивовъ. Разумѣется, старыя экономическія „законы“ могли оказаться пригодными только при употребленіи подобнаго метода.

7. Рёскинъ очень мѣтко указалъ на основную ошибку такого метода разсужденія. Она состоитъ въ предположеніи, что случайныя элементы, вводимые позже, такого же характера, какъ и тѣ, которые изслѣдуются сначала—стало быть поправка относительно тренія будетъ вполне точная въ механической задачѣ, гдѣ всѣ силы одинаково подлежатъ количественному измѣренію и гдѣ вопросъ по существу математическій, но она совершенно не примѣнима тамъ, гдѣ силы отличаются количественно и комбинируются не механически, а органически. И тѣмъ не менѣе, не трудно понять, что

---

<sup>1)</sup> Ст. 2.

чисто механическая наука политической экономии кажется вполне пригодной и верной людям, обращающим свое внимание только на крупную промышленность начала девятнадцатого столетия. В большинстве отраслей современной промышленности: в мануфактурах, в рудном деле, во многих отраслях низшаго поденнаго труда и в торговле и в финансовых операциях, желание купить дешевле и продать дороже съ одной стороны, и работать как можно меньше, а получать как можно больше съ другой, действительно столь обще, столь упорно и столь преобладает, что при изслѣдованіи производства этихъ родовъ товаровъ всѣ другіе мотивы представляются величинами ничтожными. Разъ мы предположимъ—а въ этихъ случаяхъ такое предположеніе представляется вполне рациональнымъ—что трудъ самъ по себѣ нежелателенъ и не можетъ быть желателенъ и что единственной цѣлью промышленной дѣятельности служить получение возможно большей заработной платы съ одной стороны, и возможно большей прибыли съ другой, представленіе политической экономии о жадно приобретающей машинѣ становится совершенно понятнымъ. Если бы вся промышленная дѣятельность приводилась и необходимо должна бы была приводиться къ такому типу, то наука о промышленности могла бы вполне основательно строиться на такомъ предположеніи, хотя даже и въ этомъ случаѣ можно бы было оспаривать право политической экономии считаться наукой. Экономическій вопросъ, какимъ онъ представлялся въ действительности среднему фабриканту пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, былъ вопросомъ чисто математическимъ—какимъ образомъ купить дешевле сырье, уголь, машины и рабочія силы, необходимыя для производства товаровъ и какимъ образомъ найти рынокъ для сбыта ихъ по такой цѣнѣ, которая давала бы наибольшую прибыль? Идея о томъ, что соображенія гуманности могутъ и должны вліять на цѣны, по которымъ онъ покупаетъ одинъ изъ това-



ровъ, трудъ, не могла придти ему въ голову и понятіе о томъ, что вслѣдствіе особыхъ свойствъ машины-человѣка она можетъ въ теченіи извѣстнаго періода времени оплатить заработную плату, болѣе высокую, чѣмъ та, которая устанавливается конкуренціей, было такимъ смѣлымъ новшествомъ, что средній человѣкъ не былъ въ состояніи усвоить его. Такъ какъ покупка, употребленіе различныхъ механическихъ процессовъ и продажа произведенныхъ товаровъ были для дѣловаго человѣка дѣломъ простаго расчета, построеннаго на указанныхъ нами экономическихъ постулатахъ, то Рикардо, Милль и другіе экономисты, вѣрившіе во всеобщность примѣненія индуктивнаго метода, нашли возможнымъ сдѣлать обобщеніе отъ этого опыта отдѣльнаго дѣловаго человѣка ко всей системѣ промышленности. Такимъ то путемъ и создалась старая экономическая наука съ ея чисто математическими примѣненіями, съ закономъ ренты, съ фондомъ заработной платы, съ закономъ народонаселенія и т. д.

8. Рёскинъ подходитъ къ экономическимъ вопросамъ съ совершенно новыми точками зрѣнія. Даже то узкое значеніе, которое дается экономистами терминамъ: богатство и промышленность, включаетъ многіе роды труда и многіе товары, не подходящіе вполнѣ подъ общіе законы ихъ системы. Рёскинъ всегда признавалъ, что трудъ не есть зло, котораго слѣдуетъ избѣгать, а добро, котораго слѣдуетъ желать—лишь бы онъ былъ желателенъ по его количеству и качеству; онъ самъ былъ знакомъ съ многими родами труда, употребляемаго для производства изящнѣйшихъ родовъ вещественнаго богатства, которые совсѣмъ не подходили подъ опредѣленіе экономистовъ. Не только въ изящныхъ искусствахъ, гдѣ трудъ можетъ быть источникомъ высочайшихъ наслажденій, но и въ профессиональной работѣ и даже во многихъ ремеслахъ, предположеніе о естественной и нормальной склонности человѣка къ

бездѣлю — ложное предположеніе; во многихъ случаяхъ прибыль и заработная плата не составляютъ единственнаго или сильнѣйшаго мотива къ промышленной работѣ. Убѣжденный въ томъ, что просвѣщенное и благоустроенное общество можетъ посредствомъ управленія промышленностью и воздѣйствія утонченныхъ вкусовъ на производство богатства увеличить количество труда, къ которому примѣняется такое высшее мѣрило, онъ отрицалъ нормальность и вѣчность экономическихъ законовъ, полученныхъ на основаніи наблюденій надъ низшими степенями промышленности въ переходный періодъ ея развитія. Это было первымъ изъ радикальныхъ возраженій, выставляемыхъ Рёскинымъ противъ обычной доктрины; онъ утверждаетъ, что ея основное предположеніе падаетъ въ примѣненіи ко многимъ сферамъ промышленной дѣятельности.

Нападенія Рёскина и другихъ критиковъ на ненаучность метода абстрагирования нѣкоторыхъ чисто экономическихъ силъ и внесенія въ экономическія формулы поправки относительно тренія другихъ, отдѣльно вычисляемыхъ, не экономическихъ силъ, заставили позднѣйшихъ экономистовъ попытаться гуманизировать ихъ науку признаніемъ силами экономическими всякаго рода мотивы, заставляющіе человѣка добывать и расходывать деньги и могущіе измѣряться деньгами. Профессоръ Маршалъ, напримѣръ, желаетъ включить въ свои экономическія изслѣдованія страсти и другія нарушающія вліянія, поскольку они могутъ быть признаны такими же экономическими силами, какъ и главныя дѣйствующія силы лѣности и жадности.

Если, напримѣръ, привязанность къ родинѣ удерживаетъ человѣка на работѣ въ его родной деревнѣ и если такая склонность можетъ быть устранена только извѣстнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, то такое чувство экономически представляется увеличеніемъ заработной платы, достаточнымъ для того, чтобы побудить человѣка покинуть деревню и уйти на работу въ со-

сѣднїй городъ; точно также въ сферѣ расходыванія денегъ, т. е. потребленія, можно сравнивать и измѣрять желаніе вещественнаго богатства съ желаніями другого порядка; человекъ, посвящающій миссіонерскій митингъ съ десятью шиллингами въ карманѣ и рѣшающійся отдать пять шиллинговъ въ пользу миссіи, а другіе пять израсходовать на завтракъ, можно сказать, вполне точно уравниваетъ свое стремленіе къ распространенію христіанства съ удовлетвореніемъ своего аппетита. Предполагается, что старательное и специализированное собраніе статистическихъ данныхъ позволитъ намъ измѣрять экономическую цѣнность страстей и желаній всякаго рода, поскольку они могутъ быть измѣряемы на деньги. Слѣдуетъ при этомъ сразу признать, что мы можемъ сравнивать, и обыкновенно сравниваемъ, желанія, очень различныя по ихъ степени и роду, по ихъ отношенію къ денежному мѣрилу и этотъ новый методъ, поскольку онъ примѣнимъ, повидимому, отвѣчаетъ требованію Рёскина, чтобы случайныя или нарушающія силы были того же рода, какъ и силы первоначальныя.

9. Поэтому, если предположить, что будетъ возможно изолировать явленія купли и продажи и ту промышленную дѣятельность, которая имѣетъ отношеніе къ этимъ явленіямъ, будетъ вполне законнымъ сдѣлать ихъ предметомъ отдѣльной науки. Но возможно ли ихъ изолировать, а если возможно, то можно ли занимающуюся ими науку называть политической экономіей? Таковы вопросы, являющіеся въ логическомъ порядкѣ. Такъ какъ единство явленій вселенной и человѣческаго знанія есть существенное условіе всякой науки, то, какъ часто справедливо указывали, существуетъ только одна наука. Существованіе же многихъ наукъ есть, собственно говоря, вопросъ удобства, достигаемаго нѣкоторымъ пожертвованіемъ точности. Точное разграниченіе наукъ было предметомъ постоянныхъ

споровъ. Защитники науки о промышленности утверждаютъ, что явленія, которыми она занимается, настолько подобны и настолько отличны отъ другихъ явленій, что они могутъ быть объектомъ отдѣльной науки. Признается, что такая наука вторгается въ области другихъ наукъ, на примѣръ политики и гигиены. Но такое вторженіе не настолько часто и не настолько постоянно, чтобы уничтожить независимость явленій промышленности.

Но дѣло именно и состоитъ въ томъ, что довольно трудно признать такую независимость. Если разсматривать вопросъ со стороны производства, то органическій характеръ человѣка заставляетъ насъ настаивать на томъ, что всякій актъ его жизни имѣетъ вліяніе, и часто очень важное, и доброе и дурное, и притомъ, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, на его производительную силу. Неумѣренность, любовь къ игрѣ въ карты, книги, которыя человѣкъ читаетъ, друзья, которыми онъ окруженъ; и тысячи мелкихъ навыковъ и актовъ, совершенно не экономическихъ, непосредственно вліяютъ на человѣка, какъ на работника. Современный экономистъ отвѣтитъ на это: „хорошо! — поскольку они вліяютъ на денежную стоимость его труда, на получаемую имъ заработную плату, мы и будемъ разсматривать ихъ.“ То же самое и относительно вопроса о потребленіи; всякая личная особенность характера, привычки и т. д., вліяютъ на желанія человѣка, выражающіяся въ его способахъ расходыванія имъ денегъ. „Хорошо, опять отвѣчаетъ современный экономистъ, будемъ разсматривать и это, поскольку оно отражается на его спросѣ на товары“

Такой отвѣтъ представляется раціональнымъ и подобные учеты, можетъ быть, и осуществимы, но любопытно то обстоятельство, что тѣ самые экономисты, которые утверждаютъ, будто политическая экономія ограничивается изслѣдованіемъ способовъ полученія и расходыванія людьми ихъ доходовъ, въ дѣйствительности

не ограничивают свои изыскания относительно жизни и характера человека его желаниями, измеряемыми деньгами. Оставив старое представление об экономическом человеке и стараясь рассматривать человека таким, каков он есть, они почти неизбежно от своих исследований о человеке, как животном приобретающем и расходующем, переходят к непосредственному рассмотрению различных других условий его жизни, лежащих в основании процессов приобретения и расходования. У прежних экономистов эта непоследовательность ограничивалась случайными гуманными размышлениями и пожеланиями, но Д. С. Милль подал пример другим, вставляя в изложение экономических явлений целью диссертации о методах социальной реформы и о будущем рабочих классов — и его примеру следовали и другие экономисты. Правда, что все такие рассуждения и гуманные предложения имели некоторое отношение к приобретению и расходыванию; но обсуждаемые общественные вопросы — например, о влиянии машин, о восьмичасовом рабочем дне, о возможности кооперации, о функциях государства — обсуждались все же не в связи с приобретением и расходыванием. Наоборот, различные неэкономические блага: досуг, честность, интеллектуальные и эстетические вкусы, дружба и общественная доблесть, обсуждаются не как экономические факторы, определяемые по их денежной стоимости, а как человеческие функции, имеющие некоторое определенное отношение к функциям производства и потребления. Когда экономист обсуждает воздействие довольства, досуга или домашнего счастья на производительные способности априорным путем или когда он указывает, что возвышение уровня гражданственности влияет и на развитие промышленности, его аргументация фактически представляет молчаливое признание того, что выделение чисто промышленных явлений все же не такая удобная для экономических исследований гипотеза, как он заявлял раньше.

Но, можетъ быть, наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ непоследовательности общепризнанной экономической науки можетъ служить замѣчательное разнообразіе мнѣній относительно общеупотребляемаго термина, описывающаго содержаніе этой науки. Рѣскинъ, конечно, имѣлъ право пропизировать надъ заявленіемъ Д. С. Милля, будто „всякій имѣетъ понятіе, вполне достаточное и вѣрное для обычнаго употребленія, о значеніи термина: богатство.“ На самомъ же дѣлѣ почти всякій изъ экономистовъ даетъ этому термину свое собственное опредѣленіе; нѣкоторые включаютъ въ это опредѣленіе все, какъ вещественное, такъ и не вещественное, имѣющее мѣновую стоимость, другіе, напротивъ, исключаютъ невещественныя блага; нѣкоторые включаютъ человѣческое искусство, честность и другія полезныя человѣческія свойства, другіе же исключаютъ ихъ; нѣкоторые, наконецъ, настаиваютъ на постоянствѣ, какъ на необходимомъ условіи богатства. И какое бы опредѣленіе термина: богатство мы не приняли, мы встрѣчаемъ все новыя и новыя затрудненія вслѣдствіе измѣчивости промышленности и общественныхъ учрежденій. Освобожденіе рабовъ уменьшаетъ національное богатство, а загораживаніе общинныхъ земель увеличиваетъ его; при уничтоженіи пивоваренія и печенія хлѣба на дому появляются новыя отрасли промышленности и новые роды промышленнаго богатства. Большая часть труда женщинъ—ея домашній трудъ, не производитъ богатства, такъ какъ результаты его не обмѣниваются. Можно ли считать богатствомъ естественныя ресурсы страны, ея климатъ, рѣки и т. п? Въ какомъ смыслѣ будутъ богатствомъ дороги, общественныя зданія и другая собственность, не подлежащая куплѣ—продажѣ?

Подобныя вопросы— ихъ почти безконечное множество—доказываютъ, что богатство и промышленная система не настолько опредѣленно отдѣляемая части цѣлаго, что бы онѣ могли служить для созданія науки. Фак-

тичскіе и постоянно увеличивающіеся переходы за предѣлы, установленные экономистами въ ихъ опредѣленіяхъ, составляютъ самое убѣдительное—потому что совершенно безсознательное—доказательство непрочности ихъ позиціи.

10. Для занятаго Рёскинымъ положенія отрицаніе того, что промышленная система можетъ быть предметомъ спеціальной научной дисциплины, не представляется, впрочемъ, необходимою. Наука о продажныхъ товарахъ, цѣнимыхъ по рыночнымъ цѣнамъ, существовать можетъ. Рёскинъ просто отрицаетъ право такой науки именоваться политической экономіей, а такъ же и способность ея давать людямъ правила жизненнаго поведенія. Если такая наука и существуетъ, то пусть она называется тѣмъ, что она и есть въ дѣйствительности.—меркантильной экономіей <sup>1)</sup>

Этой то меркантильной наукѣ о скупости, какъ онъ ее понимаетъ, Рёскинъ и противопоставляетъ политическую экономію, которая по его словамъ, „состоитъ просто въ производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи, въ надлежащемъ мѣстѣ и въ удобное время, всѣхъ полезныхъ или пріятныхъ вещей“ <sup>2)</sup>.

Рёскинъ обыкновенно игнорируетъ академическій вопросъ, насколько политическая экономія есть наука, а не просто искусство. Онъ говоритъ, что экономія всякаго рода есть „дѣланіе“, и такъ какъ это такое дѣланіе, которое предполагаетъ не только знаніе, какъ дѣлать, но и знаніе того, каковы будутъ результаты этого дѣланія, то и нужно сказать, что оно есть наука. И дѣйствительно, при томъ всеобъемлющемъ характерѣ, которое Рёскинъ придаетъ политической экономіи, онъ имѣетъ право игнорировать отличіе между наукой и искусствомъ. Наука „дѣлать деньги“ можетъ быть раз-

---

<sup>1)</sup> „Unto this Last“ стр 41.

<sup>2)</sup> *ibid.*

личаема отъ искусства, такъ какъ законы первой излагаются въ изъявительномъ наклоненіи, а законы второй въ повелительномъ — но это различіе непримѣнимо къ такой политической экономіи, которая есть и наука и искусство жизни. Личность или нація, знающія законы пріобрѣтенія и расходыванія, могутъ, однако, не желать опредѣлять расходы или налоги сообразуясь только съ одними правилами, выводимыми изъ этихъ законовъ; но настоящая наука о производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи, въ удобное время и въ надлежащемъ мѣстѣ, всѣхъ полезныхъ и пріятныхъ вещей предполагаетъ и даже включаетъ искусство.

11. Это существенное отличіе меркантильной экономіи отъ политической составляетъ центральный пунктъ общественной критики Рёскина. Его политическая экономія нѣчто вполне отличное отъ общепризнаннаго экономическаго ученія.

Прежде всего, она уничтожаетъ перегородку, отдѣляющую процессы промышленные отъ всѣхъ другихъ родовъ полезной человѣческой дѣятельности, признавая богатствомъ всѣ полезныя и пріятныя вещи, какъ обмѣниваемыя, такъ и не обмѣниваемыя, а производствомъ всякую полезную и здоровую человѣческую дѣятельность. Хотя Рёскинъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ иногда и выказываетъ нѣкоторое колебаніе и проявляетъ склонность ограничить свою политическую экономію той же самой промышленной дѣятельностью, которая составляетъ содержаніе меркантильной экономіи и только замѣняетъ принятое коммерческое мѣрило мѣриломъ гуманности и справедливости, но у него это только временная діалектическая позиція, занятая имъ для боевыхъ цѣлей. Его полное и окончательное понятіе о политической экономіи охватываетъ не только процессы пріобрѣтенія человекомъ пропитанія, но и всѣ человѣческія усилія и всѣ удовлетворенія его потребностей.



Меркантильная экономія говоритъ, что она занимается процессами, посредствомъ которыхъ человѣкъ поддерживаетъ свое существованіе. Но что такое существованіе? — спрашиваетъ Рёскинъ и отвѣчаетъ вмѣстѣ съ Вордсвортомъ: „мы живемъ удивленіемъ, надеждой и любовью“, Онъ требуетъ, чтобы политическая экономія непосредственно изучала это высшее существованіе.

Такое требованіе основано не на сентиментализмъ, а на строго научной критикѣ. Меркантильная экономія признаетъ, что человѣкъ, какъ животное промышленное, какъ приобретающій и расходующій деньги, есть существо отдѣльное отъ человѣка, какъ друга, любовника, отца, гражданина, или что его съ удобствомъ для экономического изложенія можно считать таковымъ. Рёскинъ, напротивъ, настаиваетъ на томъ, что органическое единство человѣка, какъ существа сознательнаго и разумнаго, обладающаго способностью разсматривать свою жизнь, какъ нѣчто цѣлое и составлять планъ своего поведенія требуетъ соответствующаго единства и въ наукѣ, трактующей о человѣческомъ поведеніи и что взаимодействіе различныхъ силъ, существующихъ въ человѣкѣ, столь постоянно и столь переплетено, что совсѣмъ невозможно сдѣлать такого предположенія, котораго требуетъ меркантильная экономія. Блага, которыя не суть богатство въ меркантильномъ смыслѣ этого слова, результаты самопожертвованія и благорасположенія, дружба, семейныя привязанности, сосѣдскія и гражданскія чувства, интеллектуальныя усилія, не предназначающіяся для рынка, и по своему производству и по своему потребленію имѣютъ непосредственное отношеніе къ благамъ промышленнымъ. Дѣятельность, употребляемая на созданіе подобныхъ благъ, имѣетъ самое непосредственное вліяніе на промышленную дѣятельность, а наслажденіе такими высшими моральными и интеллектуальными благами составляетъ главный мотивъ,

опредѣляющій спросъ на товары. Рёскинъ уясняетъ это основное свое положеніе примѣромъ домашней службы; онъ доказываетъ, что отъ слуги невозможно получить лучшаго труда и услугъ, если признать его трудъ простымъ рыночнымъ товаромъ и игнорировать его личность или душу, которая по необходимости участвуетъ въ оказываемыхъ имъ нанимателю услугахъ. Развивая далѣе это положеніе, онъ доказываетъ, что всякій трудъ при промышленныхъ процессахъ по своему характеру и по результатамъ есть выраженіе не „экономическаго человѣка“, не человѣческой машины, а сознательнаго, разумнаго и чувствующаго существа. Мы всегда имѣемъ дѣло не съ эгоистическими промышленными инстинктами, а съ со всею природою человѣка и всегда на наши запросы отвѣчаетъ человѣкъ, какъ единое и цѣлое существо. Обращайтесь съ человѣкомъ не какъ съ полнымъ человѣкомъ—и вы не получите отъ него лучшихъ промышленныхъ результатовъ. Почему это? Не только потому, что вы обязаны, какъ собратья рабочаго, относиться съ надлежащимъ уваженіемъ къ его личности, но и потому еще, что, поступая иначе, вы дѣйствуете на основаніи ложной гипотезы. Стало быть, теоретическое предположеніе экономиста и практическое предположеніе дѣловаго человѣка, будто къ работнику можно относиться просто, какъ къ вмѣстилищу извѣстнаго рода рабочей силы, вознаграждаемой заработной платой за то, что эта сила употребляется на производство вещественныхъ товаровъ, есть предположеніе ложное, уничтожающее всѣ дѣлаемые изъ него выводы теоретика и вредящее дѣятельности нанимателя. Попытка создать отдѣльную науку о промышленномъ богатствѣ, основанную на убѣжденіи, что человѣческія дѣйствія, направленные на пріобрѣтеніе и на расходываніе, составляютъ, какъ выражается профессоръ Маршалъ, „довольно однородную группу“, есть попытка неудачная, такъ какъ человѣкъ есть существо

органически единое и потому раздѣлять его на части невозможно. Промышленность есть сфера жизненнаго поведенія, не настолько отдѣльная отъ другихъ сферъ жизни, чтобы она могла составлять содержаніе отдѣльной науки. Эти критическія замѣчанія Рёскинъ примѣняетъ въ своемъ обвиненіи противъ политической экономіи въ томъ, что она суживаетъ значеніе термина „богатство“, такъ что богатство означаетъ только сумму вещественныхъ рыночныхъ благъ. Филологическая ссылка, отождествляющая терминъ „богатство“ съ человѣческимъ „благосостояніемъ“, не простая игра фантазій, а доказательство того факта, что самъ языкъ свидѣтельствуетъ истину объ единствѣ человѣческой жизни и человѣческаго поведенія, единствѣ, отрицаемомъ тѣми, которые суживаютъ значеніе термина.

12. Слѣдующей важной реформой, произведенной Рёскинымъ въ политической экономіи, была замѣна денежнаго мѣрила цѣнности „мѣриломъ жизни“. Это составляетъ самое существенное отличіе политической экономіи Рёскина отъ ортодоксальной политической экономіи. Для послѣдней цѣнностью какого либо количества меркантильнаго богатства будетъ та сумма денегъ или товаровъ, за которую можно продать его. Для Рёскина цѣнность есть способность этихъ товаровъ поддерживать человѣческую жизнь. „Имѣть цѣнность значитъ быть полезнымъ для жизни“. Однимъ словомъ, онъ предлагаетъ замѣнить денежное мѣрило богатства, принимаемое дѣловыми людьми и меркантильными экономистами, мѣриломъ полезности его для человѣка. По ученію меркантильной экономіи боченокъ водки или рулетка имѣютъ такую же цѣнность, какъ мѣшокъ хлѣба или полка хорошихъ книгъ, если на рынкѣ за нихъ даютъ одинаковую цѣну; то обстоятельство, что первые товары получаютъ свою цѣнность благодаря извращеннымъ вкусамъ и ихъ потребленіе вредитъ жизни человѣка, а вторые служатъ для сохраненія физической

или умственной жизни, не вліяетъ на ихъ цѣнность. Экономисты, однако, издавна уже отличаютъ мѣновую цѣнность отъ потребительной. Но ортодоксальная политическая экономія центральнымъ пунктомъ своихъ теорій принимаетъ мѣновую цѣнность, слѣдуя въ этомъ дѣловой практикѣ. Дѣловой человѣкъ, въ качествѣ „экономическаго человѣка“, совершенно не заинтересованъ способностью его товаровъ удовлетворять цѣлямъ человѣческой жизни; для него вполне достаточно того, чтобы на производимые имъ товары или на товары, которыми онъ торгуетъ, былъ спросъ. Что же касается до потребленія этихъ товаровъ — такъ это уже дѣло покупателя. *Saveat Emptor*.

Нѣкоторые изъ экономистовъ случайно обращали вниманіе и на жизненные услуги продаваемыхъ товаровъ, на вліяніе ихъ потребленія на рабочую силу; они иногда сожалѣли о потребленіи рабочими предметовъ роскоши и такъ далѣе, но ихъ замѣчанія по этому поводу не составляли необходимой части ихъ экономическихъ теорій. Потому признаніе Рёскинымъ полезности мѣриломъ и указателемъ цѣнности должно считаться самымъ революціоннымъ изъ его экономическихъ положеній. Это положеніе выражено имъ въ краснорѣчивой, но строго научной формулѣ: „нѣтъ другого богатства, кромѣ жизни, — жизни со всѣми ея свойствами, съ ея любовью, съ ея радостью, съ ея удивленіемъ. Та страна будетъ наиболѣе богатой, которая выкармливаетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ людей; тотъ человѣкъ будетъ наиболѣе богатымъ, который усовершенствовалъ функціи своей жизни до ихъ крайняго предѣла и потому имѣетъ наибольшее вліяніе надъ жизнью другихъ, какъ личное, такъ и посредствомъ того, чѣмъ онъ обладаетъ“<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> «Unto this Last».

13. Но признать, что Рёскинъ замѣнилъ объективное денежное мѣрило цѣнности мѣриломъ субъективнымъ, человѣческимъ, еще недостаточно. Правда, что экономисты прежде всего интересуются мѣновой цѣнностью, и хотя у современныхъ экономистовъ замѣчается все растущая тенденція настаивать на субъективной полезности, какъ на основаніи мѣновой цѣнности, но признаніе такого положенія Девонсомъ и его послѣдователями не дѣлаетъ ихъ ближе къ теоріи Рёскина, потому что никто изъ нихъ не идетъ дальше настоящихъ фактическихъ желаній людей, отражающихся въ ихъ промышленной дѣятельности. Политическая экономія, какъ они понимаютъ ее, занимается тѣмъ, что *есть*, а не тѣмъ, что *должно быть*. Какъ наука, она занимается только тѣмъ, что человѣкъ дѣйствительно дѣлаетъ, тѣмъ, въ чемъ онъ дѣйствительно нуждается; а какъ искусство, она занимается экономическимъ упорядоченіемъ дѣятельности людей для удовлетворенія ихъ дѣйствительныхъ потребностей.

Рёскинъ, напротивъ, кладетъ въ основу политической экономіи, какъ искусства, требованія этическія и это совершенно измѣняетъ самый характеръ науки. Настоящая цѣнность вещи состоитъ не въ цѣнѣ, которую за нее платятъ, и не въ томъ удовлетвореніи, которое она даетъ потребителю, а въ той существенной услугѣ, которую она можетъ оказать при надлежащемъ пользованіи ею. Тѣ изъ торговыхъ благъ или благъ всякаго рода, которыя удовлетворяютъ полезнымъ и здоровымъ потребностямъ человѣка суть богатство; тѣже, которыя удовлетворяютъ какому нибудь низкому или вредному желанію, не суть богатство, а зло, такъ какъ они полезны не для жизни, а ведутъ къ смерти. Такимъ образомъ, точкой отправленія для политической экономіи Рёскинъ признаетъ мѣрило, основанное не на настоящей субъективной оцѣнкѣ потребителей, а на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ принци-

пахъ здоровья и болѣзни, справедливости и несправедливости. Человѣкъ или нація богаты постольку, поскольку они могутъ удовлетворять естественнымъ здоровымъ потребностямъ и такимъ образомъ осуществлять истинную задачу человѣчества. Меркантильный экономистъ утверждаетъ, что онъ практической человѣкъ, занимающійся только тѣмъ, что существуетъ, а не тѣмъ, что должно быть. Рёскинъ, какъ экономистъ, настаиваетъ, что именно то, что должно быть, и есть практическое правило поведенія, которое составляетъ основу настоящей политической экономіи; то *должное*, которое находится внѣ узкаго утилитаризма меркантильнаго экономиста, входитъ въ сферу болѣе широкой человѣческой экономіи и становится самымъ важнымъ изъ всѣхъ существующихъ фактовъ.

14. Третья важная реформа Рёскина имѣетъ отношеніе къ самому термину, „политическая“. Первый изъ великихъ англійскихъ трактатовъ о политической экономіи имѣлъ заглавіе; „О Богатствѣ народовъ“, но наука въ рукахъ послѣдователей Адама Смита никогда не принимала настоящаго соціального и національнаго мѣрила, даже при вычисленіи и опредѣленіи торговаго богатства. Предположеніе, будто каждая личность, стремясь пріобрѣсти больше богатства для себя лично, должна идти такимъ путемъ, который приводитъ неизбежно къ наибольшему общему благосостоянію, доказываетъ, что принимающіе такое положеніе совершенно неспособны понять органической строй общества. Нація признается простымъ агрегатомъ составляющихъ его членовъ; благо цѣлаго есть сумма благъ отдѣльныхъ частей агрегата. Ортодоксальная политическая экономія, конечно, признаетъ пользу частной коопераціи группъ личностей для производства богатства, но мотивъ такой коопераціи—не производство богатства для націи, а прибыль или заработная плата соединяющихся членовъ общества.

Убѣжденіе, что стремленіе личностей или группъ побудить ихъ къ такой промышленной дѣятельности, которая создастъ сумму вещественныхъ формъ богатства большую, чѣмъ та, которая могла быть создана непосредственнымъ національнымъ распоряженіемъ промышленностью, можетъ быть правильнымъ и неправильнымъ; но экономика, при которой не имѣется въ виду блага общества, въ которой это благо не является прямой цѣлью, не заслуживаетъ названія политической. Дѣло въ томъ, что экономія Рикардо и Милля никогда и не была политической въ настоящемъ смыслѣ этого слова; экономическіе законы были просто обобщеніями дѣятельности отдѣльныхъ дѣловыхъ людей при процессахъ купли—продажи; это просто экономія ловкаго ланкаширскаго фабриканта, только названная „политической“. Такъ какъ для фабриканта выгодно покупать дешево сырые матеріалы, машины и трудъ, устроить свои фабрики при наиболѣе совершенномъ раздѣленіи труда, получать возможно большее количество продукта отъ желѣзныхъ и человѣческихъ машинъ, производить не лучшіе товары, а такіе которые продаются съ наибольшимъ барышемъ, захватить рынокъ, выбросивъ съ него конкурентовъ—такъ какъ для всякаго промышленника было полезно слѣдовать по такому пути, то и для всѣхъ промышленниковъ это полезно, а также для націи, какъ агрегата промышленниковъ и лавочниковъ. Даже ученіе о свободѣ торговли, въ которомъ старые экономисты подошли нѣсколько ближе къ сознанію о существованіи національной экономіи, очень рѣдко излагалось въ національной формѣ; по большей части оно доказывалось и уяснялось указаніемъ на выгоду свободы торговли для личностей, специально заинтересованныхъ безпрепятственными торговыми сношеніями съ промышленниками и торговцами другихъ націй.

Понятіе о дѣйствительной политической экономіи, до котораго дошелъ профессоръ Дживонсъ всего одинъ.

разъ, когда онъ говорилъ, что „великая задача экономіи можетъ, какъ мнѣ кажется, быть поставлена такимъ образомъ: дано извѣстное населеніе съ различными потребностями и съ различными производительными силами, обладающее извѣстными землями и другими вещественными источниками—требуется указать такой способъ употребленія труда такого населенія, чтобы полезность продукта была наибольшая“<sup>1)</sup>—такое понятіе не вошло въ авторитетные учебники политической экономіи и даже въ учебникъ самого Девонса.

Рёскинъ не составлялъ теорій объ органическомъ характерѣ государства, но всегда настаивалъ на признаніи за нимъ именно такого характера, доказывая, что и наука и искусство политической экономіи должны разсматриваться съ точки зрѣнія благосостоянія цѣлаго общества. Государство или общество, которымъ занимается его экономія, не только промышленный и политическій, но, сообразно взглядамъ Рёскина на жизнь и на искусство, моральный организмъ; его государство также, какъ государство Платона, основывается на справедливости. Такое органическое понятіе вездѣ уясняетъ его теорію и его практическую творческую политику; оно уясняетъ и его представленіе о различныхъ промышленныхъ классахъ и объ отношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ каждаго класса; оно освобождаетъ его отъ механически атомистическаго понятія о равенствѣ и заставляетъ его развивать цѣлую правильную систему взаимозависимости, поддерживаемой властью и повиновеніемъ; а въ радикально важномъ вопросѣ о распредѣленіи оно заставляетъ его прибѣгнуть къ аналогіи съ человѣческимъ тѣломъ, какъ типомъ органической жизни. „Обращеніе богатства въ націи подобно обращенію крови въ тѣлѣ. Эта аналогія доходитъ до мельчайшихъ подробностей. Какъ

<sup>1)</sup> „Theory of Political Economy“.



неправильное мѣстное распредѣленіе крови ведетъ къ ухудшенію общаго здоровья организма, такъ и всякая мѣстная вредная дѣятельность богатыхъ въ концѣ концовъ приводитъ къ ослабленію ресурсовъ политическаго организма“ <sup>1)</sup>). Другіе соціологи ввели болѣе выработанную научную терминологію и Гербертъ Спенсеръ въ Англии и Шеффле въ Австріи развили эту индустриальную фізіологію; но эта аналогія еще не признана по ея отношенію къ теоріи производства и теоріи распредѣленія богатства.

Для оправданія эпитета „политическая“ въ примѣненіи къ экономіи необходимо введеніе органическаго понятія о промышленности и тотъ фактъ, что оно не введено въ индуктивную науку меркантильныхъ экономистовъ, въ которыхъ господствуетъ индивидуалистическая філософія, составляетъ роковой недостатокъ этой науки.

15. Сдѣлаемъ же теперь общій обзоръ радикальныхъ реформъ, внесенныхъ Рёскинымъ въ строеніе политической экономіи. Въ то время, какъ ходячая теорія признаетъ своимъ содержаніемъ вещественные рыночные товары и процессы ихъ производства и распредѣленія, измѣряемые въ терминахъ денегъ и рассматриваемые съ опредѣленно-индивидуалистической точки зрѣнія, теорія Рёскина признаетъ своимъ содержаніемъ блага всякаго рода, включая и высшія невещественныя и рыночныя блага, и процессы производства и распредѣленія, измѣряемые въ терминахъ „жизни“ и рассматриваемые съ общественной точки зрѣнія.

Стало быть, дѣятельность Рёскина состояла въ томъ, что онъ *гуманизировалъ* политическую экономію. Всякій экономическій фактъ и всякій процессъ лишаются своего вещественнаго или денежнаго облаченія и проявляются въ ихъ обнаженности, какъ жизненная правда,

---

1) „Unto this Last“.

Сущность богатства состоитъ не въ банковыхъ балансахъ, не въ земляхъ, домахъ и товарахъ, а и въ власти надъ людьми“ Это, такъ сказать, мечь чувства. Гудъ въ его „Пѣснѣ о рубашкѣ“ говорилъ: „вы носите не бѣлье, а жизнь человѣческихъ существъ“, а Рёскинъ энергично доказывалъ, что всякій спросъ на товары есть, въ сущности, спросъ на жизнь или на смерть, смотря потому будетъ ли воплощенный въ этихъ товарахъ трудъ хорошей или дурной по своему характеру и по условіямъ, при которыхъ онъ совершается. Цѣнность, по мнѣнію профессиональныхъ экономистовъ, не есть свойство вещи; вещь не имѣетъ присущей ей цѣнности; цѣнность ея зависитъ отъ количества другихъ вещей, на которыя она обмѣнивается. Цѣнность, по мнѣнію Рёскина, есть поддерживающія, сохраняющія жизнь свойства вещи, независимо отъ другихъ вещей и отъ мнѣнія о ней людей. „Стоимость вещи опредѣляется тѣмъ, что она можетъ сдѣлать для васъ, а не тѣмъ, что она можетъ сдѣлать по вашему мнѣнію <sup>1)</sup>. Издержки производства, по мнѣнію экономистовъ,—это сумма денегъ, заплаченная за то, чтобы дѣло было сдѣлано или, по новымъ теоріямъ, количество рабочей силы, измѣряемой временемъ или какимъ либо другимъ объективнымъ мѣриломъ; по мнѣнію же Рёскина, издержки производства есть расходываніе жизни. Единственное мѣрило полезности, признаваемое ортодоксальной политической экономіей, есть денежная мѣра желанія. Для Рёскина полезность приводится къ сохраненію и развитію жизни и къ счастью. Такимъ образомъ, вливая жизнь и морализируя всѣ термины и всѣ экономическіе процессы, Рёскинъ создаетъ новую политическую экономію, занимающуюся производствомъ здоровой жизни, производствомъ „душъ хорошаго качества“.

<sup>1)</sup> „Queen of the Air“. § 125.

16. Чрезвычайно важно отмѣтить отличіе между этими двумя процессами оживленія или „витализированія“ и морализированія политической экономіи. Приведеніе денежной стоимости и измѣряемой деньгами полезности къ страданію производства и къ удовольствію потребленія, опѣниваемымъ сообразно съ дѣйствительными желаніями и чувствами производителей и потребителей, будетъ процессъ „витализирующій“, оживляющій, и онъ составляетъ уже замѣтный прогрессъ въ гуманизированіи политической экономіи. Такой анализъ, несомнѣнно, долженъ повести къ осужденію производства свинцовыхъ бѣлилъ, напимѣръ, и другихъ тяжелыхъ, вредныхъ и отвратительныхъ работъ, такъ какъ онъ доказываетъ, что заработная плата не представляетъ надлежащаго мѣрила человѣческихъ страданій; такой анализъ разобьетъ также мыльный пузырь полезности, приписываемой многимъ предметамъ роскоши. Но признать несовершенные или извращенные желанія и вкусы теперешнихъ производителей и потребителей надлежащимъ и окончательнымъ мѣриломъ цѣнности значило бы остановиться на полпути—а Рёскинъ никогда не согласился бы на это. Ни порядокъ, ни прогрессъ невозможны и даже немыслимы безъ идеаловъ; никакая наука или искусство о богатствѣ не можетъ быть создана на основѣ близорукихъ, ошибочныхъ и измѣнчивыхъ желаній данной минуты; благосостояніе личности и націи требуетъ мѣрила истинной гуманности, къ которому и должны быть приводимы желанія и капризы минуты. Ложный экспедіентъ преходящихъ удовольствій и страданій долженъ быть замѣненъ справедливымъ и правильнымъ понятіемъ объ общественномъ благосостояніи. Такимъ образомъ практика политической экономіи требуетъ идеала, какъ личной, такъ и общественной жизни, и этотъ идеаль есть справедливый строй жизни, приводящій къ счастью.

Рёскинъ строго осуждаетъ ученіе утилитаристовъ съ ихъ „наибольшимъ счастьемъ наибольшаго числа лю-

дей“, но его порицаніе относится, собственно говоря, къ гедонизму, при посредствѣ котораго большинство учителей утилитаризма приводило поведеніе къ проходящимъ удовольствіямъ и страданіямъ, не опредѣляя условій достиженія прочнаго счастья. Самого Рёскина въ его политической экономіи, поскольку дѣло идетъ о его понятіи о цѣли, можно причислить къ утилитаристамъ. Мотивами, дѣйствующими на личность, могутъ быть принципы справедливости и честности, и, однако, результаты дѣйствій измѣряются въ терминахъ счастья. Окончательный результатъ производства и потребления всякаго богатства состоитъ въ „производствѣ возможно большаго количества здоровыхъ, свѣтлоокихъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ“. <sup>1)</sup>

Переходя отъ меркантильной экономіи къ наукѣ и искусству общественной экономіи, мы еще не оставляемъ эгонистическіе мотивы или достиженіе удовлетворенія желаній, какъ цѣли дѣятельности; мы только расширяемъ сферу этихъ понятій, расширяемъ и ихъ характеръ, дѣлая то я, которое ищетъ удовлетворенія, разумнымъ и нравственнымъ существомъ. Господство въ душѣ человѣка справедливости и честности расширяетъ и очищаетъ ее, требуя пожертвованія болѣе узкимъ *И* ради болѣе широкаго, развивающагося тогда, когда мы отождествляемъ наше благо съ благомъ другихъ; оно расширяетъ и упорядочиваетъ наше понятіе о счастьи, давая нашимъ представленіямъ о жизни болѣе широкой и болѣе сложный характеръ; „справедливыя, размѣренныя и постоянныя чувствованія“ даютъ намъ истинное мѣрило полезности для нашего жизненнаго поведенія. Когда Рёскинъ говоритъ, что „сущность современныхъ лжеученій относительно богатства какого либо рода состоитъ въ отрицаніи внутренней цѣнности“, <sup>2)</sup> онъ нападаетъ этимъ на не-

---

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

<sup>2)</sup> „Fors“—письмо XII.

достатокъ принциповъ такъ называемой философіи утилитаризма, не указывающей никакихъ средствъ для сдержки близорукаго стремленія къ удовлетворенію переходящихъ желаній, какъ правила поведенія.

Для Рёскина эти дефекты политической экономіи: ея матеріализмъ, ея вѣра въ конкуренцію и въ просвѣщенный эгоизмъ, ея денежное мѣрило цѣнности, представляются прежде всего моральными дефектами и его крестовый походъ противъ ходячихъ теорій вдохновлялся нравственной энергіей. Именно этотъ моральный характеръ его ученіе и заставлялъ многихъ признать его критику сантиментальной. Мы уже видѣли, что чувства и идеалы являются существеннымъ условіемъ всякаго научнаго истолкованія экономическихъ явленій и что въ этомъ смыслѣ политическая экономія Рёскина вполне научна.

17. Я остановился съ такой подробностью на критикѣ Рёскинымъ ненаучности основы ортодоксальной политической экономіи потому, что защитники ея часто обвиняли Рёскина въ томъ, что онъ нападаетъ, собственно, не на науку, а на искусство, которое, какъ они утверждаютъ, онъ совершенно ложно приписываетъ имъ. Это обвиненіе представляется до извѣстной степени основательнымъ, потому что самыя сильныя обвиненія Рёскина направлены противъ той поддержки, которую, по его мнѣнію, экономисты оказываютъ несправедливости и не гуманности промышленности, основанной на конкуренціи. Но и тутъ, какъ увидимъ дальше въ пятой главѣ, его нападки въ дѣйствительности направлены противъ извѣстныхъ догматическихъ положеній науки, а совсѣмъ не противъ искусства.

Въ сферѣ политической экономіи перегородка, отдѣляющая науку отъ искусства, всегда была очень тонкой и всѣ экономисты, начиная съ Адама Смита, настолько же занимались примѣненіемъ своихъ теорій къ

ученіямъ о свободной торговлѣ, о налогахъ, о деньгахъ, о поддержаніи личной торговли, какъ и созиданіемъ и разработкой самихъ теорій.

Рёскинъ отнюдь не смѣшивалъ теорій и практики экономистовъ, какъ полагаютъ нѣкоторые; они сами смѣшивали ихъ. Правда, что въ своихъ предложеніяхъ о созданіи болѣе широкой политической экономіи онъ самъ болѣе непосредственно занимается искусствомъ, а не наукой. И тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ предполагать, что онъ игнорировалъ необходимость научной основы для искусства. Несомнѣнно, что онъ самъ предпочелъ бы, чтобы его считали открывшимъ этическую основу искусства общественной жизни, а не открывшимъ основу научную. Онъ, вѣроятно, отвергъ бы науку о нравственности. Но указывая на основу экономического поведенія, мы не можемъ игнорировать свидѣтельства современной соціологіи относительно научнаго характера его ученій.

Положеніе Рёскина, что цѣль экономической дѣятельности состоитъ въ „производствѣ жизни, въ производствѣ душъ хорошаго качества“, даетъ ту необходимую гипотетическую цѣль, которая необходима, чтобы соціологія, какъ наука, и общественный прогрессъ, какъ искусство, имѣли значеніе. Современное ученіе объ эволюціи не только не устраняетъ необходимости конечныхъ причинъ, но немислимо и переходитъ въ анархію безъ признанія такихъ причинъ. Понятіе объ эволюціи, даже смутное, требуетъ гипотетической цѣли также, какъ оно требуетъ гипотезы о причинахъ дѣятельныхъ. Не только практической реформаторъ, но и человекъ, изучающій общественное движеніе, долженъ поставить какую нибудь цѣль, въ родѣ поставленной Рёскинымъ, когда онъ признаетъ цѣлью политической экономіи „умноженіе и развитіе до высочайшаго предѣла человѣческой жизни.“<sup>1)</sup>

---

<sup>1)</sup> „*Munera Pulveris*“ § 7.

Соціологія потребує чтобы науцное воображеніе перепрыгнуло чрезъ рвы, раздѣляющіе извѣстныя отдѣльныя явленія и изъ кучи плохо распредѣленныхъ фактовъ создала научный законъ измѣненій, основываясь на какой либо идеѣ, признанной раньше, чѣмъ она уяснена явленіями и прежде, чѣмъ она объяснила эти явленія. Какъ научное воображеніе въ своихъ гипотезахъ воссоздаетъ явленія прошлаго, такъ оно, создавая идеалы, воспроизводитъ направленіе прогресса, совершившагося въ прошломъ, и продолжаетъ это направленіе, эту линію прогресса, и въ будущее. Такое созданіе идеаловъ есть существенная часть труда истинно научнаго ума; всѣ великія открытія были сдѣланы такими индивидуальными актами вѣры.

Біологи и соціологи, воссоздавая процессы органической жизни сообразно съ предвзятыми и потомъ провѣренными законами прогресса, занимались именно тѣмъ, чѣмъ занимался Рёскинъ или чего онъ былъ предтечей—т. е. приданіемъ наукѣ и искусству жизни формы интеллектуальной. Понятіе Рёскина о богатствѣ и есть то понятіе, которое необходимо для идеала въ соціологіи; его теорія цѣнности по существу согласуется съ тѣмъ же научнымъ требованіемъ. Какъ доказательство приведемъ слова одного изъ великихъ современныхъ біологовъ.

„Оставимъ обитателей ученыхъ монастырей, выдемъ на свѣтъ, осмотримся вокругъ, попытаемся выразить листъ и брилліантъ съ ихъ объективной стороны въ терминахъ фактической дѣйствительности и мы найдемъ, что можно признать безконечное количество физическихъ и фізіологическихъ свойствъ этихъ предметовъ или ихъ „цѣнностей“; одно представляетъ, собой столько то топлива, причемъ его способность давать тепло измѣряется калориметромъ или въ единицахъ производимой этимъ тепломъ работы; другое есть опредѣленный чувственный стимуль, измѣняющійся по закону Фехнера. Именно это и хочеть сказать намъ авторъ

въ слѣдующихъ словахъ, которыя могутъ казаться нелѣпыми ортодоксальному экономисту, но вполне понятны для насъ:

„Внутренняя цѣнность вещи есть абсолютная ея способность поддерживать жизнь. Боченокъ пшеницы даннаго вѣса и даннаго качества обладаетъ измѣримой способностью поддерживать вещество тѣла; кубическій футъ воздуха обладаетъ опредѣленной способностью поддерживать его теплоту; букетъ красивыхъ цвѣтовъ обладаетъ способностью оживлять и одушевлять чувство и сердце“. <sup>1)</sup>

Мы отнюдь не утверждаемъ, что Рёскинъ создалъ систему социологiи или что онъ былъ на пути къ созданiю такой системы; но онъ указалъ путь созданiя такой науки и предложилъ нѣкоторыя гипотезы относительно фактовъ и терминологiи, которыя согласуются съ открытiями, сдѣланными независимо отъ него другими учеными. Настаивая на приведенiи всѣхъ экономическихъ терминовъ—напримѣръ, цѣнность, издержки, полезность и т. д.—къ терминамъ жизненности, настаивая на органической цѣлостности и единствѣ всей человѣческой дѣятельности, на органическомъ характерѣ коопераціи общественныхъ единицъ и, наконецъ, выставляя социальный идеаль разумнаго человечества, Рёскинъ вполне заслуживаетъ того, чтобы мы признали его пионеромъ въ теорiи общественной экономiи.

<sup>1)</sup> „John Ruskin“ by Patrick Goddes.



## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

### Теорія общественной экономіи Рёскина.

1. Литературный методъ ученія Рёскина.—2. Постановка вопроса о богатствѣ въ книгѣ «Munera Pulveris».—Частичный анализъ.—3. Сущность богатства есть его внутренняя цѣнность.—4. Способность потребителя, какъ условіе богатства.—5. Распредѣленіе, какъ условіе, опредѣляющее богатство.—6. Соответствующій анализъ издержекъ производства.—7. Неполнота формальнаго анализа въ теоріи Рёскина.—8. У него нѣтъ указаній на отношеніе промышленнаго богатства къ не промышленному.—9. Непризнаніе Рёскинымъ закона эволюціи.—10. Отличіе „космическаго“ отъ „этическаго“, дѣлаемое Гексли.—Статическое понятіе объ обществѣ.—11. Общій обзоръ вѣзда, сдѣланнаго Рёскинымъ въ науку общественной экономіи.

1. Очень естественно, что слову „критика“ часто придавали значеніе, собственно говоря, не вполне подходящее—значеніе осужденія или хулы; дѣйствительно, судьи часто имѣютъ право оставить безъ разсмотрѣнія заслуги личности или ея дѣятельности и обратить вниманіе преимущественно на разсмотрѣніе ошибокъ, или совсѣмъ не замѣченныхъ другими, или вслѣдствіе кажущейся ихъ вѣрности и полезности представляющихъ серьезную скрытую опасность. Такая критика всегда была и всегда будетъ специальной задачей реформатора; но только близорукія и партійныя сообра-

женія могутъ признавать такую критику чисто отрицательной и разрушительной; для реформатора его критика по цѣли всегда созидательная, реформирующая, и чисто критическая сторона его дѣятельности для него только основаніе творческой дѣятельности, непосредственно вытекающей изъ его разрушительной, отрицательной работы.

Рѣскинъ можетъ считаться именно такимъ критикомъ—реформаторомъ; онъ совсѣмъ не обладалъ свойствами настоящаго разрушителя; его аналитическая способность, направленная на разрушеніе ложной системы искусства, образованія или общественнаго порядка, всегда вдохновлялась духомъ возсозданія, стремящимся къ тому, чтобы внести порядокъ вмѣсто хаоса, чтобы замѣнить плевела здоровыми плодоносными растеніями или чтобы вздѣлать почву для дальнѣйшихъ насажденій.

При изложеніи общественнаго ученія Рѣскина было удобно разсматривать его именно какъ критика ортодоксальныхъ экономическихъ теорій—частію потому, что такова была дѣйствительная эволюція его общественно литературной дѣятельности, а частію и по тому, что его враждебное отношеніе къ ортодоксальнымъ ученіямъ съ особой силой указываетъ на его положительныя заслуги относительно надлежащаго изслѣдованія соціальнаго вопроса.

Двѣ стороны его дѣятельности, разрушительная и творческая, почти во всѣхъ книгахъ Рѣскина смѣшиваются часто до невозможности различить ихъ, и форма, приданная имъ такимъ образомъ его ученію, часто оказывалась настоящимъ камнемъ преткновенія для людей, желавшихъ вполне понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить это ученіе.

Но это составляетъ только частное проявленіе того кажущагося беспорядка, который господствуетъ въ большей части его произведеній—беспорядка, справиться съ которымъ можно только при симпатической оцѣнкѣ тѣхъ законовъ свободнаго творчества, которые про-

являются всегда въ произведеніяхъ литературныхъ гениевъ. Для того, чтобы понять методъ мыслителя, необходимо понять его основную задачу.

Послѣдовательность общественныхъ теорій Рёскина была очень рѣдко признаваема, потому что онъ нигдѣ не изложилъ ихъ въ той систематической, послѣдовательной формѣ, которая обыкновенно принимается учителями, обращающимися преимущественно къ разуму. А Рёскинъ никогда не обращался преимущественно къ разуму; во всѣхъ его сочиненіяхъ мы видимъ, что онъ обращается и къ уму и къ сердцу одновременно; онъ насколько же стремится къ тому, чтобы тронуть сердце, насколько и къ тому, чтобы убѣдить умъ. Поэтому то форма его изложенія скорѣе литературная, чѣмъ логическая; точно также и порядокъ изложенія скорѣе литературный, чѣмъ логическій; соединеніе страстности съ доказательствами, обусловливаемое такимъ методомъ, можетъ возбудить смущеніе и недоувѣріе у людей, желающихъ и требующихъ сухихъ и спокойныхъ разсужденій. А кромѣ того этотъ свойственный Рёскину методъ литературнаго изложенія часто заставляеть его впадать въ двѣ ошибки, вполне противоположныя — а именно, то чрезмѣрно растягивать разсужденіе, то чрезмѣрно концентрировать его.

2. Ни въ одной изъ книгъ Рёскина мы не найдемъ полного, яснаго и послѣдовательнаго изложенія его общественныхъ принциповъ. Каждая изъ нихъ: „Unto this Last“, „Munera Pulveris“ и „Fors Clavigera“, такъ сказать, обѣщаетъ такое изложеніе, хочетъ быть имъ. Рёскинъ въ нихъ устанавливаетъ вѣрные и широкіе принципы такого изложенія, но нигдѣ не даетъ полного исполненія обѣщаннаго имъ, какъ ни прекрасна сама по себѣ литературная форма этихъ книгъ. Его ученіе во всей его полнотѣ приходится возстановлять, какъ послѣдовательное и единое цѣлое, на основаніи заявленій, разбросанныхъ въ различныхъ

мѣстахъ его сочиненій; да и при такомъ возсозиданіи мы найдемъ значительныя пробѣлы при примѣненіи основныхъ принциповъ.

Примѣромъ нашего утвержденія можетъ служить наиболѣе систематическая изъ книгъ Рёскина, *Munera Pulveris*. Въ началѣ ея мы находимъ совершенно полное опредѣленіе содержанія этой книги: „Существенная задача экономиста состоитъ въ опредѣленіи того, каковы дѣйствительно полезныя и поддерживающія, дающія жизнь вещи, и какимъ путемъ, посредствомъ какого рода труда онѣ должны быть производимы и распредѣляемы“<sup>1)</sup>.

Потомъ съ замѣчательной ясностью излагается основная антитеза издержекъ производства или труда, употребляемаго на производство товаровъ, и полезности ихъ или пользованія ими. Надлежащее разсмотрѣніе промышленности съ человѣческой или соціальной точки зрѣнія требуетъ, чтобы товары, или блага, разсматриваемые какъ богатство, были приведены къ этимъ издержкамъ производства и къ полезностямъ и оцѣнивались по отношенію какъ къ первымъ, такъ и ко вторымъ. Одно изъ самыхъ важныхъ обвиненій, выставляемыхъ противъ меркантильныхъ экономистовъ, состоитъ въ томъ, что они слишкомъ исключительно занимаются продуктами и не достаточно занимаются процессами производства и оцѣниваютъ благосостояніе народа по суммѣ вещественныхъ благъ, не принимая во вниманіе того, насколько такой результатъ достигается увеличеніемъ продолжительности, напряженности, монотонности и вредности работы. Рёскинъ, дѣлая свое широкое обобщеніе, что „нѣтъ богатства, а есть жизнь“, а также постоянно наставляя на необходимости для всѣхъ хорошей, полезной работы, кладетъ въ основу своей соціальной теоріи отношеніе между работой и жизнью, между производствомъ и потребе-

---

1) *Munera Pulveris*\* — § XI.

ніемъ. Потому можно бы было ожидать, что въ своей книгѣ „*Munera Pulveris*“ онъ приведетъ богатство къ двумъ его составнымъ человѣческимъ элементамъ, что онъ обратитъ такое же вниманіе на человѣческія издержки, на человѣческую стоимость, какъ и на человѣческую полезность и при этомъ установитъ законы естественнаго и моральнаго взаимодѣйствія работы и жизни. Логически анализъ Рёскина долженъ бы былъ привести его къ анализу конкретныхъ формъ, составляющихъ меркантильное богатство и, опредѣливъ, насколько велика трата силъ при болѣзненномъ или вредномъ усилии, употребляемомъ для производства такого богатства, онъ долженъ бы былъ опредѣлить, сколько жизненной полезности получить отъ cadaго изъ родовъ богатства потребитель, которому продуктъ достанется по его распредѣленію; онъ долженъ бы былъ далѣе оцѣнить истинное богатство, воплощаемое въ этихъ формахъ, на основаніи излишка полезности надъ издержками. Такой анализъ и предлагается Рёскинымъ въ его „*Munera Pulveris*“, но осуществляется онъ только отчасти. Этотъ недостатокъ въ изложеніи объясняется принятіемъ Рёскинымъ термина: „богатство“ въ узкомъ его смыслѣ, въ признаніи, что богатство состоитъ „изъ вещей, цѣнныхъ сами по себѣ“ — а такое признаніе исключаетъ прямое и непосредственное разсмотрѣніе траты рабочей силы и придаетъ чрезмѣрное значеніе полезности богатства.

Рёскинъ начинаетъ съ яснаго и логическаго различенія между цѣнностью и издержками. „Цѣнность есть жизнедающая способность какой либо вещи, а издержки количество труда, требуемаго для производства вещи“; <sup>1)</sup> но вмѣсто того, чтобы оцѣнивать богатство, содержащееся въ товарахъ, какъ по незначительности издержекъ, такъ и по величинѣ ихъ цѣнности, онъ избираетъ мѣриломъ только послѣднюю. Это дѣлаетъ

---

1) *ibid.*—§ XII.

его анализъ одностороннимъ; положеніе о цѣнности или полезности разработано съ замѣчательнымъ искусствомъ, а положеніе объ издержкахъ оставлено безъ разсмотрѣнія и упущено изъ виду органическое отношеніе между ними.

3. Чтобы привести сумму меркантильныхъ полезностей, которыми занимается меркантильная экономія, къ реальной полезности или къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, которыми только и должна заниматься политическая экономія, требуется примѣненіе трехъ признаковъ, нужно отвѣтить на слѣдующіе три вопроса:

1. Каковъ долженъ быть характеръ товаровъ и каковы должны быть оказываемыя ими услуги, что бы ихъ можно было признать полезностями?

Меркантильная экономія не обращаетъ вниманія на присущія вещамъ свойства; она не занята тѣмъ, хорошо или плохо онѣ сдѣланы, чисты онѣ или поддѣльны; она не обращаетъ вниманія и на то, какого рода желаніямъ онѣ удовлетворяютъ, здоровымъ или болѣзненнымъ, нравственнымъ или безнравственнымъ; для нея полезность отражается только въ спросѣ. Спросъ на дурныя книги или на лохмотья, вызывающій предложеніе такихъ товаровъ на сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, для нея такой же спросъ, какъ и спросъ на здоровый хлѣбъ или на прекрасныя произведенія искусства на такую же сумму.

Для Рёскина первый признакъ цѣнности состоитъ въ существенной полезности товаровъ, въ ихъ способности удовлетворять здоровымъ человѣческимъ потребностямъ. Вещь цѣнится постольку, поскольку она полезна. Вещи, потребленіе которыхъ ведетъ къ смерти, суть зло (*illth*).

Въ предисловіи къ „*Munera Pulveris*“ Рёскинъ объясняетъ это различіе въ примѣненіи къ искусству, сравнивая картины Тинторета, предоставленныя послѣ осады Венеціи порчѣ и разрушенію, съ отлично сдѣланными

раскрашенными фотографіями, изображающими „современные танцы радости“, продающимися на парижскихъ улицахъ.

„Трудъ, употребленный на то, чтобы сдѣлать камень для печатанія какой нибудь такой литографіи, гораздо больше того, который употреблялъ Тинторетъ на картину средней величины. Потому, если считать причиной происхожденія цѣнности трудъ, такой литографскій камень будетъ имѣть большую цѣнность, чѣмъ картина Тинторета; а такъ какъ при посредствѣ его можно произвести большое количество непосредственно поступающихъ въ продажу или обмѣниваемыхъ литографій, на которыя постоянно имѣеть спросъ, то естественно предполагается на основаніи всѣхъ до сихъ поръ установленныхъ принциповъ политической экономіи, что городъ Парижъ, обладающій большимъ количествомъ такихъ камней, безконечно богаче Венеціи, обладающей только кусками средневѣковыхъ полотень, поблекшихъ отъ южнаго вѣтра и отъ соленыхъ дождей. А на самомъ дѣлѣ Парижъ не сдѣлался богаче отъ того, что онъ обладаетъ такими фотографіями. По существу онъ не богатство, а нѣчто прямо противоположное богатству. Парижъ по количеству труда, употребленному на производство такихъ литографій, ниже, а не выше абсолютной бѣдности. Это не только ложное богатство, а и настоящій долгъ, который когда нибудь придется уплатить—и теперешній видъ улицы Риволи указываетъ, какимъ образомъ онъ будетъ когда нибудь уплаченъ“<sup>1)</sup>.

4—2. Внутренняя цѣнность есть первый признакъ богатства. Но этотъ признакъ долженъ быть дополненъ другимъ — „способностью воспріятія“, т. е., способностью потребителя извлечь изъ товара ту пользу, которая въ немъ содержится. „Лошадь для насъ не богатство, если мы не можемъ ѣздить на ней; картина тоже не богатство,

---

<sup>1)</sup> Предисловіе написано въ 1871 году, послѣ осады Парижа.

если мы не можем видѣть ее, и вообще любая благородная вещь можетъ быть богатствомъ только для благородной личности. По мѣрѣ увеличенія способности потребителя увеличивается и дѣйствительная полезность употребляемой вещи; во всей ея полнотѣ она можетъ сосуществовать только съ совершеннымъ искусствомъ пользованія ею“ <sup>1)</sup>). Именно это положеніе соединяетъ искусство образованія Рёскина съ его политической экономіей и представляетъ новое обвиненіе противъ меркантильнаго мѣрила богатства количествомъ вещественныхъ формъ. Только теперь наиболѣе просвѣщенные изъ нашихъ экономистовъ начинаютъ полагать, что процвѣтаніе страны можетъ быть увеличено настолько же образованіемъ потребителя, насколько и увеличеніемъ искусства производителя. Этотъ признакъ богатства съ особой яркостью выставленъ въ томъ мѣстѣ книги „Unto this Last“, гдѣ Рёскинъ признаетъ нѣкоторыхъ людей „внутренно и вѣчно неспособными къ пользованію богатствомъ“.

5—3. Третій признакъ богатства, хотя опредѣленно нигдѣ не выставленный Рёскинымъ, есть необходимое слѣдствіе второго, т. е., способности потребителя пользоваться богатствомъ. Количество пользы, извлекаемой изъ какой либо вещи, будетъ зависѣть не только отъ присущихъ ей свойствъ и отъ характера или свойствъ личности, обладающей ею, но также и отъ количества вещей, коими обладаетъ личность. Коровой хлѣба имѣетъ присущую ему цѣнность; онъ имѣетъ и дѣйствительную цѣнность для человѣка, но лишь постольку, поскольку у него не имѣется другихъ такихъ короваевъ. Говоря другими словами, наибольшая дѣйствительная полезность, получаемая отъ какого нибудь предмета, получается тогда, когда онъ удовлетворяетъ наиболѣе напряженной человѣческой потребности. Потому мы должны обращать

<sup>1)</sup> „Munera Pulveris“, § 14.



вниманіе не только на свойства вещи и свойства потребителя, чтобы опредѣлить настоящую цѣнность какихъ либо товаровъ, а также и на ихъ распредѣленіе. Извѣстное количество товаровъ имѣетъ свою максимальную цѣнность тогда, когда они распредѣлены такимъ образомъ что удовлетворяютъ наибольшей потребности.

Поэтому когда экономистъ предъявляетъ намъ товары, стоющіе тысячу фунтовъ, мы раньше, чѣмъ спросить его объ ихъ настоящей цѣнности, должны спросить:

1. какимъ добрымъ человѣческимъ цѣлямъ служить эти товары?
2. каковы лица, ихъ получающіе?—и
3. сколько именно получаетъ каждая изъ этихъ личностей?

6. Такой анализъ меркантильной полезности при переходѣ отъ нея къ полезности человѣческой достаточно полонъ. Но экономія Рёскина требуетъ, чтобы совершенно аналогичный процессъ былъ примѣненъ и къ другой сторонѣ вопроса., къ вопросу объ издержкахъ. Ученіе о внутренней цѣнности должно быть примѣнено и къ этой сторонѣ вопроса. Какъ полезность измѣряется въ терминахъ жизни, такъ и издержки производства или стоимость могутъ быть измѣряемы въ терминахъ смерти. Это Рёскинъ и утверждаетъ на 58 страницъ въ общихъ выраженіяхъ, но полный и ясный анализъ полезности не уравнивается у Рёскина въ его *Munera Pulveris* соответствующимъ анализомъ издержекъ. Относительно экономики работы намъ придется обратиться къ болѣе раннему произведенію автора, къ его „политической экономіи-искусства“, <sup>1)</sup> но и тамъ мы не найдемъ систематическаго изложенія всего содержанія человѣческаго труда, а только разсмотрѣніе вопроса о трудѣ при производствѣ художественныхъ произведеній.

1) Впоследствии изданное подъ заглавіемъ: „A joy for Ever“

Для того, чтобы анализъ стоимости труда или издержекъ производства соответствовалъ анализу полезности или цѣнности, мы должны изслѣдовать:

1. внутренний характеръ труда по отношенію къ рабочему. Нѣкоторые роды труда унижительно по существу вслѣдствіе физическихъ условій—таковъ, напримѣръ, трудъ рабочаго при удлингованіи желѣза или кочегара на кораблѣ. Другіе роды труда сопряжены съ опасностями для жизни или для нравственности столь значительными, что только крайняя бѣдность или невѣжественность рабочихъ можетъ заставить ихъ взяться за такой трудъ. Къ этому разряду работъ относятся, напримѣръ, нѣкоторые процессы при производствѣ бѣлизы, фосфорныхъ спичекъ, нѣкоторыя химическія работы и нѣкоторыя работы въ публичныхъ заведеніяхъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ. Издержки производства, стоимость такой работы, безконечно велики; сопоставляя ихъ съ полезностью, они никогда не „оплачиваются“, тутъ всегда мы имѣемъ дѣло съ чистой потерей человѣческой жизни.

Всякій тяжелый и однообразный трудъ, исполняемый въ отвратительной и вредной средѣ, всякій трудъ неинтересный и неразвивающій, предполагаетъ издержки. Трудъ же, представляющій здоровое физическое упражненіе, умѣренный, требующій искусства, являющійся выраженіемъ индивидуальности, помогающій развитію способностей и характера человѣка, въ дѣйствительности не есть трудъ <sup>1)</sup>, ибо онъ не предполагаетъ потери жизненныхъ силъ. Въ дѣйствительности, такой трудъ есть настолько же источникъ богатства, какъ и потребленіе полезностей и, въ сущности, теорія Рескина требуетъ, чтобы мы признавали его таковымъ. Нужно ввести новый терминъ: „внутренняя, присущая производству издержки“ — соответствующій термину: „внутренняя, присущая вещи цѣнность“.

<sup>1)</sup> „Трудъ — трата — потеря (жизни)“ SS 59.

2. Это учение о присущихъ производству издержкахъ должно быть дополнено соображеніями относительно способностей рабочихъ. Ихъ индустріальныя свойства: сила, искусство и т. п., должны быть опредѣлены, если мы хотимъ узвать настоящія или дѣйствительныя издержки. Данное количество извѣстнаго труда, исполняемаго обученными и сильными людьми во время нормальнаго рабочаго дня, можетъ включать очень небольшія издержки; но то же количество труда, исполненнаго слабыми женщинами или дѣтьми, можетъ включать громадныя издержки человѣческихъ страданій. Раса, полъ, возрастъ, естественныя способности, образованіе и выучка—все это существенныя факторы для опредѣленія субъективныхъ издержекъ. Если трудъ, очень тяжелый для взрослыхъ, возлагается на несозрѣвшихъ полурбочихъ, подростковъ—то и для личности и для общества издержки (стоимость этого труда) будутъ неисчислимо велики, хотя это и дешевый трудъ, такъ какъ за него даютъ малую заработную плату. Раньше, чѣмъ опредѣлить стоимость труда (издержки производства), мы должны знать, кто именно дастъ этотъ трудъ.

3. Наконецъ, при оцѣнкѣ издержекъ также, какъ и при оцѣнкѣ полезности, суммы товаровъ мы должны опредѣлить, какимъ образомъ распредѣляется трудъ—распредѣленъ ли онъ между многими рабочими, работающими умѣренно-напряженно и короткое время или это тяжелый и продолжительный трудъ, наваленный на небольшое количество людей, вынужденныхъ работать съ крайними усиліями или наконецъ, трудъ предполагаетъ періоды долгой работы, перемежающіеся съ періодами безработины. Самая легкая и самая интересная работа становится тяжелой и вредной, если она слишкомъ продолжительна, тогда какъ самое напряженное физическое или умственное усиліе можетъ быть легкимъ и здоровымъ, если оно непродолжительно. Такимъ образомъ, данное количество рабочаго времени въ разныхъ отрасляхъ производства можетъ безконечно

измѣняться по суммѣ издержекъ жизни, смотря потому, какимъ образомъ распредѣляется трудъ.

7. Рёскинъ вполнѣ признавалъ всѣ эти соображенія отросительно издержекъ производства; въ его сочиненіяхъ мы найдемъ достаточное количество доказательствъ этого. Но ни въ „*Munera Pulveris*“, ни въ другихъ книгахъ онъ не сопоставляетъ такой анализъ издержекъ съ анализомъ цѣнности или полезности. Этотъ недостатокъ, отсутствіе систематическаго изложенія, повредилъ его репутаціи какъ экономиста. Еслибы онъ сопоставилъ свой анализъ стоимости человѣческаго труда (издержекъ производства) съ анализомъ человѣческой же полезности, еслибы онъ указалъ, какъ онъ указывалъ во многихъ случайныхъ замѣчаніяхъ, на естественное отношеніе между издержками и полезностью, на то, что количество и качество потребленія вліяютъ на характеръ и количество труда, что хорошія условія искусной и интересной работы способствуютъ воспитанію потребителя и гражданина, что въ свою очередь вліяетъ на спросъ, что стремленіе одного общественнаго класса потреблять, ничего не производя, заставляетъ другой классъ производить, почти ничего не потребляя, что подобное нарушеніе физическихъ и нравственныхъ законовъ приноситъ двойной вредъ: и тѣмъ, которые чрезмѣрно работаютъ, и тѣмъ, которые чрезмѣрно потребляютъ — еслибы Рёскинъ въ „*Munera Pulveris*“ и въ другихъ книгахъ ясно и систематически изложилъ эти принципы субъективной политической экономіи, то всѣ должны бы были признать научной характеръ такихъ принциповъ.

Пренебрегая такимъ формально систематическимъ изложеніемъ своихъ принциповъ, вставляя свои чисто теоретическія положенія среди фразъ страстнаго обращенія къ чувству читателя, среди капризныхъ филологическихъ замѣтокъ, среди энергическихъ тирадъ противъ матеріализма и утилитаризма, Рёскинъ нас-

только затемнилъ въ сущности совершенно послѣдовательное экономическое ученіе, что трудно открыть его и оцѣнить, какъ нѣчто полное и цѣльное.

8. Слѣдуетъ отмѣтить и другіе пробѣлы въ общественной теоріи Рёскина. Одна изъ радикальныхъ реформъ, совершенныхъ имъ въ сферѣ политической экономіи, состояла, какъ мы видѣли, въ уничтоженіи различія между рыночными и нерыночными благами. Отождествляя богатство съ жизнью, онъ расширяетъ понятіе о наукѣ и искусствѣ богатства, такъ что они включаютъ и тѣ человѣческія дѣйствія, которыя не имѣютъ отношенія къ промышленнымъ искусствамъ, и такимъ образомъ онъ не только гуманизируетъ политическую экономію, но и расширяетъ ея сферу. Въ виду этого мы естественно ожидали бы, что онъ посвятитъ значительную часть своего труда и времени принципамъ, опредѣляющимъ надлежащее отношеніе между промышленнымъ и непромышленнымъ богатствами, и человѣческими силами, употребляемымъ на производство и потребленіе каждаго изъ этихъ богатствъ. Наука объ усиліяхъ и объ удовлетвореніяхъ потребностей, которую стемится создать Рёскинъ своимъ анализомъ, требуетъ основательнаго изслѣдованія органическихъ отношеній, существующихъ между различными родами усилій и удовлетвореній, для того, чтобы можно было установить разумное мѣрило доброй жизни — мѣрило, которое наиболѣе совершенно экономизировало бы всѣ силы личной жизни и создало бы въ общественной жизни такую гармонію, чтобы въ ней (т. е. въ общественной то жизни) существовала настоящая политическая экономія.

Такая работа, въ сущности, есть необходимое слѣдствіе основныхъ принциповъ Рёскина, но самъ онъ нигдѣ даже не попытался намѣтить хотя бы абрисъ ея въ своей соціальной теоріи, хотя въ тѣхъ опытахъ общественной реформы, которыя онъ предлагаетъ въ

последніе годы своей жизни, онъ сдѣлалъ не мало мудрыхъ предложеній относительно распредѣленія человѣческой дѣятельности въ различныхъ сферахъ труда и наслажденія.

9. Другая сильно развитая черта склада ума Рёскина тоже значительно повредила распространенію и признанію его общественнаго ученія. Или потому, что его принципы уже были прочно установлены раньше того времени, когда Дарвинъ, Уоллесъ и Спенсеръ выработали существенныя положенія ученія объ эволюціи, или потому, что Рёскинъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на абстрактныя идеи естествознанія, его общественныя взгляды были отсталыми именно въ этомъ отношеніи, такъ онъ не признавалъ теоріи непрерывнаго развитія.

Эта черта его умственнаго склада всего лучше видна въ его утвержденіи о вѣчности и неизмѣнности цѣнности. „Цѣнность вещи независима отъ мнѣнія и отъ количества. Чтобы вы ни думали о цѣнности вещи, сколько бы вы не получали отъ вещи барышей, сама по себѣ цѣнность не будетъ ни большей, ни меньшей. Вещь сама по себѣ или полезна или неполезна; никакая оцѣнка не можетъ отнять у нея, никакое презрѣніе не можетъ разрушить то свойство, которое она получила отъ Творца людей и вещей <sup>1)</sup>).

Тутъ Рёскинъ, какъ видите, подходитъ очень близко къ возрожденію средневѣковаго предрасудка о субстанціи, о сущности. Цѣнность вещи, какъ полезной для жизни, можетъ быть, какъ мы видѣли независимой отъ мнѣнія въ томъ только смыслѣ, что высокая оцѣнка водки пьяницей не увеличиваетъ присущей водкѣ цѣнности. Но цѣнность вещи тѣмъ не менѣе должна измѣняться съ ея количествомъ; цѣнность большого

<sup>1)</sup> „Unto this Last“. Ср. „Munera Pulveris“ § 32--34.

количества зерна можетъ быть въ самомъ лучшемъ случаѣ только потенціальной, а не дѣйствительной; тамъ, гдѣ нѣтъ голода, насыщаемаго имъ, зерно бесполезно для жизни. Еще болѣе радикальному возраженію подлежитъ утвержденіе Рёскина о присущей полезностямъ цѣнности, независимо отъ оцѣнки ихъ потребителями. Обсуждая въ „Munera Pulveris“ „воспринимающую способность“ потребителя, Рёскинъ призналъ, что лошадь не имѣетъ цѣнности для человѣка, который не можетъ ѣздить на ней. Такое предположеніе доказываетъ, что его теорія беретъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, признавая богатствомъ то, что есть благо для дѣйствительно существующаго человѣка, а зломъ то, что вредно и дурно для него. Признавъ такой критерій, мы должны настаивать на томъ, что дѣйствительная цѣнность вещи должна безконечно измѣняться, смотря на стадіи развитія, достигнутой личностью и обществомъ. Картина Тинторета или опера Вагнера не имѣетъ никакой цѣнности для дикарей, потому что хотя внутренняя природа этихъ благъ и остается неизмѣнной, но въ этомъ случаѣ отсутствуетъ ихъ свойство возвышать жизнь. Самая сущность личной культуры и цивилизаціи націи и состоитъ въ поднятій и личности и націи до такого уровня, при которомъ блага, раньше не имѣвшія цѣнности, приобрѣтаютъ ее, такъ что въ концѣ концовъ измѣняется оцѣнка всѣхъ благъ. Это понятіе о естественномъ и правильномъ развитіи уровня потребления есть основное положеніе всякой „человѣческой экономіи.“ Прогрессъ до значительной степени состоитъ въ томъ, что онъ даетъ цѣнность новымъ объектамъ и переоцѣниваетъ старыя цѣнности, входящія въ понятіе объ уровнѣ жизни. Признать цѣнность нѣкоимъ свойствомъ, присущимъ вещи и неизмѣннымъ, значитъ принимать стереотипный общественный идеаль и даже болѣе того: это значитъ признать все человѣчество чѣмъ то однороднымъ, а такое признаніе невѣрно даже какъ идеаль,

Рёскинъ, можетъ быть, вслѣдствіе „специфическихъ идеаловъ“ своей прежней теоріи искусства пришелъ къ предположенію, что существуетъ и специфическій общественный идеаль, независимый отъ расы, отъ мѣста, отъ времени и отъ всѣхъ другихъ условій. „Измѣненіе организма средой“, сопровождающееся „воздѣйствіемъ организма на среду“—эти фразы всегда возбуждали въ Рёскинѣ гнѣвъ, и однако это важныя истины, необходимыя для пополненія тѣхъ самыхъ принциповъ общественной экономіи, которые онъ признавалъ. Если бы Рёскинъ относился не столь презрительно и не такъ подозрительно къ новой наукѣ, къ біологіи, онъ значительно бы усилилъ тѣ этическія доказательства, которыя онъ самъ заимствовалъ изъ этого источника. При изслѣдованіи законовъ физической жизни животныхъ организмовъ и параллельно съ ними законовъ жизни обществъ, аналогія между ними давно уже перешла бы въ тождество; число біологовъ, стремящихся примѣнить законы своей отрасли знанія къ соціологіи, все болѣе и болѣе увеличивается; все болѣе и болѣе признается, что „экономическій вопросъ о поддержаніи жизни человѣка есть только спеціальный случай громаднаго вопроса о видоизмѣненіи организма средой, точно также, какъ происхожденіе человѣка есть спеціальный случай происхожденія видовъ.“<sup>1)</sup>

Законъ о справедливомъ распредѣленіи богатства для Рёскина былъ прежде всего вопросомъ нравственнымъ; но въ сущности онъ основывается на необходимомъ физическомъ базисѣ, если мы прослѣдимъ во всѣхъ измѣняющихся процессахъ растительной и животной жизни естественныя взаимозависимость и взаимодѣйствіе между питаніемъ и функціей, между воспріятіемъ пищи и расходомъ энергіи въ работѣ. Разъ

<sup>1)</sup> Proceedings of Royal Society Эдинбургъ 1884 г. (цитировано въ „John Ruskin-Geddes'a“).



только мы признаемъ справедливымъ то положеніе, что общество есть организмъ—великій принципъ распредѣленія труда и его продуктовъ, выражаемый формулой: „отъ каждаго по его способностямъ и каждому по его нуждамъ.“ будетъ зиждиться не только на сантиментальной или чисто моральной основѣ; онъ станетъ необходимымъ примѣненіемъ естественнаго закона прогресса во всѣхъ сферахъ органической жизни.

10. Есть ученые, утверждающіе, будто космическіе законы, примѣнимые ко всѣмъ низшимъ формамъ жизни и къ человѣку, какъ животному, измѣняются и даже ниспровергаются новыми законами, управляющими разумнымъ поведеніемъ человѣка, какъ члена общества. Напрямѣръ, Гексли пытается противопоставить космическому развитію развитіе социальное, утверждая, что „соціальный прогрессъ на каждомъ шагу задерживаетъ космическій прогрессъ и замѣняетъ его другимъ прогрессомъ, который можно назвать этическимъ; цѣль этого послѣдняго не переживание тѣхъ, которымъ случилось оказаться пригоднѣйшими при существующемъ комплексѣ условій, а тѣхъ, которые пригоднѣйшіе этически“<sup>1)</sup>). Нелогичность такого различенія состоитъ въ оговоркѣ „при существующемъ комплексѣ условій“, потому что въ числѣ этихъ условій входитъ и этическая пригодность и если она оказывается главнымъ факторомъ выживанія, то такое положеніе это этическое условіе могло занять благодаря удачной борьбѣ съ другими не этическими условіями и если оно оказалось сильнѣйшимъ, то очевидно, что оно есть болѣе вѣрный представитель всего „комплекса условій“, чѣмъ всѣ другіе признаки личной пригодности, которыя предполагаются болѣе слабыми. Въ сущности говоря, отличие, дѣлаемое Гексли, есть отрицаніе непрерывности развитія; если его противопоставленіе этического

---

<sup>1)</sup> „Evolution and Ethics“.

космическому имѣть какое либо значеніе, то оно предполагаетъ: во первыхъ, отдѣленіе человѣческаго общества отъ обществъ всѣхъ другихъ животныхъ, а во вторыхъ, понятіе объ этическихъ мотивахъ входитъ въ исторію человѣчества настолько внезапно, что устраняетъ всѣ прежніе способы человѣческой дѣятельности. Подчиненіе жизни человѣческаго общества законамъ, управляющимъ другими животными обществами, тождественность извѣстныхъ принциповъ здороваго роста социальныя организмовъ съ принципами развитія организмовъ біологическихъ, нисколько не унижаютъ первыхъ, не дѣлаютъ ихъ неразумными. Наоборотъ, тождественность и непрерывность органическихъ процессовъ, при посредствѣ увеличенія примѣненія социальныхъ силъ, постоянно и непрерывно поднимающихъ борьбу за существованіе до высшаго уровня, при которомъ борьба обществъ играетъ большую роль, давая борьбѣ личностей болѣе социальный признакъ пригодности, необходимы для осуществленія разумнаго порядка во вселенной. Грубый дуализмъ Гексли не встрѣчаетъ поддержки среди біологовъ, а философы и моралисты все болѣе и болѣе склоняются къ тому, чтобы отвѣчать отрицательно на часто ставимый вопросъ: значить, происходитъ борьба между Богомъ и природой?

Не признавая ученія объ эволюціи въ его примѣненіи къ человѣческой жизни, Рёскинъ далъ своей политической экономіи характеръ статической, а своему идеальному обществу типъ черезъ чуръ однообразный. Соціологія въ своихъ представленіяхъ о социальномъ прогрессѣ признаетъ не одинъ, а нѣсколько типовъ цивилизаціи; политическія и промышленныя общества должны идти по многимъ различнымъ путямъ, стремясь къ осуществленію очень различныхъ идеаловъ и иногда сознательно осуществляя ихъ. Не можетъ быть единой, постоянной, неизмѣнной и всеобщей формы политическаго или промышленнаго общества; богатство, цѣнность и всѣ термины, выражающіе полезность для

человѣка, должны измѣняться соответственно потребностямъ и способностямъ человѣка.

Рѣскинь, конечно, прямо и не отрицаетъ необходимости непрерывнаго прогресса. Но его критика доказываетъ, что его черезъ чуръ сильно захватило въ свою власть убѣжденіе, что несправедливость, неразумная расточительность, безобразіе и другіе недостатки общества суть болѣзни, которыя можно излечить—и тогда общество возвратится къ своему первоначальному естественному здоровому состоянію. Для исцѣленія необходимы надлежащія мѣры, для сохранения возстановленнаго здоровья необходимъ надлежащій режимъ. Общественное здоровье представляется Рѣскину скорѣе завершеннымъ и окончательнымъ порядкомъ, чѣмъ средствомъ прогресса. Его любовь къ порядку и его необычайно догматическій темпераментъ заставили его представлять себѣ соціальную реформу чѣмъ то въ родѣ реставраціи, чѣмъ то въ родѣ осуществленія опредѣленныхъ и окончательныхъ принциповъ общественнаго блага въ образцовомъ государствѣ, въ которомъ царствуютъ миръ и довольство и твердая и разумная власть не подвергается никакимъ нарушающимъ вліяніямъ.

11. Но несистематичность изложенія Рѣскинымъ его соціальнаго ученія, признаніе имъ его идеаловъ неизмѣнными и абсолютными не должны вліять на наше сужденіе о существенныхъ и важныхъ достоинствахъ его экономическаго ученія.

Онъ положилъ прочное основаніе общественной экономіи, какъ наукѣ объ отношеніяхъ между усиліями и удовлетвореніями въ обществѣ. Настаивая на приведеніи измѣряемыхъ деньгами издержекъ и полезности къ субъективнымъ или человѣческимъ стоимости и полезности, онъ выставилъ положеніе истинно научное, а не сантиментальное, какъ обыкновенно полагали. Очень смѣшно слушать скучную болтовню меркантиль-

ныхъ экономистовъ, презрительно отзывающихся объ экономистѣ, гораздо болѣе логичномъ и проникательномъ, чѣмъ они, объ экономистѣ, работы котораго должны быть и будутъ признаны первой серьезной попыткой, сдѣланной въ Англии, установить научное основаніе изученія экономики съ соціальной точки зрѣнія.

Болѣе полная и болѣе развитая экономическая теорія будущаго можетъ быть построена только на такомъ человѣческомъ основаніи. Въ Америкѣ и въ Европѣ многіе извѣстные экономисты занимаются теперь разработкой біологическихъ факторовъ, входящихъ въ опредѣленіе различныхъ формъ стоимости и полезности, что должно дать новое освѣщеніе вопросамъ о потребленіи и производствѣ. Все болѣе и болѣе начинаютъ сознавать, что и точкой отправленія и цѣлью экономической дѣятельности должна быть человѣческая жизнь и что всѣ экономическіе термны должны быть сведены не къ деньгамъ, какъ ихъ мѣрилу, а къ человѣку. Политическая экономія, какъ искусство, требуетъ такого расширенія и гуманизированія науки, чтобы она была въ состояніи управлять общественнымъ поведеніемъ. Признаніе такого требованія отнюдь не ведетъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, къ униженію науки, къ подчиненію ея требованіямъ практической пользы. Очевидная неспособность ортодоксальной политической экономіи объяснить соціальные и даже промышленные вопросы доказываетъ, что она спеціализировалась на узкой группѣ явленій и что именно мѣрило оцѣнки, принятое наукой, сдѣлало ее безплодной. Первое право Рёскина на званіе общественнаго реформатора и состоитъ въ томъ, что онъ реформировалъ политическую экономію.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

### Ошибки въ наукѣ и въ практикѣ современной промышленности.

1. Ошибки въ наукѣ о промышленности.—2. Ученіе Рёскина о высшей заработной платѣ.—3. Чрезмѣрная спеціализація, какъ недостатокъ современной промышленности.—4. Необходимость для всѣхъ хорошей работы.—5. Цѣль промышленности — потребление. — Ошибочность понятія о сбереженіяхъ.—6. Опроверженіе положенія, что „спросъ на товары не есть спросъ на трудъ“—8. Денежное обращеніе, основанное на внутренней цѣнности.—Отрицаніе кредита.

1. Въ двухъ послѣднихъ главахъ мы разсматривали существенныя отличія содержанія и характера экономическихъ ученій Рёскина отъ ортодоксальной политической экономіи. Но Рёскинъ никоимъ образомъ не органичивался общимъ отрицаніемъ научности положеній послѣдней. Его анализъ и его насмѣшки были направлены также и на изложеніе специфическихъ ошибокъ меркантильной науки; онъ обвиняетъ ее въ поддержкѣ, оказываемой ею безнравственности промышленности, руководимой стремленіемъ къ личнымъ прибылямъ. Наиболее ярко и рѣзко онъ высказываетъ свое положеніе въ слѣдующихъ словахъ: „я признаю, что существуетъ такая наука, какъ меркантильная экономія, отличная отъ экономіи общественной; но я

всегда утверждалъ, что ни Милль, ни Фоусетъ, ни Бастіа не знали той презрѣнной науки, которой они хотѣли учить“<sup>1)</sup>).

Подобное презрительное отношеніе къ способнымъ и честнымъ спеціалистамъ много способствовало тому, что аргументація Рѣскина не возбудила того вниманія, котораго она заслужила. Но ни это призрачье, ни его иногда пристрастная и капризная критика не должны удерживать насъ отъ признанія вѣрности многихъ изъ его указаній и замѣчаній. Мы уже говорили о томъ, что меркантильная экономія больше, чѣмъ какая либо наука, страдаетъ отъ тѣхъ затрудненій, которыя появляются во всѣхъ отрасляхъ наукъ общественныхъ вслѣдствіе сложности и измѣнчивости явленій общественной жизни, вслѣдствіе отсутствія возможности производить научные опыты и отсутствія надлежащей и точной терминологіи; то обстоятельство, что развитіе экономіи было сравнительно позднимъ и темнымъ, помѣшало наиболѣе выдающимся и наиболѣе проницательнымъ умамъ нашего столѣтія обратить на нее надлежащее вниманіе. Слѣдствіемъ этого было черезъ чуръ легкое установленіе экономическихъ догмъ, облеченныхъ благовидной фразеологіей и поддерживаемыхъ немногими дѣйствительно способными людьми, которыхъ преждевременно признали творцами законченной науки о промышленности, тогда какъ ихъ слѣдовало бы считать только піонерами, бродившими еще во мракѣ и оцупью пытавшимися положить начало новой наукѣ.

Когда человѣкъ съ умственнымъ багажемъ Рѣскина началъ изучать учебники такой меркантильной экономіи, онъ, конечно, долженъ былъ найти въ нихъ достаточное количество очень серьезныхъ ошибокъ. Безсознательное давленіе классовыхъ интересовъ и предразсудковъ, вліявшихъ часто на людей честныхъ и

---

<sup>1)</sup> Примѣчаніе Рѣскина въ „A Disciple of Plato“—Вильяма Смарта.

безкорыстныхъ, а потому и вліятельныхъ, всегда проявляется среди интеллигенціи и среди ученыхъ созданиємъ гипотезъ, теорій и выводовъ, имѣющихъ цѣлью поддержку умственныхъ или матеріальныхъ установленныхъ—священныхъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ—интересовъ образованныхъ классовъ общества. И это мнѣніе не есть мнѣніе циника. Всякій, кто внимательно изучаетъ развитіе любой науки: медицины, права, теологій, геологій и политики—непремѣнно замѣтитъ, какъ незамѣтно извилисты тѣ тропинки, бредя по которымъ, умъ бессознательно подчиняется страсти и классовымъ интересамъ. Это вредное вліяніе съ особой силой сказывается тамъ, гдѣ наука примѣняется къ руководительству поведеніемъ личности или націи въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ особенно сильна власть эгоистическихъ мотивовъ. Оно проявляется въ выборѣ фразеологій и идей, въ созданіи теорій, въ оцѣнкѣ доказательствъ всякаго рода и даже въ самыхъ основныхъ процессахъ научнаго наблюденія. Въ особенности могуче дѣйствуютъ такіа развращающія и фальсифицирующія силы при изученіи фактовъ и законовъ промышленности людьми, страстно преданными погонѣ за барышами, приносимыми промышленностью.

Свободная конкуренція личностей на почвѣ существующаго распредѣленія собственности была и страстью и убѣжденіемъ крѣпколюбыхъ людей, въ рукахъ которыхъ въ теченіи первой половины девятнадцатаго вѣка было созиданіе меркантильной экономіи; конечно, они не преслѣдовали сознательно цѣли созданія такой науки, которая оказывала бы умственную или нравственную поддержку существующему порядку промышленности; но всякій, внимательно прослѣдившій развитіе науки отъ Адама Смита до Девонса, замѣтитъ, что въ дѣйствительности то она такую поддержку оказывала. Хотя по отношенію къ собиранію данныхъ было сдѣлано не мало очень цѣнной работы, хотя при

выводахъ изъ экономическихъ принциповъ было проявлено не мало пронципальности, но сами то принципы, этотъ фундаментъ научнаго зданія, были часто чрезмѣрно ошибочны и по сущности и по терминологіи и каждый изъ такихъ дефектовъ служилъ для поддержанія промышленной власти „классовъ“. Кроме того, такихъ дефектовъ было особенно много въ тѣхъ частяхъ экономической теоріи, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ распредѣленію богатства въ различныхъ частяхъ промышленнаго общества. Здѣсь мы не можемъ дать полныхъ доказательствъ такого нашего утвержденія; но что оно вѣрно, это можно доказать, просто задавъ вопросъ: что въ настоящее время сдѣлалось съ такими положеніями политической экономіи, каковы, на примѣръ,—промышленность „ограничена размѣрами капитала“, „трудъ получаетъ авансы изъ фонда заработной платы“, „спросъ на товары не есть спросъ на трудъ“, „цѣнность зависитъ отъ издержекъ производства“, „земельная рента существуетъ сама по себѣ, какъ излишекъ, не оплачиваемый изъ продукта труда и не составляющій элемента цѣны“? Есть-ли хотя одна изъ этихъ центральныхъ догмъ политической экономіи 1860 года, которая признавалась бы всѣми современными учителями меркантильной науки? Нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности теорія о фондѣ заработной платы и теорія о цѣнности, опредѣляемой издержками производства, можно сказать, почти исчезли, а другія, поскольку онѣ еще сохраняются, представляются довольно странными, полуразрушенными и видоизмѣненными.

Хотя академическіе реформаторы промышленной науки и мало обращали вниманія на Джона Рёскина и еще меньше довѣряли ему, какъ экономисту, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что его критическія замѣчанія въ его книгахъ: „Unto this Last“, „Munera Pulveris“ и „Fors Clavigera“ во многихъ важныхъ случаяхъ пред-



ставляли первое вполне ясное и разработанное опроверженіе ошибочныхъ вышеупомянутыхъ доктринъ.

2. Разсмотримъ же главнѣйшія изъ критическихъ замѣчаній Рёскина въ систематическомъ порядкѣ. Экономисты пытались доказать, что экономическіе законы существующей торговой и промышленной системы „естественны“ и потому въ нихъ дѣйствии „неизбѣжны“. Таковымъ въ особенности признавался законъ спроса и предложенія, какъ опредѣляющій размѣры заработной платы. Съ самаго основанія экономическихъ системъ рабочихъ убѣждали въ существованіи такого естественнаго закона. Физиократы представляли „естественной“ низкую, достаточную только для поддержанія существованія, заработную плату французскаго рабочаго—*„il ne gagne que sa vie“*; Адамъ Смитъ указывалъ на силы, неизбежно удерживающія заработную плату за обыкновенный трудъ на ея минимумѣ; его послѣдователи подкрѣпляли свою теорію о фондѣ заработной платы утѣшительной теоріей Мальтуса, учившаго, что „естественный законъ“ не позволяетъ заработной платѣ подняться выше уровня рабочаго населенія, а такое увеличеніе, наполняя рынокъ труда, очень скоро должно понизить временно поднявшіяся заработныя платы. Ученіе о фондѣ заработной платы, при поддержкѣ закона населенія или безъ оной, признавало, что во всякое данное время величина заработной платы опредѣляется естественными причинами, дѣйствующими на увеличеніе капитала и что никакая дѣятельность самихъ рабочихъ не можетъ имѣть вліянія на такія причины. Вся экономическая система,—и въ особенности ученіе о распредѣленіи богатствъ,—поддерживаемая закономъ ренты, будто бы основывающейся на постоянныхъ и неизмѣнныхъ физическихъ условіяхъ, и не менѣе строгимъ закономъ о тенденціи прибыли къ уменьшенію вслѣдствіе конкуренціи капиталовъ, признавалась и „естественной и необхо-

димой». Общее нападение Рёскина на подобное утверждение было двойное. Онъ утверждалъ—и фактически доказывалъ свое утверждение—что признаніе этихъ законовъ естественными и необходимыми основано просто на ложныхъ абстраціяхъ. Въ особенности по отношенію къ заработной платѣ онъ доказалъ, что она не всегда и даже вообще никогда не опредѣляется исключительнымъ дѣйствіемъ конкуренціи, и что въ опредѣленіе величины заработныхъ платъ входятъ обычай, доброжелательство и разныя иныя соображенія. Признавая одной изъ главныхъ цѣлей этого ученія о необходимой величинѣ заработной платы, а также и однимъ изъ главныхъ слѣдствій этого ученія защиту возможно болѣе дешевой покупки труда, какъ соціально выгодной, Рёскинъ къ отрицанію самаго факта присоединяетъ доказательство ложности положенія о выгодности дешеваго труда. Экономисты защищаютъ низкія рыночныя цѣны труда утверженіемъ, будто такимъ именно путемъ получается отъ рабочаго наибольшая сумма работы, а потому наибольшая польза для общества, а чрезъ посредство общества и для самаго рабочаго. Рёскинъ отвѣчаетъ на такое утверженіе экономистовъ: „это совершенно невѣрно. Это было бы вѣрно, еслибы рабочій былъ простой машиной, приводимой въ движеніе паромъ, магнетизмомъ, силой тяжести или какой нибудь иной, подлежащей вычисленію, силой. Но такъ какъ онъ, напротивъ, есть машина, движущая сила которой есть душа, то дѣйствіе этой совершенно особой силы, измѣренію и вычисленію не подлежащей, входитъ во всѣ уравненія экономиста, безъ его знанія объ этомъ, и измѣняетъ всѣ его выводы. Наибольшее количество работы не будетъ сдѣлано такой любопытной машиной за плату или по принужденію; оно будетъ сдѣлано только тогда, когда движущая сила, то есть воля или духъ человѣка, будетъ доведена до высочайшаго напряженія ея собственнымъ топли-

вомъ—иначе говоря, его склонностями и страстями\* <sup>1)</sup>, Такое соображеніе Рёскина отнюдь не сантиментальное, а чисто дѣловое. Когда Рёскинъ писалъ это, ученіе о выгодности высшей заработной платы признавалось только небольшою кучкою послѣдователей Роберта Оуэна, которыхъ всѣ практическіе люди признавали безумцами. Теперь же только немногіе изъ представителей меркантильной экономіи признають, что дѣйствіе экономическихъ законовъ стремится удержать заработную плату на уровнѣ, едва достаточномъ для поддержанія существованія, или защищаютъ выгодность покупки всякаго труда по возможно дешевой цѣнѣ. Опытъ многихъ просвѣщенныхъ дѣловыхъ людей заставилъ ихъ сдѣлать много шаговъ въ направленіи ученія Рёскина; теперь даже въ дѣловомъ мірѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что приличный уровень существованія есть необходимое условіе хорошей и добросовѣстной работы и что довольство и добрыя отношенія между нанимателями и нанимаемыми составляетъ лучшую гарантію для успѣшности дѣла. Безчисленные опыты выдачи наградъ, прогрессивныхъ заработныхъ платъ, раздѣла прибыли и участія рабочихъ въ барышахъ свидѣлствуютъ о томъ, что „душа“ все болѣе и болѣе признается агентомъ въ производствѣ. Правда, что многіе изъ этихъ опытовъ мотивированы эгоистическими соображеніями, стремленіемъ воспользоваться довольствомъ и добросовѣстнымъ трудомъ рабочихъ для полученія болѣе постоянной и болѣе высокой прибыли. И тѣмъ не менѣе они зиждутся на мотивахъ, совершенно иныхъ, отличныхъ отъ мотивовъ, признаваемыхъ прежними экономистами и совершенно уничтожаютъ довѣріе къ рыночнымъ, устанавливаемымъ конкуренціей цѣнамъ труда, какъ основѣ выгоднаго предпріятія. Наиболѣе замѣтный прогрессъ сдѣланъ на этомъ направленіи

---

\*) „Unto this Last“.

общественными промышленными и торговыми предприятиями. Государство, муниципальные совѣты, комитеты попечителей и другіе органы общественной власти не только поняли всю ложность ученія о выгоде низкихъ заработныхъ платъ, но и защищаютъ свою благо-разумную политику тѣми же аргументами, той же общественной теоріей, которые Рѣскинъ защищалъ въ своихъ сочиненіяхъ. „Мы, вѣдь, не продаемъ съ аукціона должности перваго министра; какова бы нибыла выгода симоніи, по смерти епископа мы не предлагаемъ его епархіи тому духовному лицу, который согласится принять ее на болѣе дешевыхъ для насъ условіяхъ. Естественная и справедливая система по отношенію ко всякому труду состоитъ въ томъ, чтобы онъ оплачивался опредѣленной платой, причемъ работу давали бы хорошему рабочему, а плохой рабочій оставался бы безъ работы. Такая же система, при которой плохой рабочій можетъ предложить свой трудъ за половинную плату, при которой онъ можетъ замѣнить хорошаго работника или заставить его своей конкуренціей работать за ненадлежащую плату, есть система ложная, неестественная и вредная“ <sup>1)</sup>

Безуміе и ложная экономія какого нибудь городского совѣта, дающаго своимъ рабочимъ плату, недостаточную для полученія отъ нихъ добросовѣстной работы, для обезпеченія ихъ самихъ и ихъ семей отъ необходимости въ старости и при болѣзни обращаться за помощію къ попечительству о бѣдныхъ или къ благотворительнымъ учрежденіемъ, черезъ чуръ очевидны, чтобы они заслуживали серьезнаго доказательства. Но для частнаго предпринимателя выгода высокихъ заработныхъ платъ иногда менѣе очевидна. Когда требуется искусная работа для производства товаровъ высшаго качества, просвѣщенный эгоизмъ предпринимателя можетъ заставить его слѣдовать такой политикѣ; но

---

<sup>1)</sup> *ibid.*

когда для производства товаровъ низшаго качества, имѣющихъ однако хорошей и выгодной сбытъ, достаточно и плохой работы, то эгоизмъ челоуѣка гоняющагося за прибылью, можетъ защищать и систему „выгонянія пота“. Именно противъ такого то „выгонянія пота“ и борются союзы рабочихъ. Общія правила относительно средней заработной платы и средняго рабочаго дня, которыя трэдъ — уніонизмъ стремится ввести во все отрасли промышленности, строго согласуются съ принципами, излагаемыми Рёскинымъ въ его книгѣ: „Unto this Last“. Писатели, признанные классическимъ авторитетомъ по вопросу о рабочемъ движеніи, <sup>1)</sup> доказываютъ, что истинная политика трэдъ — унѣоновъ должна состоять въ томъ, чтобы ввести по отношенію къ низшимъ разрядамъ труда тѣ принципы вознагражденія и другія условія работы, которые и въ общественныхъ и въ частныхъ предпріятіяхъ всегда примѣнялись къ управляющимъ и къ другимъ высшимъ разрядамъ рабочихъ. Конкуренція при этомъ не исчезнетъ, но она будетъ примѣняться не къ цѣнѣ труда, а къ качеству работы; она будетъ примѣняться не затѣмъ, чтобы выбрать наименѣе пригоднаго рабочаго за наименьшую плату (потому что отъ такой платы болѣе пригодный рабочий, вѣроятно, откажется), а наоборотъ, наиболѣе пригоднаго рабочаго за плату, определяемую разумной оцѣнкой условій, необходимыхъ для приличной жизни. Такимъ образомъ экономическая практика постепенно стремится къ достиженію болѣе разумаго идеала по отношенію къ оцѣнкѣ труда и къ заключенію договоровъ съ рабочими. Осужденіе Рёскинымъ экономическаго ученія, дававшего санкцію безумію и безирравственности ложной системы конкуренціи, поддерживается теперь все болѣе и болѣе расширяющейся сферой опыта.

<sup>1)</sup> „Industrial Democracy“ — Сидней и Беатрисы Веббъ, т. II, гл. XIII.

3. Критическія замѣчанія Рёскина относительно защиты учителями промышленной экономіи принципа неограниченнаго раздѣленія труда не менѣе серьезны и мѣткі. Экономисты совершенно основательно приписываютъ увеличивающемуся раздѣленію труда уменьшеніе издержекъ производства, большее количество производимыхъ товаровъ и пониженіе цѣнъ ихъ. Адамъ Смитъ въ его „Богатствѣ народовъ“ строитъ свою экономическую теорію именно на выгоды раздѣленія труда и на соотвѣтствующемъ этому раздѣленію увеличенію производительности и эта теорія меньшихъ издержекъ производства и низкихъ цѣнъ рѣдко подвергалась серьезной критикѣ. Защита ученія о свободной торговлѣ современными англійскими экономистами исключительно ради интересовъ потребителей помѣнала имъ обратить надлежащее вниманіе на интересы производителей. Намъ незначѣмъ даже принимать всю теорію социальной экономіи Рёскина во всей ея цѣльности для того, чтобы признать подобный методъ изложенія экономистовъ не научнымъ. Почему мы должны обращать большее вниманіе на пользу для потребителя, а не на стоимость или „не пользу“ для производителя? Если раздѣленіе труда увеличиваетъ дѣйствительныя издержки (стоимость, расходъ силъ) производителя, то мы не имѣемъ права игнорировать эту трату, мы обязаны сопоставить ее съ предполагаемой выгодой потребителя. Рёскинъ осуждаетъ чрезмѣрную спеціализацію или раздѣленіе труда по двумъ причинамъ: онъ утверждаетъ, что раздѣленіе труда имѣетъ вредное вліяніе на жизнь и работу производителя и отрицаетъ выгоду его и для потребителя.

Меркантильная экономія утверждаетъ, что раздѣленіе труда уменьшаетъ издержки производства; но такое утвержденіе означаетъ только, что за меньшее количество труда и энергіи, вложенныхъ въ известный товаръ, рабочій получаетъ меньшую заработную плату. Но для работника имѣетъ огромное значе-

ніе качество и интересъ работы; все, ухудшающее качество продукта и уничтожающее интересъ работы, влечетъ за собой для рабочаго увеличеніе его издержекъ энергіи и это увеличеніе не вознаграждается получаемой имъ заработной платой или цѣной производимаго имъ товара. Рёскинъ настаиваетъ на томъ, что слѣдствіемъ раздѣленія труда, особенно въ машинномъ производствѣ, будетъ униженіе человѣческаго достоинства рабочаго, такъ какъ оно заставляетъ его исполнять только какую нибудь одну рутинную часть работы, не требующую отъ него его личнаго вкуса и личнаго искусства, не возбуждающую въ немъ интереса и пріучающую его только къ одной дѣятельности, уничтожая всѣ другія, для того, чтобы первая достигла чисто механической точности и совершенства. „Дѣлится, собственно говоря, не трудъ, а люди— это они дѣлятся на сегменты, это они разбиваются на малые кусочки жизни“. „Грустное, печальное зрѣлище представляетъ человѣкъ, когда онъ вынужденъ сказать о себѣ, что вся его жизнь прошла въ томъ, что онъ открывалъ какой нибудь клапанъ, что онъ ничего не дѣлалъ, кромѣ восемнадцатой части булавки“. Рёскинъ былъ не единственнымъ человѣкомъ, обвиняющимъ современную промышленность въ этомъ ея ложномъ принципѣ раздѣленія труда. Эмерсонъ, Кариль, Толстой, Вильямъ Моррисъ и многіе другіе изъ мудрѣйшихъ нашихъ учителей согласны въ томъ, что они считаютъ чрезмѣрную спеціализацію однимъ изъ вреднѣйшихъ недостатковъ нашей промышленности и главнымъ источникомъ общественнаго недовольства. Протестъ искусства противъ современныхъ общественныхъ условій, выдающаяся роль, которую играютъ художники во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, обусловливаются главнымъ образомъ признаніемъ того, что современная промышленная экономія есть врагъ хорошей работы. Продуктъ отдѣляется отъ процесса производства; цѣнится только продуктъ и игнорируется

процессъ. Отличительныя условія промышленной работы: во первыхъ—ея узость, ея органиченіе какимъ нибудь однимъ дѣйствіемъ, во вторыхъ—однообразіе, монотонность, приравниваніе человѣка—рабочаго къ машинѣ, въ третьихъ—нераціональность труда, такъ какъ работа каждаго отдѣляется отъ сознательнаго достиженія какой-либо цѣли во всей ея полнотѣ.

Отношеніе Рёскина къ употребленію въ производствѣ машинъ будетъ нами рассмотрѣно болѣе подробно дальше, а здѣсь будетъ достаточно сказать, что онъ не былъ безусловнымъ врагомъ машинъ. Онъ не былъ и рѣшительнымъ врагомъ раздѣленія труда, предполагающаго известное пожертвованіе полнымъ и всестороннимъ развитіемъ личныхъ способностей ради блага общества, такъ какъ это благо выгодно воздѣйствуетъ на жизнь личности, налагая на нее обязанности, необходимыя для высшихъ цѣлей человѣчества. Онъ осуждаетъ только безжалостную, чрезмѣрную жертву, унижающую и оскорбляющую рабочихъ, которыхъ вынуждаютъ отдавать все ихъ время и всю ихъ энергію узкому и рутинному дѣлу. Таково обвиненіе Рёскина противъ самой промышленности. Науку же промышленной экономіи онъ обвиняетъ въ прямой защитѣ и прямомъ поощреніи ея такой безпощадной системы, въ ея близорукой и неполной оцѣнкѣ богатства, измѣряемаго ею исключительно количествомъ рыночныхъ товаровъ. Правда, ужъ Адамъ Смитъ въ одномъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ мѣстъ своего сочиненія <sup>1)</sup> признаетъ опасность системы, на которой основана вся его теорія богатства; но немногіе изъ его послѣдователей рѣшились повторять это его предостереженіе. Мнѣніе, будто трудъ есть по необходимости непріятное средство для достиженія желательной цѣли, для полученія товаровъ, и теперь еще господствуетъ въ ортодоксальной политической экономіи

---

1) „Wealth of Nations“, книга V, гл. 1, часть III, § 2



и протесты литераторовъ и художниковъ противъ такого мнѣнія не производятъ скольконибудь замѣтнаго влiянiя.

Современное общественное движенiе все болѣе и болѣе занимается вопросомъ объ издержкахъ, вызываемыхъ для рабочихъ раздѣленiемъ труда и рискомъ, вызываемымъ пожертвованiемъ благостоянiя производителей ради предполагаемыхъ интересовъ потребителей. Значительная часть нашего законодательства о промышленности, наши фабричные законы, законы объ отвѣтственности предпринимателей, дѣятельность рабочихъ союзовъ и въ особенности стремление посредствомъ законодательной или частной дѣятельности добиться сокращенiя рабочаго дня доказываютъ упорный и непрерывно усиливающийся протестъ общества противъ тиранiи потребителя, господствующей въ современной промышленности и защищаемой политической экономiей. Когда экономическая теорiя признаетъ дѣйствительно научное понятiе о цѣнности, когда она признаетъ эквивалентность полезности и издержекъ для опредѣленiя цѣнности и необходимость приведенiя и полезности и издержекъ къ терминамъ жизни, она будетъ тогда вынуждена признать важность и основательность критическихъ замѣчанiй Рёскина; а пока экономическая теорiя тащится въ хвостъ той политики, которой всѣ цивилизованныя государства вынуждены слѣдовать подъ давленiемъ рабочаго движенiя и всѣхъ проникательныхъ общественныхъ реформаторовъ.

4. Критика Рёскина идетъ дальше простаго протеста противъ вреда, приносимаго рабочимъ чрезмѣрной специализацiей труда. Истинное понятiе о народномъ богатствѣ требуетъ, чтобы уменьшенiю дѣйствительныхъ издержекъ труда при посредствѣ возвышенiя его воспитательнаго характера и при посредствѣ его оздоровленiя посвящалось столько же вниманiя, какъ .

и увеличенію дѣйствительной полезности товаровъ. Для того, чтобы жизнь человѣка была здоровой и пріятной, необходимо, чтобы онъ работалъ и притомъ хорошо работалъ. „Работать столько, сколько можно, каждый день, въ точно опредѣленномъ направленіи и при томъ охотно и безъ нарушенія довольства жизнью, работать въ виду отдаленныхъ результатовъ, но въ данную минуту наслаждаясь самой работой—таковъ единственный настоящій и существенно полезный путь къ счастью“. <sup>1)</sup> Политическая экономія всегда признавала, что прогрессъ ведетъ къ уменьшенію количества труда, расходуемаго на производство чего нибудь; по мнѣнію же Рёскина прогрессъ состоитъ въ улучшеніи качества расходуемаго труда. Несомнѣнно, что эти два положенія не противорѣчатъ одно другому. Рёскинъ одобряетъ раздѣленіе труда постольку, поскольку оно уменьшаетъ количество тяжелаго, опаснаго и скучнаго труда, но улучшеніе качества труда можетъ быть настолько же полезно, какъ и уменьшеніе его количества. Для меркантильнаго экономиста трудъ есть зло, и онъ, или во всякомъ случаѣ его издержки, должны быть минимальными; для Рёскина трудъ есть благо, если онъ умѣренный и исполняется при здоровыхъ условіяхъ. Поднять характеръ производства настолько же важно, какъ и увеличить потребленіе. Правда, что Рёскинъ идетъ дальше и настаиваетъ на томъ, что увеличеніе потребленія, покупаемое насчетъ ухудшенія качества производства, есть чистая потеря. Увеличившееся количество товаровъ или потребляется классомъ трутней, живущихъ бездѣльной и роскошной жизнью въ противность всѣмъ естественнымъ и нравственнымъ законамъ, требующимъ для достиженія счастья труда, или если оно потребляется тѣми, которые производятъ товары, то унижительныя условія механическаго труда

---

<sup>1)</sup> „Fors“, III. Письма LXIV и LXVII.

препятствуютъ и даже уничтожаютъ здоровую способность къ пользованію. И это происходитъ оттого, что только хорошая работа можетъ производить настоящія полезности; чрезмѣрное же раздѣленіе труда, унижая самый характеръ труда, ухудшаетъ и качество товаровъ; прогрессъ, оцѣниваемый только количественно, увеличеніемъ вещественныхъ формъ богатства низшаго сорта, не есть истинный прогрессъ. Реформированная политическая экономія будетъ измѣрять общественный прогрессъ настолько же въ терминахъ труда, насколько и въ терминахъ богатства; вопросъ о томъ, какъ получить отъ cadaго надлежащее количество хорошаго труда, будетъ тогда считаться столь же важнымъ, какъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ обезпечить ему надлежащее количество предметовъ потребленія. Все это прямой выводъ изъ нападеній Рёскина на ученіе экономистовъ о раздѣленіи труда.

5. Эти критическія замѣчанія Рёскина относительно экономической политики, стремящейся покупать дешевле и достигнуть наибольшаго раздѣленія труда, направлялись прежде всего на практику промышленности и только косвенно противъ ортодоксальной политической экономіи, признающей эту практику и защищающей ее. Но нѣкоторыя изъ наиболѣе рѣзкихъ нападеній Рёскина направлены непосредственно противъ учений, излагаемыхъ въ обычныхъ курсахъ политической экономіи. Въ этой борьбѣ онъ былъ всегда смѣлымъ и обыкновенно искуснымъ бойцемъ, хотя не всегда его борьба была удачной. Можетъ быть, одной изъ лучшихъ услугъ, оказанныхъ имъ этому отдѣлу науки, слѣдуетъ признать убѣдительное опроверженіе имъ ученія о капиталѣ, защищаемаго главнымъ образомъ Миллемъ. Ученіе объ общественной полезности неограниченнаго накопленія, предположеніе, будто промышленность ограничена количествомъ имѣющаго-

ся на лицо капитала, будто спросъ на товары не есть спросъ на трудъ—всѣ эти ошибки экономистовъ удачно вскрыты Рёскинымъ въ различныхъ мѣстахъ при помощи искуснаго анализа, уясняемаго хорошо избранными примѣрами, Рёскинъ основательно настаиваетъ на томъ, что если можно ввести какую нибудь систематичность въ общепринятое ученіе, то оно должно окончательно признать экономической цѣлью потребленіе. <sup>1)</sup> Признаніе же цѣлью потребленія предполагаетъ ограниченіе количества капитала, который можетъ въ каждую данную минуту имѣть полезную функцію, и такъ какъ капиталъ происходитъ отъ сбереженій, то количество сбереженій, общественно полезныхъ, опредѣляется потребленіемъ. Рёскинъ доказываетъ глупость неограниченнаго накопленія юмористическим примѣрами изъ сферы садоводства; онъ говоритъ, что совершенно бесполезно замедлять появленіе цвѣтка при посредствѣ безконечнаго удлиненія стебля.

Опредѣленіе и структура меркантильной экономіи указываютъ, что она цѣлью признаетъ образованіе капитала, хотя многіе изъ экономистовъ и не желаютъ признавать этого. Рёскинъ настаиваетъ, что капиталъ не есть цѣль и что не потребленіе должно оправдываться и доказывать, что оно производительно (какъ этого съ бессознательнымъ юморомъ требуютъ курсы политической экономіи), а оправдываться долженъ капиталъ, доказавъ, что онъ производитъ что нибудь иное, отличное отъ капитала, а именно что нибудь такое, что должно быть потреблено и потреблено будетъ. „Корень исполняетъ свою жизненную функцію только тогда, когда онъ производитъ что нибудь другое, а не корень, когда онъ производитъ плодъ. Этотъ плодъ въ свое время произведетъ снова корень; такимъ образомъ всякій живой капиталъ въ концѣ концовъ про-

---

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

изведетъ тоже капиталъ; но капиталъ, ничего, кромѣ капитала, не производящій — это тоже, что корень, производящій корень; тоже, что цвѣточная почка, производяща другую, а не распускающаяся въ цвѣтокъ; тоже, что зерно, дающее зерно и никогда не дающее хлѣба. Европейская политическая экономія до сихъ поръ почти исключительно занималась такимъ умноженіемъ или агрегаціей почекъ и никогда не видела, да и не представляла себѣ такой вещи, какъ цвѣтокъ. <sup>1)</sup>

Положеніе, что капиталъ ограничивается потребленіемъ, очень медленно признавалось англійскими экономистами вслѣдствіе двусмысленности, присущей термину капиталъ, по среди американскихъ и континентальныхъ экономистовъ мнѣніе объ ошибочности положенія о неограниченномъ накопленіи распространяется все болѣе и болѣе. <sup>2)</sup> Теперь доказано, что промышленность ограничивается капиталомъ ровно настолько, насколько она ограничивается естественными ресурсами и трудомъ <sup>3)</sup>. ибо всѣ эти три элемента одинаково необходимы для нея въ надлежащихъ пропорціяхъ.

6. Главная заслуга Рёскина по этому вопросу состояла въ опроверженіи положенія Милля, что „спросъ на товары не есть спросъ на трудъ“. Люди, склонные не признавать способностей Рёскина къ экономическимъ изслѣдованіямъ, не безъ пользы для себя могутъ прочесть второе письмо перваго тома „Fors Clavigera“, въ которомъ онъ точно и совершенно вѣрно указываетъ на три ошибки въ аргументаціи Милля, который пытается доказать, что потребитель кружевъ, перестающій требовать этотъ товаръ и помѣщающій свои сбереженія въ какое нибудь другое предпріятіе,

---

<sup>1)</sup> *ibid.*

<sup>2)</sup> См. работы профессоровъ Эли и Гадлея.

<sup>3)</sup> „*Munera Pulveris*“, § 50.

этимъ самымъ увеличиваетъ спросъ на трудъ <sup>1)</sup>). Не желаніе нашихъ академическихъ экономистовъ отказаться отъ этого ученія, поддерживаемаго авторитетомъ, и столь полезнаго для защиты неограниченнаго накопленія, съ большимъ юморомъ иллюстрируется Рёскинымъ примѣрами новыхъ курсовъ политической экономіи Профессоръ Маршалъ и Седжункъ переносятъ такое „основное положеніе о капиталѣ“ въ примѣчанія <sup>2)</sup> и прикрываютъ свое отступленіе подробной, но довольно неясной и конфузливой защитой <sup>3)</sup>). Профессоръ Никольсонъ былъ первымъ изъ англійскихъ экономистовъ, имѣвшихъ настолько храбрости, чтобы въ своемъ курсѣ <sup>4)</sup> признать очевидную неосновательность положенія Милля, хотя онъ и не указываетъ при этомъ, что опроверженіе этой ошибки было сдѣлано Рёскинымъ за двадцать пять лѣтъ до него и хотя онъ не замѣчаетъ, что такое признаніе ошибочности положенія Милля приводитъ къ полному отрицанію ученія о бережливости или о полезности неограниченнаго накопленія.

7. Одинъ изъ наиболѣе специальныхъ отдѣловъ меркантильной науки — это отдѣлъ о денежномъ обращеніи. Вѣроятно, немногіе изъ ученыхъ и дѣловыхъ людей, занимавшихся вопросомъ о деньгахъ или создававшихъ сложныя, запутанныя и часто вполне утопическія теоріи о монетныхъ системахъ, удостоили прочесть тѣ мѣста сочиненій профана Рёскина, въ

---

<sup>1)</sup> О той же ошибкѣ Рёскинъ менѣе подробно говоритъ и въ „*Unto this Last*“.

<sup>2)</sup> „*Principles of Economics*“ — Маршала, книга IV, гл. II, примѣчаніе. „*Principles of Political Economy*“ — Седжунка, книга I, гл. V, примѣчаніе.

<sup>3)</sup> Маршалъ въ последнемъ изданіи своего курса рѣшился, наконецъ, совсемъ отказаться отъ этого положенія.

<sup>4)</sup> „*Principles of Political Economy*“ — Никольсона; цѣлый рядъ экономистовъ, отъ графа Лаудердэля и Мальтуса до настоящаго времени, тщетно протестовали противъ признанія ученія о бережливости, какъ основанія теоріи капитала.

которыхъ онъ излагаетъ основные принципы здраваго и общественно полезнаго денежнаго обращенія. Но люди, понимающіе, въ чемъ обыкновенно состоитъ спеціальная слабость специалистовъ — въ подробной разработкѣ ими надстроекъ на фундаментѣ общихъ предположеній, обыкновенно принимаемыхъ на вѣру и не подвергаемыхъ ими строгому послѣдовательному и безпристрастному изслѣдованію — вѣроятно, обратятъ серьезное вниманіе на ясный и оригинальный анализъ такого сильнаго ума, какъ Рёскинъ. Его теорія о денежномъ обращеніи, изложенная въ „*Munera Pulveris*“ и въ другихъ мѣстахъ, не имѣетъ, конечно, такого интереса, какъ наиболѣе значительныя изъ его „еретическихъ“ мнѣній; но она все же представляетъ ясное изложеніе нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ, которые при правильномъ ихъ пониманіи указываютъ на необходимость финансовыхъ реформъ, къ которымъ смутно, почти бессознательно и ошупью прокладываютъ дорогу государственные люди и опытные финансисты.

Разсужденія Рёскина по этому вопросу болѣе послѣдовательны и коротки, чѣмъ это бываетъ у него обыкновенно. Лучшее резюмирование ихъ мы находимъ въ главѣ „*Munera Pulveris*“, озаглавленной: „Держаніе монеты“. Рёскинъ опредѣляетъ денежное обращеніе слѣдующимъ образомъ: „денежное обращеніе какой либо страны состоитъ изъ всѣхъ документовъ, признающихъ долгъ и имѣющихъ обращеніе въ странѣ“<sup>1)</sup>. „Законно разрѣшенное или національное денежное обращеніе при совершенномъ его положеніи есть форма общественнаго признанія долга, регулированнаго такимъ образомъ, что всякій, доставляющій на общественный рынокъ какой нибудь товаръ, можетъ, если желаетъ, получить взаменъ его документъ, дающій ему право

---

<sup>1)</sup> Изслѣдователи финансовой науки признаютъ родство теоріи Рёскина съ теоріей Маклеода, но Рёскинъ не считаетъ деньгами всякій частный кредитъ — что составляетъ сущность ученія Маклеода.

на получение эквивалента а) въ любомъ мѣстѣ. б) въ любое время и в) въ любой формѣ.“<sup>1)</sup>

Для надлежащаго осуществленія такого общественнаго денежнаго обращенія требуется, чтобы было найдено болѣе постоянное мѣрило мѣновой цѣнности, чѣмъ золото или серебро, ибо „право на получение долга не должно покоиться на воображаемой основѣ и вся система національнаго денежнаго обращенія не должна колебаться паникой всякаго скупца или неблагоприятіемъ всякаго скупца“. Поэтому наше денежное обращеніе должно основываться не на одномъ, а на нѣсколькихъ веществахъ и притомъ на веществахъ, обладающихъ истинной внутренней цѣнностью. Такое требованіе большой устойчивости сложнаго основанія для денежнаго обращенія согласуется съ ученіемъ Джевонса и большинства либеральныхъ экономистовъ. Теорія о принятіи основой денежнаго обращенія предметовъ, обладающихъ внутренней цѣнностью — что должно предполагать возможность для фермеровъ, промышленниковъ и другихъ владѣльцевъ товаровъ складывать эти товары въ „общественные магазины“<sup>2)</sup> и получать за нихъ кредитные билеты—ставить Рёскина въ ряды защитниковъ „свободныхъ денегъ“, являющихся защитой производителей противъ монополіи частныхъ банкировъ и ростовщиковъ и противъ опасностей и потерь, вызываемыхъ обращеніемъ частныхъ кредитныхъ билетовъ. Всякое честное правительство, не выпускающее кредитныхъ билетовъ, имѣющихъ обязательное обращеніе (что уже представляетъ скрытую форму обложенія) и не допускающее безчестныхъ спекуляцій, никогда не встрѣтитъ затрудненій въ выработкѣ теоріи денежнаго обращенія и въ его практикѣ.

Рёскинъ, нападая на спекуляцію, указываетъ и на главную причину непостоянства цѣнностей и финан-

1) „Moneta Pulveris“.

2) „Fors“, III. Письмо LVIII.



совыхъ кризисовъ. Дальнѣйшее разсмотрѣніе имъ этого вопроса въ его „Fors“ доказываетъ, что онъ вполне сознавалъ ту истину, что спекуляціей проникнута вся система частнаго кредита въ своевременной торговлѣ и что такой кредитъ, очень полезный для частныхъ лицъ, наврядъ ли полезенъ для общества. Но по этому предмету его выраженія чрезвычайно неумѣренны. „Было ли когда нибудь въ мірѣ что нибудь подобное этой системѣ торговаго кредита, выдуманнаго только затѣмъ, чтобы дать власть и всяческіе шансы плутамъ, чтобы дать имъ возможность наживаться разореніемъ честныхъ людей? Эти презрѣнные нетерпѣливые нелѣпые идіоты, называющіе себя коммерческими людьми, просто неспособны понять самого простого изъ всѣхъ фактовъ, что всякая сумма денегъ будетъ настолько же полезна для торговли въ карманѣ продавца товаровъ, какъ и въ карманѣ покупателя и что въ концѣ концовъ отъ кредита никто не выигрываетъ. Для торговли будетъ точъ въ точъ такой же потерей, если всякій продавецъ долженъ будетъ ждать своихъ денегъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, какимъ будетъ выигрышъ, если покупатель удержитъ свои деньги въ карманѣ въ теченіе такого же времени. Въ дѣйствительности же тутъ нѣтъ ни выигрыша, ни потери — если только нѣтъ мошенничества, когда весь выигрышъ на сторонѣ плута, а вся потеря на сторонѣ честнаго человѣка“ <sup>1)</sup>. Рёскинъ, вѣроятно, правъ, когда онъ утверждаетъ, что обычный способъ увеличенія денежнаго обращенія посредствомъ частныхъ обмѣнныхъ билетовъ — безумная общественная политика и совершенно ненужная даже для удобства отдѣльной личности — если теорія, что всякая торговля есть обмѣнъ товаровъ, будетъ разработана настолько, чтобы продавать было также легко, какъ и покупать.

Только потому, что собственникамъ товаровъ гораздо

---

<sup>1)</sup> *ibid.*, II, письмо XXVI.

труднѣе продать ихъ, чѣмъ обладающимъ деньгами покупать, промышленники и торговцы, конкурирующіе, другъ съ другомъ, вынуждены постоянно соблазнять покупателей, предлагая имъ болѣе легкія условія уплаты. Такая эластичность кредита составляетъ еще одно лишнее доказательство наиболѣе выдающагося недостатка современнаго промышленнаго механизма — существованіе производительныхъ силъ, излишнихъ по сравненію съ тѣми, которыя были бы достаточными для удовлетворенія потребленію. Ограниченіе потребленія, которое и велеть къ невозможности для производителей найти покупателей на наличныя деньги, есть постоянно дѣйствующій стимуль развитія кредита. Рёскинъ ясно понималъ, что хорошо поставленное дѣло не требуетъ кредита. Поразительное доказательство этой истины представляетъ тотъ фактъ, что наиболѣе важное измѣненіе въ строѣ современной промышленности—развитіе акціонерныхъ обществъ—сопровождается возвратомъ къ обычаю торговли на наличныя деньги. Торговля на наличныя деньги, какъ въ оптовыхъ, такъ и въ мелочныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, на которой такъ настаиваетъ Рёскинъ, есть не только здравый моральный принципъ, но и здравая экономическая политика.

Наконецъ, положеніе Рёскина, что обладаніе деньгами есть власть надъ трудомъ, власть надъ человѣкомъ, доказываетъ, что его ученіе о денежномъ обращеніи находится въ совершенно неразрывномъ органическомъ отношеніи съ его общими экономическими положеніями — а этого нельзя сказать относительно большинства писателей по этому вопросу. Обладаніе деньгами, въ концѣ концовъ, есть способность требовать работы и Рёскинъ основательно указываетъ на то, что настоящее значеніе денегъ зависитъ въ концѣ концовъ отъ экономическаго положенія рабочихъ. При существованіи многочисленнаго, бѣднаго и униженнаго класса рабочихъ обладаніе пятью фунтами стерлинговъ

даетъ мнѣ возможность выбить вредное и несправедливое количество труда изъ людей, не имѣющихъ возможности отказать мнѣ въ моемъ требованіи; въ благоустроенномъ же обществѣ, состоящемъ изъ искусныхъ и зажиточныхъ рабочихъ таже сумма дала бы мнѣ возможность потребовать отъ нихъ только полезнаго и умѣреннаго труда. Такимъ образомъ одно только знаніе о томъ, какимъ именно количествомъ денегъ обладаетъ личность или нація, ничего не говоритъ намъ объ основныхъ экономическо - человѣческихъ фактахъ. Чтобы какъ слѣдуетъ понять значеніе денегъ, ихъ надо привести къ субъективнымъ или жизненнымъ издержкамъ.

---

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

### Система конкуренціи.

1. Общее нападеніе Рёскина на конкуренцію.—2. Работа, мотивъ который есть плата, вредна для рабочаго.—3. Дурное вліяніе конкуренціи на качество товаровъ.—4. Обвиненіе конкуренціи въ безнравственности.—5. Ръзкое нападеніе Рёскина на безчестность торгова.—6. Предложеніе научнаго основанія для обмѣна.—7. Ученіе Рёскина о томъ, что „обмѣнъ не даетъ прибыли“—8. Ученіе о незаконности процента.—9. Источникъ ошибокъ въ экономическихъ разсужденіяхъ Рёскина. — 10. Отличіе благотворительныхъ займовъ отъ займовъ для промышленныхъ цѣлей.

1. Отношеніе Рёскина къ конкуренціи, какъ къ способу опредѣленія всякаго рода цѣнъ и уплатъ, безусловно враждебное. Онъ никогда не утомляется въ своихъ нападкахъ на бесполезность и безнравственность конкуренціи въ промышленности. „Управленіе и кооперація во всемъ суть законы жизни; анархія же и конкуренція суть законы смерти“ <sup>1)</sup>. Рёскинъ обвиняетъ ортодоксальную политическую экономію въ томъ, что она неправильно изображаетъ процессы торгова и конкуренціи и такимъ образомъ скрываетъ ихъ безнравственный и антисоціальный характеръ. Ученіе

---

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

Адама Смита о „невидимой рукѣ“, благодаря руководству которой всякій промышленникъ, преслѣдуя свой собственный матеріальный интересъ, по необходимости дѣлаетъ то, что способствуетъ благосостоянію общества, безспорно лежитъ въ основаніи общепринятыхъ экономическихъ ученій, давая имъ санкцію полезности. Экономисты возражаютъ на это, что совсѣмъ не ихъ дѣло оправдывать нравственность экономическихъ процессовъ или защищать мотивы просвѣщеннаго эгоизма, которыми руководится „экономическій человѣкъ“; но на самомъ то дѣлѣ такой анализъ промышленныхъ процессовъ ведетъ къ тому, чтобы оправдать эгоистическое поведеніе, такъ какъ онъ доказываетъ, что такое поведеніе служитъ и даже имѣетъ цѣлью служить цѣлямъ общественнымъ, такъ какъ онъ изображаетъ процессы торговаго оборота такимъ образомъ, что получается впечатлѣніе, будто всякій получаетъ какъ разъ то, чего онъ заслуживаетъ, будто существующіе способы распредѣленія богатства по существу справедливы.

2. Обращаясь прежде всего къ такой защитѣ системы промышленной конкуренціи, Рёскинъ очень энергично отрицаетъ и ея нравственность и ея полезность; послѣднюю онъ отрицаетъ не только потому, что, по его мнѣнію, безнравственное въ концѣ концовъ не можетъ быть полезнымъ, но и потому, что онъ не вѣритъ, чтобы эгоистическіе мотивы экономическаго человѣка дѣйствительно побуждали его къ поведенію общественно выгодному. Система промышленности, основанная на конкуренціи, ввойнѣ понижаетъ характеръ людей, занимающихся ею: какъ вслѣдствіе предполагаемыхъ сознательныхъ мотивовъ, такъ и вслѣдствіе ихъ вліяній на свойства труда. Такъ какъ мотивомъ въ промышленности является прибыль, а не достоинства работы, то частый производитель есть просто человѣкъ, гоняющійся за барышами, за захватами, а

его эгоистичность не умѣряется никакимъ сознаниемъ объ общественномъ служеніи; при всѣхъ процессахъ купли—продажи эгоистичность усиливается постояннымъ и рѣзкимъ антагонизмомъ между нимъ и его конкурентами. Смутное сознание, будто конкуренція предполагаетъ какое то косвенное содѣйствіе ради какой то общей соціальной цѣли, заслоняется въ его умѣ сознаниемъ о непрестанной борьбѣ. Система, сосредоточивающая такимъ образомъ всѣ мысли человѣка на прибыли, а не на качествѣ работы, не на усовершенствованіи въ исполненіи, неизбѣжно вредитъ самому характеру работы и совсѣмъ не обезпечиваетъ той полезности, къ которой она будто бы стремится. Хорошая работа можетъ быть только результатомъ сознательнаго стремленія хорошо работать. Чувство наслажденія всегда сопровождаетъ всякую истинно артистическую работу; ни какая истинно художественная работа не дѣлается за плату. При всѣхъ процессахъ искусства или промышленности продуктъ будетъ плохимъ постольку, поскольку работа и ея результаты цѣнятся не сами по себѣ и по самымъ условіямъ своего существованія не могутъ цѣниться сами по себѣ. Недоставляющій никакого удовольствія и даже непріятный трудъ, совершаемый за плату, можетъ произвести громадное количество обыкновенныхъ машинныхъ товаровъ, но такимъ образомъ никогда нельзя создать лучшихъ и болѣе достойныхъ формъ вещественнаго или невещественнаго богатства. Работа, совершаемая только ради платы, унижаетъ и рабочаго; и какъ не ослѣпленъ нашъ вѣкъ ложной этикой купцовъ, все же существуетъ даже и теперь постольку здраваго смысла, чтобы понять эту истину; что и доказывается тѣмъ, что степень почета, оказываемаго работникамъ разнаго рода, различная. Почему солдаты, доктора, проповѣдники пользуются большимъ почетомъ въ обществѣ? <sup>1)</sup> Потому что, хотя всѣ они живутъ своей про-

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

фессіей, самыя условія ихъ труда таковы, что они интересуются успѣхомъ самого дѣла, а не заняты исключительно тѣмъ, какую плату они получаютъ за свою работу. Точно также и въ промышленности постольку, поскольку завѣдующій предиріятіемъ или работникъ можетъ искренно гордиться и интересоваться своей работой, помимо получаемой имъ за нее заработной платы, онъ будетъ исполнять эту работу хорошо и она будетъ для него полезна. Когда плотникъ (не поденщикъ) или портной (не рабочій, только строчащій петли для пуговиць) употребляетъ все свое искусство на производство полной части костюма, то даже при современныхъ условіяхъ работы его трудъ считается до извѣстной степени почетнымъ и такимъ признаютъ его другіе мастера того же ремесла. Почему купцы, а тѣмъ болѣе мелочные торговцы, никогда не пользовались въ обществѣ почетомъ? Отвѣтъ Рёскина на этотъ вопросъ достаточно убѣдителенъ. „Значительная доза пошлости и порочности мелочной торговли, ведущія къ униженію занимающихся ею лицъ, зависятъ просто отъ того обстоятельства, что эти люди постоянно заняты жизненнымъ для нихъ (или, вѣрнѣе сказать, смертельнымъ) вопросомъ о прибыли“<sup>1)</sup>. Плотникъ заинтересованъ своей работой; онъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ полезный предметъ, а мелочной торговецъ заинтересованъ только въ томъ, чтобы убѣдить людей покупать товары по высшей цѣнѣ и знаетъ только то, что онъ получаетъ прибыль. Поскольку люди заняты прибылью, постольку совсѣмъ не въ ихъ интересѣ дѣлать лучшую, къ какой только они способны, работу; наоборотъ, скорѣе въ ихъ интересѣ работать хуже, лишь бы только получить за работу плату. Таковъ отвѣтъ Рёскина на утвержденіе, будто стремленіе къ прибыли вслѣдствіе конкуренціи между работниками заставитъ ихъ работать хорошо. Конкуренція

---

1) *ibid.*

и желаніе получить прибыль могут помѣшать производству и продажѣ плохихъ товаровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потребитель можетъ легко различить дурное ихъ качество; но они за то составляютъ прямое поощреніе къ всякаго рода обманамъ и поддѣлкамъ, которые можно скрыть и которые поэтому становятся постепенно торговыми обычаями; при этомъ они прямо препятствуютъ всякому превосходству работы, если нельзя выставить это достоинство прямо на показъ потребляющей публикѣ. Искусство, дѣйствительно поддерживаемое желаніемъ получить прибыль, состоитъ гораздо болѣе въ уменьшеніи расходовъ производства, чѣмъ въ улучшеніи качества продуктовъ.

3. Точно также прямое вліяніе сильной конкуренціи между купцами или промышленниками отнюдь не такъ выгодно для общества, какъ утверждаютъ экономисты, отстаивающіе доктрину *laissez faire*. Нормальное слѣдствіе конкуренціи состоитъ не въ томъ, что она заставляетъ промышленниковъ производить, а купцовъ продавать потребителямъ лучшіе товары за ту же цѣну, за которую раньше продавались худшіе, а въ томъ, чтобы производить и продавать по низшимъ цѣнамъ худшіе товары, выдаваемые за прежніе. Это и объясняетъ то явленіе, на которое всѣ жалуются, что „дешевое—гнило“, хоть бѣдняки должны покупать именно эти дешевые и гнилые товары и потому они и производятся при системѣ „выгонянія цота“ изъ рабочихъ. Такимъ образомъ главное естественное слѣдствіе конкуренціи состоитъ въ переполненіи рынковъ товарами низшаго сорта, въ ухудшеніи вкуса потребителей и въ вредѣ для нихъ самихъ и для ихъ кармановъ.

Рёскинъ, однако, не отрицаетъ, что конкуренція можетъ имѣть и имѣеть слѣдствіемъ и улучшеніе качества товаровъ и дешевизну ихъ <sup>1)</sup>; но такое влія-

<sup>1)</sup> „*Munera Pulveris*“ § 62.



ніе конкуренціи ограничивается только такими предметами, настояція свойства которыхъ скрыть невозможно и которые покупаются людьми образованными и обладающими вкусомъ и потому знающими, что они покупаютъ. Ложная дешевизна всегда обманываетъ болѣе бѣдныхъ и болѣе невѣжественныхъ покупателей; вслѣдствіе конкуренціи многія статьи торговли постоянно и вообще для всѣхъ родовъ покупателей поддѣлываются, такъ что такое безчестное поведеніе постепенно превращается въ торговлѣ въ обычай.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще и громадныя потери, вызываемыя теперь существующими процессами конкуренціи, безконечное увеличеніе количества агентовъ, рекламъ, объявленій всякаго рода— а все это должно быть засчитано въ потерю для общества.

4. Намъ незначѣмъ съ большими подробностями останавливаться на обвиненіяхъ, выставляемыхъ Рѣскими противъ конкуренціи. Всѣ разсудительные люди должны признать большую часть ихъ справедливыми, хотя и можно бы было сдѣлать все таки нѣкоторыя оговорки. Можно утверждать, на примѣръ, что эгоистическія стремленія къ прибыли и конкуренція развиваютъ у промышленниковъ извѣстныя моральныя и интеллектуальныя свойства: бережливость, предусмотрительность, самообладаніе, предпримчивость и храбрость; и эти свойства, направляясь первоначально на цѣли эгоистическія, тѣмъ не менѣе имѣютъ и общественную цѣнность, когда обстоятельства позволяютъ ихъ обладателямъ отвлекаться отъ ихъ обыкновенныхъ занятій.

Утверждаютъ, что борьба за существованіе никогда не была столь узко эгоистической, какъ обыкновенно полагаютъ; до нѣкоторой степени она была всегда прямо и сознательно борьбой за существованіе другихъ, за сохраненіе и благосостояніе семьи и зависимыхъ лицъ,

а косвенно, во всякомъ случаѣ, и за благо торговли, промышленности или какой нибудь мѣстности; даже манчестерство, которое иногда считается типомъ торговой эгоистичности, выразилось въ политикѣ, вызывавшей сильный общій интересъ къ торговлѣ и промышленности, а часто и похвальное самопожертвованіе ради болѣе широкой ихъ организаціи.

Игнорируя эти факты современной торговли, Рёскинъ нарисовалъ уже черезъ чуръ мрачную картину; торговый человѣкъ, даже при владычествѣ паровой машины, не просто „жадная машина“, какой иногда признаетъ его „чистая теорія“ старыхъ курсовъ политической экономіи. И тѣмъ не менѣе остается безспорнымъ громадное и вопіющее несогласіе между высокимъ ученіемъ морали и христіанства съ одной стороны, и практикой промышленности съ другой. Человѣкъ, любящій ближняго своего, какъ самого себя, въ дѣловыхъ предпріятіяхъ живо обанкротился бы. Едва ли возможно отрицать, что общее моральное слѣдствіе промышленности, основывающейся на конкуренціи, состоитъ въ усиленіи сознательнаго раздора между людьми, въ разъединеніи, а не въ соединеніи интересовъ людей, въ пріученіи человѣка въ теченіи шести дней въ недѣлю пребывать въ настроеніи, прямо враждебномъ ученію седьмого дня—ученію, по признанію этаго же человѣка, долженствующему руководить его поведеніемъ.

Потому слѣдуетъ признать, чтѣ Рёскинъ, несмотря на преувеличеніе имъ напряженности эгоистическихъ стремленій, проявляемыхъ при торговой конкуренціи, несмотря на то, что его нападки на общественную бесполезность конкуренціи черезъ чуръ рѣзки и безусловны, доказалъ свое главное обвиненіе относительно существованія глубокаго антагонизма между нашими теоріями нравственности и обычной нашей практикой въ тѣхъ жизненныхъ дѣлахъ, которыя наиболѣе занимаютъ наше вниманіе. Такой антагонизмъ неизбежно замедляетъ общественный прогрессъ и всѣ рассу-

тельные люди должны поддерживать реформы, имѣющія цѣлью сдѣлать промышленность сознательной социальной связью между людьми, а не причиной сознательнаго раздора.

5. Когда Рёскинъ приступаетъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію характера торговыхъ сдѣлокъ, его сужденія менѣе точны и ему не всегда удается обосновывать его обвиненія. Главныя его обвиненія противъ промышленности состоятъ въ томъ, что законъ спроса и предложенія дѣйствуетъ вредно и несправедливо, что конкуренція не обезпечиваетъ надлежащихъ и справедливыхъ цѣнъ, что обмѣнъ происходитъ при посредствѣ насилія и обмана; меркантильную же экономію онъ обвиняетъ въ томъ, что она своимъ ложнымъ истолкованіемъ этихъ процессовъ помогаетъ и усиливаетъ эти бѣдствія.

При разсмотрѣніи этого вопроса Рёскинъ оказалъ наукѣ одну очень серьезную услугу. Хотя меркантильная экономія никогда положительно не утверждала о справедливости договора, какъ средства обмѣна и распределенія; но ея ученіе несомнѣнно производило такое впечатлѣніе, что при посредствѣ этихъ процессовъ достигается справедливость. Предполагалось, что когда совершается актъ продажи, покупатель и продавецъ одинаково выигрываютъ отъ совершенія такого акта. Рѣдкая откровенность профессора Кернса, сказавшаго: „я не знаю ни одного правила справедливости, примѣнимаго къ распределенію продуктовъ промышленности“, никогда не одобрялась ортодоксальными экономистами; ихъ ученіе основывается на предположеніи, что конкуренція создаетъ гармонію интересовъ личности съ интересами общества, такъ что всѣ работаютъ для блага всѣхъ. Отрицаніе Рёскинымъ такой тенденціи къ справедливому или равному распределенію выгодъ при актѣ купли или обмѣна поддерживается точнымъ анализомъ экономическихъ процессовъ.

Простое констатированіе Рёскинымъ характера дѣятельности закона спроса и предложенія представляется намъ совершенно неопровержимымъ. „На практикѣ, на основаніи закона спроса и предложенія, когда являются два человѣка, готовые сдѣлать работу и только одинъ человѣкъ нуждается, чтобы эта работа была сдѣлана, то первые двое торгуются изъ за работы, а тотъ, кто ее получить, получаетъ за нее плату низшую. Если же, наоборотъ, двумъ необходимо, чтобы работа была сдѣлана и только одинъ человѣкъ готовъ взяться за нее, то первые двое торгуются между собой, а рабочій получаетъ высшую, лишнюю плату, <sup>1)</sup>. Въ обществахъ нецивилизованныхъ насилие и обманъ всегда были средствами пріобрѣтенія собственности; предполагается, что въ современномъ промышленномъ обществѣ они замѣнены справедливой и раціональной системой обмѣна. Но если внимательно изслѣдовать дѣйствіе этой системы обмѣна, то окажется, что и тутъ сохраняются элементы насилія и обмана, только въ скрытомъ видѣ. Торгъ пекаря съ голоднымъ человѣкомъ основывается на проявленіи той экономической силы, которая присуща болѣе или менѣе всякому торгу. Можно возразить на это, что въ примѣрѣ Рёскина признается неравенство только потому, что два продавца неосновательно противопоставляются одному покупателю и наоборотъ. Но въ большей части сферы обмѣна число дѣйствительныхъ и добровольныхъ покупателей или больше или меньше числа продавцевъ, и конкуренція между людьми, подвергающимися опасности быть выброшенными съ рынка, всегда даетъ другой договаривающейся сторонѣ выгоды монополіи, которая и уясняется простѣйшимъ примѣромъ Рёскина. И тутъ вопросъ не чисто арифметическій; дѣйствительнымъ критеріемъ будетъ относительная сила эконо-

---

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

номическихъ ресурсовъ двухъ договаривающихся сторонъ. Во многихъ изъ такихъ договоровъ совсѣмъ не имѣется конкуренціи ни съ той, ни съ другой стороны; напримѣръ при наймѣ труда цѣна его опредѣляется главнымъ образомъ прямыми нуждами нанимателя и рабочаго, и наиболѣе настоятельная нужда рабочихъ даетъ выгоду предпринимателю. Даже въ томъ случаѣ, когда съ одной стороны конкурируютъ между собой нѣсколько нанимателей, а съ другой конкурируютъ между собой рабочіе, все таки спросъ и предложеніе еще не опредѣляютъ справедливой заработной платы, т.-е. такой заработной платы, которая была бы одинаково выгодна и для рабочаго и для предпринимателя; всякое неравенство въ численности и въ ресурсахъ двухъ сторонъ все таки даетъ большую выгоду отъ договора той или другой изъ сторонъ.

6. Но если Рёскинъ совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что въ основѣ всякаго договора лежитъ насилие и что основной принципъ обмѣна состоитъ въ ограбленіи бѣднаго, потому что онъ бѣденъ“, то его утверженіе, что равенство при обмѣнѣ состоитъ въ томъ, что бы „давать время за время, силу за силу и искусство за искусство“, весьма сомнительно. Абсолютное равенство времени, силы или искусства даже въ томъ случаѣ, если бы эти двѣ послѣднія были величинами измѣримыми, не дало бы еще надлежащаго основанія для равенства личныхъ услугъ, повидимому требуемаго нравственностью. Во всякомъ случаѣ въ идеальнѣ должно принимать въ соображеніе индивидуальныя способности каждаго при разсмотрѣніи вопроса о томъ, сколько именно времени, силы или искусства требуется для уравновѣшенія того же количества времени или напряженности труда другого лица. Потому совершенно невозможно принять положеніе Рёскина, будто „легче научно опредѣлить, что долженъ полу-

чать человекъ за свой трудъ, чѣмъ то, что его нужды заставляютъ его брать за него“<sup>1)</sup>).

Единственная опредѣленная попытка доказать такое положеніе о научномъ основаніи заработной платы есть ссылка на фізіологическое мѣрило стоимости (издержекъ); наиболѣе ясное изложеніе этого положенія мы находимъ въ письмѣ Рёскина въ *Pall Mall Gazette*<sup>2)</sup> въ 1867 году: „пусть полдюжины извѣстныхъ лондонскихъ врачей опредѣляютъ точно количество и родъ пищи и величину помѣщенія, которыя они считаютъ приблизительно необходимыми для здоровой жизни рабочихъ во всякой изъ отраслей промышленности, и число часовъ, которое рабочій можетъ, не сокращая свою жизнь, посвятить ежедневно работѣ. И тогда пусть всѣ хозяева будутъ обязаны давать рабочимъ право выбора между ордеромъ на такое количество пищи и на такое помѣщеніе или рыночной заработной платой за опредѣленное такимъ образомъ число рабочихъ часовъ“. Когда мы говорили объ ученіи Рёскина о „внутренней цѣнности“, мы уже обратили вниманіе читателя на тотъ истинно научный инстинктъ, который заставилъ его привести какъ стоимость (издержки), такъ и полезность къ ихъ физическимъ эквивалентамъ. Въ этомъ отношеніи также, какъ и во многихъ другихъ, многіе экономисты являются его послѣдователями. Авторы лучшаго изъ современныхъ трактатовъ о реформѣ промышленности отстаиваютъ, какъ основаніе системы заработныхъ платъ, признаніе національнаго минимума, „опредѣляемаго практическимъ изслѣдованіемъ относительно стоимости пищи, одежды и помѣщенія, фізіологически необходимыхъ, соответственно національнымъ навыкамъ и обычаямъ, для сохранения здоровья“<sup>3)</sup>. И дѣйствительно въ теченіи

---

<sup>1)</sup> *ibid.*

<sup>2)</sup> Перепечатано въ „*Arrows of the Chase*“, II.

<sup>3)</sup> „*Industrial Democracy*“—Сиднея и Беатрицы Веббъ, II.

многихъ вѣковъ денежная заработная плата английскихъ рабочихъ регулировалась грубыми соображеніями относительно ихъ физическихъ нуждъ, указываемыхъ цѣной хлѣба. Но хотя идея о физическомъ возстановленіи энергій, расходуемой при работѣ, и составляетъ здравое основаніе для опредѣленія минимальной заработной платы, дѣлать его единственнымъ регуляторомъ цѣны труда значило бы совершенно игнорировать право рабочаго на участіе въ барышахъ, происходящихъ отъ производительности труда, помимо простого возмѣщенія за потраченную на работѣ энергію. Это значило бы, въ сущности, возвратиться къ понятію, отказывающему труду во всякой прибыли, и поддерживать заработную плату на уровнѣ, едва достаточномъ для простого существованія. Кромѣ того до тѣхъ поръ, пока существуетъ система заработной платы, будетъ необходимо принимать въ соображеніе не только сторону „стоимости“ въ вопросѣ о заработной платѣ, но также и сторону „полезности“, выражающуюся въ спросѣ на различные роды труда. Опредѣлить заработную плату при существующихъ условіяхъ на основаніи мѣрила физическаго здоровья значило бы увѣковѣчить экономическое положеніе рабочихъ классовъ и передать капиталисту—предпринимателю все то приращеніе цѣнности, которое происходитъ отъ усовершенствованій въ промышленности или отъ увеличенія потребностей общества. Разсматривая болѣе подробно предложеніе Рёскина, можно указать также и на неосуществимость достаточно точнаго опредѣленія физическихъ нуждъ различныхъ классовъ рабочихъ. Такое возраженіе было бы рѣшительнымъ противъ всякой попытки точнаго опредѣленія нуждъ различныхъ классовъ рабочихъ по отношенію къ мѣстности, полу, возрасту, здоровью и къ другимъ факторамъ; но это, конечно, нисколько не устраняетъ возможности широкаго опредѣленія того національнаго минимума заработной платы, которое предлагаютъ Сид-

ней и Беатриса Веббъ. Однимъ словомъ, предложеніе Рёскина имѣетъ несомнѣнную научную цѣнность, но оно не достигаетъ той широкой цѣли, которую ставитъ Рёскинъ. Но такая невозможность дать точное научное мѣрило обмена нисколько не ослабляетъ его обвиненій противъ безнравственности и невыгодности опредѣленія всѣхъ цѣнъ ссылкой на экономическія силы конкурирующихъ и договаривающихся сторонъ.

7. Отстаивая свои обвиненія противъ основывающейся на конкуренціи промышленности и противъ экономического истолкованія ея законовъ, Рёскинъ выставляетъ два до чрезвычайности спорныя положенія. Первое состоитъ въ томъ, что при обменѣ не получается прибыли. Такъ какъ это положеніе составляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ въ общемъ экономическомъ ученіи Рёскина, то оно заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Въ первомъ своемъ изложеніи этого ученія, онъ различаетъ прибыль отъ выгоды (барыша). „При обменѣ получается только барышъ, т. е. онъ приноситъ выгоду или силу обменивающимся личностямъ. Такъ, напримѣръ, сѣя и собирая жатву, человѣкъ вмѣсто одной мѣры зерна получаетъ двѣ—это прибыль. Другой, копая и выковывая, получаетъ вмѣсто одной лопаты двѣ—это тоже прибыль. Но вотъ человѣкъ, у котораго двѣ мѣры зерна, нуждается въ копкѣ, а человѣкъ, имѣющій двѣ лопаты, нуждается въ хлѣбѣ. Они и обмениваютъ полученное первымъ зерно на полученную вторымъ лопату—обоимъ обменъ этотъ выгоденъ, и тѣмъ не менѣе тутъ прибыли нѣтъ; такъ какъ ничего не создано, ничего не произведено“<sup>1)</sup>. Ортодоксальный экономистъ прежде всего замѣтитъ, что обменомъ нѣчто произведено — а именно полезность, потому что вещи, находящіяся во владѣніи тѣхъ, кому они болѣе нужны, болѣе полезны, чѣмъ

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.



тѣже вещи, находящіяся во владѣннн тѣхъ, кому они менѣе нужны. Рёскинъ и самъ признаеть, что объ стороны получили выгоду, но эту выгоду онъ не хочетъ называть прибылью. Экономисты наврядъ ли имѣють основаніе осуждать его за такое ссуживаніе значенія термина, бывшаго вслѣдствіе его неясности источниковъ большей смуты въ экономической литературѣ. Но не легко понять, что именно выигрываетъ Рёскинъ такимъ матеріалистическимъ понятіемъ о прибыли, ограничивающимъ прибыль созданіемъ новой вещественной выгоды. Мы говорили уже, что онъ большой охотникъ до этимологическихъ изысканій, но въ языкѣ не имѣется никакихъ препятствій для того, чтобы называть прибылью увеличенную посредствомъ обмѣна полезность товаровъ. Вѣроятно, истинной причиной дѣлаемаго имъ различія было его понятіе о цѣнности, какъ о свойствѣ внутреннемъ и неизмѣнномъ, присущемъ извѣстнымъ формамъ богатства. Разумѣется, простой актъ обмѣна не можетъ увеличить это свойство, „даваемое товарамъ Создателемъ вещей и людей“. Потому при обмѣнѣ и не происходитъ прибыли или увеличенія цѣнности. Понятіе Рёскина о надлежащемъ мѣрилѣ обмѣна тоже не требуетъ измѣненія такого взгляда на дѣло. Основаніе обмѣна есть рабочее время, а наврядъ ли можно сказать, что при актѣ обмѣна расходуется рабочее время. Поэтому на основанн общихъ экономическихъ положеній Рёскина вѣтъ причины признавать увеличеніе потребительной цѣнности (у Рёскина просто цѣнности) или мѣнновой цѣнности (цѣнности экономической), въ результатѣ обмѣна.

Отрицаніе Рёскинымъ прибыли при обмѣнѣ мнѣніе ложное и произвольное, но оно было бы сравнительно безвреднымъ, еслибы оно, видимо, не повліяло на позднѣйшія критическія замѣчанія автора относительно обмѣна; а эти замѣчанія—если только они имѣють какое нибудь значеніе—приводятся къ отрицанію двусто-

ронней выгоды обмена. Такое странное положение высказано Рёскинымъ въ его „Unto this Last“ чрезъ нѣсколько страницъ послѣ цитированнаго нами мѣста; тутъ онъ осуждаетъ всю науку и всю практику обмена на томъ основаніи, что выгода обмена зависитъ отъ обмана. „Если я могу обманывать у дикаря иголку на бриллиантъ, то возможность этого зависитъ или отъ незнанія дикаря относительно общественнаго строя Европы, или отъ его неспособности воспользоваться своимъ знаніемъ, продавъ свой бриллиантъ другому, который дастъ за него нѣсколько иголокъ. Если далѣе я договариваюсь съ дикаремъ насколько возможно выгодиѣе для меня, давая ему иголку безъ ушка (а это и есть вполне удовлетворительный типъ полного дѣйствія науки объ обменѣ), то моя выгода отъ такой сдѣлки всецѣло зависитъ отъ невѣжества, безсилія или невнимательности того лица, съ которымъ я заключаю сдѣлку. Уничтожьте эти свойства и — выгода при обменѣ будетъ невозможной“.

Рёскинъ, повидимому, не признаетъ, что даже въ такихъ случаяхъ обмена, когда одна сторона неизмѣримо сильнѣе или хитрѣе другой, все же даже слабѣйшая сторона получаетъ нѣкоторую реальную выгоду, дѣлаетъ нѣкоторое реальное приобрѣтеніе—во всякомъ случаѣ такую минимальную выгоду, которая достаточна для того, чтобы побудить ее вступивъ въ сдѣлку. Принятое Рёскинымъ матеріалистическое представленіе о прибыли заставляетъ его возвратиться почти ко временамъ ученія французскихъ фізіократовъ, считавшихъ земледѣліе единственнымъ занятіемъ, создающимъ цѣнность. Но это старое положеніе было даже болѣе логичнымъ, чѣмъ положеніе Рёскина, потому что фізіократы требовали, чтобы терминъ „производство“ примѣнялся только къ добыванію изъ земли дѣйствительныхъ вещественныхъ формъ, а Рёскинъ признаетъ, что прибыль можетъ быть создана измѣненіемъ вещественныхъ формъ, хотя, по его мнѣнію, и не измѣненіемъ мѣста или владѣльцевъ. Вообще слѣдуетъ

помнить, что Рёскинъ отрицаетъ происхожденіе прибыли при всякой торговлѣ. т. е. не только при дѣятельности оптоваго или мелочного купца, продающаго товаръ, а при дѣятельности кушцовъ, занимающихся ввозомъ или транзитомъ. Могутъ замѣтить, что весь вопросъ тутъ сводится просто къ словамъ, что Рёскинъ не отрицаетъ услугъ, оказываемыхъ купцами, а только предпочитаетъ сохранить терминъ „прибыль“ для обозначенія производительной дѣятельности въ „производствѣ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Во всякомъ случаѣ такое различеніе очень неудачно, потому что оно обманываетъ не только читателей, но и самого автора, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ его „Fors Clavigera“, указывающаго также на другую серьезную ошибку автора, значительно вредящую его обвинительному акту противъ современной промышленности:

„Существуютъ два главныя и самыя крупныя заблужденія, которыя провозглашаются подъ вліяніемъ плутовъ обманываемыми ими дураками: первая, будто бы при постоянномъ обмѣнѣ и при надуваньи другъ друга при обмѣнѣ двѣ обмѣнивающіяся личности изъ одного горшка, обмѣниваемого на одинъ же котелокъ, создаютъ себѣ два состоянія. Таковъ принципъ торговли. А второе заблужденіе — будто мѣшокъ Іуды становится мѣшкомъ фокусника, такъ что если нѣкто г. Р. поставитъ свой горшокъ въ сохранное мѣсто и подождетъ немного, то явятся у него два горшка, да еще полные похлебкой; если нѣкто г. К. тоже поставитъ свой котелокъ и подождетъ немного, то и у него будетъ два котелка, да еще полные рыбой.— Таковъ принципъ процента“<sup>1)</sup>.

Любопытная иронія непослѣдовательности человѣческаго ума! Рёскинъ тутъ принимаетъ такой матеріалистическій взглядъ на богатство и настолько несомнѣ-

---

<sup>1)</sup> „Fors“, II. Письмо XLV.

стимый и несогласованный съ его собственнымъ чело-  
вѣческимъ мѣриломъ богатства, что онъ предполагаетъ,  
будто увеличеніе состоянія, измѣряемое даже торго-  
выми терминами, требуетъ и соотвѣствующаго увели-  
ченія количества вещественныхъ формъ. Почему мы  
не можемъ признать, что усовершенствованные спосо-  
бы обмѣна, вслѣдствіе того только, что они пере-  
даютъ настоящія вещи въ настоящія руки, могутъ  
создавать состоянія? Вѣдь товары при такомъ удобномъ  
и надлежащемъ распредѣленіи, очевидно, стоятъ болѣе,  
и на деньги и по ихъ реальной полезности, или по  
ихъ способности содѣйствовать сохраненію и развитію  
человѣческой жизни. Утвержденіе, что договоръ не-  
справедливо распредѣляетъ выгоды обмѣна совсѣмъ не  
ведетъ къ отрицанію производительности торговли.

8. Рёскинъ пришелъ къ убѣжденію о незаконности  
процента въ послѣдніе свои годы. Когда онъ писалъ  
„*Munera Pulveris*“, осуждаемое имъ ростовщичество  
означало только осужденіе чрезмѣрности величины про-  
цента <sup>1)</sup>. Онъ не осуждалъ прямо процентовъ при  
займахъ, если только при этомъ не пользуются бѣд-  
ностью заемщика. Но когда онъ началъ писать „*Fors  
Clavigera*“, у него появляются новыя сомнѣнія. Въ  
первомъ письмѣ онъ разсматриваетъ защиту процента  
экономистами, въ восьмомъ мы уже встрѣчаемъ общее  
нападеніе на „проценты капиталиста“, а къ 1872 году  
Рёскинъ приходитъ къ окончательному убѣжденію о  
несправедливости всякихъ процентовъ.

Образованію такого убѣжденія не мало помогли пам-  
флеты Силлэра <sup>2)</sup>. Рёскинъ излагаетъ свое мнѣніе въ во-  
семнадцатомъ письмѣ въ „*Fors*“ въ очень любопытныхъ  
выраженіяхъ. Указавъ въ краткихъ словахъ, что воз-  
награжденіе за рискъ и заработная плата за управле-

---

<sup>1)</sup> „*Munera Pulveris*“, §§ 98.

<sup>2)</sup> „*Munera Pulveris*“ 98.

ніе предпріятіемъ законны и не составляютъ настоящей части процента, онъ признаеть, что защита процента, какъ она изложена у профессора Фоусета, есть ничто иное, какъ защита вознагражденія за воздержаніе. „Миѣ по этому поводу приходитъ въ голову такое соображеніе—еслибы у меня не было банковыхъ билетовъ на сумму въ пятнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, я былъ бы гораздо болѣе воздержаннымъ, чѣмъ теперь и однако никто бы и не подумалъ о моемъ вознагражденіи за такое воздержаніе. Возможно указать на случаи очень продолжительнаго и тяжелаго воздержанія, за которое вся наименѣе всего воздержанная Англія, однако, не даетъ вознагражденія. Тѣмъ не менѣе, конечно, воздержаніе можетъ получить награду, но не посредствомъ увеличенія того, отъ чего мы воздерживаемся, *если только не существуетъ какого нибудь закона роста, не имѣющаго никакого отношенія къ нашему воздержанію*. Нельзя и имѣть лепешку и съѣсть ее. Конечно, нельзя; если вы не съѣли лепешки, она у васъ осталась; но все же только одна лепешка, а не лепешка съ половиной. Представьте себѣ смущеніе нашихъ школьниковъ, еслибы законъ природы относительно лепешекъ былъ таковъ, что не съѣдая лепешки сегодня, завтра вы имѣли бы нѣсколько такихъ лепешекъ вмѣсто одной—а именно таково представленіе Фоусета *о законахъ природы относительно денегъ*. Увы! таково же представленіе и многихъ другихъ хотя это совсѣмъ не законъ природы, а нѣчто абсолютно противное всѣмъ ея законамъ, нѣчто такое, чего нельзя сдѣлать силами всего человѣческаго рода“<sup>1)</sup>. Изъ этого Рёскинъ дѣлаеть выводъ, что процентъ есть насильственное обложеніе или просто ростовщичество<sup>2)</sup>. Это мѣсто любопытно потому, что оно указываетъ и на сильныя и на слабыя стороны аргументаціи Рёски-

1) Fors Clavigera\*—письмо XVIII.

2) Ibid—Письмо XXI.

на. Игривый софизмъ, которымъ онъ начинаетъ свое разсужденіе, можно сразу оставить безъ вниманія, потому что хотя и вѣрно, что наиболѣе тяжелое воздержаніе—воздержаніе бѣдняковъ— не получаетъ вознагражденія въ видѣ процентовъ, но это нисколько не опровергаетъ положенія, что процентъ есть вознагражденіе за воздержаніе особаго рода, т. е. вознагражденіе за воздержаніе людей, имѣющихъ возможность немедленно израсходовать свои деньги, но откладывающихъ на извѣстное время этотъ расходъ. Возможно, что выраженіе „вознагражденіе за воздержаніе“ далеко не удовлетворительный терминъ для уясненія причины процента, такъ какъ очевидно, что это выраженіе можетъ подлежать двусмысленнымъ толкованіямъ. По этой причинѣ, а также и по другимъ, многіе экономисты находятъ оправданіе процента не въ воздержаніи, а въ производительности капитала; основной аргументъ Рёскина и состоитъ въ дѣйствительности въ отрицаніи производительности капитала, въ томъ смыслѣ, что капиталъ не можетъ расти. „Воздержаніе не производитъ увеличенія того, отъ чего мы воздерживаемся“—таковъ первый аргументъ Рёскина въ первомъ изъ подчеркнутыхъ мной мѣстъ. Но отбрасывая метафизику причинности, можно утверждать, что воздержаніе есть необходимое условіе увеличенія богатства, обусловливаемого существованіемъ, и пользованіемъ, того, отъ чего мы воздерживаемся. Воздерживаясь отъ какого-нибудь непосредственнаго пользованія, я могу дать существованіе и сохранить для пользованія нѣкоторыя формы капитала, признаваемые полезными; услуга, оказываемая этими формами капитала, и представляется увеличеніемъ, ростомъ капитала (богатства), и такое увеличеніе—будетъ ли причиной его мое воздержаніе или нѣтъ—во всякомъ случаѣ обусловлено этимъ воздержаніемъ; если я не воздерживаюсь, богатство не увеличивается и такъ какъ я, разумѣется, предпочту непосредственное пользованіе воздержанію, если я

не получу за послѣднее части увеличеннаго богатства—то на процентъ и можно смотрѣть, какъ на необходимое вознагражденіе за воздержаніе, выплачиваемое мнѣ изъ увеличеннаго продукта, бывшаго результатомъ моего воздержанія. Совершенно вѣрно, конечно, что одно только воздержаніе, въ смыслѣ отказа отъ потребленія существующихъ благъ, не можетъ быть причиной увеличенія этихъ благъ, но вѣдь этого не можетъ сдѣлать ни одинъ трудъ, ни какое угодно условіе производства или никакая производительная сила безъ содѣйствія другихъ производительныхъ силъ. Понятіе, будто воздержаніе или ожиданіе не можетъ быть производительнымъ актомъ—понятіе, лежащее въ основѣ аргументаціи Рёскина, какъ по отношенію къ проценту, такъ и въ другихъ мѣстахъ его разсужденій—основывается на безсознательномъ матеріализмѣ его понятія о производительности, какъ будто бы дѣйствіе производительно только тогда, когда оно есть прямое физическое дѣйствіе, направленное на измѣненіе или передвиженіе вещественныхъ предметовъ. Ожиданіе капиталиста производительно ровно настолько же и въ томъ же смыслѣ, какъ и надзоръ управляющаго фабрикой; это просто условіе правильнаго и дѣйствительнаго функціонированія капитала, точно также, какъ самый капиталъ есть условіе дѣйствительнаго функціонированія труда. Можно возразить на это, что управляющій работаетъ за то, что онъ получаетъ, а капиталистъ не работаетъ. Но употребленіе этого слова „работать“ переносятъ самый вопросъ на другую почву. Воздержаніе можетъ предполагать, и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаетъ, очень тяжелое и трудное напряженіе воли, которое—разъ мы признаемъ его полезнымъ въ сферѣ промышленности—имѣетъ такое же право и такую же естественную необходимость въ вознагражденіи, какъ и всякій трудъ.

То очевидное обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ такое воздержаніе совсѣмъ не сопровождается

страданіемъ, точно также не составляетъ основанія для отрицанія законности процента, какъ одинаково очевидное обстоятельство, что нѣкоторые роды труда сопровождаются положительнымъ удовольствіемъ для рабочаго, не будетъ составлять основанія для того, чтобы отказывать ему въ заработной платѣ. Настоящее обвиненіе противъ капитала состоитъ не въ томъ, что онъ получаетъ процентъ, а въ томъ, что капиталъ часто накапливается непозволительными способами. Имѣется совершенно законная презумпція, что капиталъ, накопленіе или сбереженіе котораго не предполагаетъ никакого дѣйствительнаго пожертвованія, пріобрѣтенъ не честнымъ трудомъ, а какимъ нибудь экономическимъ угнетеніемъ при процессѣ договора и полученіемъ при этомъ договорѣ прибыли. Противъ этихъ то процессовъ мы и должны направить то осужденіе, которое Рёскинъ и многіе другіе направляютъ противъ процента. Въ своихъ письмахъ въ „Fors“ Рёскинъ отказался отъ того болѣе основательнаго положенія, которое онъ выставлялъ въ „Munera Pulveris“, т. е. отъ осужденія только чрезмѣрной величины процента, обусловливаемой угнетеніемъ, какъ одной изъ многихъ формъ насильственныхъ дѣйствій!

Рёскинъ нигдѣ не дѣлаетъ серьезныхъ попытокъ опровергнуть право полученія процента, основанное на производительности капитала. Въ его блестящей полемикѣ противъ епископа Манчестерскаго онъ очень ловко расправляется съ теологіей и этикой своего противника, но не опровергаетъ серьезно утвержденія, что процентъ на помѣщаемый въ предпріятіе капиталъ совершенно отличенъ отъ процента на деньги, даваемая въ займы сосѣду въ случаяхъ крайности. Приводимые имъ примѣры обмановъ и тираніи нѣкоторыхъ торговыхъ обществъ, указанія на унижительныя вліянія спекуляціи, и такъ далѣе, составляютъ, конечно, очень цѣпныя обличенія нѣкоторыхъ изъ злоупотребленій капитала, но совсѣмъ не доказываютъ утвержденія,



будто вообще процентъ на капиталъ получается при посредствѣ насилія и вымогательства.

Во всякомъ случаѣ эта полемика окончательно доказала, что Рёскинъ отождествляетъ процентъ съ ростовщичествомъ; но по этому вопросу сильны только его теологическіе аргументы, экономическіе же очень слабы.

9. Какимъ путемъ Рёскинъ отъ сужденія вымогательства перешелъ къ осужденію всякаго процента? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить по моему мнѣнію вторая подчеркнутая мною фраза въ цитированномъ выше мѣстѣ „Fors Clavigera“. Въ ней онъ говоритъ „о законѣ природы относительно денегъ“. Однимъ словомъ, тутъ онъ является жертвой знаменитаго заблужденія, оказавшагося въ исторіи политической экономіи роковымъ для многихъ изъ самыхъ проницательныхъ людей. Отрицаніе процента почти всегда обусловливалось трудностью понять, какимъ образомъ деньги могутъ производить что либо, т. е. другія деньги или излишекъ богатства какого либо рода. Знаменитое изреченіе Аристотеля: „деньги безплодны“ вполнѣ точно выражаетъ тотъ взглядъ, который этотъ „учитель тѣхъ, которые знаютъ“ раздѣлялъ съ Моисеемъ, съ большинствомъ Отцовъ церкви, съ Бэкономъ, съ Лютеромъ, съ Боссюэ и многими мудрецами всѣхъ странъ и вѣковъ.

Рёскинъ дѣлаетъ даже отступленіе отъ своей темы, чтобы подтвердить изреченіе Аристотеля <sup>1)</sup> и нѣкоторыя мѣста въ „Fors“ доказываютъ, что въ основаніи его осужденія процента лежитъ представленіе, что услуга, за которую платятъ процентъ, есть заемъ денегъ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> „Fors“ III. Письмо XLVIII.

<sup>2)</sup> „Fors“ III. Письмо XLVIII. IV. Письмо LXXVIII. Ср. „Arrows of Chase“, гдѣ Рёскинъ обращаетъ вниманіе на то, что деньги „не растутъ“.

Еслибы Рёскинь, обсуждая вопросъ о процентѣ, помнилъ о своей собственной теоріи о характерѣ денегъ, о теоріи, излагаемой имъ въ „Time and Tide“ и въ другихъ сочиненіяхъ, т. е. о теоріи, на основаніи которой деньги есть по существу просто знакъ власти надъ богатствомъ вообще, а потомъ власти надъ человѣкомъ въ частности, онъ долженъ бы былъ признать, что человѣкъ, дающій деньги въ займы, собственно говоря, передаетъ должнику власть надъ всѣми формами вещественнаго и невещественнаго богатства и что процентъ основывается именно на производительномъ употребленіи этого богатства, а совсѣмъ не на производительности денегъ. Денежный заемъ и полученіе процента деньгами суть только виѣшняя и удобная форма сдѣлки, сущность же состоитъ въ займѣ орудій или товаровъ и въ полученіи излишка орудій и товаровъ.

10. Если такое положеніе вѣрно, то въ экономическія разсужденія Рёскина вкралась серьезная ошибка, Но хотя отрицаніе процента очень долго основывалось именно на указанномъ нами заблужденіи, можно сомнѣваться, чтобы свою настоящую силу оно заимствовало изъ этого источника. Негодованіе на очевидныя злоупотребленія ростовщиковъ и извѣстное сознаніе братства людей, налагающее на людей состоятельныхъ обязанность давать даромъ займы нуждающимся—эти могучіе нравственные мотивы поведенія, вѣроятно, имѣли гораздо больше вліянія на государственную политику и на существующіе обычаи, чѣмъ экономическое разсужденіе о бесплодности денегъ. Въ древности случаи производительнаго употребленія частныхъ капиталовъ было до чрезвычайности рѣдки и денежные займы дѣлались только ради того, чтобы пережить трудное время или для того, чтобы исправить какое-нибудь непредвидѣнное бѣдствіе. Общественныя добродѣтели сосѣдской помощи и благотворительности всегда болѣе цѣнились

и были чаще въ первобытныхъ обществахъ, чѣмъ въ развитыхъ промышленныхъ, и какъ религіозные учителя народовъ, такъ и моралисты. всегда направляли народную нравственность именно по такому пути.

Еслибы Рёскинъ ограничилъ свое нападеніе на процентъ отставаніемъ положенія о долгахъ людей давать бѣднымъ деньги безъ процента, его положеніе было бы гораздо сильнѣе занятаго имъ. Общественная полезность такихъ даровыхъ займовъ будетъ зависѣть отъ нашихъ взглядовъ на благотворительность вообще, какъ средства исправленія или уменьшенія общественныхъ золъ. Утверждая вмѣстѣ съ Рёскинымъ, что существующіе экономическіе процессы присвоенія богатства не имѣютъ моральной санкціи и что поэтому нужна челоуѣка отнюдь не доказываетъ его нравственной слабости, мы имѣемъ право считать такую благотворительность однимъ изъ способовъ исправленія нѣкоторыхъ вредныхъ неравенствъ въ существующемъ экономическомъ строѣ.

Поскольку дѣло идетъ о займахъ бѣднымъ и нуждающимся, такое положеніе, несомнѣнно, является очень сильнымъ съ нравственной точки зрѣнія. Но въ такое время, когда большая часть капитала употребляется не на такія цѣли, а помѣщается въ разныя предпріятія, прямо производительныя, невозможно полагаться на такіе нравственные мотивы при отрицаніи законности всякаго процента. Рёскинъ вмѣстѣ съ многими другими, нападавшими на теорію процента, повидимому, забываетъ о существенномъ различіи между заемщикомъ и предпринимателемъ. Когда занятыя деньги помѣщаются въ какое нибудь предпріятіе, у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы заемщикъ не получилъ по крайней мѣрѣ того, что принадлежитъ ему по праву; а такъ какъ очевидно, что такія помѣщенія занятыхъ денегъ суть источникъ прибыли, то нѣтъ причины требовать, чтобы эта прибыль получалась промышленникомъ или торговой компаніей, а не давшимъ имъ деньги.

И дѣйствительно, здравый смыслъ древнихъ обществъ, формально воспрещавшихъ взиманіе процентовъ, вообще исключалъ изъ такого запрещенія займы, даваемые зажиточнымъ людямъ или предназначаемыя для приносящихъ прибыль предпріятій.

Приводится иногда положеніе, что всякое предпріятіе, имѣющее цѣлью полученіе прибыли, вредно для интересовъ общества, какъ включающее и осужденіе процента. Но такой аргументъ въ данномъ случаѣ просто неумѣстенъ. Еслибы вся промышленность была организована обществомъ, еслибы она руководилась стремленіемъ къ общему благу, конечно, не было бы и необходимости въ прибыли, какъ вознагражденіи за общественное сбереженіе; но до тѣхъ поръ, пока для поддержанія частныхъ предпріятій необходимо частное сбереженіе, та часть сбереженій, которая сопровождается личными жертвами, имѣетъ такое же естественное и нравственное право на вознагражденіе, какъ и всякое другое промышленное пожертвованіе. Другія времена—другіе и нравы, и другая нравственность. Организуйте промышленность на соціальной основѣ, тогда личный процентъ будетъ ненужнымъ и непозволительнымъ—но не раньше.

Но какъ бы ошибочна не была теорія Рёскина по отношенію къ проценту, его указаніе на глупость людей, обвинявшихъ его въ непослѣдовательности за то, что самъ онъ беретъ процентъ за помѣщаемыя имъ капиталы, когда признаетъ всякій процентъ незаконнымъ, замѣчательно остроумно: „я имѣю банковые билеты просто потому, что считаю ихъ болѣе надежными, чѣмъ всякіе другіе и я получаю съ нихъ проценты просто потому, что хотя всякій процентъ въ абстрактѣ столь же незаконенъ, какъ война, но весь современный общественный строй такъ тѣсно связанъ съ ростовничествомъ и съ войной, что невозможно избѣжать—да и было бы неблагоразумно подавать въ этомъ примѣръ другимъ—какъ того, такъ и другого изъ этихъ

золь“. 1) Нѣтъ болѣе очевиднаго доказательства неспособности средняго человѣка къ логическому мышленію, какъ обвиненіе въ непослѣдовательности людей, защищающихъ общественное основаніе производства, въ томъ, что они не пытаются лѣчить общественную болѣзнь средствами индивидуальными.

Главный вредъ, оказанный экономическими ошибками Рёскина, состоялъ въ томъ, что онѣ дѣйствительно представляли тѣ слабые пункты его ученія, на которые враждебные критики и могли направить весь ихъ огонь. Говорили обыкновенно, что социальное ученіе человѣка, отрицающаго производительность обмѣна и оспаривающаго законность процента, не заслуживаетъ вниманія благоразумныхъ и практическихъ людей. Мнѣнія людей о критикѣ, опровергающей удобныя и общепринятыя положенія, столь извращены, что люди съ радостью пользуются всякой, случайной даже, слабостью критика, какъ поводомъ игнорировать самыя глубокія и существенныя изъ провозглашаемыхъ имъ истинъ. Рёскинъ безпощадно и точно указалъ на несправедливость, присущую всякому торгу, и на существованіе насилія во всѣхъ формахъ купли—продажи, и въ томъ числѣ и въ продажѣ пользованія капиталомъ. Но такъ какъ онъ указалъ еще, на особую спеціальную погрѣшность въ этомъ послѣднемъ родѣ сдѣлокъ—погрѣшность, въ дѣйствительности то несуществующую—то на основныя и вполнѣ вѣрныя его положенія большинство образованныхъ людей, полагающихъ, однако, что Рёскинъ есть мудрый и здравомыслящій учитель, не обратило никакого вниманія. „Они читаютъ слова; говорятъ, что эти слова прекрасны—и идутъ своей дорогой!“ 2)

Понятно, что подобное неразуміе могло привести человѣка съ темпераментомъ Рёскина въ бѣшенство, какъ

---

1) „Fors“ I. Письмо XXI.

2) „Fors“ III. Письмо LVIII.

онъ заявляетъ самъ <sup>1)</sup>. Вотъ вамъ человѣкъ съ громаднымъ опытомъ, съ необыкновенной проникательностью, перечеканивающій самую свою душу въ краснорѣчивѣйшія тирады, въ основательнѣйшій анализъ, ради того, чтобы убѣдить умы и тронуть сердца своихъ земляковъ, чтобы доказать имъ всю ужасную несправедливость и бесполезность существующаго общественнаго строя, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости энергично работать для его реформы. И что же? Его, вы думаете, не слушаютъ и не читаютъ? Это было бы, конечно, тяжело. Но нѣтъ! Его страстно слушаютъ, его охотно читаютъ, и тѣмъ не менѣе онъ остается безсильнымъ для убѣжденія, его слова не дѣлаются правиломъ поведенія. Люди наслаждаются его прекрасными сочиненіями объ искусствѣ и литературѣ, они симпатизируютъ многому, что онъ говоритъ о безобразіи промышленныхъ городовъ, о нищетѣ, объ опасностяхъ роскоши, о необходимости общественной солидарности—и идутъ своимъ путемъ удобнаго самодовольства, дѣлаютъ свои обычные взносы на благотворительность и не желаютъ никакого радикальнаго измѣненія въ этомъ лучшемъ—для богатыхъ—изъ міровъ. Это, несомнѣнно, составляетъ самое ужасное обвиненіе противъ эпохи и противъ страны—болѣе ужасное, чѣмъ любое изъ обвиненій, высказываемыхъ Рёскинымъ въ самыя страстныя его минуты.

---

<sup>1)</sup> Ibid. Письмо LXXII.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

### Истинный общественный порядокъ.

1. Практическій вопросъ о реформѣ.—2. Первое ея условіе—хорошее рожденіе.—3. Второе условіе—хорошее воспитаніе.—4. Карьера открыта для всѣхъ способностей.—5. Польза классовыхъ отличій въ промышленной и социальной жизни.—6. Вопросъ о низшемъ механическомъ трудѣ.—7. Регулированіе промышленности гильдіями.—8. Земельный строй—Феодализмъ подъ государственнымъ контролемъ.—9. Кооперация или государственная дѣятельность?—10. Функціи аристократіи.—11. Правительство—Епископы и ихъ дѣятельность.—12. Идеальное и практическое въ планѣ Рёскина.

1. Каково должно быть справедливое упорядоченіе человѣческой дѣятельности въ истинномъ государствѣ? Таковъ важный практическій вопросъ, поставленный Рёскинымъ. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ „Time and Tide“ и въ „Fors Clavigera“, указывая на измѣненія, необходимыя для устройства общества на основаніи справедливыхъ промышленныхъ и политическихъ принциповъ. Въ основу своихъ предложеній онъ кладетъ нѣкоторыя аксіомы общественной справедливости относительно труда и собственности. Всякій долженъ исполнять ту работу, которую онъ можетъ исполнить лучше другихъ, для общаго блага, а не ради личной

прибыли и взамѣнъ своего труда получать собственность, состоящую изъ благъ, которыя онъ честно приобрѣлъ и которыми можетъ хорошо пользоваться <sup>1)</sup>). Эти общіе законы должны примѣняться къ условіямъ эпохи и страны такъ, чтобы они составили комплексъ опредѣленныхъ предложеній въ направленіи общественной реформы. Въ искусство общественной экономіи, какъ ее понимаетъ Рёскинъ, естественно и необходимо входятъ образованіе, правительство и общественный порядокъ, и главныя его предложенія могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: этической, политической и экономической. Можетъ быть, самымъ лучшимъ средствомъ согласованія этихъ трехъ сторонъ одного и того же вопроса будетъ поставить общественный вопросъ, какъ онъ представлялся Рёскину, нѣсколько иначе—а именно: Какимъ способомъ общество можетъ сознательно устроить жизнь своихъ членовъ для того, чтобы поддерживать существованіе наибольшаго числа благодѣльныхъ и счастливыхъ людей?

На этотъ вопросъ Рёскинъ и пытается дать отвѣтъ.

2. Прежде всего общество должно позаботиться о томъ, чтобы имѣть хорошій человѣческой матеріаль. Рёскинъ неоднократно и горько жаловался на то, что его друзья игнорировали наиболѣе существенные элементы его ученія. Частію вслѣдствіе ложной стыдливости, частію вслѣдствіе очевиднаго ослѣпленія, его признанные послѣдователи и поклонники совершенно не обращали вниманія на вопросъ о населеніи, которому самъ учитель придавалъ такое значеніе. Рёскинъ былъ настолько проникательнымъ человѣкомъ, что не могъ не понимать того, что всякій важный общественный вопросъ имѣетъ свои корни въ вопросахъ фізіологическихъ. Первое условіе существованія благоустроеннаго общества состоитъ въ томъ, чтобы

---

1) „Fors“—письмо LXX.



граждане были благороднорожденными, а второе, чтобы они были хорошо воспитанными. По отношению къ второму условію существуетъ согласіе, хотя бы только и на словахъ, но первое совершенно произвольно и безсмысленно игнорируется. И однако всякій, сколько нибудь серьезно разсматривающій этотъ вопросъ, не можетъ, да и не захочетъ, отрицать справедливости торжественнаго заявленія Рёскина, что „основой всѣхъ санитарныхъ и нравственныхъ вопросовъ должно быть регулированіе брака и что какъ ни безобразны и ни вредны всѣ формы своеволія, но ни одно изъ нихъ не можетъ быть столь роковымъ и смертельнымъ для человѣчества, какъ своеволіе брачное“<sup>1)</sup> То обстоятельство, что общество молча санкціонируетъ передачу по наслѣдству всякаго рода болѣзней, пороковъ и безумія, что оно игнорируетъ свою первую обязанность поддерживать извѣстный уровень здоровья, разумности и нравственности своихъ членовъ, составляетъ самое нелѣпое и самое невыгодное отреченіе отъ отвѣтственности, какое только можетъ позволить себѣ какое либо правительство. Предложенія Рёскина, чтобы государство выдавало разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, обуславливая это разрѣшеніе строгими опредѣленіями относительно возраста и доходовъ брачующихся—причемъ Рёскинъ предлагаетъ возстановленіе различныхъ древнихъ брачныхъ церемоній—могутъ казаться намъ неосуществимыми и даже нестерпимыми—но воспрещеніе несомнѣнно антисоціальныхъ браковъ, воспрещеніе эпишетикамъ, преступникамъ или жертвамъ какой нибудь серьезной наслѣдственной болѣзни распложаться къ великому вреду для общества есть одно изъ очевиднѣйшихъ условій общественнаго благосостоянія.

---

1) „Time and Tide“ § 123.

3. За условіемъ необходимости хорошаго рожденія слѣдуетъ условіе необходимости хорошаго воспитанія. Рёскинъ такъ много говорилъ о методахъ воспитанія, что мы здѣсь не имѣемъ никакой возможности подробно излагать его взгляды на этотъ вопросъ. Для нашихъ цѣлей будетъ совершенно достаточно указать, что по его мнѣнію общественное образованіе должно находиться подъ непосредственнымъ контролемъ государства, что оно должно быть свободнымъ, даровымъ и техническимъ. Въ его планѣ физическое воспитаніе соединяется съ образованіемъ: „Я считаю безспорнымъ—что первый долгъ государства состоитъ въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы всякій ребенокъ получалъ кровь, одежду, пищу и образованіе до тѣхъ поръ, пока онъ не достигнетъ такого возраста, когда можетъ самъ содержать себя“<sup>1)</sup>. Это не означаетъ, чтобы дѣтей нужно было брать изъ домовъ ихъ родителей и отдавать въ государственныя учрежденія, потому что поддержаніе домашней жизни и родительскихъ обязанностей составляетъ основную черту понятія Рёскина объ общественномъ порядкѣ; это значитъ только, что общество должно гарантировать тотъ интересъ, который оно имѣетъ въ качествахъ будущихъ гражданъ, настаивая на томъ, чтобы они росли въ здоровой физической и умственной средѣ. Рёскинъ отлично сознаетъ, что исполненіе такой общественной обязанности предполагаетъ, что „правительство должно имѣть надъ народомъ такую власть, о которой мы не имѣемъ теперь и представленія“. Мы и укажемъ теперь на характеръ этой власти.

Всѣ дѣти, какъ правящихъ, такъ и рабочихъ классовъ должны быть прежде всего обучены „законамъ здоровья; къ этому слѣдуетъ прибавить и упражненія—и для этой цѣли школы должно устраивать въ деревняхъ, на свѣжемъ воздухѣ, и имъ должно быть дано

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ § 70.

въ постоянное владѣніе значительное количество земли. Основами физическаго воспитанія должны быть верховая ѣзда, бѣга, всѣ честныя упражненія въ личной защитѣ и нападеніи и музыка“. „Послѣ такихъ физическихъ упражненій дѣтей слѣдуетъ обучать двумъ важнымъ духовнымъ качествамъ: почтенію и состраданію“<sup>1)</sup>—какъ основамъ нравственнаго житейскаго поведения, а также правдивости духа и слова, мышленія и наблюденія. Главными предметами общаго образованія должны быть исторія, естественныя науки и математика и точная наука о языкѣ; всѣ учебники должны быть на родномъ языкѣ. Рёскинъ признаетъ возможно широкое дифференцированіе образованія сообразно съ значительными мѣстными различіями жизни, которыя, вѣроятно, и будутъ опредѣлять послѣдующія занятія и профессіи людей. „Для дѣтей, которыя будутъ потомъ жить въ городахъ, предметами обученія должны быть, насколько позволяютъ ихъ способности, математика и искусства; для дѣтей же, которыя будутъ жить въ деревняхъ, естественная исторія птицъ, насѣкомыхъ и растений, а также и практическое земледѣліе; для дѣтей, предназначаемыхъ въ моряки, физическая географія, астрономія и естественная исторія морскихъ рыбъ и птицъ“<sup>2)</sup>. Техническое образованіе, при которомъ ребенокъ долженъ обучаться той профессіи, которой онъ долженъ будетъ жить, должно быть поставлено самымъ широкимъ образомъ.

Таковъ краткій очеркъ политики, которую дѣйствительно и усвоиваютъ постепенно, хотя и медленно, цивилизованныя государства. Значительные расходы труда и денегъ, необходимыя для подобнаго образованія, пока еще отталкиваютъ финансистовъ и другихъ практическихъ людей, которыхъ еще приходится убѣждать въ томъ, что ни одинъ изъ расходовъ, произво-

<sup>1)</sup> *ibid.* § 75.

<sup>2)</sup> *ibid.* § 100.

димыхъ для какихъ либо промышленныхъ и общественныхъ цѣлей, не можетъ быть столь выгоднымъ, какъ расходъ, непосредственно направленный на повышение уровня человѣческой жизни и человѣческаго характера. Та политика компромиссовъ и скарденности, которой придерживаются даже наиболѣе либеральные изъ современныхъ педагоговъ, будетъ служить посмѣшищемъ для нашего болѣе просвѣщенного потомства. История медленно и ощупью идетъ къ этому идеалу, какъ и ко многимъ другимъ идеаламъ Джона Рёскина.

4. Но какимъ образомъ воспользоваться для служенія обществу этими развитыми способностями гражданъ? Какимъ образомъ должна быть организована промышленность?

Рёскинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ является защитникомъ новаго феодализма, при которомъ строго охраняются классовыя различія и всякій занимаетъ определенное положеніе. Но хотя Рёскинъ и настаиваетъ на довольствѣ людей и на прочности учреждений — и этотъ взглядъ поддерживается у него его художественными стремленіями къ общественнымъ и промышленнымъ раздѣленіямъ общества на слои — въ дѣйствительности то онъ совсѣмъ не желаетъ установленія неизмѣнной системы кастъ, которая не позволяла бы обществу пользоваться услугами, которыя могутъ оказать ему личная гениальность или личные способности. Онъ всегда провозглашаетъ правило о принадлежности орудій, земли, капитала и силы тѣмъ, кто можетъ ими пользоваться. Потому образованіе не должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы приспособлять человѣка къ труду въ той сферѣ, въ которой ему случилось родиться. Если у человѣка есть какая нибудь специальная способность, то она должна быть развита. „Если мы во время начальнаго образованія не будемъ стараться открыть, къ какимъ услугамъ лично способенъ каждый изъ юношей, если мы не будемъ забо-

тятся о томъ, чтобы надлежащія мѣста были заняты людьми, безспорно показавшими свои способности для исполненія извѣстныхъ функцій—тогда называть крушение всякого общественнаго порядка, производимаго злостной конкуренціей и коварной неразборчивостью, волей Провидѣнія—значить всеу поминать имя Господне самымъ дерзкимъ и зловреднымъ образомъ<sup>1)</sup>.

5. Но признавая желательность надлежащаго „равенства шансовъ“ для проявленія личныхъ способностей, признавая также вліяніе среды<sup>2)</sup>, Рёскинъ строить порядокъ общественной и промышленной жизни на „непобѣдимыхъ различіяхъ строенія человѣческихъ существъ<sup>3)</sup>“. Онъ несомнѣнно признаетъ классовыя и индивидуальныя отличія и, по его мнѣнію, первыя естественны и потому самому должны быть удержаны и обществомъ. Онъ полагаетъ, что дѣти чернорабочихъ и занимающихся механическимъ трудомъ самой природой по справедливости, а также и ради общественной пользы, предназначены къ нескусному механическому труду и соотвѣтственно съ этимъ и должна быть устроена ихъ жизнь: дѣти искусныхъ рабочихъ разнаго рода по наслѣдству и по своимъ общественнымъ связямъ предназначаются для продолженія работы ихъ отцовъ; дѣти профессионалистовъ и людей правящихъ классовъ всего болѣе пригодны для исполненія этихъ функцій. Его убѣжденіе въ полезности сохраненія классовыхъ отличій какъ въ работѣ, такъ и въ жизни, настолько прочно и играетъ такую выдающуюся роль въ его планахъ общественной реформы, что, повидимому, онъ считалъ переходъ изъ одного общественнаго положенія въ другое возможнымъ только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ.

1) Time and Tide § 6.

2) *ibid.* §§ 107.

3) *ibid.*

6. Ученіе Платона <sup>1)</sup> и фанатическое отвращеніе къ радикальному ученію о естественномъ равенствѣ укрѣпляли у Рёскина такую вѣру въ естественную основу классовыхъ различій, основу, на которой онъ и строить свое общественное разслоеніе. Этотъ принципъ общественнаго разслоенія позволяетъ ему отнестись отрицательно къ ложному и нелѣпому положенію, будто бы всякій трудъ самъ по себѣ равно почтененъ и облагораживаетъ. Это положеніе, которымъ одинаково пользуются какъ льстецы рабочихъ классовъ для признанія ручного поденнаго труда почтеннымъ, такъ и консерваторы-филантропы для смягченія недовольства рабочихъ, подвергается яростнымъ нападеніямъ Рёскина. Онъ отрицаетъ положеніе, что трудъ землекопа или рудокопа столь же облагораживаетъ человѣка, какъ и трудъ рѣзчика по дереву или по металлу. Онъ, наоборотъ, настаиваетъ на томъ, что въ основѣ всякаго промышленнаго строя приходится совершать много такихъ работъ, которыя по существу низшія и даже унижительныя; онъ признаетъ также, что существуютъ люди, самой природой предназначенные къ такому труду. „Фактически существуетъ много совершенно необходимыхъ занятій, которыя рабскія въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. они доводятъ человѣка до состоянія раба или немыслящаго рабочаго, до состоянія, приличнаго для животнаго, но болѣе или менѣе недостойнаго человѣка“ <sup>2)</sup>. Къ разряду такихъ рабочихъ Рёскинъ причисляетъ не только рудокоповъ, кочегаровъ и ковалей — которые по необходимости становятся грубыми вслѣдствіе своего тяжелаго мускульнаго труда — но также и всѣхъ, занимающихся простымъ неискusstvenнымъ ручнымъ трудомъ. Сдѣлавъ бѣглое и полусатирическое замѣчаніе, бесполезность котораго онъ и самъ признаетъ, что на-

---

<sup>1)</sup> „Munera Pulveris“.

<sup>2)</sup> „Time and Tide“ §§ 104 и §§ 119.

стоящіе христіане ради развитія въ себѣ духа смиренія могли бы добровольно исполнять такія работы, онъ указываетъ на существованіе большого количества дѣтей, изъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать путнаго и которыя поэтому по всей справедливости являются „кандидатами для унижительнаго обыкновеннаго механическаго труда“ <sup>1)</sup>. Ему кажется, что необходимость такихъ работъ дѣлаетъ необходимымъ сохраненіе класса такихъ людей, которые будутъ по существу и фактически, хотя не по имени, рабами и такое мнѣніе у Рёскина также, какъ и у его учителя Карлиля, который, повидимому, защищалъ или по крайней мѣрѣ допускалъ рабство, имѣетъ очевидную связь съ такой общественной необходимостью. Тѣмъ но менѣе въ „Munera Pulveris“ мы встрѣчаемъ одно очень поучительное мѣсто, которое значительно смягчаетъ, если не вполне устраняетъ, рѣзкость такого положенія: „Самыя высшія условія, которыя до сихъ поръ достигнуты человѣческимъ обществомъ, заставляютъ производить такія работы рабовъ; но предполагая, что рабство будетъ окончательно уничтожено, механическія и грязныя занятія должны во всѣхъ высоко-организованныхъ государствахъ получить характеръ наказанія или исправленія. Наиболѣе опасныя и тяжелыя формы такого труда должны исполняться преступниками, чтобы, поскольку это возможно, облегчить невинныхъ людей; большая же часть простого, грубаго, но не механическаго труда, въ особенности земледѣльческаго, должна исполняться высшими классами, такъ какъ безъ такого труда недостижимы ни физическое здоровье, ни умственный отдыхъ, ни достаточное разнообразіе въ трудѣ; остающійся же по необходимости низшій трудъ, и особенно въ промышленности, долженъ всегда быть и всегда будетъ, при правильныхъ и упорядоченныхъ общественныхъ отношеніяхъ,

---

<sup>1)</sup> *ibid.* §§ 107.

жребіемъ людей, которые на время непригодны ни на что лучшее“ <sup>1)</sup>).

Хотя Рёскинъ и пытается, слѣдуя Аристотелю и Платону, доказать, что существуютъ низшія натуры, самой природой предназначенныя для подобнаго труда, но его гуманность возмущается противъ подобнаго представленія и онъ возлагаетъ надежды на такую систему, которая доведетъ размѣры такого труда до минимума, или посредствомъ измѣненія промышленныхъ процессовъ или возможнымъ сокращеніемъ спроса на такія низшія работы. Въ связи съ этимъ укажемъ на дѣлаемое Рёскинымъ различіе между хорошими и дурными формами роскоши, разсматриваемой съ точки зренія ея вліянія не на потребителей, а на производителей. „Вы можете заставить Павла Веронеза разрисовать потолокъ своего дома или Бенвенуто Челлини дѣлать для васъ чаши, но вы не должны заставлять цѣлыя сотни людей искать на днѣ моря перлы, чтобы нашивать ихъ на ваши рукава“ <sup>2)</sup>). Наши комментаріи на положеніе Рёскина о предполагаемой необходимости передать всѣ низшія механическія работы ссобому классу людей будетъ удобнѣе отложить до полнаго изложенія классификаціи Рёскина. Здѣсь будетъ достаточно указать на недовольство самого Рёскина планомъ, требующимъ, на основаніи его гипотезы, еще большаго униженія приступниковъ и низшихъ типовъ человѣчества.

7. Исходя изъ вышеупомянутой общественной основы, мы постепенно переходимъ къ разнымъ ступенямъ ручныхъ работъ, направленныхъ на производство хорошихъ формъ вещественнаго богатства. Цивилизованное общество предъявитъ спросъ на товары, до значительной степени производимые ручнымъ трудомъ, и притомъ этотъ спросъ будетъ на товары хорошаго качества, такъ что „обработка дерева, глины, камня и

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 109.

<sup>2)</sup> *ibid* §§ 131.



металла будетъ считаться изящнымъ искусствомъ“, или во всякомъ случаѣ въ такія работы будутъ входить элементы искусства и личного вкуса. Потому то общественное образованіе и должно быть устроено такимъ образомъ, что „всякій юноша долженъ учиться дѣлать изящно что нибудь, и притомъ исключительно своими руками“<sup>1)</sup>; даже тѣ, которые специально не будутъ заниматься такими промыслами, могутъ съ пользою для себя и ради удовольствія заниматься въ свободное время какимъ нибудь изъ этихъ ремесель, а въ самой сферѣ этихъ отраслей промышленности „будетъ мѣсто для всякой степени практическаго разума и творческаго воображенія“. Рёскинъ ясно и послѣдовательно не говоритъ объ организаціи этихъ и другихъ отраслей промышленности. Общей формой такой организаціи должна быть гильдія; въ „Fors Clavigera“ Рёскинъ предлагаетъ, чтобы рабочіе распредѣлились на двадцать одинъ рязрядовъ, которые и перечисляетъ, и мирно организовались для веденія своей отдѣльной отрасли промышленности, пріобрѣтя для этого необходимые капиталы и земли<sup>2)</sup>. Это предложеніе преобразовать трэдъ-уніоны въ союзы рабочихъ или въ гильдіи, каждая изъ которыхъ взяла бы на себя функціи предпринимателя-капиталиста и регулировала бы какъ качество работы, такъ и условія труда, представляетъ очевидное возвращеніе къ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ, и, дѣйствительно, во всѣхъ общественныхъ планахъ Рёскина имѣются признаки стремленія къ такому возврату. Какъ устроить такой новый порядокъ, каковы должны быть правила мѣстнаго и промышленнаго распредѣленія, какимъ образомъ будутъ управляться гильдіи и какъ онѣ будутъ принуждать къ исполненію ихъ правилъ?—на всѣ эти важные вопросы мы не находимъ полнаго и удовлетворительнаго отвѣта. И въ

---

<sup>1)</sup> *ibid.* §§ 133.

<sup>2)</sup> „Fors“. Письмо LXXXIX.

„Fors“ и въ „Time and Tide“ предполагается, что основой дѣятельности должна быть добровольная кооперация личностей. Члены всякой отрасли промышленности, любящіе порядокъ и честные, должны составить гильдію и избрать исполнительный органъ гильдіи <sup>1)</sup>, регулирующий способы производства, качество товаровъ и цѣны. Центральнымъ пунктомъ всей системы является общая отвѣтственность всей гильдіи за качество товаровъ, производимыхъ ея членами, обеспечиваемая извѣстной системой патентовъ. Конечно, такой патентъ можетъ выдаваться только на извѣстные сорта обыкновенныхъ товаровъ. „Можно выдать патенты на извѣстные сорта глазированной или разризованнаго форфора, на кожи или одежду извѣстнаго качества, на кирпичи, сдѣланные изъ извѣстной глины, на хлѣбъ изъ опредѣленныхъ сортовъ муки. Полезныя усовершенствованія или измѣненія въ производствѣ должны подвергаться изслѣдованію и приниматься гильдіей; о принятіи ихъ гильдіей должно быть опубликовано во всеобщее свѣдѣніе; всякая реклама и частныя объявленія торговцевъ должны быть совершенно воспрещены, а также и всякаго другого рода шумъ и нарушеніе порядка“ <sup>2)</sup>.

Цѣна всѣхъ патентованныхъ товаровъ, заработная плата—а слѣдовательно и прибыль,—должны опредѣляться каждагодно; что же касается до товаровъ непатентованныхъ, производимыхъ членами гильдій, то каждая фирма сама опредѣляетъ цѣны на нихъ и вступаетъ самостоятельно въ договоры съ рабочими, и только въ случаѣ поддѣлокъ или обмана подвергается наказаніямъ. „Наконецъ, каждая фирма должна ежегодно давать гильдіи отчетъ о положеніи ея дѣлъ; книги фирмы должны быть открыты для разсмотрѣнія съ цѣлью регулированія цѣвъ на слѣдующій годъ; всякая фирма,

<sup>1)</sup> *ibid.* См. „Time and Tide“ §§ 139.

<sup>2)</sup> „Time and Tide“ §§ 78, 79.

долги которой превышают на сотни фунтовъ ея активъ, немедленно признается обанкротившейся“. <sup>1)</sup>

Вступленіе въ члены гильдіи совершенно добровольное; члены не пользуются никакой монополіей, никакимъ официальнымъ положеніемъ; всѣ непринужденно принадлежащіе къ гильдіи промышленники могутъ конкурировать другъ съ другомъ и съ гильдіей также, какъ и въ настоящее время. Если покупатели предпочитаютъ обращаться къ непринужденно принадлежащимъ къ гильдіи, они могутъ дѣлать это на свой рискъ; Рёскингъ указываетъ двѣ причины такого допущенія конкуренціи: во первыхъ, „всегда необходимо при исполненіи всякаго закона оставить какой нибудь предохранительный клапанъ для непреодолимой порочности“ — мысль, несомнѣнно, очень разумная и глубокая, которую не мѣшало бы помнить всѣмъ защитникамъ государственнаго вмѣшательства и государственнаго принужденія; и во вторыхъ, это необходимо для того, чтобы „сохранить стимулъ для случайныхъ изобрѣтеній, которыхъ невозможно предвидѣть и регулировать въ законѣ“ <sup>2)</sup>

Гильдіи производителей должны имѣть контроль надъ мелочной торговлей, причемъ лавочники будутъ нанятыми лицами, находящимися въ распоряженіи гильдіи, <sup>3)</sup> хотя предполагается и тутъ допустить внѣшнюю конкуренцію. Всѣ необходимыя работы и предпріятія: дороги, рудники, устройство портовъ и тому подобныя, должны устраиваться и вести съ государствомъ ради общественнаго блага и всякая частная спекуляція въ такихъ отрасляхъ экономической дѣятельности должна быть безусловно воспрещена. <sup>4)</sup>

---

1) „Time and Tide“ §§ 80.

2) Ibid. §§ 79.

3) Ibid §§ 134.

4) Ibid §§ 74.

8. Организація земледѣлія была предметомъ особаго вниманія Рёскина, такъ какъ крестьянство онъ считаль основаніемъ жизни націи.

Давая первое мѣсто земельной реформѣ, Рёскинъ доказаль, что онъ былъ практическимъ реформаторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. То обстоятельство, что онъ требоваль постоянства и неизмѣнности ренты и гарантіи усовершенствованій и улучшеній, сдѣланныхъ фермерами <sup>1)</sup>, доказываетъ его ясное пониманіе существующаго положенія земледѣлія. Его глубокія и разностороннія свѣдѣнія относительно земледѣлія въ Европѣ даютъ его положеніямъ особую авторитетность и его книги, въ особенности „Fors“, полны остроумныхъ замѣчаній и предложеній.

И гѣмъ не менѣе въ его планѣ относительно положенія земледѣлія въ идеальномъ государствѣ имѣются очень серьезные деффекты. Вообще говоря, его идеаль можно характеризовать какъ умѣренный феодализмъ съ номинальной собственностью и нѣкоторой реальной властью, контролемъ и отвѣтственностью знатныхъ старыхъ родовъ, при полномъ обезпеченіи владѣнія за крестьянами и при свободѣ обработки земли. „Надлежащая государственная дѣятельность по отношенію къ землѣ должна состоять въ томъ, чтобы государство обезпечило различныя части земли за тѣми изъ его гражданъ, которые заслуживаютъ того, чтобы земля были имъ ввѣрена, сообразно съ ихъ желаніями и съ ихъ доказанными способностями; обезпечивъ такимъ образомъ за каждымъ извѣстную долю земли, государство должно настолько же надзирать за воздѣлываніемъ каждымъ изъ гражданъ своей земли, насколько оно должно надзирать за его отношеніемъ къ женѣ и слугамъ; оно должно предоставить ему по возможности полную свободу, и вмѣшиваться только въ случаяхъ полного неумѣнья хозяйничать или грубаго злоупотреб-

1) „Fors“ Письмо XLV.

ленія властью. Чтоже касается до знатныхъ старыхъ родовъ, которые всегда должны быть—и до извѣстной степени, несмотря на ихъ паденіе всегда есть и въ настоящее время—благороднѣйшей изъ опоръ государства, живыми храмами священной традиціи и религіи героевъ, то имъ должно быть отдано въ вѣчное владѣніе столько земли, чтобы они были въ состояніи жить въ своихъ помѣстьяхъ съ подобающими ими удобствами и пышностью; но доходы ихъ никоимъ образомъ не должны состоять изъ рентъ съ этихъ помѣстій и они никоимъ образомъ не должны (хотя бы какимъ нибудь косвеннымъ образомъ, въ качествѣ подчиненныхъ администраторовъ) заниматься собираніемъ рентъ. Это не дѣло дворянина. Ихъ доходъ долженъ быть опредѣленнымъ и выплачиваться имъ государствомъ также, какъ выплачивается доходъ короля<sup>1)</sup>. Рёскинъ ничего не говоритъ о томъ, каково должно быть фактическое положеніе и каковы будутъ занятія этой феодальной аристократіи среди населенія, состоящаго изъ фактически независимыхъ крестьянъ, платящихъ ренту государству: да и нелегко понять, чѣмъ оправдать тотъ государственный доходъ, который они будутъ получать за то только, что „живутъ съ пышностью“. То, что Рёскинъ послѣ говоритъ о функціяхъ аристократіи, какъ увидимъ сейчасъ, нисколько не уясняетъ этого вопроса.

Какъ видите, земледѣльческой строй жизни существенно отличается по плану Рёскина отъ предлагаемыхъ имъ реформъ промышленности и торговли. Эти послѣднія осуществляются по существу добровольной коопераціей; развитіе же новаго земледѣльческаго феодализма, конечно, не можетъ произойти такимъ естественнымъ путемъ. Возможно представить себѣ—хотя это въ высшей степени невѣроятно—что развитіе кооперативнаго движенія, союзъ предпринимателей и рабочихъ,

---

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 151.

или распространение принципа раздѣла прибыли или новое теченіе образованія синдикатовъ рабочихъ, союзовъ и федерацій хозяевъ, поведутъ къ устройству во всѣхъ или въ большей части отраслей промышленности добровольныхъ ассоціацій, которыя и будутъ исполнять функціи гильдій Рёскина. Но трудно представить себѣ, чтобы современная система землевладѣнія и земледѣлія могла быть измѣнена радикально добровольнымъ отреченіемъ отъ права полученія ренты и отъ контроля надъ обработкой земли, которыми теперь пользуются частные землевладѣльцы. Такія измѣненія въ поземельной системѣ, которыя предлагаетъ Рёскинъ, потребовали бы государственнаго принужденія, практической націонализаціи земли <sup>1)</sup>, которая тогда и могла бы быть передана крестьянамъ, платящимъ ренту государству и подчиненнымъ государственному контролю рядомъ съ нѣсколькими идиллическимъ сюзеренитетомъ нѣсколькихъ мѣстныхъ магнатовъ.

9. Многія другія мѣста сочиненій Рёскина доказываютъ, что онъ колебался между добровольной коопераціей и дѣятельностью государства. Вышеизложенная система гильдій было отраженіемъ его мышленія въ послѣдніе годы его жизни, въ книгахъ „Time and Tide“ и въ „Fors Clavigera“. Въ предисловіи же къ книгѣ „Unto this Last“ тѣ функціи, которыя въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Рёскинъ предназначаетъ добровольнымъ гильдіямъ, предназначаются имъ государству. Въ этомъ болѣе раннемъ произведеніи Рёскина онъ говоритъ: „должны быть устроены всецѣло подъ управленіемъ государства мануфактуры и мастерскія для производства и продажи всего необходимаго для жизни и для занятія всѣми полезными искусствами“ — при томъ же самомъ допущеніи частной конкуренціи, о которомъ говорится и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ — „государст-

---

1) „Fors“—Письмо LXXXIX.

во не должно совсѣмъ вмѣшиваться въ частную предпріимчивость, не должно ограничивать или облагать налогами частную торговлю; оно должно предоставить частнымъ людямъ свободу дѣйствія, свободу конкурировать съ государствомъ, если для нихъ это окажется возможнымъ; въ этихъ государственныхъ мануфактурахъ и мастерскихъ должны производиться образцовые и хорошіе продукты и продаваться чистые и настоящіе товары, такъ что человекъ, согласный уплатить правительственную цѣну, можетъ быть увѣреннымъ, что онъ за свои деньги получаетъ хлѣбъ, который есть дѣйствительно хлѣбъ, пиво, которое есть дѣйствительно пиво, и товаръ, который есть настоящій товаръ“<sup>1)</sup>).

Рёскинъ никогда окончательно не отказывался отъ идеи ограниченнаго государственнаго социализма и никогда всецѣло не замѣнялъ этой идеи выработаннымъ и послѣдовательнымъ планомъ добровольной кооперации— и это всего лучше доказывается разсмотрѣніемъ правительственныхъ функцій, предназначаемыхъ имъ для высшихъ классовъ общества.

10. Научная дѣятельность, изящныя искусства и вся правительственная дѣятельность предназначается Рёскинымъ для аристократіи, такъ какъ, по его мнѣнію, она и по природѣ и по воспитанію наиболѣе пригодна для такой дѣятельности. Повидимому, Рёскинъ склоняется къ тому, чтобы признать высшими классами тѣ, которые и въ настоящее время признаются таковыми— принимая, конечно; во вниманіе и унижающее вліяніе плутократіи и вырожденіе, происходящее отъ роскоши— и желаетъ только морализировать ихъ и поднять ихъ до такого положенія, которое было бы оправданіемъ ихъ общественнаго и промышленнаго преобладанія. Его разсужденія основываются на черезъ чуръ простыхъ и ошибочныхъ обобщеніяхъ историческихъ фактовъ и фактовъ наслѣдственности. Высшіе классы, собственно

<sup>1)</sup> „Unto this Last,“ XVII, XVIII.

говоря, первоначально состояли изъ благороднѣйшихъ (въ чисто фізіологическомъ смыслѣ этого термина), наиболѣе энергичныхъ и наиболѣе умныхъ людей, которые или захватили земли насиліемъ, отнявъ ихъ у остальной части населенія и превративъ ее въ рабовъ, или подвергнули обработкѣ пустынные земли и имѣютъ поэтому на нихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ личныя права, или своей предпріимчивостію скопили другую собственность, или избрали для себя по призванію умственныя занятія и потому, будучи даже бѣдными, получили признанное высшее положеніе въ обществѣ, что и доказывается тѣми наградами, которыя даются имъ за открытія, за обученіе или за произведенія искусства. Все это относится къ дѣйствию простыхъ законовъ природы; потому настоящія функціи высшихъ классовъ, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, будутъ главнымъ образомъ таковы:

а) надлежащая функція наиболѣе сильныхъ физически будетъ состоять въ подавленіи и наказаніи порока и въ поддержаніи закона и порядка; и отъ подчиненія силѣ будутъ освобождаться только тѣ, которые дѣйствительно заслуживаютъ такого освобожденія.

б) функція людей, отличающихся предусмотрительностью и предпріимчивостью, должна состоять въ томъ, что они будутъ играть роль провидѣнія для глухихъ, слабыхъ и лѣнтяевъ, что они будутъ устроить такія системы торговли и распределенія богатствъ, которыя не дали бы низшимъ классамъ погибнуть отъ голода и отъ другихъ слѣдствій ихъ глупости и беззаботности, и въ концѣ концовъ создали бы для всѣхъ трудовую дѣятельность гармоничную и соответствующую способностямъ cadaго.

в) функція третьяго разряда высшихъ классовъ, ученыхъ и художниковъ, конечно, должна состоять въ обученіи и увеселеніи толпы

„Стало бытъ, вообще обязанность высшихъ классовъ состоитъ въ поддержаніи порядка среди низшихъ и въ



заботѣ о поднятіи ихъ на такой высшій уровень, къ какому они въ данную минуту способны“<sup>1)</sup>.

Рёскинъ ожидаетъ исполненія этихъ высокихъ обязанностей не отъ какой нибудь идеальной, нарочно подобранной аристократіи будущаго, а отъ существующей въ настоящее время, хотя и вырождающейся аристократіи. Эта аристократія по своимъ вышеперечисленнымъ функціямъ дѣлится на три большіе разряда. Первый изъ нихъ землевладѣльцы и солдаты, корпорація чисто политическая, потому что владѣніе земель можетъ быть поддерживаемо только военной силой; второй—денежные классы и руководители торговли, и третій—профессіоналисты и ученые, художники и литераторы<sup>2)</sup>.

За исполненіе своихъ обязанностей люди этихъ классовъ получаютъ не случайное вознагражденіе, а жалованье отъ государства; они подготовляются для исполненія своихъ специальныхъ функцій въ государственныхъ школахъ и считаются общественными служащими.

Рёскинъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ унижительное вліяніе погони за прибылью въ сферѣ высшихъ профессій и искусствъ; онъ отстаиваетъ принципъ опредѣленной платы за опредѣленную работу. Тутъ, какъ и въ другихъ сторонахъ реформированнаго по его плану общества, замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность. Рёскинъ въ его „Fogs Clavigera“ признаетъ не только унижительнымъ конкурировать за деньги въ сферѣ профессиональной дѣятельности, онъ даже не считаетъ необходимымъ вообще денежное вознагражденіе за такую дѣятельность, не считаетъ необходимымъ, чтобы она составляла основу существованія для личности.... Рёскинъ излагаетъ свое положеніе объ искусствѣ слѣдующимъ образомъ:

---

1) Time and Tide“ §§ 133.

2) Ibid §§ 142.

„пища, топливо и одежда могутъ быть получены только мускульнымъ трудомъ изъ земли или изъ моря и ни одинъ человѣкъ не долженъ заниматься чѣмъ бы то ни было до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнить какой нибудь мускульной работы, необходимой для производства своей части этихъ благъ или не окажетъ какой нибудь эквивалентной услуги, необходимой для поддержанія жизни (какъ напр. работы врача или хирурга“) <sup>1)</sup>.

Это требованіе, чтобы всякій оказывалъ какую нибудь непосредственную жизненную услугу—хотя у Рёскина оно и не доходитъ, какъ у Толстого, до требованія „хлѣбнаго труда“—приводится однако къ требованію, чтобы „платныя профессіи проповѣди, законодательства и военная были окончательно уничтожены“. Такая работа должна быть почетной услугой, оказываемой даромъ опытными и искусными людьми, зарабатывающими себѣ пропитаніе какой нибудь физической работой. „Ученые, живописцы и музыканты, продолжаетъ Рёскинъ, могутъ получать и жалованье за то, что они будутъ поучать или забавлять рабочихъ послѣ работы или во время нея“.

11. Надлежащимъ выводомъ изъ экономической доктрины Рёскина было бы признаніе принципа врученія правительственной власти людямъ всѣхъ классовъ, естественныя способности которыхъ развиты надлежащимъ образомъ; но его любовь къ установленному порядку проявилась въ томъ, что онъ хочетъ передачи государственной власти земельной аристократіи. Въ особенности она должна исполнять функціи законодательныя и военныя. Рёскинъ излагаетъ слѣдующую схему государственнаго устройства:

1) король; часть его прерогативы и его обязанность составляютъ функціи верховнаго судьи; эту фун-

<sup>1)</sup> „Fors“ Письмо LXVII.

кцію онъ исполняетъ въ опредѣленные сроки въ главномъ апелляціонномъ судѣ королевства.

2) Высшіе судьи, избираемые народомъ; они одни имѣютъ власть въ апелляціонныхъ судахъ.

3) Обыкновенные судьи, назначаемые пожизненно при извѣстныхъ условіяхъ; они имѣютъ право увеличивать свое число (которое въ случаѣ необходимости можетъ быть увеличено и королевскими назначеніями); обязанность такихъ судей отправлять правосудіе съ участіемъ и по рѣшенію присяжныхъ.

4) Государственные чиновники, которымъ поручается направленіе общественной дѣятельности въ вопросахъ общественной пользы.

5) Епископы, которымъ поручается надзоръ и помощь семьямъ и личностямъ.

6) Военные офицеры различныхъ ранговъ.

7) Служащіе по народному образованію различныхъ ранговъ <sup>1)</sup>.

Оставляя всякіе комментаріи относительно общаго характера такого аристократическаго управленія до слѣдующей главы, я укажу только на одну особенность этой схемы Рёскина—на учрежденіе особой должности епископовъ. Типической чертой анархизма, господствующаго въ современныхъ обществахъ, можно считать то, что „всякій думаетъ о своихъ дѣлахъ“ и никто „не сторожъ своего брата“. Въ старое феодальное время всякій былъ, напротивъ, чьимъ нибудь „человѣкомъ“—т. е. признавалъ кого нибудь своимъ политическимъ главой, которому и былъ обизанъ оказывать извѣстныя услуги, и въ замѣнъ получалъ отъ него защиту свою, своей семьи, жизни, собственности и общественнаго положенія. Никогда, можетъ быть, въ исторіи не было такой формы безпомощной и безнадёжной „свободы“, какая существуетъ для бѣдняковъ въ современныхъ большихъ городахъ; тутъ цѣ-

---

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 153.

для семьи, вырастающія въ нуждѣ и въ невѣжествѣ, борятся за существованіе, живутъ въ униженіи и порокахъ и умираютъ не признанными и не возбуждающими ничьихъ заботъ. Случайное и произвольное вмѣшательство въ ихъ жизнь полиціи, столь же случайное требованіе объ исполненіи нѣкоторыхъ общественныхъ распоряженій относительно гигиены и санитаріи, а также отчасти и относительно образованія, легальное регистрированіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ актовъ ихъ жизни и ихъ смерти — вотъ и всѣ случаи, когда такой механической общественной порядокъ вмѣшивается въ эту странную „свободу“ гражданина. Общество и не думаетъ ни о надлежащемъ общественномъ образованіи, ни о надлежащемъ общественномъ надзорѣ. Государство, городъ, приходъ не имѣютъ никакой власти надъ жизнью большой массы населенія, да оффиціально и не хотятъ знать этой жизни. А вѣдь настоящее гражданство требуетъ ответственности всѣхъ предъ каждымъ и каждого предъ всѣми. Дѣйствительная проблема правительства съ политической точки зрѣнія и состоитъ въ осуществленіи такой ответственности въ справедливыхъ учрежденіяхъ. Тутъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, Рёскину много помѣшала его любовь къ старымъ названіямъ. Его указаніе на то, что обязанность епископа состоитъ, какъ это указывается происхожденіемъ слова: епископъ, въ томъ, чтобы смотрѣть за каждой душой и каждымъ тѣломъ въ его епархіи <sup>1)</sup>, возбудило насмѣшки людей, которые не имѣли или не хотѣли понять сущности предлагаемыхъ Рёскинымъ реформъ. Онъ долженъ бы былъ объяснить, что сущность его предложенія состоитъ просто въ томъ, чтобы приблизительно на каждую сотню семей назначался особый государственный чиновникъ, обязанный отдать государству отчетъ за жизнь этихъ семей, такъ чтобы

1) „Sesame and Lilies“ §§ 22.

общество знало о нихъ и объ ихъ жизни и дурное и хорошее, чтобы помощь, награды и наказанія были распределяемы разумно и съ толкомъ обществомъ, организованнымъ такимъ образомъ, чтобы оно по мѣрѣ возможности поддерживало личность, и не только посредствомъ воспрещеній и наказаній, но и посредствомъ наградъ и поощреній. Эти епископы или надзиратели должны исполнять функціи пасторовъ и биографовъ, составлять подробные отчеты относительно порученныхъ имъ заботамъ семей; выше ихъ должны стоять высшіе государственные сановники, которымъ поручается забота о большихъ округахъ <sup>1)</sup>. Только при подобномъ строѣ можно надлежащимъ образомъ узнать и какъ слѣдуетъ утилизировать для общественной пользы жизненные ресурсы общества.

Эта схема совершенно отлична отъ системы полицейскаго надзора, существующаго въ разныхъ странахъ. Во первыхъ, такой надзоръ занимается не тѣмъ только, что отмѣчаетъ немногіе главнѣйшіе факты виѣшней жизни и поведенія—главнымъ образомъ факты отрицательнаго характера—а напротивъ, онъ регистрируетъ всѣ существенно важные факты. Во вторыхъ, такой планъ предполагаетъ, что вся общественная жизнь проникнута искренней гуманностью и симпатіей, смягчающими суровость официальныхъ изслѣдованій, обычно поручаемыхъ чиновникамъ, нисколько незаинтересованнымъ въ добросовѣстномъ и благожелательномъ исполненіи своихъ обязанностей.

12. Схема, излагаемая Рёскинымъ въ „Time and Tide“ и въ другихъ сочиненіяхъ, не претендуетъ на полноту и подробность; она не всегда ясна и не всегда послѣдовательна. Но предложенія Рёскина, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія его общественныхъ идеаловъ, несомнѣнно имѣютъ внутреннюю связь

---

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 72.

и известную практическую цѣнность, что доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что многія независимыя общественныя силы нашего вѣка стремятся къ подобной же творческой дѣятельности. Пужно, конечно, признать, что въ схемѣ Рёскина слишкомъ много противорѣчій; повидимому, они обусловливаются различіемъ самыхъ точекъ отправления. Иногда Рёскинъ задаетъ такой вопросъ: каковы возможныя и осуществимыя въ настоящее время прогрессивныя мѣры? А иногда онъ даетъ полную волю своему воображенію и своей логической способности и рисуетъ общественный строй при условіяхъ идеальныхъ. Но и помимо этого, оба цитируемые нами сочиненія Рёскина—его позднѣйшія произведенія, написанныя имъ въ такое время, когда онъ во многомъ уже разочаровался; онъ уже не надѣялся болѣе на совершенное государство, которое привело бы въ гармонію и упорядочило трудъ и жизнь; его въ это время занимали больше мелкіе мѣстные опыты и онъ обращался болѣе къ доброжелательнымъ личностямъ, чѣмъ къ государственнымъ людямъ и къ реформаторамъ—экономистамъ.

И тѣмъ не менѣе, занимаясь мелкими практическими планами, онъ постоянно возвращается къ широкимъ идеаламъ. Идея объ единомъ государствѣ, о государствѣ въ томъ значеніи этого слова, въ которомъ онъ принимаетъ его въ „Sesame and Lilies“, о государствѣ, „безъ колебаній, безъ перемѣщеній центра тяжести, установленномъ и покоющемся на вѣчныхъ законахъ, коихъ ничто не можетъ ни измѣнить, ни ниспровергнуть“<sup>1)</sup>—эта идея всегда имѣла сильную власть надъ воображеніемъ Рёскина и всѣ планы частичной коопераціи, которые онъ защищалъ и поддерживалъ, были для него чисто временными уступками—*concessa propter duritiem cordis*.

Планъ общественной реформы, изложенный здѣсь

1) „Sesame and Lilies“ §§ 52

мною почти всегда словами самого Рёскина, не былъ никогда излагаемъ имъ настолько систематически, чтобы можно было подвергнуть его подробной критикѣ. Его можно скорѣе считать спекулятивнымъ экспериментомъ, отчасти примѣненіемъ общихъ политическихъ и экономическихъ идей, лежащихъ въ основаніи его критическихъ замѣчаній, къ широкопонятымъ условіямъ дѣйствительной жизни, а отчасти попыткой созданія болѣе широкихъ общественныхъ формъ на основаніи нѣкоторыхъ практическихъ экспериментовъ, производимыхъ имъ на его собственный рискъ.

Несмотря на блескъ и убѣдительность того реализма, который Рёскинъ умѣетъ придавать своимъ предложеніямъ, вполне очевидно, что онъ слишкомъ хорошо понималъ человѣческую природу и современное общество, чтобы надѣяться на скорое осуществленіе предложеній. Нота разочарованія, иногда даже отчаянія, звучитъ часто въ его сочиненіяхъ и въ особенности въ его „Fors“. Прогрессъ во многомъ движется именно въ томъ направленіи, которое предчувствовалъ Рёскинъ; но, по его собственному грустному признанію, его идеальное общество можетъ быть поставлено рядомъ съ идеальнымъ обществомъ Платона, хотя Рёскинъ также, какъ и Платонъ, полагалъ, что для добраго человѣка подобныя идеалы „практическіе“. „На небесахъ существуетъ образецъ такого общества; всякій желающій можетъ созерцать его и, созерцая, управлять своимъ поведеніемъ. Но для него не важно, дѣйствительно ли существуетъ таковое или будетъ существовать, — потому что онъ будетъ дѣйствовать на основаніи законовъ этого общества, а не какихъ либо иныхъ“<sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> „Республика“ IX.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

### Соціализмъ и аристократія.

1. Соціалистъ ли Рёскинъ? — 2. Признаніе нѣсколькихъ экономическихъ доктринъ соціальной демократіи. — 3. Оговорки относительно экономического соціализма Рёскина — 4. Его склонность къ христіанскому соціализму — 5. Рёскинъ врагъ либерализма и демократіи. — 6. Отношеніе его къ Миллю и Мадзини. 7. — Естественное рабство массъ. — 8. Довѣріе къ нравственной инициативѣ высшихъ классовъ. — 9. Имѣеть ли какое либо значеніе политика обращенія къ нравственнымъ чувствамъ высшихъ классовъ? — 10. Необходимость органическаго общественнаго дѣйствія. — 11. Морализированіе предпринимателя. — 12. Морализированіе потребителя. — 13. Невозможность личнаго рѣшенія вопроса. — 14. Непочтительность не составляетъ существеннаго свойства демократіи. — 15. Абсолютное равенство не существенно для демократіи. — 16. Что такое демократія?

1. Какое мѣсто занимаетъ Рёскинъ среди общественныхъ реформаторовъ? Пытаясь отвѣтить на этотъ вопросъ, будетъ всего удобнѣе задать другой вопросъ: былъ - ли Рёскинъ соціалистомъ и въ какомъ смыслѣ онъ былъ таковымъ? Такъ какъ въ этомъ отношеніи мы привели достаточно данныхъ, то для насъ теперь будетъ необходимо уяснить себѣ эти данныя, не упуская при этомъ изъ виду ту неопредѣленность, которая отличаетъ еще и до сихъ поръ терминъ „соціа-



лизм“. Соціализмъ, собственно говоря, есть органическая точка зрѣнія на общественную жизнь, на основаніи которой общество не есть агрегатъ, составленный изъ простого сложения личностей, а нѣкое единство общей цѣли, опредѣляющей и требующей дѣятельности составляющихъ его личностей. Въ этомъ смыслѣ Рёскинъ несомнѣнный соціалистъ, подтверждающій свою теорію аналогіями, заимствоваемыми имъ изъ сознательной органической жизни животныхъ и игнорирующей тѣ различія, которыя признаются другими соціологами при сравненіи органическаго строя политическаго и промышленнаго общества съ жизнью отдѣльной личности.

Но даже въ теоріи соціализмъ обыкновенно означаетъ нѣчто большее, чѣмъ простое признаніе органическаго взгляда на общественную жизнь. Онъ по крайней мѣрѣ предполагаетъ тенденцію, благопріятствующую усиленію общественной дѣятельности въ политикѣ и въ промышленности, или при посредствѣ государства, или при посредствѣ добровольной коопераціи для общихъ цѣлей. Рёскинъ прямо отстаиваетъ замѣну частныхъ предпріятій общественными и надзоръ и контроль общества и государства надъ всѣми подробностями жизни. „Жить открыто“ — не только этическое правило, обязательное для хорошаго гражданина, но и общественная мѣра, которая должна исполняться ради общественной пользы. Свобода, даруемая личности, владѣть и обрабатывать землю, производить и продавать товары всякаго рода, обусловливается положительнымъ, а не только молчаливымъ согласіемъ общества. Значительная часть промышленной дѣятельности должна быть въ непосредственномъ распоряженіи государственныхъ чиновниковъ. Система гильдій, хотя Рёскинъ и говоритъ о ней, какъ о добровольномъ кооперативномъ движеніи, въ сущности есть учрежденіе общественное <sup>1)</sup>; хотя Рёскинъ и при-

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 3

наетъ свободу покупки и продажи товаровъ при свободной конкуренціи, но очевидно, что онъ считаетъ это несовершенствомъ, подлежащимъ упраздненію при полномъ развитіи соціальныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ Рёскина, какъ экономиста, одобрительно относящагося къ огосударствленію промышленности и къ контролю государства надъ частной промышленностью, мы должны признать соціалистомъ. Но насколько мы можемъ отождествлять его экономическую доктрину съ ученіями, обыкновенно признаваемыми соціалистическими и въ особенности съ ученіями той кружной организаціи на континентѣ, которую обыкновенно называютъ этимъ именемъ?

Въ общественной критикѣ между ними имѣется много сходства. Общій гуманитарный протестъ противъ нищеты и несправедливости, противъ развращающихъ вліяній роскоши, противъ несправедливаго и низменнаго происхожденія богатствъ, ни однимъ изъ агитаторовъ не былъ выраженъ съ такимъ краснорѣчіемъ. Его указаніе на то, что „большія состоянія никогда не могутъ быть честно созданы работой рукъ или головы одного человѣка“<sup>1)</sup>, что тутъ всегда „можно открыть какой либо способъ присвоенія труда другихъ“<sup>2)</sup>, его презрительное отрицаніе благотворительности, какъ замѣны справедливости, его требованіе, чтобы собственность зиждилась и по ея происхожденію и по ея употребленію на основѣ справедливости — всё эти положенія, несомнѣнно, агитаціонныя, и Рёскинъ никогда не уклонялся отъ ихъ логическихъ выводовъ. Самое ясное и самое смѣлое заявленіе его взглядовъ по этому вопросу мы находимъ въ письмѣ въ „Pall Mall Gazette“ 1873 года, гдѣ встрѣчаются такія слова: „таковы факты: трудолюбивые бѣдняки производятъ средства существованія своимъ трудомъ, а богачи завладѣваютъ

1) *ibid* §§ 81.

2) „*Munera Pulveris*“ §§ 139.

посредствомъ различныхъ способовъ правомъ распоряжаться этими средствами существованія и удерживать изъ нихъ столько, сколько имъ нужно для себя, а остальное, получаемое обыкновенно посредствомъ излишняго труда бѣдняковъ, расходуется на производство, трудомъ тѣхъ же бѣдняковъ, различныхъ предметовъ роскоши“<sup>1)</sup>).

2. Рёскинъ въ его экономическихъ ученіяхъ подходитъ еще ближе къ ученію континентальнаго социализма. Три наиболѣе опредѣленные требованія социаль-демократовъ суть: во первыхъ, требованіе уничтоженія системы конкуренціи промышленности, ведомой ради прибыли подъ управленіемъ частныхъ лицъ и замѣны частной промышленности общественной организаціей, ведомой ради потребленія; во вторыхъ, требованіе уничтоженія ренты и процента и въ третьихъ, требованіе установленія трудового основанія обмѣна. Рёскинъ почти цѣликомъ принимаетъ эти три существенные пункта социалистической программы. Замѣчательная глава его книги „Unto this Last“, озаглавленная „Корни чести“ (Roots of Honour), есть блестящая этическая защита требованія уничтоженія прибыли, какъ мотива промышленности, и замѣны ее мотивомъ общественнаго служенія; этотъ принципъ составляетъ и самую раннюю, и самую неизмѣнную, и наиболѣе послѣдовательно обработанную часть его экономического ученія. Мы уже имѣли случай указать на отрицаніе Рёскинымъ ренты и процента, на основаніи какъ нравственныхъ, такъ и утилитарныхъ соображеній. Его взгляды въ этомъ отношеніи могутъ быть очень точно резюмированы слѣдующими словами изъ его „Fors“<sup>2)</sup>: „промыселъ процентщика долженъ быть совершенно уничтоженъ, предприниматель по справедливости долженъ получать вознагражденіе за надзоръ, а не за

1) „Arrows of the Chace“ II.

2) Письмо LX.

капиталь, ландлордъ долженъ получать плату за его надзоръ надъ обработкой земли, если только онъ способенъ къ такому надзору“.

Рёскинъ социалистъ не только по своему отрицанію конкуренціи и прибыли, онъ принимаетъ также и основное положеніе экономической теоріи Маркса и его послѣдователей—положеніе о количествѣ труда, какъ основаніи обмѣна товаровъ. „Справедливымъ будетъ только обмѣнъ времени на время, силы на силу и искусства на искусство“ <sup>1)</sup>. Правда, что въ другихъ случаяхъ онъ болѣе остороженъ и настаиваетъ на качественномъ различіи труда, какъ на основѣ дифференціальнаго вознагражденія <sup>2)</sup>, но при абстрактномъ трактованіи мѣновой стоимости и цѣнъ онъ часто принимаетъ мѣриломъ рабочее время <sup>3)</sup> и употребляетъ выраженія, очень похожія на тѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ коранѣ социалистовъ, въ „Капиталѣ“ Маркса, и совершенно игнорируетъ вліяніе полезности, на которую большинство современныхъ экономистовъ обращаютъ такое вниманіе.

Право на трудъ и соотвѣтствующая этому праву обязанность государства доставлять работу и давать заработанную плату въ общественныхъ мастерскихъ всѣмъ безработнымъ признаны Рёскинымъ въ предисловіи къ „Unto this Last“, гдѣ онъ требуетъ, „чтобы всѣ, мужчина и женщина, мальчикъ или дѣвочка, не имѣющіе работы, немедленно допускались въ ближайшую правительственную школу, и потомъ получали работу, къ которой по испытаніи они окажутся способными, за плату, опредѣляемую ежегодно“ <sup>4)</sup>—по отношенію же къ уклоняющимся или къ доказаннымъ лѣнтяямъ должны быть приняты самыя строгія мѣры принужденія.

<sup>1)</sup> „Unto this Last“.

<sup>2)</sup> *ibid.*

<sup>3)</sup> „Munera Pulveris“ §§ 63.

<sup>4)</sup> XVIII.

Всѣ эти существенные пункты учения Рёскина сближаютъ его съ положеніями социализма.

3. Признавая экономическое ученіе Рёскина социалистическимъ, слѣдуетъ, однако, сдѣлать нѣкоторыя очень важныя оговорки. Его взгляды на земельный вопросъ до извѣстной степени сближаютъ его съ тѣми индивидуалистами, которые признають крестьянскую собственность экономической основой всякаго здороваго общества. Рёскинъ въ своемъ сочиненіи „Fors“ отстаиваетъ принципъ личнаго землевладѣнія при наследованіи и даже съ правомъ перворожденныхъ <sup>1)</sup>. Правда, что онъ ограничиваетъ количество земли, находящейся въ частномъ владѣніи, способностью пользованія ею, причемъ король и государственные надзиратели пользуются правомъ общаго надзора и контроля и государство получаетъ съ земли ренту или налогъ. Но самъ Рёскинъ признаетъ <sup>2)</sup> личное владѣніе, представляющее въ дѣйствительности свободную собственность съ наследственнымъ владѣніемъ, совершенно несогласимымъ съ положеніемъ о „націонализации земли“, принятымъ во всѣхъ социалистическихъ программахъ; точно также его схема собственности и управленія городскими землями и всѣми вообще землями, не употребляемыми для чисто земледѣльческихъ цѣлей, никоимъ образомъ не согласна съ социалистическими принципами. И земля и дома вполнѣ частная собственность владѣльцевъ — потому что „ландлорду не должно быть дѣла до постройки коттеджей его рабочимъ. Всякій крестьянинъ долженъ быть въ состояніи построить себѣ домъ по своему вкусу и долженъ имѣть вкусъ и стремленіе, чтобы построить его“ <sup>3)</sup>.

Рёскинъ нигдѣ не доходитъ до того поклоненія крестья-

<sup>1)</sup> Письмо LXXXIX.

<sup>2)</sup> Письмо XCV.

<sup>3)</sup> „Eagle's Nest“ §§ 200

янину, которымъ грѣшитъ Толстой, но то значеніе, которое онъ придаетъ земледѣлію, устроенному на основѣ номинальнаго государственнаго владѣнія, но фактически представляющему частную собственность, значительно отдаляетъ его отъ социализма, рассматривающаго городскую жизнь и раздѣленіе труда при машинномъ производствѣ, какъ наиболѣе характерныя черты новой цивилизаціи, и признающаго экономическое упорядоченіе ихъ ради общаго блага главнымъ дѣломъ общественнаго реформатора.

Если обратиться теперь отъ земледѣлія къ другимъ отраслямъ промышленности, то мы найдемъ, что Рёскинъ довольно послѣдовательно держится принципа общественной собственности и общественнаго контроля. Вліяніе Карлиля и его собственный индивидуализмъ, свойственный всѣмъ сильнымъ людямъ, заставили его настаивать на полномъ примѣненіи принципа о принадлежности орудій труда тому, кто можетъ ими пользоваться. Его положеніе о системѣ добровольныхъ гильдій, при сохраненіи свободы для предпринимателей оставаться внѣ этихъ гильдій и конкурировать съ общественными мастерскими, предложеніе, чтобы эти послѣднія ограничивались производствомъ нѣкоторыхъ сортовъ необходимыхъ и образцовыхъ товаровъ, совершенно не согласуются съ ученіями социальной демократіи въ ихъ современной формѣ. Можетъ быть, единственное мѣсто, всего лучше доказывающее, насколько Рёскинъ далекъ отъ полнаго признанія экономическаго социализма, есть то мѣсто, гдѣ онъ защищаетъ систему, при которой хозяинъ, уплативъ опредѣленную заработанную плату и обезпечивъ содержаніе больныхъ рабочихъ и инвалидовъ труда, „имѣетъ право удержать для собственнаго употребленія прибыль отъ предпріятія“ <sup>1)</sup>. Впрочемъ, и среди наиболѣе умѣренныхъ изъ континентальныхъ социалистовъ замѣ-

<sup>1)</sup> „Time and Tide“ §§ 5.

чается теперь тенденція принять какой нибудь временный компромиссъ въ этомъ родѣ. Та сторона экономической политики Рёскина, которая наиболѣе отдѣляетъ его отъ признанныхъ социалистовъ, это его возвратъ къ средневѣковой системѣ гильдій, состоящихъ изъ добровольныхъ членовъ и самоуправляющихся. Но даже и въ этомъ вопросѣ часть континентальныхъ социалистовъ иногда кокетничала съ подобными предложениями какъ въ прежнихъ планахъ промышленныхъ обществъ, получающихъ помощь отъ государства, въ планахъ, защищаемыхъ Шульце-Деличемъ, такъ и въ пропагандѣ католической социалистической партіи, въ программѣ которой устройство монопольныхъ гильдій подъ защитой государства и подъ управленіемъ духовенства составляетъ очень видный пунктъ <sup>1)</sup>.

4. Рёскинъ по общему духу его ученія и по тому значенію, которое онъ придаетъ религіозной власти, какъ существенной функціи хорошаго управленія, гораздо ближе къ радикальной части школы христіанскихъ социалистовъ, чѣмъ къ континентальной социаль демократической партіи съ ея антирелигіозными тенденціями и ея склонностью прибѣгать къ физической силѣ <sup>2)</sup>. Правда и то, что Рёскинъ далъ своей системѣ гораздо болѣе прочное основаніе, и притомъ болѣе послѣдовательное и интеллектуальное, чѣмъ имѣетъ движеніе католическаго или англиканскаго социализма. Христіанскіе социалисты вообще избѣгаютъ экономического анализа, который приводитъ къ суровому осужденію ренты, монопольныхъ прибылей и другихъ незаработанныхъ увеличеній дохода, предпочитая осто-навливаться на обязанностяхъ богатыхъ, а не на не-

---

<sup>1)</sup> „Catholic Socialism“—Нитти.

<sup>2)</sup> Въ настоящее время среди социаль- демократической партіи замѣчается поворотъ въ пользу оставленія антирелигіозной политики и болѣе ясное пониманіе принципа мирнаго развитія, какъ средства реформы.

обходимости такихъ радикальныхъ реформъ промышленныхъ учреждений, которыя сдѣлали бы всякое богатство невозможнымъ. Существуютъ, конечно, нѣкоторыя смѣлыя исключенія, но таково вообще характерное положеніе этой партіи, отстаивающей скорѣе милосердіе, какъ тинически христіанское основаніе реформы, чѣмъ справедливость. Рёскниъ никогда не признавалъ такой политики и неоднократно и очень сильно нападалъ на понятіе, будто реформа въ расходованіи доходовъ даетъ намъ право не заботиться о самомъ ихъ происхожденіи; но за то онъ также часто впадаетъ въ чисто сантиментальное настроеніе, которымъ и пользуются люди, не желающіе примѣненія предлагаемыхъ имъ болѣе героическихъ средствъ и игнорирующіе его революціонный анализъ экономическихъ силъ. Приведемъ одинъ такой примѣръ сантиментализма изъ „Fors“.

„Всѣ вы, кушающіе роскошныя обѣды, призовите съ большой дороги бродягу и раздѣлите съ нимъ вашу трапезу, и тогда вы понемногу начнете понимать, какимъ образомъ вашъ братъ сдѣлался бродягой и тогда вы сдѣлаете вашу трапезу простой до тѣхъ поръ, пока трапеза бѣдняка не будетъ изобильной—или вы не христіане. Вы, одѣвающіеся въ изящныя одежды, надѣньте блузы и передники до тѣхъ поръ, пока бѣдные не будутъ одѣты красиво и прилично—или вы не христіане. Вы, поющіе и играющіе на инструментахъ, повѣсьте ваши арфы при рѣкахъ, которыя вы осквернили или идите къ безумнымъ, гнуснымъ и глухимъ, которыхъ вы сдѣлали такими, и влейте въ ихъ души ваши мелодіи—или вы не христіане“<sup>1)</sup>.

Буквальное исполненіе подобнаго совѣта было бы, конечно, вполнѣ героической мѣрой, но она, какъ я попытаться указать, совершенно недѣйствительна, какъ средство соціальной реформы; а если такой совѣтъ въ надлежащей степени развести водичей, то онъ бу-

1) „Fors“.—Письмо LXXXII.



деть очень пріятенъ людямъ съ большой совѣстью и потому готовымъ къ нѣкоторымъ, не особенно большимъ жертвамъ въ пользу дѣла бѣдныхъ, но не способнымъ ни признать экономическихъ причинъ бѣдности, ни устранить ихъ.

Довольно понятно, что добродѣтель самопожертвованія, которая всегда, начиная отъ самаго суроваго аскетизма до болѣе мягкой формы благотворительности, считалась самой сущностью христіанскихъ добродѣтелей, считается и теперь нѣкоторымъ средствомъ исцѣленія общественныхъ недуговъ; понятно и то, что Рёскинъ, въ натурѣ котораго вслѣдствіе его пуританскихъ наклонностей и воспитанія всегда была значительная доза такого аскетизма, былъ яркимъ выразителемъ такого направленія, въ особенности когда онъ былъ охваченъ духомъ пророческаго осужденія общественныхъ золъ.

Защита Рёскинымъ теократіи составляетъ еще болѣе сильную связь его ученія съ католическимъ социализмомъ. Власть духовенства, осуществляемая здѣсь на землѣ „божественно назначенными“ епископами и цѣлой іерархіей и охватывающая всѣ подробности общественной жизни — такая мечта была, конечно, съ жаромъ воспринята многими церковниками, жаждавшими возрожденія власти духовенства и даже соглашавшимися на замѣну своего ученія о лучшей жизни въ другомъ мірѣ лучшей жизнью здѣсь, на землѣ, частью потому, что крѣпость супранатурализма была уже полуразрушенной набѣгами раціонализма, а частью потому, что сознаніе связи между этимъ міромъ и другимъ повысила цѣнность земной жизни даже для людей, искренно вѣрующихъ въ существованіе другой жизни. Можно усумниться, конечно, чтобы такіе христіанскіе социалисты согласились на то разграниченіе функций духовныхъ и свѣтскихъ властей, котораго требовалъ Рёскинъ. Можетъ быть, только незначительное меньшинство ихъ признало бы его отреченіе отъ религі-

озной догматики и его предложеніе о соединеніи церквей. Но ту духовную власть, которую, по мнѣнію Рёскина, могла бы имѣть возрожденная церковь, съ охотой приняли бы многіе прогрессивные люди въ римской и англиканской церквахъ.

5. То самое положеніе о необходимости сильной власти, которое дѣлаеть Рёскина союзникомъ клерикаловъ, окончательнo отдѣляетъ его какъ отъ организованной социаль-демократіи, такъ и отъ болѣе умѣренныхъ формъ общаго экономическаго движенія въ томъ же направленіи. Его представленіе о справедливомъ дѣйствіи власти, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, ведетъ къ полному и энергическому отрицанію правительственныхъ формъ, обыкновенно отождествляемыхъ съ демократіей. Это не просто недовѣріе къ дѣятельности представительныхъ учреждений, а и болѣе глубокое недовѣріе къ способности народа отстаивать и защищать его истинные интересы. Даже тѣ формы организованной самопомощи, которыя одобряются многими изъ наиболѣе консервативныхъ людей, движеніе кооперативное <sup>1)</sup> и трэдъ-унионизмъ, возбуждаютъ въ Рёскинѣ неполную симпатію.

Онъ всегда говоритъ о порядкѣ, о почтеніи, о власти, о повиновеніи; эти идеи ни на минуту не покидаютъ его. Радикальныя и революціонныя доктрины, по его мнѣнію, предполагаютъ отрицаніе и ниспроверженіе этихъ принциповъ и потому онъ сильно нападаетъ на нихъ. Онъ презрительно отвергаетъ свободу и равенство, какъ отрицаніе порядка и правительства. „Не свобода, а повиновеніе закону и назначеннымъ властямъ; не равенство, а признаніе всякаго достоинства и презрѣніе ко всякому недостатку“ <sup>2)</sup>.

Его отрицаніе свободы и равенства вводитъ его въ

---

1) „Time and Tide“ § 4.

2) „Fors“. Письмо V.

странное общество и приводить къ страннымъ историческимъ мнѣніямъ. Вмѣстѣ съ Карлилемъ и тогдашней автократической торійской партіей онъ стоялъ за порядокъ и сильную власть въ Ямайскомъ дѣлѣ и принималъ видное участіе въ комитетѣ для защиты Эйра. Его ненависть къ республиканской формѣ правленія проявилась въ его преклоненіи предъ „твердымъ и мудрымъ правительствомъ Наполеона Третьяго“ <sup>1)</sup>. Эти слова были написаны имъ въ то время, когда еще свѣжа была память о гнусномъ переворотѣ, произведенномъ этимъ шарлатаномъ. Правда, что послѣдующія событія нѣсколько умѣрили его преклоненіе, но Рёскинъ и послѣ радовался при видѣ безсилія французскихъ республиканцевъ предъ этимъ императорскимъ призракомъ <sup>2)</sup>.

По мнѣнію Рёскина современный либерализмъ идетъ по направленію къ анархіи—къ уравниенію всѣхъ социальныхъ и политическихъ отличій, къ распредѣленію политической власти на основѣ арифметическаго равенства и къ уничтоженію почтенія и дисциплины.

Относясь отрицательно къ обѣимъ большимъ английскимъ политическимъ партіямъ, Рёскинъ называетъ себя то старымъ тори, то нелибераломъ <sup>3)</sup>. Соединенные Штаты Америки всегда были для него устрашающимъ примѣромъ вліянія либеральныхъ идей и учреждений на жизнь и характеръ націи. Чего, въ самомъ дѣлѣ, ожидать отъ страны, „столь несчастной, что у нея замковъ нѣтъ“ <sup>4)</sup>, нѣтъ аристократіи и въ которой всякій имѣетъ одинаковое право голоса и выбираетъ президента и даже судей? Очевидно, что провиденціальное назначеніе Америки состоитъ въ томъ, чтобы „учить націи отсутствію почтенія“ <sup>5)</sup>.

---

<sup>1)</sup> „On the Old Road“, т. I. § 259.

<sup>2)</sup> „Fors“.—Письмо X.

<sup>3)</sup> „Fors“.—Письмо I.

<sup>4)</sup> Ibid. Письмо X.

<sup>5)</sup> Ibid. Письмо XII. „Time and Tide“ § 141.

Не трудно понять, почему Рёскинъ такъ негодуесть на то, что онъ считаетъ необходимымъ и конечнымъ слѣдствіемъ либерализма—на уничтоженіе всѣхъ отличій между классами и между людьми, на дизинтегрированіе всякой моральной и политической власти. Его теорія искусства, а также и теорія искусства общественной жизни, основана, какъ помнитъ читатель, на значеніи специфическихъ свойствъ, на реальности классовыхъ отличій. Какъ эстетическое наслажденіе, такъ и нравственный порядокъ требуютъ такой градаціи; органическое единство, какъ при созданіи картины, такъ и въ общественномъ строѣ, достигается содѣйствіемъ неравныхъ, а не простой агрегаціей или координированіемъ равныхъ величинъ. Сильнѣйшій человѣкъ не тотъ, который „лучше всего выдерживаетъ одиночество“—какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Ибсена, потому что такое существо, независимое отъ другихъ ему подобныхъ, не человѣкъ, а нѣчто менѣе человѣка. Для Рёскина „истинная сила человѣческой души состоитъ въ томъ, чтобы зависѣть отъ наибольшаго числа признаваемыхъ имъ благородными личностей и повелѣвать наивозможно большимъ числомъ зависимыхъ отъ него низшихъ личностей“.

Всякій общественный порядокъ основывается на авторитетѣ высшихъ, налагающемъ на низшихъ абсолютное и безспорное повиновеніе. Именно это и есть та первая изъ „странныхъ идей о царяхъ“, которая Рёскинъ въ его дѣтствѣ заимствовалъ у Гомера и у Скотта <sup>1)</sup>. Для Гомера народъ былъ просто толпой; безчисленное количество составляющихъ толпу личностей падаетъ въ битвѣ отъ меча Ахилла или Гектора; а если какой—либо голосъ изъ толпы и осмѣлится подавать совѣты властелинамъ, то на него отвѣчаютъ ударами и насмѣшками. Платонъ и Карлиль учили Рёскина о томъ, что всегда будетъ необходима аристо-

1) „Fors“,— Письмо X.

кратія ума. Рёскинъ, отъ природы склонный къ удивленію и почтенію къ великимъ людямъ, съ жадностью впитывалъ въ себя ученіе Карлиля о поклоненіи героямъ и началъ смотрѣть на исторію, какъ на біографію великихъ людей, хотя все же онъ болѣе Карлиля отличалъ національныя силы отъ индивидуальныхъ. Ни въ чемъ аналитическая способность Рёскина не входила такъ часто въ коллизію съ его эмоціональными склонностями, какъ въ истолкованіи исторіи. Карлиль былъ настолько увлеченъ своей теоріей преклоненія предъ героями, что онъ прощалъ почти все, даже лицемѣріе, могучимъ людямъ судьбы и въ первомъ ряду героевъ ставилъ такихъ людей, какъ Магометъ, Наполеонъ и Фридрихъ. Поклоненіе героямъ у Рёскина болѣе идеальное: разсматривая поближе великія историческія личности, онъ необыкновенно скоро открываетъ ихъ недостатки. У Карлиля Рёскинъ заимствовалъ не только поклоненіе героямъ, но и теократію, ученіе о божественномъ правѣ монарховъ. Но при болѣе спокойномъ разсмотрѣніи историческихъ фактовъ онъ не находилъ ни королей, ни жрецовъ по своему сердцу. „Всѣ короли и жрецы одинаковы—говоритъ онъ—всегда они выдумываютъ средства для полученія денегъ или для полученія власти“<sup>1)</sup>. И тѣмъ не менѣе Рёскинъ постоянно мечгаетъ объ идеальномъ государствѣ, въ которомъ управляютъ духовенство и гражданскія власти, поддерживая другъ друга и исправляя ошибки другъ друга—„духовенство освящаетъ мірскую политику своимъ вліяніемъ, а магистратура подавляетъ религіозный энтузіазмъ своей практической мудростью“<sup>2)</sup>. Въ первыхъ сочиненіяхъ Рёскинъ не высказывается рѣшительно относительно того, должна ли высшая власть принадлежать одному или нѣсколькимъ, королю или правящей

1) „Eagle's Nest“ § 216.

2) „Old Road“ § 219.

олигархіи <sup>1)</sup>); но въ послѣдующіе годы онъ положительно отстаиваетъ „власть одного человѣка“.

6. Такое представленіе объ исторіи и о государствѣ должно было повести къ столкновенію Рёскина съ современной либеральной демократіей, съ ея формулой естественнаго равенства—формулой, которая побудила его также, какъ и Карлиля, отстаивать противоположное ученіе объ „естественномъ рабствѣ“. Онъ, однако, не былъ увлеченъ этимъ ученіемъ до того, чтобы сдѣлаться защитникомъ рабства въ настоящемъ смыслѣ этого слова <sup>2)</sup>). Если принять во вниманіе всѣ его предложенія въ направленіи общественной реформы, то мы увидимъ, что многія изъ нихъ имѣли въ виду именно экономическое равенство—таковы напримѣръ предложенія (въ „Time and Tide“) <sup>3)</sup> объ ограниченіи землевладѣнія, о максимальномъ доходѣ и различные планы объ уравниеніи образованія всѣхъ гражданъ. Есть основаніе полагать, что Рёскинъ былъ гораздо ближе къ тогдашнимъ и современнымъ наиболѣе просвѣщеннымъ либераламъ, чѣмъ онъ думалъ. Вліяніе на него Карлиля ограничивалось главнымъ образомъ принятіемъ его терминологіи и иногда неясными, но сильными нападками на революціонныя формулы восемнадцатаго столѣтія. Онъ вмѣстѣ съ Карлилемъ подшучиваетъ надъ парламентомъ, какъ надъ „говорильней“ и иногда убѣждаетъ рабочихъ не довѣрять ему въ дѣлѣ реформъ <sup>4)</sup>); но все же въ концѣ концовъ онъ предлагаетъ создать хорошее правительство посредствомъ голосованія. Онъ даже не возражаетъ противъ всеобщей подачи голосовъ, лишь бы только она не предполагала равенства вотирующихъ; по его мнѣнію слѣдуетъ принимать во вниманіе возрастъ, собственность, опытъ и образова-

<sup>1)</sup> „On Construction of Sheepfolds“ („Old Road“ § 217.

<sup>2)</sup> „Time and Tide“ § 149.

<sup>3)</sup> Письмо II.

<sup>4)</sup> „Time and Tide“ предисловіе.

ніе; политическая же власть должна распредѣляться сообразно способностямъ<sup>1)</sup>). Ни на одного изъ представителей радикализма Рёскинъ не нападаетъ такъ яростно, какъ на Милля. А планъ Милля относительно образовательнаго ценза основывается на тѣхъ же принципахъ, какъ и планы Рёскина. Милль дѣлаетъ предложенія относительно контролирующей законодательной власти умственной аристократіи и столь же серьезно, какъ и Рёскинъ, озабоченъ тѣмъ, чтобы государственными дѣлами управляли люди образованные. Милль въ послѣдніе годы его жизни все болѣе и болѣе приближался къ взглядамъ Рёскина не только относительно политическихъ, но и экономическихъ реформъ и замѣняя абсолютное равенство равенствомъ шансовъ. Даже въ то время, когда Рёскинъ писалъ свои ожесточенныя филиппики противъ либерализма, большинство англійскихъ либераловъ, вѣроятно, не придерживались такихъ идеаловъ свободы и равенства, которые имъ приписывались. Пустая свобода *laisser faire* была всегда просто теоретическимъ идеаломъ небольшой группы экономистовъ и политиковъ, и социалистическая критика положенія объ экономической свободѣ приводила не только Милля, но и большую часть радикаловъ, отъ догмы французской революціи къ болѣе позитивному положенію объ общественномъ порядкѣ. Самъ Рёскинъ, повидимому, не сознавалъ, насколько его историческая и экономическая критика удалила его отъ Карлиля. Презрѣніе Карлиля къ политической экономіи скрыло отъ него нѣкоторыя важныя истины, открытыя Рёскинымъ; правда, иногда Карлиль интуитивно доходилъ до пониманія того, что правящіе классы злоупотребляютъ своей экономической силой, его уваженіе къ труду заставляло его осуждать бездѣльность, исторія учила его о деморализующихъ слѣдствіяхъ роскоши, такъ что въ концѣ концовъ и онъ началъ от-

1) „*Munera Pulveris*“ § 129.

носиться подозрительно къ власти поземельныхъ собственниковъ и богатыхъ кунцовъ. Но онъ никогда не проникалъ въ глубины той сложной связи, которая существуетъ между политикой и промышленностью, какъ проникалъ Рёскинъ.

Рёскинъ былъ способенъ понять, что тѣ самые дефекты: неуваженіе и недовѣріе къ власти, которые составляютъ причину правственного и общественнаго безпорядка, суть до значительной степени слѣдствія экономическихъ причинъ, происходящихъ въ свою очередь отъ злоупотребленій правящихъ классовъ ихъ властью. Ни одинъ изъ современныхъ писателей, за исключеніемъ Мадзини, такъ ясно не указалъ на общіе корни соціальнаго вопроса. Мадзини, непризнаваемый Рёскинымъ, указалъ именно на тѣ самыя недостатки въ старыхъ революціонныхъ формулахъ, на которые указывалъ и Рёскинъ; но онъ, вмѣсто формальнаго отреченія отъ свободы и равенства, пытался дать болѣе полное и болѣе положительное опредѣленіе первой и дать второму моральную основу въ братствѣ. Оба они сознавали, что экономическая несправедливость есть та почва, на которой растутъ пороки политической системы; оба они одинаково ставили діагнозъ несправедливости, хотя діагнозъ Рёскина былъ болѣе полнымъ и проицательнымъ. Но Мадзини дѣлалъ тотъ выводъ, что народъ долженъ самъ завѣдывать своими политическими дѣлами, и долженъ сдѣлаться способнымъ къ такому завѣдыванію; а Рёскинъ прямо отрицалъ возможность народнаго правленія, какъ въ политикѣ, такъ и въ промышленности. И однако онъ еще яснѣе Мадзини понималъ общій законъ экономической несправедливости, дѣйствующій въ исторіи:

„Народъ начинаетъ подозрѣвать, что частная форма дурного управленія въ прошломъ состояла въ томъ, что его повелители заставили его исполнять всю работу, а сами забрали все зароботки. Однимъ словомъ, то, что называется управленіемъ народомъ, означаетъ



просто носить изящныя одежды и роскошествовать на счетъ народа. И къ сожалѣнiю, я долженъ сказать, что такое мнѣнiе народа вполне справедливо. Если вы изслѣдуете существеннѣйшiе факты, вы увидите, что именно въ этомъ и состоялъ строй европейскаго общества при тысячелѣтнемъ существованiи феодальной системы; общество это состояло изъ крестьянъ, которые работали, изъ священниковъ, жившихъ молитвами и изъ рыцарей, жившихъ грабежемъ; и когда народная мысль вполне ясно пойметъ этотъ фактъ, она, конечно, не потерпитъ, чтобы дѣла и дальше шли такимъ же путемъ<sup>1)</sup>.

Когда Рѣскинъ доходитъ до сознанiя страшныхъ дефектовъ аристократiи въ исторiи и въ особенности когда онъ видитъ неспособность высшихъ классовъ Англiи къ исполненiю ихъ обязанностей справедливаго управленiя, онъ, повидимому, понимаетъ и даже оправдываетъ демократическое движенiе. Именно такимъ настроенiемъ можно объяснить его случайныя предложенiя о реформѣ избирательства и его обращенное къ рабочимъ классамъ пророчество о „естественности перехода власти изъ рукъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ въ ваши руки“<sup>2)</sup>. Говоря о текущихъ событiяхъ, онъ, повидимому, признаетъ неизбежность демократическаго движенiя и, однако, изученiе исторiи и его воззрѣнiя на природу человѣка заставляютъ его осуждать опыты народнаго управленiя, отворачиваться отъ всего направленiя новѣйшей исторiи, столь ясно излагаемаго имъ самимъ въ выше цитированныхъ нами мѣстахъ, и возлагать всѣ свои упованiя на чудесное измѣненiе направленiя современнаго общественнаго движенiя при посредствѣ добровольнаго самоуправленiя правящихъ классовъ.

1) „Crown of Wild Olive“ § 136.

2) „Fors“—Письмо LXXXIX.

7. Несмотря на временныя колебанія Рёскина глубоко укоренившееся недовѣріе къ демократіи и постоянное неодобреніе дѣятельности самого народа составляють отличительныя черты его ученія. Народъ не можетъ самъ помочь себѣ; растущее недовольство своимъ положеніемъ, возбуждаемое образованіемъ, никогда не можетъ быть прогрессивной силой, какъ утверждаютъ друзья и льстецы народа. Господство массъ ни въ какомъ случаѣ не осуществимо, такъ какъ ихъ „рабство“ — то есть безспорное подчиненіе высшей волѣ — есть „присущее, естественное и вѣчное наслѣдіе большей части человѣческаго рода, — чѣмъ болѣе свободы вы дадите этому большинству, тѣмъ большими рабами оно сдѣлается“<sup>1)</sup>. Истинное орудіе прогресса, по мнѣнію Рёскина — это добрая воля и разумъ высшихъ классовъ, поземельныхъ собственниковъ и „капитановъ промышленности“, функціи которыхъ, какъ уже сказано, состоятъ въ поддержаніи порядка среди низшихъ и въ поднятіи ихъ до возможно высокаго уровня<sup>2)</sup>. Это поднятіе низшихъ можетъ быть осуществлено безъ всякаго риска опаснаго равенства, вслѣдствіе „полнаго нерасположенія среднихъ умовъ къ умственному труду“<sup>3)</sup>.

8. Несмотря на то, что Рёскинъ составлялъ подробныя планы политической и промышленной организаціи, онъ, собственно говоря, не вѣритъ въ общественную дѣятельность даже и тогда, когда она находится въ рукахъ просвѣщенныхъ высшихъ классовъ. Подобно большинству мыслителей, разсматривавшихъ соціальной вопросъ съ чисто моральной точки зрѣнія, онъ видитъ мотивирующую прогрессъ силу въ личной волѣ. „Всякій дѣйствительный прогрессъ къ истинному счастью человечества совершается личными, а не обществен-

1) „Munera Pulveris“ § 133.

2) „Time and Tide“ § 139.

3) „Fors“ — Письмо ХСV.

ными усилями. Нѣкоторыя общія мѣры могутъ способствовать такому прогрессу, нѣкоторые реформированные законы могутъ направлять его, но раньше всего должны быть реформированы законы домашней жизни человѣка<sup>1)</sup>.

Однимъ словомъ, тотъ социализмъ, на который возлагаетъ свои надежды Рёскинъ, долженъ быть вводимъ наследственной аристократіей и ея содѣйствіемъ общему благу обуславливается добровольными дѣйствіями отдѣльных поземельныхъ собственниковъ и предпринимателей. Движенія массъ съ цѣлью добиться экономической справедливости не должно быть; ничего не выйдетъ, если парламентъ будетъ націонализировать землю или капиталъ или нападать на частныя интересы.

Реформа должна исходить отъ моральнаго обращенія къ сердцу и разуму отдѣльных членовъ правящихъ классовъ, тѣхъ самыхъ классовъ, которые, по поставленному самимъ Рёскинымъ діагнозу, теперь живутъ бездѣльно и роскошно насчетъ труда народа. Ихъ то и слѣдуетъ пригласить подумать объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нихъ ихъ привилегированнымъ положеніемъ; въ нихъ надо вложить новое сердце, чтобы они сознали свои обязанности относительно низшихъ, чтобы они вмѣсто того, чтобы пользоваться своей экономической и общественной властью для полученія отъ этихъ низшихъ наибольшихъ выгодъ, возвратились къ надлежащему признанію принципа: *noblesse oblige* и какъ настоящіе *принцы*, дали инициативу, какъ настоящіе *герцоги* были вождами, какъ настоящіе *епископы* надзирали за жизнью народа, какъ *лорды* земледѣлія упорядочивали доставку пищи народу, какъ „капитаны промышленности“ управляли промышленными силами народа для удовлетворенія нуждъ всѣхъ.

Мнѣніе, что истиннаго прогресса можно достигнуть только посредствомъ морализированія правящихъ клас-

---

1) „Unto this Last“.

совъ и класса предпринимателей, совѣзмъ не ново. Оно характерно для значительной части образованныхъ людей, недовѣряющихъ способности народа къ самоуправленію и опасующихся разрушенія существующихъ общественныхъ учреждений. Англійскіе контисты, слѣдующіе по тому же направленію, вводятъ въ свое идеальное общество аристократію съ тѣми же духовными и свѣтскими функціями, какія желалъ бы передать высшимъ классамъ и Рёскингъ. Фридерикъ Гаррисонъ надѣется рѣшить соціальный вопросъ посредствомъ той же свободной нравственной дѣятельности предпринимателей. Я упоминаю о контистахъ не потому, чтобы они были многочисленны, и не потому, чтобы они имѣли вліяніе — напротивъ вліяніе ихъ ничтожно — а потому, что ихъ мнѣнія характерны для всѣхъ лицъ, стоящихъ при разсмотрѣніи вопроса объ общественной реформѣ на почвѣ этическихъ размышленій. Тоже положеніе принимаютъ и организованныя благотворительныя общества — поскольку они вообще имѣютъ какіе либо философско-общественные взгляды. Если можно убѣдить и нанимателей и рабочихъ быть нравственными, то не будетъ необходимости ни въ государственной дѣятельности, ни въ другихъ героическихъ средствахъ для исцѣленія общественныхъ недуговъ. Когда религіозные и нравственные люди, принадлежащіе къ зажиточнымъ классамъ, становятся лицомъ къ лицу съ соціальнымъ вопросомъ въ той или другой изъ его разнообразныхъ формъ, они всегда бываютъ склонны принять нравственный индивидуализмъ Рёскина, хотя обыкновенно и не признаютъ его точнаго и проникающаго анализа торговли и экономическихъ основъ классового строя. Такіе люди думаютъ, что наниматели должны быть болѣе внимательными къ нанимаемымъ, что ландлорды должны попытаться устроить по отношенію къ своимъ фермерамъ что-то въ родѣ старой феодальной системы и брать съ нихъ только справедливую ренту, что потребители, покупая товары, про-

изводимые при системѣ выгонянія цота, должны признавать себя отвѣтственными за такую систему и что богатые вообще должны признать нравственный принципъ, что всякое богатство ввѣрено имъ для общаго блага и что потому они обязаны пользоваться имъ съ цѣлями нѣкотораго улучшенія положенія бѣдныхъ посредствомъ разумныхъ и лично ими руководимыхъ благотворительныхъ учреждений.

Главное преимущество и вмѣстѣ съ тѣмъ тайный руководящій мотивъ такой политики состоитъ въ томъ, что, перенося центръ тяжести обвиненія противъ богатства на пользованіе имъ, она уклоняется вполне отъ вопроса о его происхожденіи. Рёскинъ, наоборотъ, нисколько не былъ повиненъ въ такомъ уклоненіи. Его экономическій анализъ доказываетъ, что экономическая власть поземельнаго собственника и капиталиста покончена не на здоровомъ моральномъ основаніи, такъ какъ она до значительной степени произошла отъ насильственнаго договора. Даже тогда, когда онъ занимается выработкой своего плана новаго феодализма съ его просвѣщенной аристократіей, онъ настаиваетъ на томъ, что благотѣльное пользованіе богатствомъ совсѣмъ не извиняетъ несправедливаго приобрѣтенія доходовъ <sup>1)</sup>. Какъ мы видѣли, въ его реформированномъ обществѣ ландлордъ не имѣетъ власти брать грабительскихъ рентъ, онъ просто земельный агентъ государства, а предприниматель въ концѣ концовъ управляетъ промышленностью ради потребленія, а не ради прибыли.

И тѣмъ не менѣе Рёскинъ, вмѣстѣ съ реформаторами, о которыхъ мы только что говорили, ожидаетъ реформы отъ тѣхъ самыхъ правителей, финансовая и общественная власть которыхъ, на основаніи его же собственнаго анализа, произошла отъ вымогательства

---

<sup>1)</sup> „Fors“.— Письмо LX.

и характеръ которыхъ развращенъ злоупотребленіями при полученіи ихъ доходовъ.

9. Въ дѣйствительности существуютъ два роковыя препятствія для осуществленія политики, рекомендуемой Рёскинымъ и довѣряющей дѣло реформы инициативѣ высшихъ классовъ.

Во первыхъ, исторія доказываетъ, что невозможно убѣдить и тронуть сердца значительной части людей, обладающихъ политической или экономической властью, настолько, чтобы они добровольно отказались отъ этой власти или пользовались ей не для удовлетворенія своихъ эгонстическихъ интересовъ, а для общественнаго блага. Рёскинъ предлагаетъ убѣдить представителей прочно установившихся, такъ называемыхъ неприкосновенныхъ интересовъ пользоваться ими не для частныхъ, а для общественныхъ цѣлей. Онъ иногда говоритъ объ этомъ, какъ о легкомъ дѣлѣ. Организациія труда очень легка, если „капитаны промышленности“ будутъ достаточно честными <sup>1)</sup>. Въ дѣйствительности же этому препятствуютъ два очень важныхъ обстоятельства. Во первыхъ, онъ долженъ убѣдить этихъ „капитановъ“ въ томъ, что ихъ теперешнее поведеніе безчестно. Въ настоящее время большинство ихъ вполне искренно полагаютъ, что получая всяческія ренты, прибыли и другія вознагражденія, какія они только могутъ получить, и расходуя ихъ на свои личныя надобности, они строго въ своемъ правѣ. Предполагая, что діагнозъ настоящей системы конкуренціи и производства ради прибыли, поставленный Рёскинымъ, вполне правильный, возможно ли заставить этихъ капитановъ понять и признать его правильность? Всякій, кому случалось пытаться убѣждать кого-нибудь въ несправедливости поведенія, освященнаго давно существующимъ обычаемъ и прикрытаго сѣтью сложныхъ

<sup>1)</sup> „Unto this Last“ — Придичесловіе XV.

общественныхъ явленій, пойметъ всю неосуществимость подобнаго метода реформы. Большинство „капитановъ промышленности“ неспособно, да и останется неспособнымъ, усвоить себѣ тотъ экономическій анализъ, посредствомъ котораго Рёскинъ или ктонибудь другой будутъ пытаться убѣдить ихъ; а тѣ, которые способны его усвоить, не пожелаютъ этого и воспользуются одной изъ тѣхъ многочисленныхъ уловокъ, къ которымъ инстинктивно прибѣгаетъ человѣкъ, когда ему предлагаютъ принять при посредствѣ долгого процесса разсужденія какойнибудь неудобный для него выводъ. Далѣе, еслибы и было возможнымъ ясно доказать „капитанамъ“ несправедливость ихъ теперешняго поведенія, то, какъ извѣстно, чрезмѣрно трудно перейти отъ простаго убѣжденія къ настоящимъ честнымъ мотивамъ; существуетъ огромная разница между признаніемъ справедливости и совершеніемъ справедливаго дѣйствія, когда это послѣднее предполагаетъ полное измѣненіе привычнаго и пріятнаго поведенія.

Утвержденіе, что процессъ превращенія въ честныхъ людей не отдѣльныхъ промышленниковъ, а такой ихъ части, которая была бы достаточна для полнаго измѣненія строя промышленности, есть чистая химера — не есть, конечно, утвержденіе циническое. Возможенъ, разумѣется, и нѣкоторый успѣхъ обращенія къ гуманнымъ чувствамъ; еще болѣе осуществимо широкое распространеніе убѣжденія, что въ тѣхъ случаяхъ, когда это допустимо по состоянію промышленности; должно давать высокія заработныя платы и стремиться къ улучшенію быта рабочихъ; гуманные предприниматели кое-гдѣ могутъ пожелать нѣсколько видоизмѣнить современный строй промышленности ради прибыли, давъ наемникамъ какуюнибудь долю этой прибыли. Но такая реформа всей промышленности, которой требуетъ Рёскинъ, не осуществима при посредствѣ аргументовъ или при посредствѣ моральныхъ воззваній, обращенныхъ ко всѣмъ предпринимателямъ.

10. Кромѣ того, даже предполагая, что отдѣльные предприниматели и доступны убѣжденію въ ихъ грѣховности и къ принятію новаго принципа промышленности для потребленія, все таки подобный методъ реформы будетъ невозможнымъ. Сама антитеза между индивидуальнымъ и общественнымъ усиленіемъ, выставляемая Рёскинымъ въ предисловіи къ „Unto this Last“, по существу антитеза ложная. Совершенно вѣрно, что всякая общественная реформа требуетъ, чтобы отдѣльные члены общества приняли и отвѣчали на моральный призывъ: но совершенно невѣрно то, что они, какъ личности, посредствомъ моральнаго дѣйствія могутъ употреблять средства, по самой ихъ сущности общественныя. Отдѣльное дѣйствіе личности никогда не можетъ достигнуть социальной цѣли просто потому, что личность, по нашему предположенію, дѣйствуетъ не какъ членъ общества. Соціальныя недуги требуютъ и социальныхъ средствъ. Конечно, не всегда, и даже не въ большинствѣ случаевъ, для исцѣленія социальнаго недуга необходимо прибѣгать къ общественному дѣйствію, т.-е. къ употребленію политическаго механизма; но органическое содѣйствіе во всякомъ случаѣ необходимо; орудіемъ всякой дѣйствительной реформы должна быть общая воля, хотя ей должно предшествовать обращеніе къ разуму и къ волѣ личностей.

11. Что это не простыя придирки съ нашей стороны, легко понять, если разсмотрѣть характеръ той реформы, которой Рёскинъ надѣется добиться при посредствѣ личной инициативы „капитановъ промышленности“. Возьмите, на примѣръ, такую отрасль промышленности, въ которой крупные предприниматели сильно конкурируютъ другъ съ другомъ; они платятъ рабочимъ самую низкую плату за самый длинный рабочій день и продаютъ по очень низкимъ цѣнамъ самыя худшія изъ товаровъ, какіе публика только соглашается покупать. Такова будетъ типическая промыш-



ленная проблема; попытаемся-же найти средство рѣшенія ея посредствомъ индивидуальнаго моральнаго дѣйствія. Рѣскинъ приходитъ къ одному изъ конкурирующихъ промышленниковъ и пытается убѣдить его постепенно реформировать его предпріятіе, платить приличное вознагражденіе рабочимъ, не брать дивидентовъ и доставлять на рынокъ хорошіе товары. Предположите, что онъ даже убѣдитъ промышленника, и что промышленникъ искренно желаетъ исправить дѣло— и все же онъ будетъ вынужденъ отвѣтить Рѣскину: „я не могу повысить заработную плату, не повышая цѣнъ на товары; я не могу повысить цѣны, не погубивъ своего дѣла, не закрывъ свои фабрики и не оставивъ своихъ рабочихъ безъ работы; я не могу лишиться и дивидентовъ, потому что мое дѣло ведется на заемный капиталъ, а такой капиталъ можно получить только въ томъ случаѣ, когда платишь дивиденты; я не могу и улучшить качество своихъ товаровъ, такъ какъ это стоило бы дорого, а потребитель не соглашается платить большую цѣну за лучшіе товары“.

Въ подобномъ случаѣ бесполезна всякая аргументація относительно выгоды высшей заработной платы или необходимости развивать вкусъ потребителя, потому что мы вынуждены предположить, что разумный интересъ промышленника доказалъ ему, что высшія заработныя платы не окупаются, что не окупается и производство лучшихъ товаровъ. Такимъ образомъ, личное желаніе промышленника произвести реформу никоимъ образомъ не можетъ отразиться на его поведеніи. Можно, разумѣется, возразить на это, что кое что можетъ быть всетаки сдѣлано имъ для улучшения положенія рабочихъ и для улучшения качества товаровъ; но многого онъ сдѣлать не можетъ, такъ какъ вынужденъ сообразоваться съ обычаями промышленности, а иначе будетъ вытѣсненъ съ рынка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда конкуренція не особенно силь-

на, когда промышленникъ обладаетъ какой нибудь монополіей или особенно выгоднымъ сбытомъ, конечно, соотвѣтственно этому увеличивается и возможность для отдѣльнаго промышленника вводить реформы. Американскіе трѣсты или водопроводныя и газовыя общества въ англійскихъ городахъ могутъ до нѣкоторой степени морализировать свою дѣловую политику. Но для этого необходимо полное обращеніе всѣхъ или большинства акціонеровъ, рассчитывать на которое наврядъ ли возможно. Попытка реформировать строй промышленности посредствомъ морализированія отдѣльныхъ предпринимателей доказываетъ просто неспособность понять фізіологію промышленности. Нравственное поведеніе такого обращеннаго промышленника не позволило бы ему удержаться въ дѣловомъ мірѣ; если это обыкновенный капиталистъ—предприниматель, то онъ долженъ будетъ прекратить свое дѣло, онъ будетъ выброшенъ на берегъ, потерпитъ крушеніе; а если онъ только акціонеръ, то ему придется отдѣлаться отъ личной отвѣтственности за полученіе прибыли, продавъ свои акціи или паче менѣе совѣстливому человѣку. Для всякаго благомыслящаго человѣка, неопытнаго въ дѣлахъ, болѣе, чѣмъ бесполезно, обманывать самого себя. Разумѣется, какая нибудь исключительная личность, обладающая особыми дѣловыми способностями и находящаяся въ особенно выгодныхъ условіяхъ, можетъ уменьшить давленіе конкуренціи на своихъ наемниковъ и можетъ гордиться тѣмъ, что продаетъ настоящій товаръ по разсудительной цѣнѣ. Но даже и такая личность не можетъ совершенно отказаться отъ системы полученія прибыли и еще менѣе можетъ служить примѣромъ для другихъ предпринимателей, поставленныхъ въ менѣе благопріятныя условія. При обыкновенныхъ условіяхъ конкуренціи человѣкъ, не имѣющій возможности платить за игру, долженъ по просту удалиться и предоставить другому свое мѣсто. Честный примѣръ просвѣщеннаго капиталиста не имѣ-

еть возможности измѣнить самый строй промышленности, какъ это предполагають проповѣдники о морализированіи предпринимателя. Честность, виѣ узкаго круга законности и удовлетворенія спросу покупателей, не только не лучшая, но и прямо таки невозможная политика тамъ, гдѣ система полученія прибыли есть существенное условіе продолженія самаго дѣла.

12. Настолько же неосуществимъ въ концѣ концовъ и соответствующій методъ личной реформы, примѣненный къ другой цѣли промышленной системы, къ моральному развитію потребителя. Несомнѣнно, что кое что можетъ быть сдѣлано союзами потребителей, имѣющими цѣлью удержать потребителей отъ поощренія ими системы выгонянія пота, давая имъ нѣкоторыя гарантіи того, что покупаемые ими товары производятся при справедливыхъ условіяхъ. Но это „кое что“ безконечно мало. Люди, подъ вліяніемъ гуманитарныхъ соображеній покупающіе товары, которыхъ безъ этихъ соображеній они не купили бы, и платящіе за нихъ дороже, чѣмъ заплатили бы при другихъ обстоятельствахъ, не могутъ имѣть удовлетворительныхъ гарантій въ томъ, что безчисленные процессы, изъ которыхъ прямо или косвенно состоитъ производство и распредѣленіе большинства товаровъ, дѣйствительно происходятъ при справедливыхъ условіяхъ. Практически невозможно отмѣтить торговыми марками товары такимъ образомъ, чтобы было возможно прослѣдить ихъ исторію отъ состоянія сырья до состоянія лавочныхъ товаровъ, или, наоборотъ, прослѣдить распредѣленіе цѣны, платимой за товаръ въ лавкѣ, между различными рабочими. Гарантія фактически ограничивается только окончательнымъ процессомъ, да и тутъ сколько нибудь значительное распространеніе метода союзовъ потребителей, вѣроятно, невозможно, благодаря возможности для спеціалиста производителя и для спеціалиста торговца всегда обмануть профана

потребителя и его совѣтника, по большей части такого же профана. Вообще, потребитель не компетентенъ для опредѣленія условій производства и распредѣленія многихъ товаровъ, которые онъ покупаетъ; да ему и невозможно сдѣлаться въ этомъ компетентнымъ,—потому что, если нужно надуть его, то заинтересованный въ этомъ предприниматель или продавецъ всегда его надуютъ, потому именно, что они знатоки дѣла и специалисты. Неорганизованныя или плохо организованныя попытки рѣшенія соціального вопроса ложны съ научной точки зрѣнія, и практически неосуществимы.

13. Предположеніе Рѣскина, что рѣшеніе соціального вопроса должно исходить главнымъ образомъ отъ личнаго, а не отъ соціального дѣйствія, на томъ же основаніи, что личная воля опредѣляетъ нравственное поведеніе, совершенно неосновательно. Образование личнаго интеллекта и нравственнаго чувства, разумѣется, необходимо, и необходимо прежде всего, но вліяніе этихъ факторовъ бесплодно, если они не возбуждаютъ личность къ общественному дѣйствию въ содѣйствіи съ другими личностями. Общественное дѣйствіе, конечно, можетъ выразиться и въ иныхъ формахъ, помимо законодательной и административной дѣятельности; оно можетъ выразиться, напримѣръ, въ частной организаціи дѣловыхъ людей или просто гражданъ, въ сложныхъ развѣтленіяхъ частныхъ сообществъ, которыя въ сферѣ промышленности, образованія, религіи и общественныхъ развлеченій составляютъ такую характерную особенность нашего вѣка и нашей страны; оно можетъ, наконецъ, выразиться въ формѣ общественнаго мнѣнія, можетъ развиться въ обычай, столь же могучій и столь же принудительный, какъ и законъ. Но имѣются всѣ основанія полагать, что отдѣльныя единицы нравственной силы, которая въ концѣ концовъ и должна замѣнить теперешній строй промыш-

ленности, основанный на полученіи прибыли, другимъ строемъ, основаннымъ на общественномъ благѣ и на общественномъ потребленіи, будутъ вынуждены организоваться и превратиться въ общую волю, и найти свое выраженіе въ опредѣленныхъ и конкретныхъ орудіяхъ общественнаго управленія, въ политическомъ и административномъ государственномъ механизмѣ. Причина такого предположенія состоитъ не въ томъ, чтобы пользование этимъ болѣе или менѣе неуклюжимъ и тяжелымъ механизмомъ было предпочтительнѣе само по себѣ пользованія болѣе гибкими и менѣе механическими орудіями, при посредствѣ которыхъ можетъ выразиться нравственная воля народа; а въ томъ, что нашъ анализъ промышленной проблемы доказываетъ, что необходимо самое суровое принужденіе для того, чтобы сломить ту силу, которую система промышленности, основанной на конкуренціи и на полученіи прибыли, даетъ наименѣе совѣстливымъ изъ конкурентовъ. Обращеніе лучшихъ или даже среднихъ изъ конкурирующихъ промышленниковъ еще недостаточно; по необходимости приходится прибѣгнуть къ принужденію по отношенію къ худшимъ; а такое принужденіе и требуетъ и оправдываетъ примѣненіе наиболѣе дѣйствительнаго и наиболѣе общаго механизма, т. е. государственнаго и законодательнаго вмѣшательства. Такое общественное дѣйствіе по своему происхожденію и по своимъ результатамъ не менѣе нравственно, чѣмъ такъ называемое личное нравственное поведеніе. Для пользованія такимъ орудіемъ, вѣдь, необходимо воспитаніе воли отдѣльныхъ гражданъ, потому что провести законъ и обезпечить его надлежащее исполненіе можетъ только общественное мнѣніе. Слишкомъ распространенное мнѣніе, будто законодательство можетъ замѣнить необходимость другихъ, болѣе гибкихъ добровольныхъ формъ содѣйствія, такъ что можно обойтись и безъ нихъ, конечно, мнѣніе ложное; защитники государственнаго вмѣшательства отнюдь не враги ре-

формы посредствомъ личной дѣятельности, а напротивъ друзья ея. По мѣрѣ того, какъ граждане выучиваются вести общественныя дѣла ради общаго блага, будетъ все болѣе и болѣе ясно сознаваться, что лучшее пользованіе частными организаціями и даже личной дѣятельностью для общаго блага состоитъ въ обученіи личностей исполненію ихъ гражданскихъ обязанностей, въ надзорѣ надъ администраціей, надъ исполнителями общественныхъ функцій, и въ помощи имъ, и въ исполненіи такой общественной службы, которая по своему своему характеру, по детальности и по мѣстному ея значенію, не можетъ исполняться рутинными и механическими орудіями управленія.

14. Отрицаніе Рѣскими демократіи и его довѣріе къ добровольному обращенію правящихъ классовъ составляетъ радикальный дефектъ его общественнаго мышленія, и въ концѣ концовъ этотъ дефектъ обусловливается, какъ и всѣ подобныя дефекты, нравственной ошибкой. Его діагнозъ нравственныхъ качествъ демократіи совершенно невѣренъ. Онъ смотритъ на требованія демократіи, какъ на мятежь, а не какъ на необходимое развитіе общей воли, не какъ на нравственный процессъ народной дѣятельности. Порядокъ, къ которому онъ такъ страстно стремится, не можетъ быть достигнутъ защищаемыми имъ нравственными средствами. Онъ можетъ явиться только какъ результатъ выраженія просвѣщенной, разумной и свободной воли народа. Соціализмъ Рѣскаина, или другой какой либо, означаетъ просто промышленную демократію, или онъ совсѣмъ ничего не означаетъ. Такъ называемый соціализмъ сверху, предполагающій покровительство просвѣщенной бюрократіи, совсѣмъ не соціализмъ въ моральномъ значеніи этого термина; правительственныя формы должны быть проникнуты общественнымъ духомъ, должны быть выраженіемъ

общаго органическаго генія народа—и только тогда онѣ будутъ истинно жизнеспособными и устойчивыми.

Карлиль, Рёскинъ и многіе другіе признаютъ демократію невозможной потому, что грубая толпа не можетъ быть выразителемъ лучшихъ сторонъ національнаго духа. Если это вѣрно, то всякое нравственное правленіе вообще невозможно. Рёскинъ ошибается въ своихъ представленіяхъ о демократіи просто потому, что онъ придаетъ совершенно напрасно значеніе нѣкоторымъ эмфатическимъ выраженіямъ, бывшимъ слѣдствіемъ грубыхъ революціонныхъ экспериментовъ. Демократія, по его мнѣнію, есть утвержденіе абсолютнаго равенства и отрицаніе всякаго почтенія. Такова сущность его обвиненія противъ демократіи съ нравственной точки зрѣнія. Правда, что существовали и теперь еще существуютъ такіе представители и защитники демократіи, къ которымъ подобное обвиненіе примѣнимо. Но оно совсѣмъ не примѣнимо къ болѣе раціональному понятію о современной демократіи съ представительными учрежденіями. Непочтеніе совсѣмъ не такъ существенно для демократа, какъ это полагаетъ Рёскинъ. Несомнѣнно, конечно, что собачья вѣрность, абсолютное холопство и неразумное повиновеніе, которыхъ иногда требуетъ Рёскинъ, совершенно чужды демократическому духу. Но они стольже чужды и нравственности, такъ какъ настоящая нравственность, достойная этого названія, должна быть совершенной свободой, добровольнымъ и разумнымъ служеніемъ. Любопытное переживаніе аскетическаго чувства самоотреченія въ соединеніи съ „странными идеями“ объ автократіи затемняютъ вообще ясное нравственное зрѣніе Рёскина. Почтеніе человѣка, понимающаго значеніе высшихъ свойствъ другого, имѣющаго власть, хотя бы самъ онъ и не обладалъ такими свойствами, разумѣется, выше и лучше простой собачьей преданности. А такое почтеніе, такая просвѣщенная оцѣнка достоинствъ другихъ совсѣмъ не не-

согласимы съ демократіей; наоборотъ, мы утверждаемъ, что они необходимое нравственное условіе демократіи; образованіе раціональной демократіи прочно и дѣйствительно лишь тогда, когда оно вызываетъ и поддерживаетъ подобныя настроенія.

15. Точно также существованіе демократіи отнюдь не обусловливается признаніемъ абсолютнаго равенства. Возраженія Рёскина противъ представленія, будто всѣ люди по природѣ равны и свободны, справедливы, потому что разъ мы выразимъ такое представленіе въ конкретній формѣ, оно окажется несогласующимся съ фактами. Фактически люди совсѣмъ не равны; да и нѣтъ никакого основанія предполагать, что они когда нибудь будутъ равны по натурѣ и по способностямъ. И тѣмъ не менѣе это положеніе въ исторіи сослужило полезную службу, просто какъ яркій протестъ противъ неравенствъ, порожденныхъ совсѣмъ не природой, а человѣческой тираніей. Да и помимо этого, въ извѣстномъ смыслѣ это положеніе выражаетъ очень важную истину. Въ глазахъ общества и государства всѣ граждане предполагаются равноцѣнными, поскольку дѣло идетъ о соображеніяхъ публичнаго права и о дарованіи всѣхъ общественныхъ прерогативъ; для общества и для государства удобно признавать жизнь и собственность всѣхъ одинаково священными, не потому, конечно, чтобы два члена общества обладали для него совершенно одинаковой цѣнностью, чтобы оба они заслуживали одинаковаго общественнаго уваженія, а потому, что трудности оцѣнки личности и неизбежное несовершенство всякаго общественнаго механизма таковы, что для большинства общественныхъ цѣлей для общества всего выгоднѣе поддерживать и практиковать это правило равенства, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда очевидный опытъ доказываетъ противное, какъ напримѣръ по отношенію къ преступникамъ и къ другимъ несомнѣннымъ антисоціальнымъ личностямъ. Помимо такого ограниченнаго примѣненія док-



трины равенства современная демократія не выставляет ни одного требованія, основаннаго на ложномъ объясненіи естественныхъ или моральныхъ фактовъ. Она требуетъ только одного равенства—равенства шансовъ для общественной службы и для саморазвитія. Можно, конечно, разсуждать о томъ, насколько такое требованіе влечетъ за собою требованіе абсолютно равнаго доступа къ естественнымъ ресурсамъ, къ образованію и къ другимъ соціальнымъ благамъ. Демократія, конечно, отвергаетъ систему наследственныхъ кастъ Рёскина; но она основываетъ такое отрицаніе не на абстрактномъ положеніи о равенствѣ, а на историческихъ фактахъ и на научномъ истолкованіи фактовъ наследственности, такъ какъ эти факты опровергаютъ и осуществимость и общественную полезность подобной системы.

16. Гдѣ, насколько и скоро ли можетъ быть установлена демократія, основанная на разумномъ почтеніи къ дѣйствительнымъ и доказаннымъ способностямъ и потому обладающая необходимыми гарантіями противъ злоупотребленій правительственной силой въ политикѣ и въ промышленности и обезпечивающая всѣмъ своимъ членамъ равные шансы для сознательнаго содѣйствія государственнымъ цѣлямъ—это такіе вопросы, относительно которыхъ въ настоящее время еще трудно было бы ожидать общаго соглашенія. Вѣрующіе въ возможность демократіи, несомнѣнно, отвергнуть презрительную оцѣнку Рёскинымъ способностей толпы; они утверждаютъ, что всѣ обладаютъ обыкновенными умственными способностями и что обыкновенный опытъ жизни позволяетъ массамъ обладать тѣмъ практическимъ благоразуміемъ, которое такъ необходимо для правительственной дѣятельности. Голосъ толпы долженъ участвовать въ управленіи не только тѣмъ, что онъ представляетъ сдержку для злоупотребленій властью, всегда неизбежныхъ при классовомъ управленіи, но и достав-

лемымъ имъ прямымъ вкладомъ въ знаніе общественныхъ нуждъ и разумнѣйшихъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Органическое понятіе объ обществѣ, признаваемое и Рёскинымъ, требуетъ самоуправленія, при которомъ цѣлое, органической опытъ и мнѣніе всей раціональной общественной системы, найдутъ прямое сознательное выраженіе—такое требованіе совершенно несогласимо съ тупымъ подчиненіемъ массъ, какого, повидимому, требуетъ идеальное государство Рёскина.

Самое понятіе о томъ, что управленіе обществомъ должно быть спеціальностью, вродѣ медицины или сапожнаго мастерства, и должно находиться поэтому въ рукахъ отдѣльнаго класса, представляетъ полное непониманіе самаго вопроса, такъ какъ тутъ смѣшивается составленіе законовъ экспертами и администрація—искусства, дѣйствительно спеціальныя—съ болѣе широкимъ разумнымъ упорядоченіемъ общественной жизни, которое должно находиться въ рукахъ всего организованнаго общества. Сравненіе мудрости и способностей различныхъ классовъ и отдѣльныхъ личностей, къ этимъ классамъ принадлежащихъ, и признаніе такого сравненія основой количественнаго распредѣленія правительственной власти—это одна изъ ошибокъ, неизбѣжныхъ при частичномъ рѣшеніи органической проблемы. Мудрость націи въ дѣлѣ самоуправленія нельзя представлять себѣ, какъ сумму или разность мудростей составляющихъ ее отдѣльныхъ единицъ или группъ. Дѣйствительное право демократіи основывается на ея абсолютной необходимости для выраженія разумной воли всего національнаго организма въ сферѣ правительства. Ни равное право всѣхъ личностей, ни неравныя способности отдѣльныхъ классовъ, измѣряемая образованіемъ или собственностью, не составляютъ истинной основы для разумнаго самоуправленія. Въ грубый и по необходимости несовершенный механизмъ выборовъ должно вдохнуть духъ сознательнаго органическаго опыта національной жизни, выражаемый общими мнѣніями и

требованіями, составляющими въ дѣйствительности волю и голосъ народа, какъ единого цѣлаго—эти мнѣнія и эти требованія представляются намъ суммой мнѣній и требованій массы отдѣльныхъ личностей только вслѣдствіе неизбѣжныхъ недостатковъ механизма выборовъ. Демократія утверждаетъ, что народъ, какъ цѣлое, разуменъ и что правительство должно быть выраженіемъ этого единого разума. И это не только не исключаетъ, а наоборотъ включаетъ признаніе необходимости пользоваться въ полномъ размѣрѣ способностями спеціалистовъ для спеціальныхъ правительственныхъ функцій и дать имъ необходимую для исполненія такихъ функцій власть, какъ воля при образованіи національной воли и при ея исполненіи. На всѣ критическія замѣчанія Рёскина о демократіи можно отвѣтить одной выразительной формулой Мадзини: „прогрессъ всѣхъ чрезъ посредство всѣхъ подъ руководствомъ лучшихъ и мудрѣйшихъ“.

---

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

### Машины и промышленные города.

1. Отношеніе Рёскина къ машинамъ.—2. Сантиментализмъ въ дѣлѣ возрожденія ручной промышленности.—3. Современная промышленность дѣлаеть и жизнь и трудъ механическими.—4. Чрезмѣрная спеціализація.—5. Необходимость физическаго труда для всѣхъ.—6. Вопросъ о механическомъ и черномъ неискусномъ трудѣ.—7. Истинные интересы потребителей.—8. Созданные машиной города.—9. Паденіе и возрожденіе деревенской жизни.

1. Люди такъ склонны къ каррикатурѣ, что мы имѣемъ полное право полагать, что большинство англійскаго общества считаетъ Рёскина фанатическимъ врагомъ машинъ, литературнымъ люддитомъ <sup>1)</sup>, разрушителемъ желѣзныхъ дорогъ—такое нелѣпное мнѣніе большинства отчасти поддерживается и тѣмъ соображеніемъ, что онъ художникъ и потому самому совершенно неспособенъ къ здоровому практическому взгляду на выгоды, приносимыя нашей націи фабриками и угольными копами.

<sup>1)</sup> Люддиты—рабочіе въ Ноттингамъ и въ Йоркширѣ, уничтожавшіе машины чулочнаго производства въ 1811 году. Названіе по имени рабочаго Нэди Люда или Людлама. См. „Общественная жизнь“ Англии—Трайби, т. V, стр. 536.

Такъ какъ нѣкоторыя возраженія противъ машинъ не побочный продуктъ мышленія Рёскина, а относятся къ самой сущности его критики жизни, то они заслуживаютъ вниманія, болѣе серьезнаго, чѣмъ то, которое склоненъ обратить на нихъ обыкновенный „здравомыслящій“ человѣкъ.

Для того, чтобы очистить себѣ путь, мы должны прежде всего задать вопросъ: какъ далеко идетъ Рёскинъ въ своихъ возраженіяхъ противъ машинъ? Потѣшныя исторіи о томъ, какъ онъ въ 1876 году путешествовалъ на сѣверъ на почтовыхъ, совершенно по старомодному, въ специально устроенной для этого каретѣ, съ почтальономъ и на смѣнныхъ лошадяхъ, для того, чтобы не ѣхать по желѣзной дорогѣ<sup>1)</sup>, его попытки возстановить ручное ткачество въ Кумберландѣ, его обращеніе при изданіи его книгъ къ сдѣланной ручнымъ трудомъ бумагѣ и къ различнымъ ремесламъ, его постоянныя и энергическія нападенія на фабричныя города и на фабричную жизнь—все это производить такое впечатлѣніе, будто онъ былъ Донъ Кихотомъ, непримиримымъ врагомъ всѣхъ современныхъ промышленныхъ методовъ. Рёскинъ совершенно справедливо жалуется<sup>2)</sup> на невѣжество критиковъ, которые, довѣряя разнымъ сплетнямъ, обвиняли его въ томъ, что онъ осуждаетъ машины, тогда какъ онъ самъ изобрѣталъ и предлагалъ смѣлые планы машинъ, приводимыхъ въ движеніе силой воды, планы древажа и другихъ механическихъ усовершенствованій. На самомъ дѣлѣ по этому вопросу Рёскинъ держался оригинальныхъ мнѣній. Онъ возражаетъ прежде всего совсѣмъ не противъ машинъ, а противъ силы пара, замѣнившей не только человѣческую силу, но и „естественныя“ силы вѣтра, воды и животныхъ<sup>3)</sup>. Причины его ненависти къ силѣ

---

<sup>1)</sup> „Life“—Коллингвуда.

<sup>2)</sup> „Fors“—Письмо LXXXV.

<sup>3)</sup> Ibid.—Письмо LXVII.

пара разнообразны; ужасный и брутализирующій рабочаго трудъ въ рудникахъ, грязь и нечистота переполненной дымомъ атмосферы, безобразныя постройки и унижительная монотонность фабрикъ и фабричныхъ городовъ, обезображеніе красивыхъ мѣстностей заводами и копиями, желѣзными дорогами и толпами варваровъ— фабрично заводскихъ рабочихъ, поглощеніе громаднаго количества національной энергіи и національнаго искусства производствомъ пара — все это вызываетъ ужасъ и отвращеніе Рёскина.

Все это можетъ казаться весьма неразумительнымъ; можно сказать, что, вѣдь, и паръ сила естественная, что работа въ рудникахъ не должна быть неизбежно нездоровой и унижительной—да и въ дѣйствительности она не такова; что вредныя слѣдствія дыма можно и устранить, что фабрики не обязательно должны быть безобразными и нездоровыми, — да постепенно онѣ и улучшаются; что сила пара, какъ слуги человечества, принесла ему громадную пользу, облегчивъ производство вещественнаго богатства и расширивъ жизненные горизонты всѣхъ, дѣлая возможнымъ легкое и быстрое обращеніе людей, товаровъ и идей. Рёскинъ былъ способенъ понять нѣкоторыя изъ этихъ соображеній—во всякомъ случаѣ отчасти. Онъ не отрицать вполне даже желѣзныхъ дорогъ. Правда, въ первомъ письмѣ въ „Fors“ онъ высказываетъ дикое желаніе „уничтожить большинство желѣзныхъ дорогъ въ Англии и всѣ въ Валлисѣ“—но при болѣе спокойномъ обсужденіи дѣла онъ различалъ большія желѣзнодорожныя линіи, признаваемые имъ въ виду ихъ крупной и очевидной пользы, отъ боковыхъ, незначительная польза которыхъ, по его мнѣнію, далеко не уравнивала вредъ, приносимый ими красотамъ природы и деревенской жизни. Въ особенности, и съ нѣкоторымъ основаніемъ, онъ протестовалъ противъ проведенія желѣзныхъ дорогъ въ наиболѣе красивыхъ долинахъ Швейцаріи и въ Озерной странѣ въ Англии; онъ полагалъ, что дороги уничто-

жають красоту, составляющую особую цѣнность этихъ мѣстностей. Люди, считающіе подобное настроеніе исключительностью и полагающіе, что желѣзная дорога къ Риги, дѣлая доступными красоты Швейцаріи большому числу людей, доставляютъ такое удобство обществу, которое значительно перевѣшиваетъ вредъ для ландшафта, наврядъ ли будутъ способны понять негодование такого оригинальнаго и впечатлительнаго чело-вѣка, какъ Рёскинъ, для котораго созерцаніе изуродованной красоты представлялось чѣмъ-то ужаснымъ и приносило страданіе, болѣе сильное, чѣмъ созерцаніе обыкновеннаго безобразія или отсутствія гармоніи. Всякія утилитарныя соображенія относительно количества низшихъ наслажденій, доставляемыхъ большинству, не могутъ тронуть или убѣдить чело-вѣка, всегда полагавшаго, что лучшее безконечно лучше, чѣмъ просто хорошее. Протестъ Рёскина противъ порчи всего возвышеннаго и прекраснаго въ природѣ не покажется ни извращеннымъ, ни сантиментальнымъ только людямъ, умѣющимъ цѣнить не одно количество, а и качество жизни.

2. II тѣмъ не менѣе, иногда есть основаніе обвинять Рёскина въ томъ, что онъ руководился чисто сантиментальными соображеніями. Примѣромъ могутъ служить его соображенія относительно ручного ткачества. Тамъ, гдѣ требуется изящная и искусная работа, ручной станокъ желателенъ и даже въ значительной степени необходимъ; но ни матеріалы, ни самые процессы ткачества отнюдь не оправдываютъ воспрещенія паровыхъ механическихъ станковъ для обыкновенныхъ тканей. Всякій, знакомый съ исторіей ручного ткачества въ старое время, или наблюдавшій эту промышленность, еще сохранившуюся кое гдѣ въ мѣстностяхъ экономически мало развитыхъ, знаетъ, что она наврядъ ли имѣетъ характеръ изящнаго ручного труда; это скучная, однообразная и рутинная работа, утоми-

тельная и для мускуловъ и для нервовъ, не имѣющая никакого интереса и наврядъ ли дающая возможность для проявленія искусства и оригинальности; а кромѣ того экономическія условія сохраненія такой промышленности, какъ домашней, ведутъ къ чрезмѣрно длинному рабочему дню и къ низкой заработной платѣ. Если кто-нибудь сомнѣвается въ этомъ, пусть онъ посѣтитъ какое-нибудь „шалѣ“ въ швейцарскихъ долинахъ, гдѣ предпріимчивые бернскіе фабриканты ввели ручное ткачество шолковыхъ матерій низшаго сорта. Утверждаютъ, правда, что производимые ручнымъ трудомъ товары лучше по качеству; но стремленіе получать лучшіе товары съ какими бы то ни было издержками отнюдь не можетъ быть признано всегда желательнымъ; для обыкновенныхъ цѣлей достаточно и обыкновенныхъ товаровъ, а они и могутъ и должны производиться паровыми механическими станками. Ошибочное стремленіе къ средневѣковой „живописности“ иногда увлекало Рёскина, вмѣстѣ съ Карлилемъ и другой почтенной компаніей, къ довольно страннымъ попыткамъ реставраціи. Тотъ же самый сантиментализмъ или ложная чувствительность обуславливали неразборчивое отрицаніе Рёскинымъ полезности машинъ въ земледѣліи <sup>1)</sup>). Если бы Рескинъ самъ лично производилъ земледѣльческія работы, онъ зналъ бы, какое количество труда, столь же тяжелого, скучнаго и унижающаго по своимъ вліяніямъ на характеръ работника, какъ и работа въ рудникахъ и на желѣзныхъ заводахъ, противъ которой онъ самъ такъ серьезно протестуетъ, снято со сплнны земледѣльческаго рабочаго паровыми плугами, жатвенными машинами, молотилками и т. д., онъ понялъ бы, что слѣдствіемъ всѣхъ этихъ машинъ было облегченіе труда и оставленіе рабочимъ большого количества свободной энергіи для ихъ досуга.

Но хотя Рёскинъ и зашелъ черезъ чуръ далеко въ

---

1) „Crown of Wild Olive“, §§ 157. „Time“ and Tide“, §§ 152.



своемъ протестѣ противъ вторженія машинъ въ промышленность, мы не имѣемъ все-таки права пренебрегать тѣмъ, что было вѣрнаго въ его обвиненіяхъ противъ машиннаго производства. Слѣдующее мѣсто изъ „Fors“ даетъ намъ, можетъ быть, самое точное представленіе объ его взглядахъ по этому вопросу: „Употребленіе машинъ въ земледѣліи лишаетъ значительное число лицъ полезнаго и здороваго занятія и они должны или ничего не дѣлать или превратиться въ вредныхъ людей. Употребленіе машинъ въ искусствѣ губитъ національный умъ и въ концѣ концовъ дѣлаетъ невозможной всякую роскошь. Всѣ машины, нужныя въ обыденной жизни для дополненія человѣческаго и животнаго труда, могутъ быть приводимы въ движеніе вѣтромъ или водою; паръ и всѣ другія способы силы теплоты, могутъ употребляться только при крайнихъ и спеціальныхъ условіяхъ, или на главныхъ путяхъ сообщенія, или для поднятія воды изъ значительныхъ глубинъ, или при другихъ подобныхъ работахъ, превышающихъ человѣческія силы“<sup>1)</sup>.

3. Дѣйствительно же интересенъ и важенъ общій протестъ Рёскина противъ механичности работы и жизни. Тенденція введенія машиннаго производства состоитъ въ такомъ раздѣленіи труда, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи производить чтобы то ни было цѣликомъ, такъ чтобы понимать цѣль или пользу своего труда, ни одинъ не въ состояніи довести самъ до конца даже какой-нибудь одинъ изъ процессовъ производства. Такое раздѣленіе труда въ сущности дѣлитъ самого человѣка, дѣлаетъ его менѣе, чѣмъ человѣкомъ—простымъ работъ машины при какомъ-нибудь рутинномъ процессѣ производства. Оно не только унижаетъ его, суживая сферу его дѣятельности, но и губитъ искусство, свободу и власть рабочаго, такъ что онъ стано-

---

<sup>1)</sup> „Fors“—Письмо LXVII. Ср. письмо XLIV.

вится просто винтомъ машины. Это смертельное оскорбленіе для рабочаго: при такой работѣ не человекъ пользуется орудіемъ труда, а орудіе пользуется человекомъ. По мнѣнію Рёскина, первая необходимость человечества состоитъ въ исполненіи искуснаго ручнаго труда. Чисто механическая работа „всегда унижаетъ“ <sup>1)</sup>, и мысль, что она всетаки необходима, всегда страшно волнуетъ Рёскина, который никакъ не можетъ понять, что именно главная функція машины и состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, устранить это затрудненіе и что механической трудъ и есть тотъ трудъ, исполнить который только и можетъ и должна машина.

По мнѣнію Рёскина общая необходимость въ хорошей и интересной работѣ есть первый принципъ искусства жизни и машина, поскольку она поработаетъ работника, нарушаетъ именно такой принципъ. Подобно многимъ другимъ, Рёскинъ, повидимому, предполагаетъ, что машины постепенно превратятъ все большую и большую часть рабочихъ въ винты машинъ. Но нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы это было такъ. Наиболее усовершенствованныя машины въ промышленности—напримѣръ, въ современныхъ механическихъ мельницахъ—требуютъ отъ рабочаго меньшаго напряженія труда и трудъ имѣетъ скорѣе характеръ искуснаго труда механика, чѣмъ простого механическаго. Стремленіе къ раздѣленію труда предшествовало введенію современныхъ машинъ, хотя несомнѣнно, что при машинномъ производствѣ оно стало болѣе развитымъ и, конечно, оно само по себѣ можетъ возбуждать протестъ гораздо болѣе, чѣмъ машины. Совѣмъ невѣрно, чтобы машинное производство все болѣе и болѣе занимало непрерывно увеличивающуюся часть англійскихъ рабочихъ; хотя паровое сообщеніе, какъ морское, такъ и сухопутное, занимаетъ все больше количество рабо-

---

<sup>1)</sup> „Fors“—Письмо XLIV.

чихъ, но большая часть рабочихъ при этомъ совсѣмъ не состоитъ подъ непосредственной властью машинъ, помогающихъ ихъ работѣ.

4. Болѣе широкое обобщеніе Рёскина относительно современной промышленности, относительно механичности жизни вслѣдствіе чрезмѣрной ея спеціализаціи, приносящей въ жертву индивидуальность человѣка, занимая всю его производительную энергію однимъ узкимъ и рутиннымъ процессомъ, довольно основательно. Промышленная экономія, обращая вниманіе только на увеличеніе производства товаровъ и на выгоды такого увеличенія для потребителя, игнорируетъ жизненные потребности производителя. Такимъ путемъ свободная конкуренція сдѣлала рабочаго рабомъ общества, осудивъ его на постоянное повтореніе какого нибудь незначительнаго дѣла, которому онъ долженъ отдать все свое время и всю свою энергію для того, чтобы заработать средства существованія, голодая и утрачивая всѣ другія человѣческія способности, дарованныя ему природой. Точно также и свобода торговли и промышленности, руководясь чисто торговыми соображеніями, суживаетъ и порабощаетъ производительную жизнь націи, требуя, чтобы цѣлые округа Англій по требованію мірового рынка занимались исключительно производствомъ хлопчатобумажныхъ тканей, желѣза или гончарнымъ. Протестъ Рёскина — и не одного Рёскина, а и Карлиля, Эмерсона, Арнольда, Морриса и большинства нашихъ мудрѣйшихъ учителей — противъ подобной безумной системы совсѣмъ не представляетъ нелѣпаго крестового похода противъ неизбѣжныхъ законовъ, какъ это полагаютъ многіе. Всѣ эти протестанты совсѣмъ не отказываются отъ выгодъ кооперациі, являющейся результатомъ пользованія спеціальными свойствами отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ націй; они требуютъ только, чтобы раздѣленіе труда умѣрялось соображеніями объ интересахъ производителей и чтобы потре-

бители не осѣдлали ихъ окончательно. Желательно, чтобы работа была сильно специализирована; но нежелательно, чтобы энергія рабочаго была монополизирована такой специализированной работой. Потому то и необходимо защищать трудъ противъ чрезмерно длиннаго рабочаго дня и противъ тенденцій современнаго машиннаго производства. Законное пользованіе раздѣленіемъ труда требуетъ, чтобы у всякаго рабочаго оставалось достаточно времени и энергіи для свободнаго и здороваго пользованія и упражненія другихъ его способностей. Чѣмъ болѣе раздѣленіе труда, тѣмъ короче долженъ быть рутинный рабочій день и тѣмъ больше времени должно оставаться для другихъ работъ и для увеселеній и спорта. Такова настоящая сущность агитаціи въ пользу короткаго рабочаго дня; это не защита бездѣлья, а требованіе здороваго упражненія неспециализированныхъ способностей. Такое требованіе основано совсѣмъ не на сантиментальныхъ соображеніяхъ, не на стремленіи къ жизни, болѣе полной наслажденій — хотя и такія соображенія имѣютъ свою цѣну. Оно просто необходимость здоровой личной и національной жизни. Чрезмѣрная специализація есть гибель для физической и для умственной жизни. Истинная зрѣлость человѣка требуетъ надлежащаго распредѣленія времени и энергіи въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни; человѣкъ, цѣлый день копающій или думающій или забавляющійся, менѣе, чѣмъ человѣкъ, потому что для полнаго человѣка необходимы все эти занятія, взятые въ ихъ совокупности.

5. Потому когда Рёскингъ обвиняетъ богачей въ бездѣльничествѣ, онъ руководится при этомъ не однимъ только чувствомъ справедливости, а и соображеніями о пользѣ труда. Самое худшее изъ слѣдствій раздѣленія труда состоитъ въ полномъ освобожденіи отъ всякаго труда многихъ членовъ общества. „Не работающій, да не ѣсть“ — это законъ не только моральный,

но и физическій. Отъ его дѣйствія, конечно, можно уклониться, какъ и отъ дѣйствія другихъ законовъ; главная форма такого уклоненія—это спортъ, возвращеніе аристократіи къ охотничьей стадіи жизни нашихъ варварскихъ предковъ. Но старанія ѣсть и переваривать пищу, не заслуженную какимъ нибудь добровольнымъ исполненіемъ физическаго труда, должно въ концѣ концовъ оказаться неудачнымъ, да таковымъ оно и оказывается въ дѣйствительности. Рёскинъ, руководясь моральными соображеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ анализомъ, настаиваетъ на необходимости труда для всѣхъ <sup>1)</sup>). Не только бездѣльные классы должны зарабатывать себѣ хлѣбъ искусствомъ рукъ своихъ и въ потѣ лица своего, но и классы, занимающіеся умственнымъ трудомъ, нуждаются въ физической работѣ для уравновѣшенія ихъ специализированной мозговой работы. Крайности современнаго спорта суть признаки расточительности, такъ какъ онѣ представляютъ случайное, эрратическое, а часто и безумно вредное пользованіе силами, которыя при надлежащемъ ихъ употребленіи могли бы оказать здравую услугу обществу безъ всякаго уменьшенія наслажденія и интереса для расходующихъ эти силы людей. Попытка Рёскина ввести дорожныя работы для оксфордскихъ студентовъ—хотя такое занятіе и не могло по своей привлекательности сравниться съ спортомъ гонокъ лодокъ и игры въ мячъ—была тѣмъ не менѣе полезнымъ протестомъ противъ злоупотребленій спортомъ. Толстой требуетъ, чтобы рабочій день всякаго здороваго человѣка раздѣлялся по часамъ—употребляемымъ на исполненіе какой нибудь рутинной мускульной работы, на какое нибудь искусное упражненіе глаза или руки и наконецъ, на умственный трудъ—и Рёскинъ согласенъ съ нимъ. Толстой въ своихъ восхваленіяхъ землѣдѣльческаго труда идетъ гораздо дальше Рёскина и требуетъ, чтобы

---

1) „Crown of Wild Olive“ § 151.

хлѣбный трудъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, составлялъ часть работы каждаго и такимъ образомъ налагаетъ на всѣхъ одинаково условіе деревенской жизни. Рёскинъ признаетъ раздѣленіе труда и не требуетъ, чтобы всякій копалъ или пахалъ; но онъ все-таки отъ всѣхъ требуетъ физической работы и считаетъ жизнь въ большихъ современныхъ промышленныхъ городахъ несогласимой ни съ личнымъ, ни съ національнымъ здоровьемъ.

6. Ученіе Рёскина въ одномъ отношеніи еще менѣе научно, чѣмъ ученіе Толстого и не совсѣмъ согласно съ его практическими опытами. Мы уже говорили, что онъ считаетъ унизительными не только занятія въ рудникахъ, на желѣзныхъ заводахъ и т. д., какъ „рабскія“ по существу, но причисляетъ къ той же категоріи и всѣ простыя ручныя занятія. Убѣжденіе, что природа создала низшую породу рабочихъ, нѣчто въ родѣ плотвъ, которые наиболѣе приспособлены къ такимъ низкимъ работамъ и страдаютъ отъ исполненія ихъ меньше, чѣмъ другіе, повидимому, не казалось ему особенно удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса: кто же будетъ исполнить тяжелыя и непріятныя работы? Специализированіе человѣческой природы позволило ему, однако, предназначать „грубую и суровую работу“ для „грубыхъ и суровыхъ людей“<sup>1)</sup>. „Полное нерасположеніе средняго ума къ интеллектуальной работѣ составляетъ надлежащую гарантію для исполненія тѣхъ скучныхъ работъ, которыя должны быть исполнены для того, чтобы выкорчевать и очистить міровыя пустоши Торнаби (Thornaby wastes of the world)<sup>2)</sup>.

Повидимому, ручная работа, которую, по мнѣнію Рёскина, должны исполнять всѣ—это работа искусная, а не механическая, всегда унизительная, по его мнѣнію.

1) „Fors“. Письмо LXXXII.

2) Ibid. Письмо XCV.

Рёскинъ въ этомъ отношеніи, конечно, не правъ, а Толстой по существу правъ. Простая механическая работа—тяжелая, вродѣ копанья, или болѣе легкая, каково большинство фабричныхъ работъ,—когда она непродолжительна, не только не унизительна сама по себѣ, но и положительно полезна, какъ часть ежедневной работы. И для физическаго упражненія и для нравственной дисциплины какая нибудь механическая рутинная ручная работа очень желательна. Поручать ее особому классу людей, находящихся почти въ рабочемъ состояніи, какъ предлагаетъ это Рёскинъ, было бы ошибкой въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ это было бы ошибкой по отношенію къ такимъ рабамъ, такъ какъ лишило бы ихъ принадлежащей имъ по справедливости доли интереснаго и воспитывающаго труда, а во вторыхъ, это было бы ошибкой и по отношенію къ другимъ классамъ, такъ какъ вызывало бы чрезмѣрное напряженіе нервныхъ и умственныхъ силъ вслѣдствіе отсутствія полезной и здоровой мускульной рутинной работы. Рёскинъ говоритъ, что человѣку невредно думать цѣлый день, если онъ можетъ. Подобное положеніе доказываетъ, что Рёскинъ не понималъ человѣческой природы. Несомнѣнно, что человѣкъ, думающій цѣлый день, не можетъ думать здраво просто потому, что онъ ведетъ жизнь нездоровую. Люди, вродѣ Толстого и Эдварда Карпентера, совершенно основательно указываютъ на то, что люди, принадлежащіе къ специализировавшимся на умственномъ трудѣ кастамъ и абсолютно не занимающіеся физическимъ трудомъ, вынуждены оправдывать свое существованіе созданіемъ неудачныхъ, высиженныхъ въ кабинетахъ теорій и изслѣдованій, созданіемъ искусственныхъ продуктовъ литературы, науки, философіи, теологіи и искусства—продуктовъ нездоровыхъ и неполезныхъ именно потому, что сами творцы не имѣютъ прямыхъ отношеній съ обыденной жизнью. Уитманъ очень справедливо и мѣтко замѣтилъ: „пересматриваю я системы философ-

скія и религіозныя; онѣ могутъ быть пригодными въ аудиторіяхъ и библіотѣкахъ и однако все онѣ могутъ оказаться никуда негодными подѣ широкимъ небомъ, среди лѣсовъ и потоковъ“. Теоріи жизни, создаваемыя чрезмѣрно работающимъ мозгомъ людей, не живущихъ полной жизнью, не могутъ быть полными. По справедливости слѣдуетъ признать, что именно такое положеніе доказывается и ученіемъ Рёскина; никто болѣе его не сдѣлалъ для опроверженія теорій, не основанныхъ на знаніи природы и человѣческой жизни, никто болѣе его не отрицалъ преувеличенныхъ претензій академическихъ софизмовъ. Рёскинъ ошибается только потому, что не умѣетъ понять настоящей роли механическаго труда въ жизни каждаго. Специализація рутинной работы, требуемая имъ, ошибка и физическая и моральная. Надлежащее вниманіе къ физиологій труда доказало бы ему необходимость для всѣхъ рутины ручного труда; необходимая механическая работа, раздѣленная между всѣми, была бы выигрышемъ для всѣхъ, а не утомительнымъ и унижительнымъ трудомъ для одного класса. Несомнѣнно, что такое устройство промышленности, при которомъ все были бы обязаны исполнять необходимую для каждаго долю неискускаго и искуснаго ручного труда, соединено съ значительными трудностями; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что идеаль здоровой личной жизни въ благоустроенномъ обществѣ требуетъ подобнаго распредѣленія труда.

7. Рёскинъ и другіе художники возмущаются противъ чрезмѣрнаго раздѣленія труда и противъ власти машинъ не только ради непосредственныхъ интересовъ производителя. Меркантильные экономисты, ученіе которыхъ санкціонируется и такъ называемымъ здравымъ смысломъ, бездоказательно предполагаютъ, будто потребители выигрываютъ отъ увеличенія количества обыкновенныхъ товаровъ, что требуетъ раздѣленія труда производителей. Въ основаніи такого взгляда лежитъ че-



резь чурь количественная и через чурь объективная оцѣнка богатства. Совсѣмъ не несомнѣнно, будто увеличеніе обыкновенныхъ рутинныхъ вещественныхъ благъ полезно для потребителей, уже обладающихъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Всякій, кто только не фанатикъ машиннаго производства, можетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы наводненіе рынковъ громаднымъ количествомъ машинныхъ товаровъ низшаго сорта было безусловно выгоднымъ для потребителя. Слѣдуетъ помнить о необходимыхъ предѣлахъ машиннаго производства. Машина для выгоднаго экономически функціонированія требуетъ, чтобы извѣстное значительное число лицъ согласилось потреблять большое количество товаровъ одинаковой величины, формы и одинаковаго характера — и притомъ не обладающихъ тѣми свойствами, которыя придаютъ товару только искусство и отдѣлка хорошаго отдѣльнаго рабочаго. Общая система замѣны товаровъ, производимыхъ ручнымъ трудомъ, товарами машинными можетъ быть правильна, и во многихъ случаяхъ она несомнѣнно правильна; но она несомнѣнно дурно влияетъ на вкусы общества. Дѣйствительно прогрессивное общество не только въ интересъ производителя ради исполненія имъ хорошей работы, но и въ интересъ потребителя ради полученія имъ результатовъ такой работы, должно до извѣстной степени ограничить экономію машиннаго производства. Говоря о вкусѣ, я имѣю въ виду не только тѣ тонкіе эстетическіе вкусы, которые отличаютъ живопись масляными красками отъ олеографіи и не удовлетворяются фотографіями. По отношенію ко всѣмъ товарамъ ведется неизбѣжно борьба между потребителемъ и машиннымъ производствомъ. Возьмемъ примѣръ портняжнаго дѣла. Машинны могутъ кроить сюртуки быстро и дешево, при одномъ, однако, условіи, чтобы покупатели согласились отказаться отъ изящнаго и точнаго покроя и брали скроенные по средней фигурѣ. Но вѣдь вы не найдете двухъ человекъ съ совершенно одинаковой фигурой и потому сюртуку, вы-

кроенный машиной и сшитый на средняго человѣка, по настоящему не годится ни для кого; онъ можетъ удовлетворять по нуждѣ, по всякій разборчивый относительно своего костюма человѣкъ всегда пожелаетъ ручной кройки. Точно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ; экономія машиннаго производства требуетъ отъ личности отреченія отъ ея индивидуальности и согласія сообразоваться съ общимъ типомъ. Отсутствие вкуса или недостатокъ денегъ могутъ заставить большинство личностей приносить такія жертвы; но люди съ развитымъ вкусомъ дѣлаютъ это неохотно, а если у нихъ есть средства, то и не соглашаются на такое пожертвованіе. Въ обществѣ богатомъ и образованномъ это всегда будетъ составлять естественное ограниченіе машиннаго производства. Въ какомъ направленіи и какъ далеко идти это ограниченіе—это вопросъ спорный. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ бывають вынуждены сообразоваться съ общимъ типомъ и потреблять обыкновенные рутинные товары. Немногіе будутъ требовать сдѣланныхъ ручнымъ трудомъ пугвиць или смолотой на ручной мельницѣ муки. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда потребитель хочетъ въ своемъ потребленіи выразить свою индивидуальность и когда онъ въ состояніи сдѣлать это, онъ требуетъ товаровъ, которые не могутъ быть произведены машиной и составляютъ особый сортъ, т. е. производятся искусными рабочими. Потому лучшая работа всегда должна оставаться внѣ сферы машиннаго производства; въ этомъ отношеніи играетъ видную роль самый характеръ и свойства потребителя.

Механическія усовершенствованія нашего вѣка испортили или прямо таки уничтожили вкусы потребителей, поощряя спросъ не на товары лучшаго качества, а на большее количество товаровъ худшаго качества. Конечно, было бы неосновательно игнорировать или не цѣнить тѣ громадныя услуги, которыя машины оказали бѣднымъ классамъ, позволяя имъ приобретать значи-

говонъ.

тельное количество жизненныхъ удобствъ, раньше имъ совершенно недоступныхъ. Значительная часть труда, если не большая его часть, исполняемаго для удовлетворенія грубыхъ матеріальныхъ нуждъ, должна исполняться машинами въ промышленности, въ дѣлѣ перевозки товаровъ и, вопреки мнѣнію Рёскина, даже въ земледѣліи. Но крайне важно, чтобы послѣ удовлетворенія такихъ общихъ потребностей, дальнѣйшій прогрессъ въ потребленіи имѣлъ характеръ не столько количественный, сколько качественный. Именно въ этомъ и проявляется всего очевиднѣе тождественность интересовъ производителей и потребителей. До тѣхъ поръ, пока потребители отказываются отъ своей индивидуальности и стараются только объ увеличеніи числа своихъ матеріальныхъ потребностей, до тѣхъ поръ, пока для нихъ процвѣтаніе сводится къ большому количеству пищи, одежды, къ большимъ домамъ и къ грубымъ расходамъ на грубую показную сторону ихъ жизни, они заставляютъ рабочихъ вести монотонную жизнь въ машинной и рутинной работѣ. Но когда увеличеніе благосостоянія потребителей означаетъ спросъ на высшую и на лучшую жизнь, спросъ на изящество и на разнообразіе вещественныхъ благъ, на роскошь, которая есть продуктъ искусства или искуснаго труда, когда оно значитъ также увеличеніе расходовъ на умственные блага, тогда въ сферѣ занятій во всѣхъ отрасляхъ промышленности происходитъ благодѣтельная реакція. Тутъ дѣло для личности и для націи идетъ о выборѣ между количественнымъ и качественнымъ самовыраженіемъ. Рёскинъ оказалъ обществу огромную услугу, протестуя противъ печальнаго предположенія, будто промышленное процвѣтаніе націи состоитъ въ количествѣ рыночныхъ товаровъ, которое она можетъ произвести при наиболѣе экономномъ пользованіи машинами и при раздѣленіи труда. Мы не согласны съ Рёскинымъ, когда онъ отводитъ машинамъ черезчуръ незначительное мѣсто въ производствѣ; мы можемъ

признавать законность и полезность содѣйствія машины и человѣческаго искусства при производствѣ товаровъ лучшаго качества, причѣмъ на долю машины достанется грубая, рутинная, но самая важная часть работы, а на долю человѣческаго искусства болѣе тонкія манипуляціи и отдѣлка, дающія товару его характеръ; мы не будемъ стараться искать стереотипныхъ родовъ потребленія для всякаго вѣка и для всякой націи, такъ какъ индивидуальный вкусъ націи не можетъ выразиться въ такомъ стереотипномъ потребленіи. Но хотя машина совсѣмъ не врагъ искусства, а даже можетъ быть его слугой, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что Рёскинъ былъ правъ, проповѣдуя о важной опасности механизированія жизни въ настоящее время.

Я приводилъ примѣры изъ сферы промышленности, занимающейся производствомъ вещественнаго богатства. Когда мы будемъ разсматривать взгляды Рёскина на образованіе, мы увидимъ, что онъ столь же энергично протестуетъ противъ тѣхъ же опасностей въ области производства богатства интеллектуальнаго, противъ духовной фабричной системы, при которой школы и печать, церковь, политическія организаціи и всякія общественныя условности заваливаютъ потребителей громадными количествами умственныхъ стереотипныхъ товаровъ.

Такимъ образомъ вражда Рёскина къ машинамъ совсѣмъ не была простымъ фанатическимъ бунтомъ противъ механизма, безобразія и дыма, какъ это угодно нѣкоторымъ думать. У него эта враждебность просто часть болѣе широкой мысли о томъ, что подобное производство неестественно въ томъ смыслѣ, что оно отнимаетъ у человѣка его инициативу и производительную силу, что она отнимаетъ у него и знакомыя и дружественныя ему силы животныхъ, вѣтра и воды, что оно передаетъ эту инициативу низшей силѣ, порабощающей человѣческую трудъ, налагая на него условія неестественной рутинны и нездороваго

напряженія. Есть у Рёскина одно характерное мѣсто, гдѣ онъ осуждаетъ нелѣпую привычку насиловать ростъ растенія выгонкой цвѣтовъ и плодовъ: „гнусная и жадная привычка къ насилванію никогда не даетъ людямъ надлежащимъ образомъ насладиться ничѣмъ“ <sup>1)</sup> Тутъ мы видимъ въ сущности тоже настроеніе, тотъ же протестъ противъ извращенія красоты и порядка естественныхъ процессовъ, причемъ утрачиваются двѣ полезныя для человѣка стороны занятія садоводствомъ: здоровая работа на открытомъ воздухѣ при обработкѣ „натуральной“ земли и своевременно получаемые плоды труда. Этотъ примѣръ указываетъ намъ на самую сущность его критики современной промышленности, основанной на двойной ея вредоносности какъ для производителя, такъ и для потребителя.

8. Наиболѣе яркую и наиболѣе драматическую форму опасности власти машинъ представляютъ современные промышленные города. Манчестеръ и Лидсъ - типическіе созданные машинной города; они существуютъ не какъ настоящіе города для здоровой общественной жизни гражданъ, они просто мастерскія для болѣе экономнаго производства и для распредѣленія машинныхъ товаровъ. Рёскинъ полонъ самаго жгучаго негодованія, когда онъ говоритъ о нихъ; для него они просто чудовищныя жилы на прекрасномъ лицѣ Англіи, гром: дныя пространства мрачныхъ, безобразныхъ улицъ, съ зданіями безъ всякаго архитектурнаго стиля, для которыхъ никакой стиль и невозможенъ, съ истопенной атмосферой, полной вредныхъ вонючихъ испареній, черныя отъ дыма изъ гигантскихъ трубъ, съ населеніемъ, занятымъ унижительной борьбой ради богатства насчетъ другихъ или ради добыванія жалкаго куска хлѣба. Ни здоровая человѣческая жизнь, ни настоящая работа невозможны при подобныхъ усло-

---

<sup>1)</sup> „Fors“. Письмо XLVI.

віяхъ. То обстоятельство, что обитатели подобныхъ мѣстъ могутъ быть довольными и даже гордиться своимъ городомъ, само по себѣ составляетъ поразительное доказательство унижительнаго вліянія городовъ на характеръ ихъ обитателей. Рёскипъ осуждаетъ всѣ стороны жизни въ такихъ городахъ — гигиеническую, промышленную, умственную и нравственную. Онъ утверждаетъ, что „никакое здоровое искусство невозможно для людей, если они не живутъ довольной жизнью, въ чистомъ воздухѣ, не имѣя предъ глазами безобразныхъ предметовъ, и свободными отъ излишнихъ механическихъ занятій“ <sup>1)</sup>. Еще большее зло представляетъ судьба тѣхъ старыхъ городовъ, которые превратились въ новое время въ промышленные — такихъ городовъ, какъ на примѣръ Абингдонъ, въ которомъ достопримѣчательны только графская тюрьма, полиція, да большой газометръ. Потрясающимъ реализмомъ полно описаніе Рёскинымъ подгородныхъ дачныхъ мѣстъ, представляющихъ типическое выраженіе характера и стремлений среднихъ классовъ современнаго города. Въ „Fors“ Рёскинъ описываетъ округъ между Сиденгамомъ и Пенджемъ, бывший раньше, еще на его памяти, одной изъ лучшихъ мѣстностей юга Англіи. „Теперь этотъ округъ буквально покрытъ нѣсколькими тысячами домовъ, построенныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ изъ краснаго кирпича, съ разными желѣзными украшеніями и скрѣпами. Во всякомъ такомъ домѣ гостинная и столовая съ двумя рядами оконъ, спереди и сзади. Во второмъ этажѣ спальня, а въ подвальномъ кухня. Они прислонены одинъ къ другому на манеръ сіамскихъ близнецовъ — и у каждой такой пары домовъ общій греческій или готическій портикъ съ великолѣпными лѣстницами и орнаментированными капителями. У каждой пары одинаковый садикъ формы параллелограмма, въ которомъ много свѣжаго песку и

---

<sup>1)</sup> „Fors“. Письмо IX.

мало газона, по образцу сада при Хрустальномъ дворцѣ; садикъ эти огорожены высокими, тонкими, темными кирпичными стѣнами. Впереди палисадникъ, огороженный отъ дороги громадной рѣшеткой изъ литаго желѣза; входъ въ него чрезъ два квадратные воротные столба съ выдающимися штукатурными карнизами, на коихъ надпись, что это, молъ, Мортимеръ-Гоузъ или Вилла-Монтэгю. По другой сторонѣ дороги, недавно вымощенной голышами, съ канавками по бокамъ, полными желтоватой грязи, отдается въ наемъ Бурлейгъ-Гоузъ или Вилла Девонширъ—точно прокаженные отъ налѣпленныхъ на нихъ объявленій... Изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, живущихъ въ такихъ дачахъ, вѣроятно даже пятая часть не обладаетъ обычными мужскими или женскими искусствами, знаніями и другими орудіями счастія. Конечно, мужчины умѣютъ писать, считать и каждодневно отправляются въ городъ, чтобы такими талантами зарабатывать себѣ пропитаніе; женщины и дѣти читаютъ романы, умѣютъ танцовать, какъ всѣ, и играть на фортепьяно ради выставки своихъ талантовъ; но вообще ни одинъ членъ семьи не умѣетъ варить, мести полъ, шить или прясть. Еще менѣе эти люди способны къ изящной работѣ. Они ничего не знаютъ ни въ живописи, ни въ скульптурѣ или архитектурѣ; о наукѣ они знаютъ ровно настолько, чтобы не вѣрить ни въ какого духа, кромѣ духа мистера Пеппера и въ особенности чтобы не вѣрить въ Духа Святого; въ будни они читаютъ Macmillan's Magazine, а по воскресеньямъ „Goods Words“ и совершенно невинны относительно всякой образцовой литературы, какъ отечественной, такъ и всякой иной. Они не могутъ наслаждаться своимъ садомъ, потому что у нихъ нѣтъ ни смысла, ни силы, чтобы самимъ работать въ немъ. У женщинъ и у дѣвушекъ не имѣется другихъ удовольствій, кромѣ визитовъ другъ къ другу, дешевыхъ платьевъ изъ яркихъ матерій, конечно машинныхъ, да башмачковъ съ высокими каб-

луками, образчики которыхъ имъ даютъ парижскія проститутки низшаго сорта; у мужчинъ не имѣется никакихъ способностей, кромѣ способности мошенничать въ дѣлахъ, нѣтъ никакихъ идей и никакихъ способностей составлять идеи о томъ, что совершается въ мѣрѣ возвышеннаго и добраго“<sup>1)</sup>). Таковъ характеръ промышленныхъ городовъ, отражающійся въ жизни класса филистеровъ... по мнѣнію Рёскина.

9. Паденіе деревни имѣетъ непосредственную причинную связь съ господствомъ промышленныхъ городовъ. Наиболѣе характерной чертой внѣшней жизни современной Англіи можно считать упадокъ земледѣлія и прогрессивное уменьшеніе числа земледѣльческихъ рабочихъ. Промышленная экономія смотритъ на это совершенно равнодушно или даже съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ, какъ на доказательство громадной производительности городской жизни. Рёскинъ, наоборотъ, считаетъ это безусловнымъ зломъ, одинаково вреднымъ и для города и для деревни, потому что вредное вліяніе городской жизни не ограничивается однимъ городомъ. Всякій большой городъ — это громадныхъ размѣровъ пиявка, высасывающая изъ деревни всѣ лучшія ея соки и расходующая ихъ въ теченіи двухъ поколѣній, протягивающая свои щупальцы въ формѣ желѣзныхъ дорогъ и водопроводныхъ трубъ, уничтожающая красоту ландшафта, загрязнивающая рѣчки и обращающая озера въ резервуары нечистотъ; въ сорока миляхъ отъ Лондона невозможно купить чистаго молока, куръ, овощей или другихъ продуктовъ земледѣлія вслѣдствіе того, что все это жадно всасываетъ въ себя столица. И зачѣмъ все это? Затѣмъ только, чтобы поддерживать безобразную, нездоровую, безнравственную и почти бесполезную жизнь въ городѣ, гдѣ небольшой классъ живетъ въ бездѣль-

<sup>1)</sup> „Fors“—Письмо XXIX.



ной роскоши или предаваясь вредной дѣятельности, а большой классъ въ скучной и трудолюбивой нищетѣ и въ которомъ такъ называемое „Сити“ не мѣстопробываніе гражданъ, а игорный здъ, переполненный хитрыми купцами и спекулянтами. Такова картина, рисуемая намъ Рёскинымъ въ его послѣднихъ книгахъ <sup>1)</sup>. Замѣчательная яркость его языка, можетъ быть, отталкиваетъ отъ него столько же читателей, сколько она и привлекаетъ; можно допустить, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ. Ни здоровье, ни характеръ горожанъ не настолько ужъ пострадали отъ городской жизни, какъ полагаетъ Рёскинъ, да и работа ихъ не такая ужъ чисто эгоистичная, бесполезная и механическая, какой онъ ее изображаетъ. И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что по существу онъ правъ въ своихъ обвиненіяхъ. Меркантильнымъ экономистамъ удалось скрыть отъ общества опасное вліяніе поглощенія національной жизни и национальной энергіи созданными машиной городами. Попытки цивилизовать города и сдѣлать ихъ здоровыми общественными центрами могутъ сдѣлать многое для облегченія худшихъ фазисовъ недуговъ, на которые указываетъ Рёскинъ, но трудно думать, чтобы нація, три четверти которой живетъ въ городахъ, и главнымъ образомъ въ большихъ, могла сохранить въ неприкосновенности физическую силу и энергію характера, необходимыя для прогресса всякой націи.

Даже тѣ, которые смотрятъ на Англію, какъ на небольшую часть нашей великой имперіи, съ большимъ трудомъ могутъ примириться съ такой мѣстной специализаціей, которая превратитъ Англію въ мѣстность чисто промышленную и торговую, не создающую болѣе въ ея деревняхъ тѣ кости, мускулы и мозгъ, которые создали въ свою очередь эту имперію, но имѣющую въ будущемъ черпать всю свою силу и про-

---

1) Ibid. Письмо XLIV.

грессъ въ жизни колоній. Мы знаемъ, что многимъ такое направленіе хода прогресса представляется неизбежнымъ; силы, создающія большіе города Англии, кажутся имъ и естественными и необходимыми. Въ теченіи девятнадцатаго вѣка намъ такъ нажужжали въ уши о судьбѣ Англии, какъ страны промышленной, что мы начали считать такую судьбу единственной возможной. Въ большихъ городахъ можно нажить больше денегъ — таковъ неопровержимый аргументъ. И мы, конечно, не надѣемся, чтобы было возможно въ скоромъ времени отвѣтить отрицательно на такой аргументъ. Но вмѣстѣ съ Рёскинымъ мы вспоминаемъ, что только въ недавнее время мы передали всякую оцѣнку личной и національной жизни суду счетоводовъ. Болѣе широкой историческій взглядъ совсѣмъ не требуетъ признанія Англии исключительно и даже преимущественно промышленной націей, такой націей, которая только и дѣлаетъ, что считаетъ свои барыши. Совершенно вѣрно, что до тѣхъ поръ, пока чисто денежные соображенія о прибыли и о заработной платѣ будутъ исключительно рѣшать для насъ вопросы о томъ, гдѣ намъ жить, какимъ воздухомъ дышать, какого общества держаться, какую работу исполнять, какую семью и какихъ дѣтей имѣть, стремленіе въ города останется необходимымъ. Но если мы, вмѣстѣ съ Рёскинымъ, рѣшимся болѣе широко взглянуть на вопросы общественной жизни, если даже мы будемъ руководиться настоящимъ просвѣщеннымъ эгоизмомъ, то мы откажемся ограничивать наши расчеты только денежными цѣнностями и упускать изъ виду всѣ высшія и благороднѣйшія блага, которыя по самой своей природѣ выше денегъ и выше всякой цѣны—воздухъ, солнечный свѣтъ, красоту ландшафта, привязанность къ странѣ и къ дому, сосѣдскія отношенія, характеръ и интересъ работы, досугъ и энергію для самообразованія и для наслажденія. Эти блага можно найти только въ здоровой деревенской жизни и люди способные къ

образованію и къ прогрессу, не могутъ же вѣчно игнорировать ихъ. Самъ Рёскинъ отлично сознаетъ, что многія изъ этихъ благъ недоступны въ деревенской жизни современной Англїи. Необходимы рѣшительныя реформы землевладѣнія и самоуправленія для того, чтобы работа и жизнь въ деревнѣ сдѣлались здоровымъ стимуломъ личной энергїи, чтобы въ деревнѣ водворились тѣ порядки, которые необходимы и для процвѣтанія земледѣлія и для образованія здороваго мужества и здоровой женственности. Мысль о необходимости такихъ реформъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе занимала Рёскина, потому что онъ ясно сознавалъ, что бороться съ опасностями механической и неестественной городской жизни можно только посредствомъ воспитанія общества въ направленїи болѣе правильной и болѣе внимательной оцѣнки явленій жизни. Для того, чтобы общество выше цѣнило жизнь земледѣльческую, она должна сдѣлаться болѣе кѣнной въ дѣйствительности; она не должна представлять какого то остатка давно умершаго феодализма, причемъ земледѣльческая работа лишена всякаго интереса, а земледѣльческая жизнь всякой разумности и всякой надежды—какъ это имѣетъ мѣсто въ теперешней земледѣльческой Англїи; должно быть восстановлено свободное крестьянское землевладѣніе, должно возродиться крестьянство, владѣющее землей, способное обрабатывать ее и способное посредствомъ коопераціи добиться всѣхъ необходимыхъ удобствъ умственной и духовной жизни.

---

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

### Образованіе.

1.—Роль образованія въ дѣлѣ общественной реформы.—  
2. Промышленный характеръ образованія. Ложныя цѣли.—  
3. Матеріалистическій взглядъ на образованіе. Плата по результатамъ.—4. Польза и вредъ конкуренціи.—5. Пренебреженіе физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ.—  
6. Природа, какъ орудіе образованія.—7. Развитіе эстетическаго вкуса.—8. Отъ природы къ человѣчности.—Необходимость социологіи для дополненія психологіи.—9. Роль семьи въ дѣлѣ образованія.—10. Безчеловѣчность теперешнихъ методовъ образованія.—11. Планъ Рёскина.—12. Два существенныя замѣчанія Рёскина. Необходимость ручного труда.—13. Обученіе привычкамъ къ добротѣ и справедливости.—14. Рёскинъ, какъ учитель въ Оксфордѣ.

1. Рёскинъ всегда былъ учителемъ, онъ всегда размышлялъ о методахъ и процессахъ; потому понятно, что его идеи относительно образованія были новы и плодотворны. Въ особенности поразительно то глубокое убѣжденіе, съ которымъ онъ всегда говоритъ о воспитаніи юношества. Всѣ мы объявляемъ, что вѣримъ въ образованіе; но очень немногіе изъ насъ надлежащимъ образомъ понимаютъ его, какъ процессъ развитія способностей человѣческаго духа; но большей части мы вѣримъ только въ процессъ ученья, результатъ котораго есть приобрѣтеніе знанія; самое большее,

мы вѣримъ въ нѣкоторое обостреніе способностей для практической жизненной дѣятельности. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обученіе основано на здравыхъ принципахъ, интеллектуализму придается такое громадное значеніе, что извращается и суживается настоящее значеніе образованія, которое есть „приведеніе человѣческаго духа къ лучшему и созданіе изъ человѣческаго духа возможно лучшаго“. Всякій спеціализмъ, даже спеціализмъ педагогическій, бываетъ склоненъ къ стереотипности идей и процессовъ—къ стереотипности, несогласующейся съ свободой и тонкой пластичностью метода, необходимаго для формировація души.

Рёскинъ, какъ общественный реформаторъ, долженъ былъ имѣть вполне ясныя понятія относительно образованія юншества. потому что онъ отличается отъ всѣхъ другихъ наиболѣе именно отрицаніемъ всѣхъ механическихъ или внѣшнихъ методовъ реформы и указаніемъ на личный и на социальный характеръ, какъ на средство и на цѣль.

Пониманіе характера и источника социальныхъ золъ и социальныхъ потерь, чувства жалости и негодованія, возбуждающія человѣка къ протесту противъ этихъ золъ, терпѣливая работа ради отдаленнаго общаго блага, привычки къ добротѣ и къ справедливости, которыя необходимы для сохраненія новаго лучшаго общественнаго порядка—все это можно достигнуть только истинно гражданскимъ образованіемъ. Для того, чтобы создать новую расу, мы должны работать надъ пластической натурой дѣтей. Во всѣхъ книгахъ Рёскина, и въ особенности въ „A Joy for Ever“, въ „Sesame and Lilies“ и въ „Fors Clavigera“, мы находимъ богатые вклады въ искусство образованія и множество критическихъ и творческихъ предложеній. Рёскинъ не былъ спеціалистомъ педагогомъ, онъ не приобѣгалъ къ техническимъ выраженіямъ; но его мудрыя и гуманныя идеи даютъ удивительную и независимую

поддержку и составляютъ подтвержденіе болѣе научныхъ методовъ Гербарта, Песталоцци и Фребеля—методовъ, медленно, но вѣрно пробивающихъ себѣ дорогу въ наши школы—и приэтомъ замѣчанія Рёскина именно благодаря ихъ простотѣ и мягкости препятствовали склонности науки съ ея изотерической терминологіей къ суровости и ухищреніямъ. А кромѣ того, постоянно помнить объ общественномъ идеалѣ—это всегда хорошій противовѣсъ индивидуализму, въ большинствѣ случаевъ необходимому и здравому принципу для воспитателя—практика, которому приходится бороться съ идіосинкразіями отдѣльныхъ своихъ воспитанниковъ.

2. Такъ какъ жизнь едина, какъ бы мы ни пытались дѣлить ее, то Рёскинъ необходимо долженъ былъ найти въ существующихъ системахъ образованія кошіи всѣхъ главныхъ пороковъ нашего промышленнаго общества.

Безкорыстная любовь къ идеямъ, уваженіе къ кротости и къ свѣту, не были въ насъ, какъ въ націи, настолько сильны, чтобы мы сохранили нашу систему образованія свободной отъ господства промышленнаго духа, поглощающаго почти цѣликомъ нашу національную энергію.

Въ „Sesame and Lilies“ Рёскинъ протестуетъ противъ порабощенія образованія среднихъ и высшихъ классовъ проповѣдью пріобрѣтенія. Успѣхъ въ жизни, который образованіе должно обезпечить для юноши, понимается ими просто, какъ выгодное занятіе или какъ удовлетвореніе честолюбія; „они ищутъ такого образованія, которое позволило бы ихъ сыновьямъ носить хорошіе сюртуки, дало бы имъ возможность съ увѣренностью звонить въ колокольчикъ для гостей у дверей съ двумя колокольчиками и, наконецъ, дало бы имъ возможность самимъ занять квартиру съ дверями съ двумя

колокольчиками“ <sup>1)</sup>). Даже самъ Рёскинъ, вѣроятно, не могъ бы съ точностью указать всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ путей, которыми стремленія къ приобрѣтенію и снобизмъ прокрадываются въ школы для дѣтей высшихъ и среднихъ классовъ, отравляя умственную и нравственную атмосферу обѣихъ нашихъ великихъ историческихъ школъ и избранныхъ частныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью не столько образованіе хорошихъ людей, сколько поддержаніе гордости и исключительности той самой касты, отъ которой Рёскинъ главнымъ образомъ ожидалъ искупленія Англій. Что же касается до общественнаго образованія народа, то хотя пионеры въ этомъ дѣлѣ стараются держать знамя идеала и продолжаютъ работать и теперь для гуманизированія школы, все же приходится признаться, что настоящей поддержкой для дѣла образованія служить общественное убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ, не умѣющій писать, читать и не знающій первыхъ четырехъ правилъ арифметики, находится въ невыгодномъ положеніи относительно добыванія денегъ. Общество полагаетъ, что нація торгашей должна по крайней мѣрѣ дать своимъ членамъ умѣнье составлять счета.

Когда будетъ написана правдивая и подробная исторія начатковъ движенія въ пользу технического образованія, она дастъ поучительное и юмористическое подтвержденіе взглядовъ Рёскина по этому предмету. Когда наша національная жадность была возбуждена опасеніями конкуренціи Германіи, смутная безформенная идея о техническомъ образованіи была выужена изъ цѣлаго моря нашего крѣпчайшаго національнаго напитка <sup>2)</sup> слабоумными графскими совѣтами и они, даже не претендуя на знаніе того, что нужно сдѣлать, принялись за дѣло и подталкиваемые со стороны и под-

---

<sup>1)</sup> „Sesame and Lilies“ §§ 2.

<sup>2)</sup> „Водочный деньги“, предназначенныя Гошеномъ на техническое образованіе.

задариваемые начали дѣлать необдуманные опыты, давать субсидіи бесполезнымъ или даже вреднымъ школамъ и раздавать деньги всевозможнымъ учрежденіямъ, имѣвшимъ возможность оказывать на нихъ давленіе. Никому не было извѣстно, что такое техническое образованіе и какъ его слѣдуетъ вести; но повидимому всѣ были согласны въ томъ, что оно можетъ быть создано на основѣ нашей системы элементарнаго образованія—идея самая нелѣпая, какая только могла придти въ головы чиновниковъ. Постепенно и медленно, надѣлавъ не мало глупостей и съ громадными расходами, мы наконецъ узнали кое что объ единствѣ и органическомъ характерѣ образованія, поняли, что образованіе, имѣющее своей задачей только дѣятельность лавочника, не можетъ даже вполне удачно удовлетворить нашей жадности, а требуетъ какой нибудь основы въ общей культурѣ народа.

Въ одномъ общезвѣстномъ мѣстѣ въ „Sesame and Lilies“ Рёскинъ нападаетъ на близорукое скаредничество государства въ дѣлѣ покровительства искусству, наукѣ и литературѣ; на то, что государство предоставляетъ исполненіе его обязанности случайной благотворительности частныхъ лицъ и на поощреніе имъ только нѣкоторыхъ отраслей науки и искусства съ строго практическими цѣлями ради того, чтобы мы учились продавать парусину, уголь, фаянсовую посуда и желѣзо.

3. Такъ какъ цѣль образованія понимается обществомъ совершенно ошибочно, то ошибочно и мѣрило успѣха, достигаемаго образованіемъ. Настоящее значеніе обвиненія въ матеріализмѣ, такъ часто выставляемаго противъ нашего народа и нашего времени, состоитъ въ томъ, что мы измѣряемъ успѣхъ обыкновенно количественно. Какъ богатство націи или личности мы измѣряемъ количествомъ денегъ или собственности другого рода, такъ и образованіе мы измѣряемъ количествомъ доставляемыхъ имъ намъ свѣдѣній.



„Вознагражденіе по результатам“—это самое просвѣщенное выраженіе нашей системы образованія. Для того, чтобы выработать такую систему, необходимо разсматривать образованіе какъ пріобрѣтательный процессъ, какъ процессъ накопленія отрывковъ знанія разнаго рода и разной величины, отрывковъ, умѣщающихся въ мозгу и могущихъ во всякое время быть предъявленными, измѣренными и выраженными въ маркахъ въ опредѣленные экзаменаціонные сроки.

Понятно, что при господствѣ такого представленія школа превращается въ фабрику свѣдѣній, вкладывающую въ головы мальчиковъ и дѣвочекъ возможно большее въ данное время количество фактовъ; и этотъ процессъ намѣренно поощряется разрѣшеніемъ, даваемымъ родителямъ пользоваться ихъ дѣтьми для полученія заработной платы, когда головы этихъ послѣднихъ будутъ набиты требуемымъ количествомъ фактовъ. Таково зло нашей школьной системы; всѣ разсудительные люди давно осуждаютъ ее, но зло не исчезаетъ или исчезаетъ очень медленно, такъ какъ въ школьной системѣ экономіей вообще считается только то, что относится непосредственно къ текущимъ денежнымъ расходамъ; зло это сохраняется даже въ школахъ для дѣтей высшихъ классовъ, при прямомъ поощреніи со стороны родителей, которые по большей части не имѣютъ, да и не имѣть могутъ, никакой другой гарантіи въ томъ, что они получаютъ то, за что платятъ, кромѣ экзаменовъ ихъ дѣтей.

На словахъ всѣ школьные учителя и большинство родителей осуждаютъ „ничканье“ учениковъ знаніями и это ничканіе въ его наиболѣе грубой формѣ дѣйствительно уменьшается; но наша система образованія требуетъ изученія такого количества предметовъ—изученія, по большей части неохотно воспринимаемаго учениками—что даже наиболѣе благоустроенныя школы имѣютъ характеръ фабричный. Всякая фабрика предполагаетъ механичность. Рѣскинъ, признавая, что ни-

чего добраго нельзя получить отъ машинъ, не могъ признавать и механическихъ методовъ образованія. Мы не всегда сознаемъ, насколько велика эта опасность для такой націи, какъ англійская. И наши пороки и наши добродѣтели поддерживаютъ подобную систему. Мы не только не особенно склонны непосредственно увлекаться идеями истины и красоты, но и самая наша любовь къ порядку—этотъ источникъ нашей національной силы—влечетъ насъ къ механизму въ образованіи. Возьмите крайній и особенно печальный примѣръ. Преступники—это люди съ ненормальнымъ, разстроеннымъ умомъ, для ихъ исцѣленія, для заботъ о нихъ необходимо относиться не съ меньшимъ, а съ большимъ, вниманіемъ къ ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, чѣмъ къ лицамъ вполне нормальнымъ. И какъ же мы поступаемъ съ ними въ нашихъ тюрьмахъ, которыя якобы исправительныя, т. е. образовательныя учрежденія? Мы сурово упорядочиваемъ ихъ жизнь, дѣлаемъ ее механической, точно опредѣляя время, мѣсто и занятія; заботясь о людяхъ, погрѣшившихъ противъ общества, мы примиряемъ ихъ съ обществомъ, дезосіализируя ихъ; зная по поговоркѣ, что человѣкъ есть животное общественное, мы обезчеловѣчиваемъ человека, лишая его всякой общественной поддержки и симпатіи. Самую трудную изъ органическихъ операций—операцию исправленія дурного или больного характера,—мы пытаемся произвести методами механическими, такъ что даже достоинство нашей тюремной системы, абсолютно хорошій порядокъ въ нашихъ тюрьмахъ, превращается въ самое страшное зло. Это очень поучительный примѣръ той опасности, которая грозитъ всѣмъ нашимъ образовательнымъ начинаніямъ—опасности примѣненія метода не органическаго, а механическаго. Если бы школа была фабрикой и ея цѣлью было бы получение большого количества умственныхъ товаровъ извѣстной общей для всѣхъ марки, то механическій методъ былъ бы несомнѣнно единственнымъ правильнымъ. Но при

подобномъ методѣ, разумѣется, нельзя создавать „душгъ хорошаго качества“.

4. Естественно, что механическая утилитарная идея объ образованіи соединяется съ экономическимъ и моральнымъ порокомъ, съ конкуренціей. Если вы обращаете вниманіе только на количество товаровъ, а не на ихъ качество, если къ этому присоединяется свобода поддѣлки этихъ товаровъ, то сильная конкуренція составляетъ превосходное поощреніе для производства. Призовыхъ школьничковъ, умѣющихъ правильно изложить на бумагѣ формальные отвѣты на рядъ вопросовъ относительно установленныхъ предметовъ образованія, можно производить лучше при системѣ конкуренціи, чѣмъ при какой либо иной, потому что подобная система всего лучше развиваетъ духъ пріобрѣтательности какъ у ученика, такъ и учителя. Такимъ образомъ нападеніе Рёскина на конкурсы и экзамены составляетъ только частный случай его общаго осужденія механической системы образованія.

Рёскинъ въ этомъ дѣлѣ, близкомъ къ сердцу всякаго настоящаго друга образованія, былъ настоящимъ застрѣльщикомъ. Варварскій способъ приманивать мальчишковъ и дѣвочекъ къ знанію обращеніемъ къ ихъ самолюбію, возбужденіемъ ихъ головы и ихъ сердца къ враждѣ противъ товарищей и товарокъ при пріобрѣтеніи умственнаго богатства еще болѣе низокъ и неестественъ, чѣмъ соотвѣтствующая система промышленности. Ограниченность предложенія лучшихъ матеріаловъ промышленнаго богатства составляетъ естественную основу антагонизма и побѣдить этотъ антагонизмъ возможно только посредствомъ развитія общественнаго чувства; тогда какъ для умственнаго богатства такихъ границъ не имѣется; человекъ, пріобрѣтая знанія, не заставляетъ другого терять; увеличивая свой запасъ, онъ не уменьшаетъ запасовъ другихъ. Только въ томъ случаѣ, когда устраняются истинныя цѣли образованія:

знаніе и саморазвитіе, и на первый планъ выдвигается какая нибудь другая ложная цѣль: гордость или какая нибудь награда, конкурсные экзамены становятся дѣйствительнымъ средствомъ достиженія такой цѣли. Всѣ реформаторы сознають безуміе и безнравственность развращенія юношей отнятіемъ у нихъ любви къ идеѣ, дѣлая образованіе средствомъ для достиженія узкихъ экономическихъ цѣлей; но у нихъ имѣется нѣкоторое опасеніе, какъ бы не повредить дѣлу истиннаго образованія проповѣдью чрезмѣрнаго совершенства. При всякой системѣ образованія существуетъ одна основная трудность, состоящая въ томъ, что пользованіе идеально лучшими мотивами предполагаетъ такую умственную силу въ учителѣ, какой, какъ предполагается, у него существовать не можетъ. Какъ при первоначальномъ воспитаніи ребенка нѣкоторые навыки должны быть навязаны ему авторитетомъ, такъ какъ умъ ребенка еще слишкомъ несформированъ, чтобы понять раціональность этихъ навыковъ, такъ и въ образованіи ума мы не всегда можемъ полагаться на внутреннюю привлекательность идей, не можемъ надѣяться, чтобы онѣ сами по себѣ заставили сиящій еще и лѣнивый умъ юноши вступить на неизслѣдованный еще для него путь. Поэтому кромѣ чисто раціональныхъ мотивовъ приходится прибѣгать къ нѣкоторой дозѣ принужденія и къ мотивамъ болѣе низменнымъ. Тоже общее положеніе, которое примѣнимо къ промышленной конкуренціи, примѣнимо и въ дѣлѣ образованія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда конкуренція дѣйствуетъ какъ поощреніе къ лучшей работѣ, концентрируя на ней мысли рабочаго, когда она не вызываетъ коварныхъ стремленій добиться неудачи другихъ, она законна. Такое различеніе и здраво и полезно, хотя люди черезъ чуръ легко переступаютъ границу, отдѣляющую пользу отъ злоупотребленія. Только тогда, когда образованіе дѣйствительно достигаетъ своей цѣли просвѣщенія ума, можно отбросить эту примѣсь нераціональности и эго-

истичности, только тогда идеи сами по себѣ могутъ вліять на насъ однѣ, во всемъ ихъ достоинствѣ и безъ всякой примѣси другихъ мотивовъ.

Рёскинъ не былъ такимъ безусловнымъ врагомъ соревнованія, какъ это обыкновенно полагаютъ. Никто такъ убѣдительно не доказывалъ различія между законнымъ и незаконнымъ соревнованіемъ, какъ онъ. „Я желалъ бы, чтобы вы конкурировали не ради похвалъ за то, что вы знаете, а ради похвалъ за то, что изъ васъ стало; я желалъ бы, чтобы вы конкурировали только въ той великой школѣ, въ которой экзаменаторъ смерть, а судья Богъ“<sup>1)</sup>.

Я не знаю, согласился ли бы Рёскинъ на компромиссъ, вызываемый недостаточной рациональностью учителей. Но такой компромиссъ необходимъ при попыткахъ реформы во всѣхъ сферахъ жизни и отказъ отъ него неизбежно влечетъ за собой потерю энергій.

Но какія бы мы оговорки не дѣлали, все же остается несомнѣннымъ, что злоупотребленія соревнованіемъ въ нашихъ школахъ очень серьезны и протесты Рёскина были чрезвычайно полезны, такъ какъ они вызвали возстаніе противъ тираніи торговаго духа надъ образованіемъ.

5. Необходимо рассмотреть другое радикальное возраженіе Рёскина противъ общепринятой системы образованія. Механичность и склонность измѣрять все количественно не только господствуютъ въ нашихъ школахъ и опредѣляютъ ихъ программы и методы, онѣ проникаютъ всю культуру нашей націи и извращаютъ ее. Въ нашихъ избранныхъ академическихъ кругахъ и вездѣ, гдѣ особенно цѣнятъ культуру, слишкомъ очевидна склонность смѣшивать образованіе съ такъ называемыми „талантами“ и съ коллекціями разныхъ мелкихъ свѣдѣній и курьезовъ относительно природы,

---

1) „Eagle's Nest“ §§ 212.

людей и книгъ. Рёскинъ, конечно, не раздѣляетъ реакціонныхъ мнѣній Толстого относительно всякой умственной культуры, но онъ очень опредѣленно и энергично высказывается противъ чрезмѣрной оцѣнки умственныхъ приобрѣтеній, какъ орнаментальныхъ прибавленій къ работѣ жизни.

„Человѣка еще нельзя назвать образованнымъ, въ какомъ угодно смыслѣ этого слова, если онъ умѣетъ читать по латинѣ или писать по англійски или прилично ведетъ себя въ гостинной; онъ образованъ только тогда, когда онъ счастливъ, занятъ и полезенъ въ жизни. Потому теперь милліоны крестьянъ лучше образованы, чѣмъ большинство лицъ, называющихъ себя джентльменами; средства, принимаемыя иногда теперь для образованія низшихъ классовъ въ направленіи противоположномъ, часто могутъ привести и къ результатамъ противоположнымъ <sup>1)</sup>).

Это замѣчаніе Рёскина можетъ служить удобнымъ переходомъ отъ его критики образованія къ его положительнымъ построеніямъ.

Его ученіе относительно образованія также, какъ и относительно изящныхъ искусствъ и промышленности, основано на двухъ кардинальныхъ идеяхъ—на преобладаніи моральныхъ идей въ дѣлѣ образованія характера и на необходимости точного и жизненнаго, самостоятельнаго изученія фактовъ природы и человѣческой жизни.

И у Рёскина это не простыя общія мѣста; наоборотъ, они отрицаются и практически устраняются въ большинствѣ образовательныхъ плановъ.

Обыкновенный смыслъ, какой придается почти всеми неопредѣленному термину: „образованіе“, свидѣтельствуется о томъ, что сторонѣ интеллектуальной приписывается чрезмѣрно большое значеніе. Конечно, начинаютъ уже обращать нѣкоторое вниманіе и на

<sup>1)</sup> „Stones of Venice“ 111.

физическую, эстетическую и моральную стороны, но пока их рассматривают, какъ нѣчто отдѣльное и второстепенное въ дѣлѣ образованія, а именно такая склонность и доказываетъ глубоко укоренившуюся механичность нашихъ методовъ. Отсутствие гармоніи и единства мышленія объясняетъ злоупотребленіе грубыми и несистематическими физическими упражненіями въ нашихъ аристократическихъ школахъ и то невниманіе къ физическому воспитанію, которое господствуетъ въ школахъ для дѣтей низшихъ классовъ. Печальное пренебреженіе развитіемъ и питаніемъ эстетическихъ вкусовъ и нравственныхъ способностей, какъ интегральной части образованія, составляетъ самый лучшій примѣръ нашихъ національныхъ недостатковъ въ дѣлѣ образованія. Это отчасти обусловливается отсутствіемъ философскаго мышленія, а отчасти торговымъ духомъ, который естественно игнорируетъ такое воспитаніе, такъ какъ его нельзя опредѣлить и оправдать непосредственно измѣряемыми результатами. Практическіе люди, и теперь управляющіе дѣломъ образованія, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся и частныя и общественныя деньги, съ крайней несправедливостью относятся къ эстетическому и моральному образованію. Эстетическое образованіе относится къ сферѣ такъ называемыхъ „талантовъ“, можетъ быть и желательныхъ, когда на нихъ хватаетъ денегъ и времени, но считающихся „роскошью“; что же касается до моральнаго образованія, то даются крохи его въ формѣ религіознаго обученія.

По мнѣнію Рёскина въ дѣлѣ образованія существуютъ только два жизненные вліянія — это природа и человѣчество; негодность нашего образованія и состоитъ въ томъ, что оно игнорируетъ или извращаетъ эти два священные источники силы.

Цѣль образованія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ребенка сыномъ природы и настоящимъ человѣческимъ существомъ.

6. Не сантиментализмъ, а глубокое пониманіе физической и моральной истины заставляеть Рёскина настаивать на вольной жизни среди природы, въ чистой и прекрасной средѣ, какъ на первомъ существенномъ требованіи истиннаго образованія. Читатели помнятъ, вѣроятно, стихи Вордсворта, цитируемыя Рёскинымъ въ его „Sesame and Lilies“.

„Three years she grew in Sun and shower,  
Then Nature said, A lovelier flower  
On earth was never sown.  
This child I to myself will take:  
She shall be mine, and I will take  
A lady of my own“ 1).

Свободное, дружественное и постоянное знакомство съ полями и лѣсомъ, съ потоками и горами, съ временами года и производимыми ими въ природѣ измѣненіями—существенная необходимость для образованія здороваго и счастливаго дѣтства, и недостатокъ этого есть главный вредъ, дѣлаемый человѣчеству нашей промышленной жизнью въ городахъ. Рёскинъ опровергаетъ то нелѣпое возраженіе, будто выросшіе въ деревнѣ люди не настолько любятъ природу, какъ выросшіе въ городахъ. Во первыхъ, это неправда, а во вторыхъ, такое утвержденіе просто доказываетъ непониманіе настоящей пользы жизни среди природы. Дѣло совсѣмъ не въ сантиментальномъ розыскиваніи красотъ ландшафта, а въ свободной и почти безсознательной симпатіи къ жизни природы, порождаемой только пребываніемъ среди нея и знакомствомъ съ ея процессами.

Такого образованія среди природы и посредствомъ природы нельзя достигнуть ни случайными экскурсіями,

1) „Она три года росла подъ солнцемъ и дождемъ—и природа сказала: никогда земля не производила болѣе прелестнаго цвѣтка; я возьму себя это дитя, оно должно быть моимъ и я сдѣлаю его своей лэди“.



ни аналитическимъ изученіемъ, вызываемымъ чисто умственными интересами. Рёскинъ часто относится чрезмѣрно презрительно и недовѣрчиво къ дѣйствительному успѣху образованія, бывшему слѣдствіемъ большаго изученія естественныхъ наукъ, онъ очень враждебно относится къ способу изученія ботаники или біологій посредствомъ изслѣдованія разныхъ объектовъ природы, приносимыхъ въ школьное помѣщеніе въ большомъ и многолюдномъ городѣ; по этому поводу онъ часто употребляетъ по отношенію къ „наукѣ“ такія рѣзкія выраженія, о которыхъ потомъ ему самому приходится пожалѣть. Но если преобладающее значеніе, даваемое въ образованіи естествознанію, и составляетъ несомнѣнный выигрышъ сравнительно съ прежней монополюющей властью филологій и математики, все же должно признать, что этимъ не достигаются еще высшія образовательныя цѣли, которыя можетъ достигнуть только природа и что Рёскинъ вполнѣ правъ, когда онъ утверждаетъ, что соприкосновеніе „съ дикою и прекрасною природою“ необходимо для порожденія здоровыхъ и полезныхъ эмоцій.

Прежде всего необходима красота окружающей природы. „Образованіе эстетическое достигается прежде всего красотой лицъ, окружающихъ ребенка и во вторыхъ, красотой природы“. Но и въ этомъ отношеніи современная педагогія часто впадаетъ въ ошибки; Джолли, съ большою симпатіей отзываясь объ образовательныхъ методахъ Рёскина, по моему мнѣнію, беретъ фальшивую ноту, особенно настаивая на пользѣ образованія внѣ школьной комнаты подъ открытымъ небомъ, какъ „въ непокрытой классной комнатѣ“<sup>1)</sup>. Безсознательное стремленіе извлекать изъ всего выгоды для цѣлей образованія безусловно опасно. Природа не дастъ дѣтямъ того, что она, по мнѣнію Вордсворта, должна дать имъ, если на нее смотрѣть только

---

1) Ruskin on Education—Джолли.

какъ на „непокрытую школьную комнату“, по которой учитель, вооруженный указкой, водить дѣтей. Величайшіе дары природы безсознательны, свободны и тайны; они, какъ и всякое счастье, являются тогда, когда ихъ не ищутъ. И это вполне согласимо съ разумнымъ и точнымъ изученіемъ объектовъ и процессовъ природы и даже съ изученіемъ дѣйствія научныхъ законовъ. Вопросъ тутъ только въ количествѣ времени, посвящаемаго на такое изученіе, въ признаніи полезности бездѣятельности, въ признаніи, такъ прекрасно выраженномъ самимъ Вордсвортомъ въ словахъ о „величавой безпечности, столь дорогой простому человѣку“, въ томъ „широкомъ пониманіи жизни“, котораго жаждетъ другой поклонникъ природы.

Рѣскинъ, несомнѣнно, былъ правъ, когда онъ требовалъ, чтобы научные наши интересы не уничтожали безсознательной симпатіи къ природѣ; въ этомъ дѣйствительно заключается опасность чисто научнаго образованія. Мы должны свободно и безсознательно дышать въ себя атмосферу природы. При экскурсіяхъ въ поля, при поѣздкахъ по деревнямъ, которыя вводятся теперь наиболѣе просвѣщенными изъ нашихъ педагоговъ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду именно такія безсознательныя вліянія природы, необходимое радостное чувство, охватывающее юношей при видѣ вѣчной юности и красоты естественныхъ процессовъ; слѣдуетъ всегда помнить, что направленіе умственной любознательности учениковъ на законы и на разнаго рода причинности должно быть дѣломъ второстепеннымъ и случайнымъ. Геологическія и иныя экскурсіи — вещь превосходная, но развивать любовь дѣтей къ коллекціямъ до такой степени, что они начинаютъ смотрѣть на природу главнымъ образомъ какъ на коллекцію камней или какъ на гербарій, значитъ производить фатовъ самаго непріятнаго сорта. Когда стремленіе къ приобрѣтенію имѣетъ такую сильную власть

надъ жизнью націи, какъ въ Англіи, всегда возможно подобное извращеніе образованія.

7. Потому Рёскинъ правъ, когда онъ требуетъ для образованія вкуса, эстетическаго чувства, признанія пассивныхъ и нечувствительныхъ вліяній, производимыхъ на человѣка прекрасной и возбуждающей матеріальной средой. Это, конечно, не исключаетъ еще присутствія человѣческихъ усилій и человѣческой цѣли. Ребенокъ усвоиваетъ идеи красоты, формирующія и его тѣло и его характеръ, не однимъ только свободнымъ пребываніемъ среди природы; настоящій учитель долженъ употребить всѣ свои старанія, чтобы искусство было атмосферой школьной комнаты, потому что только такая атмосфера своей прелестью и внушительностью дастъ интересъ настоящему книжному и школьному обученію. Дешевая мебель и голыя стѣны совсѣмъ не годны для школьныхъ помѣщеній. Для нихъ необходимы утонченныя архитектурныя украшенія; въ нихъ должны быть всѣ формы благородной роскоши, все, что своимъ присутствіемъ можетъ поучать глазъ и ухо и развивать умъ и воображеніе. Современная психологія подтверждаетъ мнѣніе Рёскина о важности полусознательныхъ факторовъ, о значеніи впечатлѣній, медленно получаемыхъ отъ общей окружающей среды и играющихъ очень значительную роль при опредѣленіи мышленія и эмоцій; предоставлять пластическій умъ ребенка вліяніямъ низменной, безобразной или подавляющей среды значитъ нанести ему величайшую несправедливость, которую невозможно будетъ ничѣмъ поправить въ послѣдующей его жизни.

Все, что есть прекраснаго и интереснаго въ природѣ и въ искусствѣ, должно находиться и въ школьной комнатѣ, чтобы оно помогало пассивной формирующей образовательной работѣ и поддерживало активную сторону образованія.

8. Для удобства характеристики взглядовъ Рёскина по вопросу объ образованіи я говорилъ о природѣ и человѣчности, какъ о двухъ главныхъ источникахъ вліянія. Но слѣдуетъ помнить, что для него эти вліянія были по существу нераздѣльными. Природа должна питать человѣчность, образованіе должно дать человѣку мѣсто въ природѣ и дать ему возможность удержать это мѣсто.

Потому, когда мы говоримъ о цѣли образованія, мы всегда должны помнить о какомъ нибудь идеалѣ человечества и къ этому идеалу относить самую цѣль образованія, или въ абстрактной формулѣ Герберта Спенсера: „образованіе должно готовить насъ къ полной жизни“ или въ болѣе конкретной формулѣ Рёскина: „вы воспитываете человѣка не сообщеніемъ ему того, чего онъ не знаетъ, а дѣлая его тѣмъ, что онъ еще не есть“.

Но если никто не будетъ отрицать того, что цѣль образованія есть образованіе характера, то существуетъ одна опасность, къ которой всегда склоненъ учитель вслѣдствіе самихъ условій его дѣятельности. Эта опасность—черезъ чуръ индивидуалистическое понятіе о человѣчности. Для многихъ изъ нашихъ лучшихъ и разумнѣйшихъ учителей образованіе есть воспитаніе совершенныхъ человѣческихъ существъ, причемъ идеальнымъ существованіемъ признается гармоническое развитіе различныхъ частей ихъ природы, какъ свободныхъ и изолированныхъ индивидуумовъ. Для того, чтобы правильно понять, въ какомъ именно смыслѣ человѣчность есть цѣль образованія, слѣдуетъ ясно понять мѣсто и дѣятельность человѣческаго существа въ обществѣ. Въ современной педагогикѣ и въ педагогическомъ искусствѣ психологія, которая по необходимости ограничивается изученіемъ отдѣльнаго человѣка, недостаточно дополняется соціологіей. Практика обученія требуетъ такого постоянного вниманія къ идіосинкрязіямъ учениковъ, что учителя, волей нево-

лей, ограничиваются соображеніями о томъ, что нужно для индивидуальнаго развитія каждаго изъ учениковъ, и пренебрегаютъ требованіями, предъявляемыми и имѣющими быть предъявленными впослѣдствіи къ ученикамъ обществомъ. И однако никто не живетъ въ одиночку и потому цѣлью образованія не можетъ быть образованіе личностей, какъ таковыхъ. Не только промышленность, но и общественная жизнь вообще требуетъ нѣкотораго пожертвованія свободнымъ индивидуальнымъ развитіемъ и такое пожертвованіе состоитъ въ специализированіи однихъ способностей и въ сравнительномъ пренебреженіи другими. Это, несомнѣнно, жертва, если мы будемъ разсматривать индивидуумовъ, какъ отдѣльныя самодовлѣющія единицы; но вѣдь они не таковы, и эта такъ называемая жертва становится выигрышемъ, если мы признаемъ человѣка существомъ общественнымъ: а такое признаніе требуетъ, чтобы онъ формировался не ради только своего личнаго совершенства, а ради совершенства общественнаго организма, часть котораго онъ составляетъ. Ни одинъ изъ нашихъ великихъ учителей не понималъ съ такой ясностью необходимости надлежащаго уравниванія правъ личности и общества въ сферѣ образованія, какъ Рёскинъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого яснаго и опредѣленнаго идеала истиннаго общества.

9. Всѣ критики давно уже обвиняли образованіе въ томъ, что оно преслѣдуетъ цѣли чисто интеллектуальныя и что оно слишкомъ механично по своимъ методамъ. Матью Арнольдъ указалъ на самую сущность ошибочности нашего образованія, говоря объ отсутствіи гуманности въ дѣлѣ школьнаго образованія. Конечно, въ этомъ нельзя обвинять исключительно одніѣ школы. Гуманность, сущность которой состоитъ въ „сознаніи справедливаго, размѣреннаго и постояннаго“, не можетъ быть внушена одной только школьной

жизнью. Домашняя жизнь есть первая и самая важная сфера гуманных влияній. Англія гордится своей домашней жизнью; но когда мы безпристрастно будемъ сравнивать то, что даетъ домашняя жизнь большинству нашихъ городскихъ дѣтей, съ требованіями гуманности, мы поймемъ, почему варварство такъ медленно исчезаетъ изъ нашихъ нравовъ. „Настоящая функція дома состоитъ въ томъ, что онъ есть мирное мѣсто, прибѣжище не только отъ всякаго оскорбленія, но и отъ всякаго ужаса, сомнѣнія и раздора. Если онъ не таковъ, то это не домъ; если въ него проникаютъ заботы внѣшней жизни, если неосмысленное, неизвѣстное, нелюбимое или враждебное общество внѣшняго міра вводится въ него мужемъ или женой, то домъ перестаетъ быть домомъ; тогда онъ только часть внѣшняго міра, которую вы отгородили для себя и зажгли въ немъ очагъ“<sup>1)</sup>). Слѣдуетъ остерегаться этихъ серьезныхъ опасностей для домовъ высшихъ и зажиточныхъ среднихъ классовъ, о которыхъ въ особенности и говоритъ Рёскинъ. Для большинства же дѣтей совершенно отсутствуетъ какъ моральная, такъ и матеріальная основа настоящаго дома. Никто лучше учителей первоначальныхъ школъ не сознаетъ, насколько тѣсно всяческіе вопросы образованія связаны съ формами экономическаго строя. Но если обыденныя событія домашней жизни, близкія отношенія съ друзьями и родственниками, и постепенно расширяющія умственныя горизонты сосѣдскія отношенія остаются и останутся всегда наиболѣе могучими и наиболѣе постоянно дѣйствующими образовательными влияніями, то и школа, какъ понимаетъ ее Рёскинъ, все же можетъ сдѣлать многое изъ того, чего она теперь не дѣлаетъ. До тѣхъ поръ, пока узкія соображенія объ экономіи и сектанство будутъ ограничивать финансовыя ресурсы и нравственную свободу нашихъ

<sup>1)</sup> „Sesame and Lilies“ §§ 68.

школь, обвиненіе ихъ въ томъ, что онѣ просто фабрики для производства дешевыхъ клерковъ, будетъ основательнымъ. Когда мы, наконецъ, будемъ имѣть настолько національнаго достоинства и настолько здраваго смысла, чтобы понять, что дѣйствительно оплачивается, мы будемъ тогда настаивать на буквальномъ осуществленіи желанія одного изъ самыхъ преданныхъ современныхъ пионеровъ въ дѣлѣ образованія, требующаго „не плохого образованія для дѣтей бѣдняковъ, а возможно лучшаго образованія для дѣтей націи“.

10. Подобное образованіе не можетъ состоять изъ обученія начаткамъ трехъ R (чтеніе, письмо и ариметика) съ небольшою дозою географическихъ, историческихъ и гигиеническихъ фактовъ; оно требуетъ экономіи болѣе широко понимаемой и болѣе благородной. Теперь съ ворчаньемъ покупаютъ какое нибудь дешевое фортепяно или ванну, а то такъ и прямо отказываютъ въ нихъ, потому де, что такая роскошь балуетъ дѣтей и ведетъ къ потерѣ времени; школьныя власти съ неохотой соглашаются на пріобрѣтеніе всякихъ школьныхъ принадлежностей, вродѣ инструментовъ и предметовъ для нагляднаго обученія; всякій мелкій расходъ на школу дѣлается только послѣ ожесточенной борьбы. Даже и теперь почти все несомнѣнно гуманизирующее, и потому самому бесполезное для разныхъ господъ Грэдгриндовъ <sup>1)</sup>, сурово изгоняется изъ народныхъ школь; даже въ общественныхъ школахъ для дѣтей высшихъ классовъ, несмотря на реформы послѣдняго времени, гуманитарное образованіе считается второстепеннымъ дѣломъ по сравненію съ обученіемъ языкамъ и математикѣ. Въ многихъ ли изъ нашихъ школь исторія преподается какъ слѣдуетъ? Пользуются ли въ нихъ громадными запа-

---

1) Личность въ романѣ Диккенса: „Тяжелыя времена“.

сами человѣческой мудрости и нравственности? Для большинства дѣтей изученіе исторіи сводится къ заучиванію датъ и фактовъ относительно битвъ и династій; такое заучиваніе не проникнуто духомъ жизни, такъ какъ этотъ духъ невозможно предъявить при экзаменахъ. Величайшія изъ міровыхъ литературъ или совершенно пренебрегаются въ нашихъ школахъ и университетахъ, какъ орудіе человѣческой культуры, или превращаются въ предметъ для бессмысленныхъ репетицій и для филологическаго педантизма. Можно смѣло утверждать, что мѣстные экзамены открыли намъ, какое почти дьявольское искусство употребляется въ школахъ для того, чтобы убить любовь къ Шекспиру и извратить пониманіе его сотнями англійскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ общества.

Отвращеніе Рёскина къ отсутствію въ нашихъ школахъ истинно гуманитарнаго образованія заставило его отрицать обученіе тремъ R, за что на него многіе потомъ нападали. Онъ не только отказался отъ такого обученія въ своихъ школахъ св. Георга, но и мотивировалъ свой отказъ учить дѣтей чтенію и письму тѣмъ, что „очень немногіе въ этомъ мірѣ получаютъ отъ того или другого какую нибудь пользу“. Но такіе сенсаціонные протесты нельзя же понимать буквально, нельзя считать ихъ выраженіемъ его настоящихъ убѣжденій. Въ подробныхъ выработанныхъ планахъ Рёскина онъ говоритъ о „дѣтской библіотекѣ, въ которой дѣти, желающіе читать, могутъ обучаться этому искусству сами, помогая другъ другу и не безпокая для этого учителя“ <sup>1)</sup>). Такимъ же образомъ онъ хотѣлъ обучать и другимъ элементарнымъ вещамъ. Его отрицаніе трехъ R слѣдуетъ понимать просто какъ протестъ противъ варварскаго представленія, отождествляющаго обученіе имъ съ національнымъ образованіемъ,

<sup>1)</sup> „Fors“. Письмо XCV.



противъ представленія, будто бы государство, давъ дѣтямъ такое подготовленіе для ихъ жизненнаго пути, вполне исполнило свой долгъ относительно нихъ. Слѣдующія слова изъ „Crown of Wild Olive“ (§ 144)— Рёскина, по нашему мнѣнію, полны ужаснаго и пророческаго значенія: „образование совсѣмъ не означаетъ обученія народа тому, чего онъ не знаетъ; оно означаетъ обученіе его такому поведенію, котораго онъ не придерживается. Обученіе англійскихъ юношей буквамъ и числамъ и потомъ предоставленіе имъ свободы воспользоваться знаніемъ ариѳметики для мошенничества, и знаніемъ литературы для распутства — еще не образование“. Есть не мало оснований для предположенія, что язва карточной игры, разлагающая жизнь рабочихъ классовъ, и не менѣе чудовищное потребленіе произведеній уличной печати худшаго сорта суть естественные и неизбѣжные результаты національнаго образованія, ограничивающагося обученіемъ грамотѣ и ариѳметикѣ, безъ всякой примѣси гуманитарныхъ элементовъ.

11. Каковы же должны быть школы, по мнѣнію Рёскина? Школа должна быть лучшимъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ общественныхъ зданій; она должна импонировать чувству красотой и величіемъ своей архитектуры. Она должна быть и библіотекой, составленной изъ лучшихъ книгъ, и художественной галлереей. пѣлесообразно подобранной, и музеемъ минераловъ и другихъ естественныхъ предметовъ. Стѣны ея должны быть увѣшаны историческими картинами, а не картами и физиологическими діаграммами, какъ въ настоящее время; ихъ слѣдуетъ употреблять только для специальныхъ цѣлей; онѣ не должны составлять части общаго школьнаго образованія. Къ школъ должны быть присоединены мастерскія, всегда столярная, а гдѣ возможно, и гончарная. Вездѣ при школахъ должны быть сады, пахотныя земли и площади для игръ, такъ чтобы

въ хорошую погоду ученики много занимались подъ открытымъ небомъ. Не только обученіе тремъ R должно занять самое незначительное мѣсто, но и изученіе грамматики должно быть совершенно уничтожено. И это не значить, чтобы словесность изучалась меньше, чѣмъ теперь—совсѣмъ напротивъ. Изученіе литературы и краснорѣчія выучить учениковъ правильному и колоритному языку. Эти предметы, которыми въ настоящее время совершенно пренебрегаютъ, займутъ выдающееся мѣсто, развивая у учениковъ способность къ употребленію словъ въ устной рѣчи и въ письмѣ. Вмѣсто безплоднаго, искусственнаго и механическаго анализа словъ, краснорѣчіе и литература обучать дѣтей пользованію ими. Такое изученіе будетъ болѣе гуманитарнымъ и не менѣе точнымъ. Люди, знакомые съ „Sesame and Lilies“ — Рёскина, помнятъ, какой почти нечеловѣческой точности авторъ требуетъ отъ устной и письменной рѣчи; онъ самъ докапывается до корней, занимается дробленіемъ и расплавливаніемъ для того, чтобы добиться надлежащаго значенія извѣстныхъ изреченій; онъ настаиваетъ на необходимости „развивать навыкъ напряженно присматриваться къ словамъ, убѣждаться въ ихъ значеніи, разбирая ихъ по слогамъ... даже по буквамъ“; онъ утверждаетъ, что „въ парламентѣ всякой цивилизованной націи достаточно фальшиваго ударенія, невѣрнаго слога для того, чтобы навсегда признать оратора до извѣстной степени недостойнымъ“<sup>1)</sup>. Понятно, что въ школѣ, устроенной по плану Рёскина, обучаютъ всему необходимому для физическаго и нравственнаго здоровья. „Хорошая система элементарной музыки“ признается необходимостью. Литература употребляется не только для изученія языка, но и для изученія исторіи и потому читаются какъ историческія сочиненія, такъ и путешествія, романы и фантастическіе рассказы. „Изъ

1) „Sesame and Lilies“ § 15.

поэзиі для высшихъ классовъ Чосеръ, Спенсеръ и Скоттъ, для низшихъ баллады или басни... Въ школѣ не только допускаются для чтенія дидактическія или описательныя книги, но ихъ слѣдуетъ употреблять для всѣхъ учениковъ и изучать ихъ такъ, какъ теперь изучаютъ грамматику. Шекспиръ, всегда доступный въ библиотекѣ во время перемѣнъ, не долженъ однако употребляться какъ учебникъ; его даже не слѣдуетъ постоянно и правильно читать вслухъ. Его слѣдуетъ изучать не ради чтенія, а ради мышленія“ <sup>1)</sup>. Рисованію слѣдуетъ учить всѣхъ, такъ какъ оно необходимо для точнаго исполненія большинства искусныхъ ручныхъ работъ. Надлежащее мѣсто въ обученіи должны занять геометрія, астрономія, ботаника и зоологія, и о преподаваніи этихъ предметовъ Рёскинъ высказалъ не мало свѣтлыхъ мыслей. „И наконецъ, всѣмъ дѣтямъ, каковы бы ни были ихъ способности, положеніе въ свѣтѣ и возрастъ, должны преподаваться законы чести, привычка къ правдивости, добродѣтель смиренія и счастье любви“ <sup>2)</sup>.

Таковы вообще должны быть школы по плану Рёскина; эти элементы должны входить въ кругъ образованія всякаго ребенка, обладающаго естественной способностью для ихъ воспріятія. На такихъ основахъ должна быть построена настоящая спеціализація, соотвѣтственно общественнымъ классамъ, будущей жизненной работѣ дѣтей и соотвѣтственно мѣстности. Мы уже говорили объ этомъ, излагая мнѣнія Рёскина объ идеальной организаціи промышленности. Рёскинъ вездѣ въ особенности настаиваетъ на моральномъ образованіи, такъ какъ оный понимаетъ практическое значеніе образованія, дающаго возможность и мужчинамъ и женщинамъ надлежащимъ образомъ исполнять ихъ долгъ по отношенію къ нимъ самимъ и къ ихъ ближнимъ.

---

1) „Fors“.— Письмо ХСV.

2) Ibid. Письмо ХСIV.

Тутъ онъ отличается отъ другихъ писателей по вопросу образованія, которые обыкновенно выражаются такъ, какъ будто бы развитіе способностей было самоцѣлью, какъ будто бы цѣль образованія состояла въ производствѣ такихъ образцовыхъ человѣческихъ существъ, которыя должны жить прекрасной жизнью. Для Рёскина цѣль образованія не усовершенствованіе функций человѣческихъ существъ ради ихъ пребыванія въ здоровомъ состояніи, а усовершенствованіе ихъ съ той послѣдующей цѣлью, чтобы онѣ хорошо исполняли свое дѣло и приносили пользу и счастье и ихъ обладателю и другимъ людямъ. Именно это то и важно въ его мнѣніи о моральномъ образованіи. „Моральное образованіе начинается съ того, что дѣлаетъ человѣка воспитаннымъ, чистымъ и покорнымъ. Это должно быть достигнуто вполне и во что бы то ни стало, и даже при употребленіи принужденія, необходимаго вслѣдствіе самой природы животнаго—будетъ ли это собака, ребенокъ или взрослый человѣкъ. Нравственное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка практически полезнымъ для другихъ, сообразно съ его природой и его способностями; оно должно озаботиться, чтобы человѣкъ былъ здорово развитъ для подобнаго служенія. Нравственное образованіе будетъ закончено, когда человѣкъ выучится исполнять свою работу вполне какъ слѣдуетъ и съ радостью“ <sup>1)</sup>).

12. Современные педагоги, конечно, не найдутъ ничего новаго въ этихъ реформистскихъ планахъ Рёскина, кромѣ живого реализма подробностей, которыми творческое воображеніе Рёскина всегда окружало его проекты. Значеніе этихъ предложеній состоитъ только въ томъ, что они даютъ самостоятельное подтвержденіе справедливости и полезности ученій реформаторовъ—спеціалистовъ. Но по вопросамъ образованія Рёс-

---

<sup>1)</sup> „Fors Clavigera“.

книвь опередилъ специалистовъ въ томъ отношеніи, что для него реформа образованія есть нераздѣльная часть болѣе широкой общественной реформы.

Для того, чтобы эта связь была болѣе ясной для читателя, я долженъ обратить его вниманіе на двѣ наиболѣе важныя и характерныя черты теоріи Рёскина. Прежде всего онъ настаиваетъ на необходимости обученія всѣхъ дѣтей ручнымъ работамъ, не только потому, что такое обученіе составляетъ часть полезныхъ физическихъ упражненій, но и потому, что оно подготавливаетъ къ ручному труду, котораго, какъ мы говорили, онъ требуетъ отъ всѣхъ въ идеальномъ обществѣ. Но и не ожидая такого общественнаго строя, при которомъ всякій исполняетъ часть физическаго труда, имѣются основанія считать обученіе ручнымъ работамъ необходимой частью образованія всѣхъ дѣтей. Всѣ реформаторы отъ Ксенофона до Фребеля считаютъ естественное „соединеніе головы и рукъ“ первымъ принципомъ образованія. Ловкость рукъ и глаза сама по себѣ полезна и нелѣпое и безнравственное презрѣніе къ ручному труду, отличающее культурное общество, прививается людямъ этого общества съ дѣтства; а помимо этого, еще важнѣе непосредственная умственная польза такого труда. Дѣти, получающіе умственную пищу только изъ книгъ и не получающіе надлежащаго систематическаго опытнаго знанія о свойствахъ вещества, полезныхъ для людей, незнакомые съ орудіями и способами, посредствомъ которыхъ это вещество можетъ быть превращаемо въ полезныя для людей формы, вырастаютъ до зрѣлаго возраста и проживаютъ всю свою жизнь съ недостаточно полной властью надъ землей, на которой они живутъ, и надъ вещественной средой. Таково главное значеніе требованія Рёскина, чтобы люди имѣли непосредственное и свободное соприкосновеніе съ природой и учились ручнымъ работамъ съ дѣтства. Человѣческая жизнь безъ этого не имѣетъ подъ собой

почвы; благородные леди и джентльмены, не прошедшие такого курса образования, могут, конечно, получить отраженное знание изъ книгъ и разговоровъ, они могутъ въ качествѣ управителей дѣловыхъ предприятий, политиковъ, философовъ и литераторовъ имѣть дѣло съ суровыми жизненными фактами; но ихъ существованіе останется непрочнымъ и неудовлетворяющимъ ихъ самихъ; они не будутъ знать настоящаго значенія употребляемыхъ ими выраженій и словъ; они не будутъ знать надлежащимъ образомъ и идей, выражаемыхъ этими словами—такое знаніе можетъ дать только соприкосновеніе съ вещественными фактами. Подумайте, на примѣръ, о мышленіи и о заявленіяхъ политиковъ и экономистовъ относительно самыхъ важныхъ вопросовъ жизни рабочихъ. Какимъ образомъ членъ парламента можетъ знать, какъ именно повліяетъ какая нибудь мѣра относительно земельныхъ вопросовъ на земледѣльческаго рабочаго, если онъ по личному опыту не знаетъ, что такое копать или косить? Какимъ образомъ онъ можетъ знать, какъ слѣдуетъ устраивать тюрьмы, если онъ не знаетъ, какое вліяніе на характеръ и на нервы производятъ тѣ или другія работы? Какимъ образомъ экономистъ будетъ разсуждать о неискусномъ чернорабочемъ трудѣ, если онъ не знаетъ, что значитъ возить повозки или таскать кули съ мукой? Я не утверждаю, чтобы человѣкъ не могъ разсуждать о вещахъ, которыхъ онъ самъ не испыталъ на практикѣ; я утверждаю только, что если онъ желаетъ правильно разсуждать, онъ долженъ имѣть непосредственный опытъ относительно фактовъ и чувствъ, относящихся къ тому же разряду, какъ и тѣ, о которыхъ онъ разсуждаетъ. То, что примѣнимо къ политикамъ и экономистамъ, непосредственно занятымъ практическимъ или теоретическимъ рѣшеніемъ крупныхъ и сложныхъ вопросовъ относительно труда, примѣнимо въ различной степени и къ другимъ думающимъ, читающимъ и разговаривающимъ

о дѣлахъ, относящихся къ обыденной работѣ. Мы обыкновенно предполагаемъ, будто всякому извѣстно, что означаютъ такія слова, какъ дерево, желѣзо, лошади, пахота, пила, хлопчатобумажная фабрика, складъ товаровъ и т. д. и что большинство употребляетъ эти слова въ совершенно одинаковомъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ значеніе этихъ словъ, когда ихъ употребляютъ лица близко соприкасавшіеся съ обозначаемыми ими вещами и дѣйствіями, весьма отличается отъ значенія тѣхъ же словъ, употребляемыхъ людьми, только случайно видѣвшими самые объекты и процессы или даже не видавшими ихъ, а только о нихъ читавшими. Очень рѣдко понимаютъ, какая громадная потеря и даже часто положительное зло происходятъ отъ неудовлетворительнаго пониманія значенія самыхъ обыкновенныхъ словъ. Различныя степени пониманія словъ суть непосредственная причина значительнѣйшихъ и по большей части непримиримыхъ различій въ сужденіяхъ. Потому Рёскинъ вполне правъ, когда онъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ систему образованія для всѣхъ входило прямое знакомство съ главнѣйшими и типичными фактами и чувствами, относящимися къ различнымъ сферамъ вещественной среды и къ человѣческой работѣ надъ этой средой.

Это необходимо не только ради пользы, но и ради наслажденія. Что значить самая возвышенная поэзія природы и самые лучшіе виды и ландшафты для обыкновеннаго свѣтскаго человѣка, который имѣетъ только смутное и полученное имъ изъ четвертыхъ рукъ представленіе объ образахъ природы? Прямое наблюденіе и опытъ надъ природой и надъ дѣятельностью человѣка среди природы есть необходимая пища для воображенія; безъ нихъ языкъ, мышленіе и самая жизнь лишены реальности. Мы говоримъ о краснорѣчивыхъ описаніяхъ Рёскина, о великолѣпныхъ аналогіяхъ Броунинга или Эмерсона, какъ будто бы это были акробатскіе подвиги творческаго воображенія, совершаемые

въ пустомъ пространствѣ. Но вѣдь это не такъ. Они были созданы ими на почвѣ конкретныхъ фактовъ; они имѣютъ естественную и опредѣленную связь съ прямыми личными наблюденіями и опытами надъ этими фактами. Образование рѣчи, существенно необходимой для разумнаго и здраваго совершенія всѣхъ умственныхъ процессовъ, можетъ быть достигнуто только на прочной физической почвѣ опыта. Отдѣленіе умственной жизни отъ непосредственнаго и постояннаго соприкосновенія съ обыкновенными процессами вещественнаго міра, какъ при образованіи, такъ и при вредномъ спеціализированіи въ послѣдующее время, есть причина громаднаго вреда для достоинства и характера самой умственной работы.

13. Но если человѣкъ долженъ твердо держаться прочной почвы, то его мышленіе не должно быть направлено исключительно на земное. Если и трудно дать солидное основаніе интеллектуализму современной школы посредствомъ конкретнаго опыта относительно вещественныхъ фактовъ, то еще труднѣе добиться подчиненія обученія и умственнаго воспитанія цѣлямъ эмоціональнымъ — что составляетъ второе требованіе Рёскина. Образование, корнями котораго должны быть природа и ручной трудъ, должно вершиной своей достигать „навыковъ кротости и справедливости“. Для Рёскина цѣль образованія выражается части цитируемымъ стихомъ Вордсворта: „мы живемъ удивленіемъ, надеждой и любовью“. И это не просто чувствительное выраженіе, а буквальное выраженіе того, къ чему стремится Рёскинъ и стремится съ энергіей, которую можно оцѣнить, только понявъ его способность удивляться, надѣяться и любить. Образование стремится къ тому, чтобы дать цѣну жизни, а дѣйствительная цѣна жизни для личности и для націи—это цѣна лучшихъ ея сторонъ. Съ этой точки зрѣнія физическое воспитаніе есть долгъ по отношенію къ на-



шему тѣлу—долгъ, исполняемый нами ради того, чтобы мы имѣли точность и тонкость ощущеній, при помощи которыхъ могли бы создавать предметы, достойные удивленія и любви. Точно также и умственное образованіе настолько же не существуетъ ради него самого, какъ нѣтъ искусства для искусства; намъ необходимо знать истину о природѣ и о человѣкѣ, обо всемъ лучшемъ, что было придумано и сказано людьми, для того, чтобы усилить и укрѣпить нашу духовную жизнь.

Невозможно надѣяться на то, чтобы всѣ свободомыслящіе и честные педагоги приняли терминологію Рѣскина, употребляемую имъ относительно цѣли образованія, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ признали преобладаніе моральныхъ цѣлей, отличныхъ отъ интеллектуальныхъ и эстетическихъ. Признаніе такого преобладанія морали у него самого иногда вызывается требованиями языка, отличающаго ради удобства добро отъ истины и красоты. Когда такое отличіе признается дѣйствительнымъ, тогда и дается логическое первенство добру, какъ цѣли и образованія и жизни. Но это не должно заставить насъ предполагать, будто Рѣскинъ защищалъ какой нибудь гебраизмъ или специализированный пуританизмъ при опредѣленіи понятія добра, осуществляемаго поведеніемъ. Его понятіе о добромъ поведеніи включаетъ не только все то, что имѣетъ отношеніе къ нравственности и понимается какъ долгъ, но и все превосходное въ стремленіи къ истинѣ и къ красотѣ. „Вся литература, искусство и наука ничего не стоятъ, и даже хуже, чѣмъ ничего не стоятъ, если они не даютъ вамъ радости и радости справедливой“ <sup>1)</sup>. Такая „радостность“ не можетъ считаться просто естественнымъ добавленіемъ, чѣмъ то такимъ, что добавляется намъ, если мы идемъ по пути долга. Она есть существенная сторона самой

---

<sup>1)</sup> „Eagle Nest“ §§ 177.

цѣли, такъ какъ „всякое образованіе направлено на то, чтобы сдѣлать васъ и дѣтей вашихъ способными къ честности и къ радости“<sup>1)</sup>).

Взгляды Рёскина какъ относительно точки отправленія образованія отъ природы и ручного труда, такъ и относительно цѣли образованія вообще, согласны съ лучшими идеями научной школы реформаторовъ педагоговъ. Но хотя и замѣчается въ настоящее время все увеличивающееся стремленіе идти по такому пути уваженія къ природѣ и къ человѣчности, и устранить старыя традиціонныя преграды, все таки слѣдуетъ признать, что большинство даже наиболѣе либеральныхъ педагоговъ остается близорукимъ въ одномъ важномъ отношеніи. Выраженіе Рёскина: „навыки кротости и справедливости“ надлежащимъ образомъ можетъ быть понято только въ томъ случаѣ, если мы ясно поймемъ самые принципы общественнаго его ученія. Потому то его взгляды объ образованіи должны изучаться, какъ существенная часть его дѣятельности, какъ общественнаго реформатора; выраженіе о нашемъ долгѣ къ ближнему, о кротости и справедливости, есть простая фраза до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ признавать анализъ суровости и несправедливости существующаго общественнаго строя, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ отдѣлять реформу образованія отъ болѣе широкой и столь же радикальной реформы промышленнаго строя, посредствомъ которой только и можно осуществить требованіе Рёскина о „навыкахъ кротости и справедливости“ въ жизни.

Было бы нелѣпо полагать, что введеніе въ школьное обученіе большихъ дозъ реального знанія, введеніе въ школы большаго количества внѣшкольныхъ занятій на чистомъ воздухѣ, обученіе гигиенѣ, музыкѣ и краснорѣчію и обученіе этикѣ—хотя сами по себѣ все это превосходныя и гуманизирующія образованіе

---

1) „Time and Tide“ §§ 61.

вещи — могли принести надлежащій плодъ, создавъ справедливые и кроткіе нравы, если мы будемъ пренебрегать болѣе важными законами справедливости и кротости въ организаціи общества и государства.

14. О теоріи Рёскина мы сказали достаточно; но онъ былъ не только теоретикомъ. Занятіе имъ кафедры изящныхъ искусствъ (Slade Professorship) въ Оксфордѣ представляетъ любопытный экспериментъ, при которомъ онъ старался указать университету на настоящее значеніе изящныхъ искусствъ и на настоящія обязанности профессора.

Рёскинъ, по справедливому замѣчанію Кука <sup>1)</sup>, очень удачно исполнялъ три функціи профессора университета: изслѣдованіе, общее обученіе и обученіе профессиональное. Онъ старался сдѣлать свое преподаваніе свободнымъ отъ той механичности, которая такъ часто дѣлаетъ безплодными въ нашихъ университетахъ и ученость и самый глубокой умъ. Съ добросовѣстной и совершенно научной работой онъ всегда старался соединить и удовольствіе, и хотя онъ частенько скандализировалъ почтенныхъ академикомъ юморомъ своихъ привычекъ и своихъ заявленій, онъ болѣе всѣхъ учителей того времени сдѣлалъ во время своего преподаванія <sup>2)</sup> для гуманизированія атмосферы университетской жизни. Здѣсь намъ незачѣмъ говорить о его специальныхъ работахъ по исторіи и критикѣ искусства, а также о его строго профессиональномъ обученіи; достаточно будетъ напомнить читателю, что характерныя черты его теоріи всегда отражались и въ его практической дѣятельности. Онъ постоянно старался возбуждать воображеніе слушателей посред-

---

<sup>1)</sup> „Studies in Ruskin“ — Кука.

<sup>2)</sup> Избранъ въ 1870 году, переизбранъ въ 1873 и 1876 гг.; вышелъ въ 1879 г.; снова избранъ въ 1883 году; окончательно отказался въ 1885 году.

ствомъ непосредственнаго обращенія къ ихъ чувству зрѣнія; иллюстраціи посредствомъ моделей, образцовыхъ произведеній искусства, діаграмъ и образцовъ всякаго рода органически вплетались въ его изложене. Вниманіе слушателя постоянно поддерживалось неожиданными и часто фантастическими средствами, часто чисто драматическими, рассчитанными на то, чтобы заставить слушателей путемъ аналогій понять какой-нибудь скрытый законъ искусства. Рёскинъ, на примѣръ, сопоставляетъ манеру изображенія неба современнымъ французскимъ искусствомъ съ той манерой, съ которой Тёрнеръ рисуетъ „чистыя линіи утренняго небеснаго свода“. „Смотрите, что сдѣлало изъ этого художественное воображеніе французовъ“ — говорилъ онъ и при этомъ показывается рисунокъ, сдѣланный Макдональдомъ изъ французскаго учебника, на которомъ изображены облака вокругъ лица гнѣвнаго и насмѣшливаго дьявола. Когда аудиторія посмѣялась вдоволь, Макдональдъ оборачиваетъ рисунокъ къ стѣнѣ. „Нѣтъ, нѣтъ—продолжалъ Рёскинъ—оставьте его такъ; пусть онъ постоянно останется въ аудиторіи, какъ образчикъ отвратительной и лживой манеры, изучающей человѣка только по его скелету, а природу только по ея праху“<sup>1)</sup>.

Рёскинъ, всегда возбуждая своихъ учениковъ къ работѣ, былъ въ тоже время строгимъ и требовательнымъ къ тѣмъ изъ учениковъ, которые занимались у него профессиональными работами. Искусство было нѣжнымъ растеніемъ для нѣсколько суровой атмосферы Оксфорда и строгія правила, введенныя въ рисовальной школѣ Рёскина, охлаждали пылъ студентовъ; даже тогда, когда прежнія строгія требованія были нѣсколько смягчены, школа никогда не пользовалась особой популярностью въ университетѣ, хотя она и посѣщалась очень многими изъ оксфордскихъ дамъ. Рёскинъ, од-

---

<sup>1)</sup> „Studies in Ruskin“.

нако, положилъ не мало труда и денегъ для того, чтобы составить хорошую коллекцію рисунковъ для различныхъ образовательныхъ цѣлей, и теперь еще существующую въ рисовальной школѣ въ Оксфордѣ.

Коллекція Рёскина также, какъ и все его преподаваніе, имѣла двойную цѣль: прежде всего дать образцы для критики, модели различныхъ школъ и стилей искусства, для образованія вкуса и сужденія, и потомъ дать образцы ученикамъ художественной школы для ихъ работъ. Полнота и оригинальность метода Рёскина превосходно иллюстрируется устройствомъ этой рисовальной школы.

Его экзотерическое преподаваніе, т. е. рядъ публичныхъ лекцій, сначала въ Оксфордѣ, а потомъ предъ болѣе многочисленными аудиторіями, имѣло цѣлью исполненіе болѣе широкихъ и болѣе важныхъ функций. Настало время, когда серьезный пророческій голосъ Рёскина съ профессорской кафедры въ Оксфордѣ провозглашалъ новыя революціонныя художественныя доктрины, протестуя и противъ коммерческаго духа внѣшняго міра и противъ холоднаго интеллектуализма, охватившаго избранныя и древнія образовательныя учрежденія Англіи и чрезъ нихъ вліявшаго на всѣ умственныя ея направленія. Уже та свобода, съ которой Рёскинъ излагалъ вопросы искусства, была чѣмъ то революціоннымъ, и почтенная посредственность въ университетѣ считала ее революціонной. Уже одно то, что человекъ, которому было поручено говорить объ одной спеціальной сферѣ культуры, совершенно свободно вторгался въ сферы преподаванія другихъ профессоровъ, которые, по предположенію, должны были лучше его знать необходимыя истины другихъ научныхъ дисциплинъ, исторіи и литературы, было страшнымъ нарушеніемъ установленнаго порядка. Это грубое нарушеніе академическихъ приличій было одной изъ немаловажныхъ услугъ, оказанныхъ Англіи Рёскинымъ. И эта услуга была необходима, потому что

одно изъ главныхъ золъ нашего времени есть чрезмѣрное специализированіе, которое, рѣзко раздѣляя всю область знанія на отдѣльныя сферы, подвергаетъ науку риску утратить широкое мѣрило человѣчности и создаетъ простыя плоскости подъ благовиднымъ предлогомъ детального изученія. Возможно, конечно, что Рёскинъ ужъ черезъ чуръ разбрасывался въ своемъ преподаваніи, но такая черта его преподаванія была всеже полезна, какъ здоровый протестъ противъ специализированія. Помимо того, онъ совершенно справедливо полагалъ, что одна изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ художественнаго образованія состоитъ въ признаніи за изящными искусствами важнаго мѣста въ общемъ образованіи жизни. Потому отношеніе искусства къ литературѣ, къ наукѣ и къ нравственности было темой, не только законной, но и жизненной и существенно важной, и главная заслуга преподаванія Рёскина какъ предъ искусствомъ, такъ и предъ человѣчествомъ, состоитъ въ постоянномъ указаніи на такое отношеніе.

Рёскинъ въ своемъ сочиненіи „Fors“ часто высказываетъ убѣжденіе въ огромномъ значеніи свободныхъ личныхъ отношеній между учителемъ и учащимися, и онъ самъ подавалъ примѣръ такихъ отношеній. Въ теченіи лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Оксфордѣ, многіе изъ нашихъ вліятельнѣйшихъ художниковъ и писателей находились подъ вліяніемъ его чарующей личности, такъ какъ Рёскинъ, подобно многимъ другимъ великимъ учителямъ, даже при болѣзняхъ его старости сохранялъ всю прелесть и блескъ молодости и непосредственную и искреннюю симпатію къ настроеніямъ и запросамъ молодежи. Его вліяніе замѣтно не въ одной только сферѣ его дѣятельности — какъ ни широка была эта сфера.

Никто болѣе его не заботился о чести и благосостояніи университета. И въ то же время духъ реакціи, дѣлавшій его неумолимымъ врагомъ либера-

лизма во всѣхъ его формахъ, не покидалъ его и въ Оксфордѣ, самомъ средневѣковомъ и консервативномъ изъ городовъ и университетовъ Европы. Этотъ духъ реакціи проявился въ формѣ оппозиціи наукѣ.

Рёскинъ, человѣкъ, бывшій хорошо знакомымъ съ многими изъ наукъ, никогда не умѣлъ отнестись безпристрастно къ ученымъ и къ ихъ методамъ. Быстрое развитіе физическихъ наукъ пугало его и въ неограниченной власти науки онъ предвидѣлъ механическую жизнь духа, соответствующую механическому строю промышленности. Его окончательная разлука съ Оксфордомъ и была характернымъ выраженіемъ этого его опасенія. Тщетная борьба противъ устройства физиологической лабораторіи, представлявшей ему поощреніемъ вивисекціи и нарушеніемъ святости и неприкосновенности жизни животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уклоненіемъ отъ истинной человѣческой цѣли науки, заставила его оставить его попытку гуманизировать Оксфордъ посредствомъ искусства.

---

## ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

### Мѣсто женщины въ обществѣ и образованіе женщинъ.

1. Настоящая жизнь для женщины. 2. Дѣятельность женщины въ домѣ и вѣвъ его. 3. Мнѣніе Рёскина объ умственномъ подчиненіи женщинъ. 4. Историческое оправданіе борьбы за права женщинъ, какъ политики временной, а не окончательной.

1. Ни къ одному изъ положеній современнаго либерализма Рёскинъ не относился съ такой открытой враждебностью, какъ къ движенію въ пользу такъ называемой женской эмансипаціи. Его раздраженіе противъ этого движенія было до такой степени сильно, что онъ даже рѣдко высказывалъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ даже не удостоивалъ снизойти до разсужденій по этому поводу и ограничивался краткими презрительными замѣчаніями. Въ „Fors“ онъ говоритъ о „просвѣщенномъ мнѣніи молодыхъ англичанокъ, заимствованныхъ ими отъ Д. С. Милля, будто карьеры мадонны черезъ чуръ ограничена и что современная политическая экономія можетъ доставить женщинамъ занятіе болѣе выгодное, чѣмъ ухаживаніе за ребенкомъ“. Въ „Arrows of the chase“ есть небольшое письмо въ одинъ

---

1) „Fors“. Письмо XXIV.



швейцарскій журналъ, въ которомъ Рёскинъ высказываетъ такіе же взгляды: „я не могу найти словъ, достаточно сильныхъ для выраженія ненависти и презрѣнія, которыя я чувствую къ новымъ идеямъ, будто женщина должна перестать быть матерью, дочерью и женой ради того, чтобы сдѣлаться прикащицей или инженеромъ“. <sup>1)</sup> Онъ настолько презиралъ мысль о политическихъ правахъ женщинъ, что даже не хотѣлъ обсуждать ее. Его мнѣніе о положеніи женщинъ было у него однимъ изъ самыхъ прочно установившихся и оно было связано съ его основной идеей о домѣ и домашней жизни. По его мнѣнію женщина должна быть прежде всего полезной, а потомъ прекрасной домохозяйкой и домохранительницей,

Иногда Рёскинъ употребляетъ выраженія очень опредѣленные и повидимому санкціонируетъ идею о почти рабскомъ положеніи обыкновенной хозяйки изъ современныхъ среднихъ классовъ общества. Напримѣръ; въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „настоящая жизнь для женщины—это жизнь швейцарской крестьянки“ <sup>2)</sup>. Но онъ отчасти идеализировалъ эту жизнь; онъ смотрѣлъ на нее глазами швейцарскаго романиста Готгельфа, а частію его мнѣніе объясняется его желаніемъ протестовать противъ представленія о бесполезности и легкомысліи, связаннаго, по его мнѣнію, съ англійскимъ представленіемъ о дамъ, „лэди“. Въ дѣйствительности же онъ совсѣмъ не утверждалъ, что всѣ женщины должны быть женами фермеровъ, вродѣ героини романа „Ульрихъ-рабочій на фермѣ“; онъ утверждалъ только, что всѣ женщины должны быть полезны обществу, исполняя ручныя работы, необходимыя въ домѣ или надзираая за этими работами. Жизнь на фермѣ для Рёскина представляется типомъ настоящей жизни для женщины только потому, что онъ считаетъ землѣдѣліе

---

<sup>1)</sup> т. II.

<sup>2)</sup> „Fors“. Письмо XCIV.

основой общественной жизни. Свидѣтельство исторіи о злоупотребленіи мущиной его физической силой, о почти невыносимомъ и рабскомъ трудѣ, взваливаемомъ на плечи крестьянки, просто на просто игнорируется Рёскинымъ, въ своемъ идиллическомъ изображеніи настоящей земледѣльческой жизни рисуящимъ картину дружественныхъ и товарищескихъ отношеній, дѣлающихъ домъ мѣстомъ счастья и наслажденій. Фермеръ смотритъ за скотомъ и полями, присматриваетъ за полевыми работами, а его жена управляетъ молочной и птичьимъ дворомъ и занимается кухней, амбаромъ и домашними работами. Таково раздѣленіе труда или сотрудничество, обусловливаемая самой природой и удобствомъ; тутъ нѣтъ непріятныхъ вопросовъ о томъ, какая работа мужская и какая женская, нѣтъ и конкуренціи между мужчиной и женщиной. Содержаніе дома въ порядкѣ и веденіе домашнихъ промысловъ въ благоустроенной крестьянской жизни всегда и вездѣ дѣло женщины.

2. Такое же правило примѣняется и ко всякимъ родамъ жизни. Сочиненіе Рёскина „Lilies“ написано имъ для женщинъ зажиточныхъ классовъ общества; тутъ не имѣется въ виду жизни на фермѣ и, однако, принципы, руководящіе жизнью, тѣже самые. Разница только въ томъ, что ручныхъ работъ тутъ меньше, большее мѣсто занимаетъ комфортъ и украшенія жизни, больше спроса на высшее умственное и эмоціональное образованіе. Но основная идея таже—женщина есть домашній ангелъ, она отвѣчаетъ за созданіе дома и она занята болѣе искусствомъ потребленія, чѣмъ искусствомъ производства. Какъ въ первобытномъ обществѣ мужчина отправляется на охоту и на войну, а женщина устраиваетъ хижину и занимается мирными промыслами, посѣвомъ и размалываніемъ зерна, шитьемъ одежды и т. д., такъ и въ болѣе сложной современной цивилизаціи наиболѣе трудныя и рискованныя работы,

физическія и умственныя, производимыя внѣ дома, и по природѣ и по нравственнымъ и утилитарнымъ соображеніямъ предназначаются для мужчины. Рёскинъ неодобряетъ выступленіе женщинъ на арену промышленной или профессиональной конкуренціи, на арену борьбы между собой или съ мужчинами за заработную плату, прибыль или жалованье. Онъ совсѣмъ не касается вопроса о томъ, могутъ ли женщины устоять самостоятельно въ этой борьбѣ промышленной или профессиональной конкуренціи, могутъ ли онѣ хорошо работать. Онъ просто не желаетъ признавать успѣхъ въ этой борьбѣ предпочтительнымъ предъ болѣе высшимъ успѣхомъ въ домашнихъ работахъ; онъ боится вліянія, которое такое выступленіе женщинъ на арену конкуренціи будетъ имѣть на ихъ характеръ. Рёскинъ считаетъ самымъ вреднымъ изъ ученій, когда либо проповѣдуемыхъ предъ женщинами, ученіе о томъ, что материнскія обязанности и другія домашнія обязанности, налагаемыя на женщинъ самой природой, суть обязанности второстепенныя. Игнорировать значеніе и трудность домашнихъ работъ значитъ, по мнѣнію Рёскина, игнорировать истинные законы экономіи и, что еще важнѣе, это значитъ не понимать сущности половыхъ различій, которыя имѣютъ преобладающее вліяніе на рѣшеніе этого вопроса. „Способности мужчины активныя, прогрессивныя и защитительныя. Онъ по существу творецъ, защитникъ и открыватель. Его умъ предназначенъ для размышленія и изобрѣтенія, его энергія предназначаетъ его для риска, для войны, для завоеванія, когда война справедлива и завоеваніе необходимо. Женщина же способна къ управленію, а не къ битвамъ; ея умъ предназначаетъ ее не для творчества или изобрѣтенія, а для кроткаго управленія, устроенія и рѣшенія“. <sup>1)</sup> Женщина въ священномъ домашнемъ кругу, защищенная противъ грубости, эго-

---

<sup>1)</sup> „Sesame and Lilies“ §§ 67.

истинности и жестокости вѣшняго міра есть царица, „центръ порядка, бальзамъ въ огорченіи и зеркало красоты.“ Въ описаніи настоящаго мѣста женщины въ обществѣ въ „Lilies“ есть нѣкоторая поэтическая неясность, нѣкоторое отсутствіе реальности, и простой отвѣтъ на эти вопросы, даваемый Рёскинымъ въ его „Fors“, гораздо болѣе ясенъ и поучителенъ. „Дѣло женщины—говорить онъ — 1) нравиться людямъ, 2) хорошо кормить ихъ, 3) одѣвать ихъ, 4) держать ихъ въ порядкѣ и 5) учить ихъ“ <sup>1)</sup>. При дальнѣйшемъ развитіи этихъ положеній Рёскинъ предлагаетъ молодымъ лэди учиться приготовленію простой пицци, шитью (причемъ разрѣшаетъ и швейную машину), гладить и т. д., работѣ горничной, а въ свободное время заниматься садоводствомъ (не не заводить парниковъ и оранжерей) и читать книги, но только свои, а не взятая изъ библіотекъ. Эти работы должны составлять основу дѣятельности, на которой потомъ можно строить и изученіе болѣе утонченныхъ искусствъ, которыя даютъ возможность женщинѣ „участвовать въ удовольствіяхъ ея мужа и ея друзей.“ Общественная функція, которую должна исполнять женщина, состоитъ не въ подачѣ голоса, не въ присутствіи ея въ избирательныхъ и избираемыхъ собраніяхъ, а въ распространеніи милосердія за предѣлы дома, въ личномъ служеніи дружбы и любви, разливаемыхъ ею среди ближнихъ.

3. Образование женщинъ должно быть согласовано съ такимъ представленіемъ объ ея мѣстѣ въ обществѣ и объ ея способностяхъ. По краснорѣчивымъ мѣстамъ въ „Lilies“, гдѣ Рёскинъ говоритъ о женскомъ образованіи, указываютъ на извѣстныя предрасположенія автора, дающія право критикамъ утверждать, что онъ, собственно говоря, проповѣдуетъ подчиненіе женщинъ. Въ раздѣленіи функцій соотвѣтственно естественнымъ

<sup>1)</sup> „Fors“ Письмо XLVI.

способностямъ и общественнымъ удобствамъ еще нѣтъ основаній для того, чтобы приписывать превосходство тому или другому полу—тутъ просто невозможно никакое сравненіе. Можно только сказать, что оба рода дѣятельности одинаково необходимы для органической жизни семьи и общества; дѣятельность, направленная на устройство дома, на домашнее потребленіе, есть дѣятельность столь же полезная, столь же искусная, какъ и та дѣятельность, которой занимается мужчина. Только при разсмотрѣніи уметственной жизни и образованія для такой жизни Рёскинъ оскорбляетъ наше чувство равенства, подчиняя женщину мужчинѣ. Полезное и необходимое различіе мышленія и чувствованія доводится имъ до опасной и ложной крайности; онъ говоритъ, напримѣръ, что женщина не думаетъ самостоятельно и что мыслитель только мужчина; вліяніе моральной мудрости и доброты, признаваемое Рёскинымъ высшимъ даромъ, даннымъ природою женщинѣ, не можетъ вознаградить ее за такое отрицаніе правъ ея ума. Положеніе что чрезмѣрная преданность больбѣ за истину также, какъ чрезмѣрная преданность промышленной борьбѣ за богатство, болѣе вредна для ея натуры, не созданной для борьбы, чѣмъ для натуры мужчiny, есть непосредственное слѣдствіе различія свойствъ мужчины и женщины, признаваемаго Рёскинымъ. Но отрицаніе свободы мышленія женщинѣ, признаніе развитія ихъ ума только средствомъ для развитія симпатіи есть уже грѣхъ противъ ихъ личности. По мнѣнію Рёскина, мужчина можетъ искать знанія ради него самого, какъ части совершенства его природы, а также и ради того общественнаго служенія, которое знаніе позволяетъ ему исполнять. Не то женщина... „Ей должно быть даваемо всякое знаніе, которое позволить ей понимать дѣятельность мужчины и даже помогать этой дѣятельности; но оно должно быть даваемо ей не какъ знаніе, такъ какъ ея цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы знать, а только въ томъ, чтобы

чувствовать и сочувствовать“<sup>1)</sup>). Рёскинъ, конечно, имѣлъ право утверждать, что знаніе не есть самоцѣль также, какъ и искусство не можетъ быть такой самоцѣлью; но подчинять знаніе женщины не ея собственнымъ жизненнымъ запросамъ, а дѣятельности мужчины, значитъ налагать на женщину умственное рабство. Нисколько не касаясь мнѣнія Рёскина о мѣстѣ женщины въ домашней жизни, все же невозможно принять его положенія, что „не ради собственной цѣнности или собственнаго достоинства женщины она должна быть знакома съ той или другой наукой“. Необходимо вѣдь не то подчиненіе умственной жизни, которое цѣнитъ знаніе только ради развитія эмоцій вообще или ради того, что благодаря ему женщина способна симпатизировать идеямъ мужа, а органическое сотрудничество въ умственной и эмоціональной жизни, создающее богатую и вполне развитую индивидуальность какъ женщины, такъ и мужчины. Если женщина влияет спеціально чрезъ посредство эмоцій, какъ полагаетъ Рёскинъ, то, конечно, должно обращать больше вниманія на образованіе ея эмоціональныхъ способностей и все же это не даетъ намъ права препятствовать надлежащему развитію тѣхъ ея интеллектуальныхъ способностей, которыя необходимо сопутствуютъ эмоціямъ при каждомъ актѣ сужденія, сознательно считая знаніе только средствомъ. Умственная жизнь — если она должна быть вообще развиваема — должна быть развиваема какъ непосредственно содѣйствующая достоинству женщины. Иначе женщина не можетъ благоразумно и успѣшно пользоваться и тѣмъ контролирующимъ влияніемъ въ семьѣ, которое признаетъ за ней Рёскинъ. Но помимо этой идеи о подчиненіи женщины общій планъ Рёскина относительно образованія женщины, основаннаго на физической свободѣ и радости, питающаго воображеніе и симпатіи всѣмъ лучшимъ и прекраснѣйшимъ въ при-

---

<sup>1)</sup> „Sesame and Lilies“ § 72.

родѣ, искусствѣ и литературѣ, полонѣ любопытныхъ и вполне либеральныхъ предложеній. Можно даже признать, что его правило, чтобы женщины учились всему, чему учатся и мужчины, но учились различно отъ мужчинъ, послѣдовательно вытекаетъ изъ его посылокъ. Много практической мудрости, полученной имъ изъ личного опыта, въ его положительномъ требованіи не обучать женщинъ теологін, такъ какъ такое обученіе особенно опасно для нихъ въ виду „свойственной имъ склонности самодовольно и горделиво связывать свои пороки и безумства, свои надменность, капризы или слѣпое подчиненіе въ одинъ ядовитый букетъ благочестія и ханженства“ <sup>1)</sup>.

4. Мы не имѣемъ права презрительно отринуть взгляды Рёскина на женщинъ потому только, что они, молъ, старомодны. Для самого Рёскина старомодность ихъ была сильнымъ доказательствомъ ихъ естественной справедливости. Но Рёскинъ ни въ этомъ, ни въ другихъ вопросахъ не былъ просто неразумнымъ консерваторомъ. Положеніе, даваемое имъ женщинамъ въ обществѣ, настолько же соотвѣтствуетъ его органическому понятію объ обществѣ, какъ и устанавливаемое имъ социальное и промышленное разслоеніе. Это все тотъ же постоянный и задушевный протестъ противъ освободительныхъ и нивеллирующихъ тенденцій мышленія и жизни, основанныхъ на мелкой философій естественныхъ правъ, философій, находящей въ равноцѣнности всѣхъ индивидуумовъ основу благоустроеннаго, но механическаго общества. Пусть женщины борются съ мужчинами въ честномъ бою и никому никакихъ привилегій—таково логическое предположеніе философій *laissez faire*. Люди, рассматривающіе общество какъ сложный механизмъ, построенный на основѣ личныхъ правъ, естественно принимаютъ такой взглядъ-

---

<sup>1)</sup> Ibid. § 73.

и полагають, что конкуренція между полами всего болѣе полезна для общества. Но люди, которые подобно Рёскину, считаютъ общество не механическимъ, а органическимъ цѣлымъ, утверждаютъ, что свободная борьба между отдѣльными частями этого цѣлаго не создаетъ единства и что, напротивъ, органической характеръ общества требуетъ полезнаго раздѣленія и труда и жизни на части.

Почему же, однако, самые послѣдовательные изъ социалистовъ являются неуклонными защитниками правъ женщинъ, какъ одного изъ главчыхъ факторовъ общественнаго прогрессивнаго движенія? Отвѣтить на такой вопросъ совсѣмъ не трудно. Это объясняется тѣмъ важнымъ фактомъ современной жизни, который Рёскинъ и контисты, раздѣляющіе его взгляды на женскій вопросъ, просто игнорируютъ. Эмансипація женщины есть просто временное рѣшеніе вопроса. Еслибы экономическая справедливость была достигнута или еслибы ея торжество было близкимъ, еслибы находилось на пути созиданія идеальное общество, въ которомъ было бы опредѣленное мѣсто для каждаго мужчины и для каждой женщины, въ которомъ каждому члену рабочей семьи было обезпечено его существованіе, то борьба за права женщинъ дѣйствительно могла бы считаться вредной и безумной, какой и считаютъ ее Рёскинъ и Контъ въ настоящее время. Но вслѣдствіе медленности измѣненій человѣческаго сердца и человѣческой дѣятельности намъ необходимо не только работать для достиженія общественнаго идеала, но и признать необходимость палліативовъ для ужасныхъ существующихъ золь. Угнетеніе личности женщины законами и обычаями, создаваемыми мужчинами и поддерживаемыми грубой физической силой, оказываетъ развращающее вліяніе на здоровую семейную жизнь. Женщины не имѣютъ того мѣста и вліянія, которыя Рёскинъ нашель для нихъ въ идеализированной имъ жизни швейцарскихъ крестьянъ или въ жизни культурныхъ и зажи-



точных классовъ, изображаемыхъ имъ въ „Lilies“, и потому самому онъ не могутъ оказывать того образовательнаго и облагораживающаго вліянія на молодежь, отъ котораго Рёскинъ, какъ и всѣ истинные реформаторы, ожидаетъ успѣшнаго общественнаго прогресса. А кромѣ того, и тѣ экономическія условія, противъ которыхъ такъ энергично борется Рёскинъ, представляютъ прямое противорѣчіе предположенію, будто каждая женщина создана для материнства и для охраненія дома. Въ монагамическомъ обществѣ большая часть женщинъ излишня для материнства, и современныя промышленныя требованія заставляютъ такихъ женщинъ искать средствъ существованія въ промышленности, и вотъ эти то „излишнія“ и стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за свободу и права равнаго соперничества. При настоящихъ условіяхъ такая борьба за свободу есть настоящій прогрессъ; она была бы регрессивнымъ движеніемъ только въ томъ случаѣ, если бы имѣлось въ виду скорое осуществленіе новаго идеальнаго общественнаго строя. Требованіе свободы и правъ, разумѣется, не есть зло само по себѣ. Слѣдуетъ низвергнуть старую тиранію, слѣдуетъ устранить старое зло; съ исторической точки зрѣнія такая разрушительная политика полезна; она и необходима и совмѣстна съ ростомъ новаго органическаго процесса возсозиданія. Революціонное движеніе восемнадцатаго столѣтія не ошибалось, признавъ своимъ лозунгомъ свободу и равенство; разрушеніе старыхъ торговыхъ ограниченій, уничтоженіе старыхъ законовъ о рабочихъ и различныхъ узъ, связывавшихъ свободу дѣйствія и капиталиста и рабочаго, уничтоженіе старыхъ и отжившихъ привилегій и политическихъ властей — все это было необходимо для сформированія новыхъ идей и новаго порядка, къ которому стремится и Рёскинъ. Но въ этомъ освободительномъ движеніи основа дѣйствія была слишкомъ узкой; вотъ почему женщины и до сихъ поръ не освобождены. И стремленіе ихъ къ свободѣ совсѣмъ не обуславливается

вреднымъ переживаніемъ устарѣлыхъ взглядовъ на жизнь, какъ это представляется Рёскину и многимъ другимъ. Женщины совершенно резонно съ точки зрѣнія историческаго развитія стремятся къ отрицательной свободѣ, вплоть до политическихъ правъ и до свободы конкуренціи; это ихъ доля въ наслѣдіи восемнадцатаго вѣка—доля, которую онѣ еще не получили. Такая свобода вредна только тогда, когда она превращается въ самодовлѣющую цѣль; если же за ней не признавать такой конечности, если на нее смотрѣть какъ на средство образованія и дѣятельности, необходимое для того, чтобы женщины имѣли возможность принимать надлежащее участіе въ эволюціи промышленнаго общества, то она находится на прямомъ пути къ прогрессу. Рёскинъ такъ упорно устремлялъ свои взоры на отдаленный идеаль, что не хотѣлъ признавать историческихъ процессовъ. Еслибы въ настоящее время существовало то отношеніе между полами, котораго онъ желаетъ, еслибы современная семья по крайней мѣрѣ основывалась на узаконенности и на добровольномъ сотрудничествѣ, тогда то движеніе, противъ котораго протестуетъ Рёскинъ, было бы дѣйствительно печальнымъ. Но при настоящихъ отношеніяхъ женщины къ обществу, даже та утрата женственности, на которую онъ указываетъ, при всей ея несимпатичности является необходимостью, какъ вслѣдствіе несправедливости настоящаго, такъ и вслѣдствіе потребностей и надеждъ будущаго. Если нѣкоторые изъ воинствующихъ защитниковъ правъ женщины считаютъ эмансипацію цѣлью, а конкуренцію между полами во всѣхъ промыслахъ и профессіяхъ постояннымъ и желательнымъ факторомъ общественнаго порядка, то потому только, что пыль, поднимаемая теперешней борьбой, ослѣпляетъ ихъ, какъ она ослѣпляла многихъ изъ проникательнѣйшихъ мыслителей и смѣлѣйшихъ борцовъ за мужскую эмансипацію въ предыдущемъ столѣтіи.

---

## ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

### Промышленные опыты Рёскина. Гильдія св. Георга.

1. Честность въ дѣловыхъ отношеніяхъ. — 2. Полученіе Рёскинымъ ренты и процентовъ. — 3. Рёскинъ, какъ издатель и книготорговецъ. — 4. Происхожденіе и принципы Общества св. Георга. — 5. Опыты реформы земледѣлія. — 6. Рёскинскій музей въ Шеффилдѣ. — 7. Возрожденіе ручныхъ пряденія и ткачества. — 8. Общество искусствъ и промышленности.

1. Какъ въ образованіи, такъ и въ другихъ сферахъ, Рёскинъ желалъ осуществить то, что онъ проповѣдывалъ. Но на практикѣ онъ умѣлъ различать желательное и практически полезное. Онъ отлично понималъ, что полная справедливость недостижима въ современныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ, но онъ не рѣшался отказаться отъ всякаго личнаго участія въ продажахъ и покупкахъ, онъ не хотѣлъ совершенно отказаться отъ „дѣланія“. Онъ былъ учителемъ, получающимъ профессиональное вознагражденіе, издателемъ и продавцемъ книгъ, специалистомъ покупателемъ картинъ и другихъ художественныхъ сокровищъ, а также покупателемъ я потребителемъ разныхъ другихъ предметовъ общаго комфорта. Чего въ самомъ требовалъ отъ него здравый смыслъ, просвѣщенный честностью? Конечно, не того, чтобы онъ пересталъ покупать кар-

тины и продавать книги, такъ какъ это „дѣланіе“ было одной изъ самыхъ полезныхъ для общества функций, которыя онъ исполнялъ. Въ позднѣйшіе годы во всякомъ случаѣ, когда онъ отдавалъ или израсходовалъ на общественную пользу унаслѣдованныя имъ отъ отца средства, онъ и не могъ исполнять своей художественной миссиі иначе, какъ при посредствѣ продажи своихъ книгъ. Рёскинъ не вѣрилъ въ аскетическое ученіе самоотреченія; онъ вѣрилъ въ жизнь честную и радостную, достижимую для всѣхъ. Еслибы онъ отказался продавать свои книги и брать вознагражденіе за свое преподаваніе, онъ никоимъ образомъ не подалъ бы примѣра осуществленія той теоріи жизни, которую онъ проповѣдывалъ. Онъ совсѣмъ не отрицалъ всякую торговлю и всякій обмѣнъ. Онъ требовалъ только честныхъ дѣловыхъ отношеній съ другими, въ качествѣ книгопродавца, собственника домовъ и другихъ имуществъ и въ качествѣ покупателя товаровъ и услугъ. Въ началѣ своей книги „Unto this Last“, онъ объясняетъ свои методы покупокъ примѣромъ, относящимся къ домашней службѣ. Онъ не заставлялъ работниковъ конкурировать другъ съ другомъ ради того, чтобы получить ихъ трудъ по низшей рыночной цѣнѣ, онъ опредѣлялъ такую плату, которую признавалъ разсудительной, и которая давала бы рабочему возможность исполнять его работу съ удобствомъ и съ благорасположеніемъ къ хозяину и выбиралъ лучшаго рабочаго, доступнаго для него при такихъ условіяхъ. Такова была теорія разумной заработной платы, которую онъ не только проповѣдывалъ, но и практиковалъ—и не только по отношенію къ домашней прислугѣ, и къ другимъ рабочимъ, непосредственно занимаемымъ имъ самимъ, но и при непрямыхъ процессахъ покупки товаровъ, посредствомъ которыхъ онъ извѣстнымъ образомъ пользовался своей властью надъ другими людьми. Если ему предлагали картину за цѣну, которую онъ считалъ разумной, и

если онъ имѣлъ возможность купить ее за эту цѣну, онъ покупалъ ее; дѣлая предложеніе самъ, онъ не предлагалъ низшей цѣны, которую, по его мнѣнію, могли бы принять, а такую, которая, по его мнѣнію, представляла настоящую цѣнность вещи, такъ какъ совершенно отрицалъ торгъ. Могутъ утверждать, что человекъ, отрицающій рѣшеніе рынка, не имѣетъ надлежащаго мѣрила для опредѣленія настоящей цѣны труда и товаровъ. Строго говоря, такое замѣчаніе совершенно основательно и, однако, оно не должно препятствовать намъ пытаться смягчить суровость рыночной конкуренціи въ частныхъ случаяхъ и примѣненію нами грубаго личнаго мѣрила справедливости. Мы уже видѣли, что вознагражденіе высшихъ чиновниковъ доказываетъ законность такого мѣрила и Рёскинъ самъ во всѣхъ своихъ личныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ старался осуществлять свое требованіе, чтобы такое мѣрило справедливости замѣнило неограниченную конкуренцію.

2. Онъ сознавалъ, конечно, что это только грубое приближеніе къ настоящей справедливости; но это все, что въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ возможно для личности, которая не можетъ, какъ бы она не стремилась къ этому, отказаться вполне отъ „дѣланія“.

Слѣдуя такому истинному принципѣ компромисса, Рёскинъ даже послѣ того, какъ онъ призналъ экономическую и нравственную несправедливость ренты и процента, бралъ ренты и защищалъ такое свое поведеніе. По его мнѣнію, онъ былъ обязанъ только быть хорошимъ ландлордомъ и для этого онъ съ помощью миссъ Октавіи Гилль пытался улучшить жилища рабочихъ въ его собственности въ Мэрилебонѣ и въ другихъ частяхъ города. Позже онъ эти дома продалъ миссъ Гилль. Полученныя имъ за нихъ деньги, нѣсколько тысячъ фунтовъ, кажется, ушли туда же, куда

ушли и всѣ полученные имъ по наслѣдству средства. Мы уже говорили, что онъ не защищалъ теоріи, что нужно отдать всѣ незаработанныя человѣкомъ деньги; но въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ это и даже больше этого. Если принять во вниманіе большія суммы, израсходованныя имъ на разныя филантропическія и образовательныя цѣли, мы увидимъ, что на это ушла большая часть не только полученныхъ имъ по наслѣдству, но и заработанныхъ средствъ. Полный и интересный отчетъ о крупнѣйшихъ изъ такихъ расходовъ мы находимъ въ письмѣ LXXVI въ „Fors“; изъ него видно, что къ 1877 году было израсходовано имъ 157,000 фунтовъ, кромѣ домовъ и земель, полученныхъ имъ по наслѣдству, т. е. почти все его состояніе и кромѣ того въ то время уже создавались планы объ израсходованіи другихъ значительныхъ суммъ, которыя онъ долженъ былъ получить съ оставшейся у него собственности и отъ текущихъ заработковъ. Конечно, невозможно при щедрыхъ, хотя далеко не расточительныхъ, личныхъ расходахъ Рёскина опредѣлить ту сумму, которую онъ израсходывалъ дѣйствительно на себя самого; путешествія и покупки художественныхъ произведеній, бывшія самыми дорогими изъ его удовольствій, поглотили безъ сомнѣнія значительныя суммы. Обыкновенное выраженіе; „его щедрости нѣтъ границъ“ была безусловно вѣрна по отношенію къ Рёскину; ни одинъ капиталистъ не рассматривалъ такъ, какъ Рёскинъ, свои средства, какъ общественное достояніе, и ни одинъ такъ благоразумно не распоряжался такимъ достояніемъ. Для людей, изучавшихъ его манеру расходыванія, такое утвержденіе можетъ показаться сомнительнымъ; самъ Рёскинъ отлично понималъ крайнюю рискованность многихъ изъ своихъ плановъ, но онъ понималъ также и то, что даже неудачный опытъ можетъ быть благоразумнымъ расходомъ денегъ и силъ.

3. Прежде, чѣмъ приступитъ къ описанію самаго крупнаго изъ этихъ опытовъ, будетъ не лишнимъ указать на дѣятельность Рёскина, какъ книгопродавца, какъ на примѣръ его манеры вести торговые предпріятія. Въ теченіи большей части своей жизни онъ сохранялъ за собой контроль надъ изданіемъ и продажей своихъ книгъ и опредѣлялъ самъ условія изданія и продажи, строго согласуя эти условія съ своими понятіями о честности въ сферѣ производства. Вопросъ ставился такой: дать вполнѣ полезный продуктъ людямъ, въ немъ нуждающимся, за разсудительную цѣну, не налагая при этомъ вредныхъ физическихъ и нравственныхъ условій на рабочихъ, не пользуясь объявленіями, посредниками и всякими общеупотребительными средствами конкуренціи и рекламы. Для удовлетворенія такихъ условій было необходимо не довѣрять процесса производства обыкновеннымъ предпринимателямъ.

Первыя книги Рёскина были, впрочемъ, изданы обычнымъ способомъ издателями Смитъ и Эльдеръ, но въ 1872 году Рёскинъ вмѣстѣ съ Георгомъ Алленомъ сдѣлалъ опытъ, имѣвшій важныя и прочныя результаты. Онъ давно уже негодовалъ противъ системы скидокъ, практикуемой издателями и книгопродавцами, и поручилъ продавать „Fors Clavigera“, отпечатанную первоначально Смитомъ и Эльдеромъ, Аллену. Потомъ Аллень соединился съ Смитомъ и Эльдеромъ для изданія всѣхъ сочиненій Рёскина, а послѣ 1873 года все изданіе было передано ему одному. Аллень по профессіи былъ граверомъ, онъ былъ ученикомъ Рёскина и между ними всегда были близкія личныя отношенія; самъ Рёскинъ, особенно сначала, принималъ дѣятельное участіе въ завѣдываніи дѣломъ. Прежде всего было необходимо имѣть хорошій матеріалъ и хорошихъ и искусныхъ рабочихъ. Часто употребляли производимую ручнымъ трудомъ бумагу, да и вообще особое вниманіе обращали на бумагу и на шрифты.

Для приготовленія и печатанія гравюръ и рисунковъ прилагалось особое стараніе, чтобы добиться по возможности совершенной и честной работы. Само печатаніе производилось Газеллемъ, Ватсономъ и Винею въ Айльсбюри, въ типографіи которыхъ обращалось особое вниманіе на здоровье и удобство рабочихъ, также какъ и на достоинства работы. По самымъ любознательнымъ опытамъ, какъ со стороны промышленной, такъ и со стороны финансовой, было издательское предпріятіе, руководимое въ теченіи многихъ лѣтъ Алленомъ, въ небольшой деревнѣ Орпингтонъ въ Кентѣ. Тутъ въ саду при домѣ Аллена находился складъ книгъ Рёскина. Въ теченіи многихъ лѣтъ эти книги доставлялись читателямъ прямо изъ Орпингтона безъ посредничества мелкихъ книгопродавцевъ. Однимъ словомъ, читатель могъ получить отъ Аллена томъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и крупный торговецъ, бравшій партіями. Рёскинъ былъ противникомъ всякихъ излишнихъ прибылей и различія дѣйствительныхъ и номинальныхъ цѣнъ, обусловливаемаго конкуренціей. Онъ старался никогда не уклоняться отъ правила—опредѣленная разсудительная цѣна за хорошую и хорошо изданную книгу. Въ Орпингтонѣ производилась не только мелочная торговля книгами, но и искусная работа гравированія. Такъ какъ кредитъ не допускался далѣе строго необходимыхъ предѣловъ и цѣны были назначены высокія, то успѣхъ новаго предпріятія былъ чрезвычайный. Въ теченіе долгого времени нелюбовь Рёскина къ дешевымъ изданіямъ и дорогіе способы производства, обусловливаемые его эстетическими и экономическими принципами, составляли въ глазахъ большой публики крупный недостатокъ этихъ изданій. По отношенію къ „Fors“, книгѣ, предназначавшейся для публики совѣмъ отличной отъ обыкновенныхъ читателей произведеній Рёскина объ искусствѣ, вліянію Рёскина много вредило его упорное нежеланіе пользоваться объявленіями и услугами



книгопродавцевъ. Многие ли изъ рабочихъ могли посылать въ неопредѣленные сроки по семи или десяти пенсовъ—въ 1874 году цѣна на изданіе была увеличена—къ неизвѣстному лицу, живущему въ кентской деревнѣ, для получения памфлета съ неяснымъ латинскимъ заглавіемъ, хотя этотъ памфлетъ предназначался именно для рабочихъ? Можно сказать, что дѣйствительно только достоинства книгъ могли сдѣлать ихъ распространенными, такъ какъ при ихъ продажѣ не только не прибѣгали ко всѣмъ рекламнымъ способамъ, но даже и отказывались отъ совершенно законныхъ услугъ книгопродавцевъ. Только въ послѣдніе годы Рёскинъ нѣсколько смягчилъ свою суровость и признавалъ, что дешевизна производства можетъ быть соединена съ хорошей работой, и тогда онъ разрѣшилъ дешевое изданіе, включившее, начиная съ „Sesame and Lilies“, большую часть его главнѣйшихъ произведеній—и только тогда вліяніе ученія Рёскина начало распространяться среди большой читающей публики. До тѣхъ поръ, пока обыкновенный томъ стоилъ 13 шиллинговъ, не въ переплетѣ, а иллюстрированный двадцать два шиллинга, ихъ могли покупать только люди высшихъ и среднихъ зажиточныхъ классовъ.

При новыхъ изданіяхъ сохранены были главные принципы Рёскина, но въ частностяхъ, очень важныхъ, были сдѣланы отступленія. Переходъ издательской фирмы Аллена въ Лондонъ, опредѣленная скидка для торговцевъ, пользованіе обычными объявленіями—все это, несомнѣнно, значительно увеличило продажу книгъ Рёскина. Насколько Рёскинъ примирился съ такими отступленіями отъ его первоначальныхъ методовъ, мы сказать не можемъ; но въ 1886 году было заключено имъ новое соглашеніе съ его издателемъ, на основаніи котораго послѣдній получилъ право продавать его книги съ опредѣленной прибылью, что несомнѣнно давало ему большую свободу прибѣгать къ обычнымъ дѣловымъ методамъ.

4. Самымъ крупнымъ изъ плановъ практической реформы Рёскина была дѣятельность Общества св. Георга или Гильдіи, какъ называли ее обыкновенно послѣ 1877 года. Эта дѣятельность была связана съ изданіемъ „Fors Clavigera“; главной цѣлью этого изданія и было устройство гильдіи. Въ первомъ письмѣ Рёскинъ указываетъ на необходимость освободиться отъ сознанія отвѣтственности, дѣлая практическое предложеніе относительно уничтоженія нищеты; а въ пятомъ письмѣ онъ даетъ краткое, но опредѣленное изложеніе занимающаго его плана. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ оставалъ двѣ важныя экономическія и моральныя истины: „питаніе можетъ быть добываемо только изъ земли, а счастье только честностью“ и онъ желаетъ доказать осуществимость опыта, основаннаго на этихъ положеніяхъ. Признаніе земледѣлія основаніемъ національной жизни было у Рёскина особенно прочнымъ убѣжденіемъ именно потому, что духъ вѣка былъ противъ этого и отвлекалъ земледѣльческое населеніе отъ его здоровой и полезной жизни на родинѣ въ вредную обстановку большихъ промышленныхъ городовъ, заставляющую людей вести дикую, расточительную и эгоистическую борьбу за существованіе. Дѣятельность Общества св. Георга первоначально имѣла въ виду быть практическимъ протестомъ противъ такого деморализирующаго стремленія. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы собрать фонды на покупку земли, которая должна быть обрабатываема ручнымъ трудомъ съ наименѣе возможнымъ употребленіемъ машинъ (только приводимыхъ въ движеніе водой); эта земля должна быть обрабатываема настолько хорошо, чтобы приносила наибольшія возможныя жатвы; рабочіе должны получать опредѣленную и достаточную заработную плату и жить въ своихъ собственныхъ домахъ; дѣти должны получать образованіе по плану Рёскина и имѣть всевозможныя развлеченія и внѣшкольныя занятія. Фондъ долженъ служить цѣлямъ

благородной благотворительности и быть актомъ высшей справедливости, такъ какъ лица, обладающіе средствами, могутъ вносить десятую часть своихъ доходовъ для цѣлей общественнаго блага. По мѣрѣ того, какъ подвигалось далѣе написаніе и изданіе „Fors“, практической планъ автора получалъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; безработные должны быть употребляемы на воздѣлываніе безплодныхъ земель, горожане приглашались вернуться къ землѣ, приглашались также молодя чета изъ высшихъ классовъ, пожелавшія жить простой сельской жизнью. Комитетъ Общества долженъ былъ назначать знающаго надсмотрщика; фермеры-владѣльцы должны были сами строить для себя дома на извѣстныхъ условіяхъ и получать всѣ продукты земли, за вычетомъ десятины, которую они обязаны вносить въ фондъ Гильдин. Въ 1874 году Рёскинъ предложилъ дополнить свой планъ введеніемъ въ такую земледѣльческую колонію ремесль; въ ней долженъ образоваться классъ ремесленниковъ, плотниковъ, кузнецовъ и т. д., такъ чтобы общество, насколько возможно, могло удовлетворять своимъ потребностямъ. По мѣрѣ того, какъ планъ созрѣвалъ въ умѣ Рёскина, и по мѣрѣ того, какъ онъ излагался на страницахъ „Fors“, онъ все болѣе разрастался и, наконецъ, обратился въ образчикъ того идеальнаго общественнаго строя, который Рёскинъ описывалъ въ „Time and Tide“, съ магистромъ и подчиненными ему маршалами, съ подчиненными этой администраціи землевладѣльцами (ландлордами), которые должны жить въ помѣстьяхъ, надзирать за своими округами и быть отвѣтственными лицами за благосостояніе фермеровъ, торговцевъ и рабочихъ <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ дѣятельность Общества св. Георга отъ скромнаго опыта на нѣсколькихъ акрахъ земли превращалась въ созданіе образца новаго феодализма.

<sup>1)</sup> „Fors“.—Письмо LVIII.

Общество сначала было устроено только съ цѣлью пустить въ ходъ предпріятіе и добыть на него деньги; не предполагалось, чтобы сами члены его превратились въ фермеровъ и въ рабочихъ; они обязаны были помочь только совѣтомъ, сочувствіемъ и взносами десятой части ихъ доходовъ.

Но по мѣрѣ того, какъ идея Рёскина развивалась, само Общество, какъ духовное братство личностей, рѣшившихъ вести честную жизнь и служить своимъ ближнимъ, получаетъ самостоятельный интересъ, и потому его правила и устройство подробно опредѣляются Рёскинымъ. Чрезвычайно интересна торжественная декларация, подписанная при вступленіи въ гильдію однимъ изъ ея членовъ; изъ этого документа видно, что считалъ Рёскинъ существенно необходимымъ для искусства настоящей и честной жизни, а также въ немъ указаны и тѣ духовныя силы, отъ дѣйствія которыхъ Рёскинъ ожидалъ спасенія и освобожденія общества.

Это „изложеніе вѣры и рѣшенія“ гласитъ <sup>1)</sup>.

1. Я вѣрю въ живого Бога, Отца Всемогущаго, Творца неба и земли и всѣхъ вещей и созданій, видимыхъ и невидимыхъ.

Я вѣрю въ благость Его закона и въ достоинство Его созданія.

Я буду стараться любить Его и сохранять Его законъ и Его созданіе, пока я буду жить.

2. Я вѣрю въ благородство челоѣческой природы, въ величіе ея способностей, въ полноту ея милосердія и въ радость ея любви.

Я буду стараться любить ближняго, какъ себя самаго, и даже въ томъ случаѣ, когда я не въ состояніи любить его, я буду дѣйствовать такъ, какъ бы я любилъ его.

3. Я буду работать со всей силой и возможностью,

<sup>1)</sup> Ibid.

давными мнѣ Богомъ. ради своего дневного пропитанія; все, что только можетъ сдѣлать моя рука, я буду дѣлать со всей моей силой.

4. Я не буду обманывать и допускать обмана кого либо ради выгоды или удовольствія, не буду вредить или позволять вредить кому нибудь ради выгоды или удовольствія, не буду грабить или позволять грабить кого нибудь ради выгоды или удовольствія.

5. Я не буду убивать или вредить какому либо живому существу безъ нужды, не буду уничтожать ни одной прекрасной вещи; я буду стараться спасти и охранять все живое. буду охранять и усовершенствовать все естественно прекрасное на землѣ.

6. Я буду стремиться возвышать свое тѣло и душу ежедневно до высшаго состоянія долга и счастья, не посредствомъ соперничества или борьбы съ другими, а ради помощи радости и чести другихъ и ради радости и мира моей собственной жизни.

7. Я буду вѣрно повиноваться законамъ моей страны и повеленіямъ монарха и лицъ. назначаемыхъ на правительственныя должности. поскольку такіе законы и повеленія согласны съ тѣмъ, что я считаю законами Божескими; если же они несогласны съ ними, или по моему мнѣнію требуютъ въ чемъ либо измѣненія, я буду лояльно противиться имъ, обдуманно, не прибѣгая къ коварству, тайнѣ, беспорядкамъ и насилию.

8. Съ тѣми же ограниченіями, съ какими я буду повиноваться законамъ моей страны и приказаніямъ ея правителей и съ той же вѣрностью, я буду повиноваться законамъ Общества св. Георга, въ которое я сегодня вступаю, и приказамъ его управителей и всѣхъ лицъ, которымъ будетъ поручена власть, пока я остаюсь членомъ сказаннаго Общества <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Интересно сравнить это исповѣданіе вѣры съ таковымъ же Мадзини, изложеннымъ въ его статьѣ: „Вѣра и будущее“. Тутъ

5. „Fors Clavigera“ даетъ намъ возможность до-  
вольно подробно прослѣдить ходъ исторіи Общества  
св. Георга и въ особенности его финансоваго поло-  
женія. Эта исторія интересна, какъ доказательство  
упорства Рёскина и крайней неохоты довольно боль-  
шого количества его признанныхъ послѣдователей и  
поклонниковъ перейти отъ поклоненія и ученичества  
къ денежной помощи этому крупному общественному  
опыту. Самъ Рёскинъ не терялъ времени и старался  
возбудить довѣріе къ обществу, сразу устроивъ дѣло  
о взносѣ своей личной десятины, хотя сначала онъ  
выговорилъ, чтобы изъ четырнадцати тысячъ фунтовъ  
этой десятины пять тысячъ были употреблены на обез-  
печеніе магистерства рисованія въ Оксфордѣ.

Такимъ образомъ въ іюлѣ 1871 года сумма, пред-  
назначавшаяся имъ для общества св. Георга, была не  
менѣе десяти тысячъ фунтовъ <sup>1)</sup>, хотя въ силу нѣко-  
торыхъ вполнѣ основательныхъ причинъ въ дѣйстви-  
тельности общество получало изъ этого источника еже-  
годно по семи тысячъ <sup>2)</sup> Томасъ Дайкъ Экландъ и  
достопочтенный Коуперъ Темплъ были назначены пер-  
выми хранителями этого фонда, хотя съ этой обязан-  
ностью не было соединено одобренія или исполненія  
предполагаемыхъ плановъ. Но „великодушная“ публика  
не дѣлала взносовъ и въ маѣ слѣдующаго года Рёс-  
кинъ съ грустью жалуется на недостатокъ волонтеровъ  
въ его борьбѣ. „Ни одинъ человекъ не отозвался,  
кромѣ одного или двухъ моихъ друзей, отозвавшихся  
изъ любви ко мнѣ“ <sup>3)</sup>—а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ

---

та же вѣра въ Бога и въ Человѣчество осуществляется въ болѣе  
полномъ и болѣе научномъ представленіи о человѣческомъ про-  
грессѣ; встрѣчается менѣе надеждъ на чисто личное поведеніе и  
болѣе на организованную политическую и общественную дѣятель-  
ность.

1) „Fors“.—Письмо VIII.

2) Ibid. Письмо XII. Остальные двѣ тысячи были, повидимому,  
истрачены на рисунки для оксфордской школы. („Fors“, III).

3) „Fors“.—Письмо XVII.

отмѣчаетъ полученіе тридцати фунтовъ, „первыхъ денегъ, посланныхъ мнѣ чужимъ“ <sup>1)</sup>).

Послѣ трехлѣтнихъ просьбъ о деньгахъ Рёскинъ получилъ болѣе двухсотъ фунтовъ и по этому поводу дѣлаетъ слѣдующее характерное замѣчаніе: „еслибы я былъ шарлатаномъ, то британское общество съ удовольствіемъ дало бы мнѣ двѣсти тысячъ фунтовъ вмѣсто двухсотъ; изъ этихъ денегъ до этого времени я выдалъ бы ей четверть въ видѣ дивидентовъ, остальные сто пятьдесятъ я истратилъ бы самъ. по пятидесяти тысячъ фунтовъ въ годъ, и послѣ въ отчетѣ объяснилъ бы, что, къ сожалѣнію, мой проектъ неудался благодаря положенію торговли, обусловливаемому стачками, союзами и другими незаконными объединеніями рабочихъ“ <sup>2)</sup>).

Изъ представленнаго Рёскинымъ отчета видно, что въ теченіи четырехъ лѣтъ до конца 1874 года было получено только 370 фунтовъ 7 шиллинговъ, внесенныхъ двадцатьючетырьмя лицами, по большей части въ видѣ пожертвованій, и только семь человекъ обязались дѣлать ежегодные взносы <sup>3)</sup>. Всѣхъ капиталовъ у гильдіи въ это время было семь тысячъ фунтовъ въ бумагахъ и 923 на текущемъ счетѣ, такъ что почти всѣ эти деньги были внесены самимъ Рёскинымъ. При такихъ условіяхъ онъ не спѣшилъ съ своимъ опытомъ; онъ совсѣмъ не намѣревался помѣстить капиталъ гильдіи въ земли для устройства коммунистической колоніи, какъ предполагали многіе изъ его читателей. Онъ желалъ пользоваться процентами на капиталъ для текущихъ расходовъ до тѣхъ поръ, пока у гильдіи не будетъ и больше денегъ и больше помощниковъ. Только въ 1875 году гильдія приступила къ дѣйствіямъ и сначала въ очень скромныхъ размѣ-

1) Ibid. — Письмо XIX.

2) Ibid. — Письмо XXXVI.

3) Ibid. — Письмо XLVIII.

рахъ. Одна изъ личныхъ друзей Рёскина, мистриссъ Тальботъ, подарила гильдii три акра скаль и болотъ въ Бармоутѣ съ восьмью старыми коттеджами, рента которыхъ шла на ремонтъ—это было довольно жалкимъ началомъ для земледѣльческой реформы. Изъ этого, повидимому, ничего и не вышло. Въ 1877 году было осуществлено болѣе широкое предпріятіе. По настоянію Свана, бывшаго ученика коллегіи рабочихъ и попечителя Шеффилдскаго музея, Рёскинъ повидался съ небольшимъ кружкомъ коммунистовъ въ Шеффилдѣ и хотя они не принадлежали къ гильдii, онъ рѣшилъ помочь имъ сдѣлать опытъ устройства общины. Для этого гильдiя купила ферму въ четырнадцать акровъ земли, называемую *Abbeysdale at Dove*, у самаго Шеффилда, за 2287 фунтовъ, съ условіемъ, чтобы въ теченіе семи лѣтъ коммунисты выплатили ей эти деньги безъ процентовъ, а по истеченіи этого срока они становятся собственниками фермы. Опытъ съ самаго начала оказался неудачнымъ. чого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Слишкомъ ужъ нелѣпо общераспространенное понятіе, что любой трудъ и земля первыя условія для поддержанія жизни. У коммунистовъ не было ни знаній, ни капитала, не было даже серьезнаго желанія обрабатывать землю своими руками. Не было даже сдѣлано серьезной попытки устроить общину и послѣ нѣкоторыхъ пробъ организовать обработку земли при болѣе дѣйствительномъ внѣшнемъ контролѣ коммунисты отказались отъ дѣла и на рукахъ у гильдii осталась земля.

Постепенно гильдiя пріобрѣтала и другія земли. Въ 1877 году Георгъ Бакеръ, бывший тогда мэромъ Бирмингама, подарилъ ей двадцать акровъ лѣса въ лучшей части Ворчестершира. Нѣсколько поздиѣ гильдiя получила маленькое помѣстье Клоуфтонъ близъ Скарборо, что-то около двухъ акровъ съ коттеджемъ. Но всѣ такія пріобрѣтенія гильдii не могли сдѣлаться даже зародышемъ важныхъ земледѣльческихъ реформъ и,



дѣйствительно. въ этомъ отношеніи было сдѣлано очень мало.

Частые припадки болѣзни, случавшіеся съ Рёскинымъ въ теченіи того времени и его преклонный возрастъ—ему было уже около восьмидесяти лѣтъ—лишали его возможности приступить къ новымъ предпріятіямъ, такъ что его земледѣльческіе опыты такъ и остались въ зародышѣ. Еслибы вліятельные его друзья оказали ему довѣріе и практическую поддержку, которыхъ онъ когда то ожидалъ отъ нихъ, онъ могъ бы добиться нѣкоторыхъ серьезныхъ результатовъ; но такъ какъ весь трудъ организаціи падалъ на него, а здоровье ему измѣняло, то дѣло и было пріостановлено. Неудача, кажется, признавалась и самимъ Рёскинымъ; уже въ 1884 году въ изданномъ имъ въ этомъ году „отчетѣ магистра“ онъ говоритъ о причинахъ ея и замѣчаетъ, что ему „придется, вѣроятно, завѣщать слѣдующему за нимъ магистру преслѣдованіе цѣли гильдіи въ этомъ направленіи“.

Гильдія продолжаетъ владѣть нѣсколькими кусками земли, управленіе которыми поручено ей двумъ довѣреннымъ; но для исполненія плановъ Рёскина ничего не было сдѣлано и, дѣйствительно, было бы совершенно невозможно безъ большихъ ресурсовъ, какъ денежныхъ, такъ и земельныхъ, совершать опытъ, въ которомъ были бы осуществлены всѣ существенныя условія плана Рёскина, съ какими нибудь надеждами на успѣхъ.

6. Наиболѣе удачнымъ результатомъ дѣятельности гильдіи было учрежденіе Рёскинскаго музея въ Шеффилдѣ. Всякій, знакомый съ той важностью, которую Рёскинъ при своемъ планѣ образованія придавалъ наглядному обученію, признаетъ значеніе этого единственнаго въ своемъ родѣ опыта. Рёскинъ давно уже желалъ дать образчикъ настоящаго музея, который былъ бы сокровищницей произведеній искусства и вмѣ-

ствъ съ тѣмъ средствомъ для наслажденія и для обученія труду высшаго и искусстваго рода. Приобрѣтя кусокъ земли въ Уольклеѣ, въ двухъ миляхъ отъ Шеффилда, съ коттеджемъ, Рёскинъ въ 1875 году тутъ помѣстилъ своей музей. Въ письмѣ lix въ „Fogs“ онъ объясняетъ, почему Шеффилдъ, самый характерный изъ созданныхъ машиной городовъ, былъ выбранъ имъ какъ наиболѣе пригодное мѣсто для первой школы св. Георга.

„Изъ наукъ, искусствъ и литературы, имѣющихъ отношеніе къ хозяйственной жизни, св. Георгъ считаетъ самыми первыми тѣ, которыя доставили ему сошникъ и даже, если нужно, тѣ, которыя необходимы для еще болѣе первобытныхъ орудій — копья, меча и панциря.

„Поэтому то и слѣдуетъ, чтобы его первыя школы для рабочихъ Англіи были устроены именно въ Шеффилдѣ.

„Кромѣ такого систематическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическаго соображенія, есть и практическое соображеніе, побуждающее насъ сначала дѣйствовать именно среди этихъ англійскихъ рабочихъ; оно состоитъ въ томъ, что ножевая работа въ настоящее время самая лучшая въ этомъ родѣ изъ всѣхъ ручныхъ англійскихъ работъ; она, мнѣ кажется, превосходитъ работу рабочихъ всѣхъ другихъ странъ, если только рабочіе дѣлаютъ ее, употребляя на нее все свое знаніе“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ еще о другой причинѣ: „Шеффилдъ въ Йоркширѣ, а Йоркширъ по своему настроенію еще и теперь старо англійскій и потому тамъ еще сохранились тѣ понятія о честности и пабожности, которыми жила старая Англія, и наконецъ отъ Шеффилда недалеко живописные пейзажи“.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ коттеджъ, стоящій на холмѣ съ видомъ на долину Дона, оставался вмѣстилищемъ Рёскинскаго музея. Съ самаго начала Рёс-

кинъ имѣлъ намѣреніе собрать лучшія картины, рисунки, модели, самые совершенные образцы естественныхъ предметовъ и продуктовъ искуснаго ручнаго труда въ своемъ музеѣ и распредѣлить ихъ на основаніи принциповъ классификаціи, придуманной имъ для цѣлей оцѣнки этихъ вещей и для цѣлей поученія. Онъ не имѣлъ въ виду разнообразія, рѣдкости или удовлетворенія простого любопытства. Онъ не стремился къ возбужденію простого удивленія, онъ хотѣлъ разумнаго пониманія превосходныхъ произведеній природы и человѣка.

Черезъ нѣсколько лѣтъ коттеджъ въ Уольклеѣ не могъ уже вмѣщать все увеличивающихся сокровищъ; пришлось искать болѣе обширнаго помѣщенія. Въ 1890 году городское управленіе Шеффилда сдѣлало предложеніе помѣстить сокровища Рёскина въ болѣе удобномъ и доступномъ мѣстѣ. Нѣсколько частныхъ лицъ согласились дать пять тысячъ фунтовъ на постоянный музей. Но Гильдія св. Георга не хотѣла принять никакихъ условій о постоянномъ помѣщеніи, она хотѣла сохранить за собой право воспользоваться всей коллекціей или ея частью и для другихъ мѣстъ, если это окажется желательнымъ. Наконецъ, Рёскинъ согласился съ городомъ, чтобы коллекція была помѣщена въ недавно пріобрѣтенномъ общественномъ паркѣ въ Гили на срокъ двадцати лѣтъ. Городская корпорация обязалась помѣщать и поддерживать музей, и назначила комитетъ для этой цѣли, въ которомъ за сѣдали Рёскинъ и два уполномоченные гильдіи. Но единственными фондами для новыхъ покупокъ, необходимыхъ для цѣлей музея, были деньги, оставшіяся у гильдіи св. Георга, да пожертвованія частныхъ лицъ. Много труда и заботъ было отдано музею кураторомъ его, Вильямомъ Уайтомъ, надзиравшимъ за перенесеніемъ музея изъ Уольклея и посвятившимъ себя послѣдніе восемь лѣтъ исполненію предначертаній Рёскина; при всякомъ новомъ пріобрѣтеніи въ музей по-

стоянно имѣли въ виду намѣренія его основателя, такъ что это учрежденіе вполне проникнуто духомъ Рёскина.

Музей и теперь еще отвѣчаетъ первоначальному его назначенію, прежде всего какъ учрежденіе образовательное; и теперь еще завѣдующіе имъ руководятся принципомъ Рёскина, что музей, преслѣдующій цѣли этического и научнаго образованія, не долженъ вмѣщать произведеній искусства порочнаго, варварскаго и ложнаго и неудачныхъ или болѣзненныхъ типовъ естественныхъ объектовъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ послѣ основанія самъ Рёскинъ продолжалъ съ своимъ несравненнымъ искусствомъ на деньги гильдіи увеличивать свой музей. Въ особенности онъ старался, частію своей собственной работой, а частію трудомъ другихъ художниковъ, пополнить, насколько это было возможно, коллекцію скульптурныхъ украшеній храмовъ и дворцовъ, сохраняющихся какъ образцы лучшихъ періодовъ итальянской и французской архитектуры. Съ того времени, когда Рёскинъ былъ вынужденъ отказаться отъ личнаго участія въ этомъ дѣлѣ, оно продолжалось членами гильдіи и друзьями ея. Приходилось соблюдать строгую экономію, и все таки въ послѣднее время были сдѣланы нѣкоторыя цѣнныя приобрѣтенія въ бібліотеку, коллекціи гравюръ и въ числѣ ихъ *Liber Studiorum* Тёрнера и рядъ гравюръ съ его акварелей, нѣкоторыя изъ лучшихъ литографическихъ гравюръ Проута и образцы изъ старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Уайтъ въ особенности слѣдовалъ примѣру Рёскина, собирая въ Италіи фотографіи зданій и скульптурныхъ произведеній и пополняя пробѣлы коллекціи. Цѣнныя коллекціи минераловъ и архитектурныхъ моделей, на которыя Рёскинъ тратилъ такъ много труда и денегъ, были классифицированы и сдѣланы были къ нимъ рукописные или печатные указатели. Въ бібліотекѣ много рѣдкихъ и прекрасныхъ изданій съ иллюстра-

ціями изъ царства животныхъ и растений, помимо сочиненій объ изящныхъ искусствахъ.

Сдѣлано все для того, чтобы музей сохранялъ живую связь съ именемъ и съ ученіемъ Рёскина при посредствѣ выставки картинъ, скульптурныхъ произведеній и произведеній природы, служащихъ для уясненія и истолкованія его книгъ. Такая цѣль обуславливаетъ нѣсколько болѣе опредѣленное и узкое содержаніе музея по сравненію съ другими англійскими музеями: по всякій, знакомый съ разнообразіемъ и широтой содержанія сочиненій Рёскина, пойметъ, что коллекціи его музея не страдаютъ отъ узкой спеціализаціи.

Въ музеѣ старательно избѣгаютъ того, чтобы умъ и чувства посѣтителей не были поражены разнообразіемъ несистематическихъ подробностей: при выставкѣ образовательныхъ пособій въ формѣ картинъ и рисунковъ соблюдается извѣстная система, такъ что одновременно выставляется только извѣстная часть ихъ.

На стѣнахъ комнатъ музея сдѣланы соответствующія надписи изъ сочиненій Рёскина. Напримѣръ, въ первой комнатѣ, въ которой хранятся минералы и другіе естественноисторическіе предметы, виднѣются такія изреченія, уясняющія основные принципы разумнаго изученія природы — „вы не полюбите искусства до тѣхъ поръ, пока не будете любить природы, которой искусство есть зеркало“... „пріятное удивленіе не есть потеря времени“... „всякое сужденіе объ искусствѣ основано на знаніи природы“... „существуетъ много вещей, которыхъ мы никогда не видали“. Читателю книгъ Рёскина о немъ напоминаютъ въ музеѣ не только эти надписи, но и тысячи подробностей выбора и распредѣленія предметовъ искусства и природы; вездѣ видна дѣятельность его ума и рукъ, вездѣ сіяетъ его горячій энтузіазмъ, сохранены даже самыя его предразсудки. Въ коллекціи минераловъ виднѣйшее мѣсто занимаютъ изученные имъ агаты и кри-

стали, они напоминаютъ намъ о раннихъ занятіяхъ геологіей и о его блестящемъ произведеніи. „Этика пыли“ („Ethics of the Dust“).

Любопытны и характерны библіотека и отдѣлъ печати. Тутъ мы находимъ прекрасные экземпляры иллюстрированныхъ кодексовъ, требниковъ и другихъ религіозныхъ сочиненій, напоминающихъ намъ о духовной жизни среднихъ вѣковъ и томы „путешествій“, напоминающіе о дѣтскихъ занятіяхъ Рёскина. Литература строго подобрана: Гомеръ, Чосеръ и Мармонтель существуетъ тутъ въ прекраснѣйшихъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ немногими изъ позднѣйшихъ англійскихъ прозаиковъ. Во всякомъ случаѣ библіотека не задается цѣлью дать посѣтителемъ даже лучшія книги; представлена только художественная сторона изданія, т. е. печать, иллюстраціи, переплеты и т. д., хотя при этомъ соблюдается и основной принципъ Рёскина о необходимости и существенной важности достоинства содержанія, такъ что простое искусство или красота изложенія не дѣлаютъ еще книгу желательной для библіотеки, если ея содержаніе недостойное или ничтожное. Это правило доведено до полнаго исключенія всей литературы прозаической фикціи, такъ что даже Вальтеръ Скоттъ представленъ только одной „Біографіей Наполеона“.

Но спеціальные интересы, занимавшіе Рёскина, и его ученіе главнымъ образомъ представлены въ его музеѣ картинами и архитектурными моделями. Этюды съ лучшихъ произведеній старыхъ итальянскихъ мастеровъ, величіе которыхъ было открыто міру самимъ Рёскинымъ (что и составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ его заслугъ), представлены въ музеѣ такимъ образомъ, чтобы обратить вниманіе посѣтителя на особенности этихъ мастеровъ — на колоритъ, композицію и настроеніе. Два главныя изъ открытій Рёскина, Верроккіо и Карначчіо, представлены, первый рѣдкимъ оригиналомъ, а второй рядомъ этю-

довъ, изображающихъ легенду св. Урсулы и множествомъ другихъ.

Скульптура и архитектура представлены въ ихъ близкомъ и естественномъ соотношеніи съ картинами и моделями, въ особенности подробно представлены тѣ мастерскія произведенія, которыя были предметомъ наиболѣе краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ статей Рёскина: соборъ св. Марка и дворецъ дожей въ Венеціи, соборъ во Флоренціи, кафедраль Руана и т. д. Въ музеѣ нѣтъ и признаковъ того грубаго интеллектуализма, тѣхъ капризовъ и странностей, нѣтъ и того вторженія безобразій и уродствъ жизни, которыя находятъ себѣ мѣсто въ обыкновенныхъ музеяхъ благодаря неумѣренному стремленію къ реализму. Въ чисто личной атмосферѣ Рёскинскаго музея посѣтитель неизбѣжно дышетъ воздухомъ ясныхъ и благородныхъ идей о красотѣ и порядкѣ въ природѣ и о томъ благородномъ и мудрому употребленіи, которое сдѣлало изъ нихъ человѣческое искусство. Очарованіе этой атмосферы сразу исчезаетъ, когда посѣтитель изъ небольшого парка, окружающаго музей, выходитъ въ тѣсныя и безобразныя улицы Гили, отвратительнаго и грязнаго новаго предмѣстья громаднаго города, заразившаго своимъ ядовитымъ дыханіемъ окружающую его прекрасную мѣстность, захвативъ ее въ свои жадныя и свирѣпыя руки. Общественное поученіе, даваемое такимъ контрастомъ, не намѣренное, потому что когда, восемь лѣтъ тому назадъ, выбирали это новое мѣсто для Рёскинскаго музея, изъ оконъ музея былъ видъ на прекрасные холмы Дербишира, а теперь этотъ видъ закрытъ улицами и фабричными трубами.

Этотъ музей, представляющій вѣрный, хотя и не полный отчетъ о трудахъ долгой и разносторонней жизни, посвященной воспитанію націи для истиннаго искусства и справедливаго общественнаго порядка, составляетъ единственный въ своемъ родѣ и прочный

памятникъ гениальности и гуманности одного изъ величайшихъ изъ современныхъ намъ учителей.

Немногіе изъ людей заслуживаютъ такихъ памятниковъ; ихъ достойны только тѣ, у которыхъ святилище близкихъ интимныхъ личныхъ отношеній естественно соединяется съ созерцаніемъ новаго общества, состоящаго изъ счастливыхъ и благородныхъ человѣческихъ существъ, любящихъ все доброе и прекрасное въ природѣ и искусствѣ и связанныхъ общимъ и сознательнымъ стремленіемъ работать ради безпредѣльнаго прогресса человѣчества къ его конечной цѣли полнаго братства.

7. Наибольше плодотворнымъ изъ всѣхъ опытовъ Рёскина въ направленіи къ практической промышленной реформѣ было возрожденіе ручного ткачества, рѣзбы на деревѣ и другихъ домашнихъ и мелкихъ промышленности. Нужно помнить, что Рёскинъ при этомъ руководился двумя соображеніями: чтобы всѣ рабочіе производили своими руками искусную и интересную работу при здоровыхъ и гуманныхъ условіяхъ и чтобы люди снова получили возможность получать хорошіе, здоровые и полезные продукты вмѣсто всякаго дешеваго гнилья. Наибольше близко связана съ личностью Рёскина фабрика св. Георга въ Лакси, на островѣ Мэнѣ. Тамъ, какъ и въ другихъ отдаленныхъ частяхъ Англій, существовала падающая ручная промышленность пряденія и ткачества. Большинство считало неизбѣжнымъ, чтобы эта старомодная промышленность уступила мѣсто новымъ паровымъ машинамъ и фабричной жизни. Къ числу другихъ еретическихъ мнѣній Рёскина принадлежало мнѣніе, что это и не необходимо и нежелательно. Узнавъ о храброй, но, повидимому, безнадежной борьбѣ прядильщиковъ Мэна, онъ взялся за ихъ дѣло, нашелъ себѣ полезнаго помощника въ лицѣ Райдингса, влилъ новую



жизнь въ старое тѣло посредствомъ капитала и организации и нашель для произведеній рабочихъ Мэна рынокъ въ средѣ своихъ друзей и послѣдователей. Онъ построилъ въ Лакси фабрику съ водянымъ двигателемъ; туда фермеры приносили шерсть и какъ въ старину получали за нее или сукномъ или пряжей. На фабрикѣ исполнялись всѣ работы чесанья, пряденья и ткачества; часть пряжи употреблялась для домашняго тканья или вязанья, а часть перерабатывалась на фабрикѣ. При такихъ старыхъ промышленныхъ условіяхъ производится сукно съ ручательствомъ за неизносимость его („last for ever“) и за нелиночестъ. Въ теченіи нѣкотораго времени самъ Рёскинъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи фабрикой св. Георга, но въ 1883 году онъ нашель необходимымъ передать управленіе ей Джорджу Томсону изъ Гуддерсфильда.

Томсонъ, іоркширскій фабрикантъ, одинъ изъ довѣренныхъ гильдіи св. Георга, воспринялъ многое изъ ученія Рёскина и примѣнилъ его къ своей шерстяной и чулочной фабрикѣ въ Гуддерсфильдѣ. Онъ сдѣлалъ свою фабрику кооперативной ассоціаціей, сдѣлалъ извѣстныя распоряженія относительно прямого участія рабочихъ фабрики въ собственности капитала, стараясь о томъ, чтобы все большая и большая часть наевъ переходила въ ихъ руки, такъ что производители дѣлались участниками въ полученіи прибыли. При дальнѣйшемъ развитіи дѣла половина чистаго дохода должна идти рабочимъ, а другая половина, согласно представленію Рёскина о кооперации, потребителямъ. Такъ какъ потребителями были по большей части потребительныя кооперативныя общества, то опытъ былъ особенно интересенъ, какъ попытка уничтожить противорѣчіе интересовъ капитала и труда съ одной стороны и производителя и потребителя съ другой.

Другимъ опытомъ, который Рёскинъ принималъ близко къ сердцу и которыхъ онъ особенно интересовался,

было возрожденіе старой прядильной промышленности въ коттеджахъ Вестморланда. Этотъ опытъ производилъ другъ Рёскина Альбертъ Флемингъ, производившій „лучшія и изящнѣйшія льняныя ткани, какія только возможно производить ручнымъ трудомъ и при отбѣлкѣ на полѣ“. Тутъ пришлось возродить уже исчезнувшую, а не исчезающую промышленность. Старыя прялки, бывшія когда то необходимой принадлежностью всякаго коттеджа, давно исчезли въ этой мѣстности, съ трудомъ были отысканы нѣкоторые образцы на чердакахъ. Какъ бы то ни было, одинъ изъ коттеджей превратился въ школу пряденья и дамы начали помогать Флемингу обучать крестьянокъ ручному пряденью. Потомъ было необходимо приступить къ тканью. „Въ погребѣ въ Кендалѣ мы нашли челнокъ, онъ состоялъ изъ двадцати частей; когда мы принесли его домой, то коллективная мудрость всей деревни не могла собрать его. Къ счастью у насъ была фотографія съ Кампанилы Джіотто и при ея помощи мы собрали станокъ. Потомъ мы достали стараго ткача и въ свѣтлое пасхальное утро появился нашъ первый кусокъ полотна— первая сработанная и сотканная руками льняная ткань, произведенная въ Англии въ наше время.“<sup>1)</sup> Такъ рассказываетъ Флемингъ о началѣ Лангдэльской льняной промышленности. Это произошло зимой 1883 года; это первое изъ многихъ подобныхъ же возрожденій въ разныхъ частяхъ Англии. Эта промышленность не давала рабочимъ полного обезпеченія, она была только подсобнымъ промысломъ, которымъ крестьяне могли заниматься вечерами послѣ окончанія всѣхъ дневныхъ работъ. Въ 1897 году пряденьемъ и вышиваніемъ тканей было занято двадцать пять женщинъ, лучшія работницы получали отъ пяти до шести шиллинговъ въ недѣлю. Много сортовъ тканей производится для разныхъ домашнихъ цѣлей.

<sup>1)</sup> „Studies in Ruskin“ Кука.

8. Общество искусствъ и промышленности, учредившее ежегодныя выставки и издающее отчеты о своей дѣятельности, доказываетъ, какое вліяніе ученіе и примѣръ Рёскина имѣли въ различныхъ мѣстностяхъ Великобританіи и Ирландіи. Слѣдующее изложеніе задачъ этого общества достаточно доказываетъ это вліяніе. Общество стремится къ тому, чтобы:

1) развивать глаза и пальцы своихъ учениковъ, что не только увеличиваетъ ихъ шансы на полученіе занятія, но и увеличиваетъ ихъ цѣнность, какъ рабочихъ и дѣлаетъ ихъ наиболѣе способными для обезпеченія себѣ средствъ къ жизни въ любой изъ избранныхъ ими профессій.

2) дать занятіе мальчикамъ и дѣвочкамъ въ часы досуга, особенно въ томъ возрастѣ, когда они оставляютъ школу, но еще не избираютъ себѣ постоянной профессіи, доставляя имъ работу, которой они съ удобствомъ могутъ заниматься на дому.

3) поддерживать дружелюбныя и пріязненныя отношенія между образованными людьми и бѣдняками и дать возможность обладающимъ знаніями, культурными и художественными, сообщать таковыя другимъ, не обладающимъ ими.

4) возродить старыя ремесла, когда то процвѣтавшія въ Англіи и теперь почти вымершія, и поощрять рабочихъ къ украшенію ихъ жилищъ собственнымъ трудомъ.

Существуютъ классы, учрежденные въ различныхъ мѣстахъ, по большей части добровольными трудами учителей, не получающихъ вознагражденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ организуютъ уже существующую промышленность и находятъ для нея рынокъ, какъ напр. для производимаго ручнымъ трудомъ сукна въ южномъ Валлисѣ. Въ другихъ случаяхъ появляется новая художественная промышленность, напримѣръ, гончарное производство „Дела Роббіа“ въ Биркенгидѣ, дающее вполне достаточное обезпеченіе искуснымъ ремеслен-

никамъ, рисовальщикамъ и гончарамъ. Но въ большинствѣ случаевъ очень строго соблюдаются тѣ особенности, которыя отличаютъ дѣятельность Общества отъ другихъ строго дѣловыхъ организацій — дѣятельность Общества добровольная, скорѣе образовательная, чѣмъ чисто профессиональная; работа не составляетъ настоящей основы для обезпеченія существованія. Главныя занятія — это ручныя пряденье и ткачество, вышивание различныхъ тканей и обработка дерева, металла, глины, хотя вводится и множество другихъ мелкихъ ремеслъ, вродѣ тисненыхъ произведеній изъ кожи, производство корзинъ, переплетное дѣло. Нѣкоторые изъ этихъ классовъ содержатся научнымъ и художественнымъ обществомъ южнаго Кенсингтона, другіе отчасти поддерживаются совѣтами графствъ, но большинство свободны отъ всякой официальной поддержки и связаннаго съ ней контроля и представляютъ свободныя организація обученія и труда.

Быстрый ростъ этого любопытнаго движенія доказывается тѣмъ, что, начавшись учрежденіемъ сорока классовъ въ 1884 году, теперь оно имѣетъ болѣе пяти-сотъ такихъ классовъ. Многіе люди, вліятельные въ обществѣ и въ артистическихъ кругахъ, принимаютъ участіе въ устройствѣ этихъ центровъ профессиональнаго обученія и ремесленнаго труда; въ особенности дѣятельны въ этомъ отношеніи мистеръ и мистриссъ Уоттсъ и лэди Броунлоу — но очевидно, что всѣ они находятся до значительной степени подъ вліяніемъ ученія Рёскина. Вблизи же его помѣстья на сѣверѣ множество ручныхъ промысловъ, являющихся слѣдствіемъ его ученія, указываетъ на прямое его вліяніе. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ изъ этихъ опытовъ можно считать Рёскинскую льняную промышленность въ Кесуикѣ; тутъ въ крестьянскихъ домахъ учатъ пряденью, ткачеству, вышиванью и кружевному производству; въ Киркби Лондэлѣ въ Вестморландѣ мистриссъ и миссъ Гаррисъ обучаютъ самымъ разнообразнымъ ремесламъ.

Такая дѣятельность не представляетъ простой смѣлой попытки бороться съ неизбѣжнымъ введеніемъ машиннаго производства, какъ полагають нѣкоторые. На нее скорѣе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на образовательное движеніе, составляющее отдѣльную часть болѣе общаго современнаго движенія къ измѣненію вкусовъ общества; это не простой протестъ, а прогрессъ; это спросъ на свободное индивидуальное выраженіе художественныхъ стремленій во всевозможныхъ формахъ пластическаго матеріала, какъ ради пользы, такъ и ради украшеній, и соотвѣтствующій спросъ со стороны потребителя на удовлетвореніе его индивидуальныхъ вкусовъ и потребностей.

Однимъ словомъ, это движеніе есть практическая попытка цивилизованнаго общества опредѣлить надлежащія границы машиннаго производства, стремленіе его къ тому, чтобы дешевизна не преобладала исключительно въ мірѣ промышленности во вредъ удовольствію и пользѣ, получаемымъ и рабочимъ и потребителемъ отъ хорошей работы. Это движеніе отнюдь не стремится къ возрожденію средневѣковыхъ формъ промышленности, оно совсѣмъ не враждебно машинамъ; но оно стремится ограничить примѣненіе машинъ скучными, однообразными и потому нечеловѣческими процессами работы, а для искусства человѣческаго глаза и человѣческихъ рукъ оно хочетъ сохранить всю работу пріятную и имѣющую образовательный характеръ, такую работу, потребленіе продуктовъ которой и полезно и пріятно.

---

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

### Общій обзоръ дѣятельности Рёскина и его вліяніе.

1. Общій характеръ протеста Рёскина.—2. Сравненіе его ученія съ ученіемъ Морриса и Толстого.—3. Соединеніе въ немъ іудаизма и эллинства.—4. Его экономическое ученіе.—5. Объединяющее вліяніе мышленія Рёскина.—6. Его умственная исключительность.—7. Литературный талантъ Рёскина, какъ причина его вліянія.—8. Рёскинъ-учитель по существу практической.

1. Стараясь насколько возможно яснѣе опредѣлить мѣсто, занимаемое Рёскинымъ среди общественныхъ реформаторовъ нашего времени, до чрезвычайности важно помнить объ его художественномъ образованіи и объ артистическомъ темпераментѣ. Хотя его общественное ученіе и было по своему характеру вполнѣ этическимъ, но основаніе его недовольства существующими промышленными и общественными условіями, а также и формы его творческой политики, обуславливались требованіями художественной природы. Прежде всего его поражало, какъ опредѣленное общественное бѣдствіе, дурная работа, навязываемая большинству рабочаго люда современными промышленными условіями, ухудшеніе внѣшности городовъ, и въ особенности ухудшеніе архитектуры частныхъ и общественныхъ зданій, преобладаніе условныхъ и механическихъ спо-

собою работы и въ изящныхъ искусствахъ и въ промышленности, и вообще могущество богатства, имѣющаго возможность извращать лучшія человѣческія свойства и обезображивать внѣшнюю сторону жизни. Исслѣдованіе причинъ плохого искусства и ложныхъ художественныхъ идей неизбѣжно привело его къ открытію силъ, отравляющихъ самые источники личнаго и общественнаго поведенія, повело его къ тому, чтобы прослѣдить въ паденіи и величіи народовъ дѣйствіе силъ, которыя будучи во внѣшнемъ ихъ проявленіи экономическими, по своимъ естественнымъ источникамъ суть, несомнѣнно, духовныя. Такое постепенное расширеніе сферы идей и чувствованій, переходъ отъ искусства въ узкомъ смыслѣ этого слова къ искусству въ томъ смыслѣ, который включаетъ всякую здоровую дѣятельность, и потомъ къ понятію объ искусствѣ сначала личной, а потомъ общественной жизни, былъ для человѣка, подобнаго Рёскину, для человѣка, обладавшаго и способностью къ сильному и смѣлому анализу и вмѣстѣ съ тѣмъ способностями созидательными, творческими, процессомъ неизбѣжнымъ; въ то время, какъ экономисты, работавшіе тоже для дѣла общественной реформы, почти неизбѣжно склонялись къ мысли объ отдѣленіи труда отъ пользованія, процессовъ производства отъ потребленія, при почти исключительномъ вниманіи къ производству—какъ будто общественное и личное благосостояніе обусловливается только увеличеніемъ количества продуктовъ—общественный протестъ, исходившій изъ среды художниковъ и литераторовъ, имѣлъ другой характеръ—онъ былъ проповѣдью труда, труда для всѣхъ, хорошаго по качеству и цѣннаго не только по его результатамъ, а и ради него самаго. Таковъ общій характеръ общественнаго ученія людей, настолько несогласныхъ другъ съ другомъ относительно жизненныхъ принциповъ и методовъ поведенія, какъ Эмерсонъ, Карлиль, Зола, Ибсенъ, Вильямъ Моррисъ и Толстой. Для такихъ

людей проповѣдь труда не простое общее мѣсто морали, а опредѣленный протестъ противъ раздѣленія работы и жизни, противъ раздѣленія процесса и его результата, противъ раздѣленія производителя и потребителя—раздѣленія, вызываемаго въ современной жизни чрезмѣрной спеціализаціей промышленности.

2. Та особая роль, которую Рёскинъ игралъ въ этомъ многоголосномъ протестѣ, всего лучше можетъ быть опредѣлена сравненіемъ общаго характера его ученія съ столь же рѣшительными ученіями двухъ его современниковъ, Вилльяма Морриса и Толстого. Всѣ трое имѣютъ много общихъ принциповъ; таковы—отрицанія торговой конкуренціи и полученія прибыли, какъ уничтожающихъ хорошую работу и чувство братства, настояніе на необходимости и обязательности для всѣхъ ручного труда, опроверженіе софизмовъ, при помощи которыхъ образованные и культурные классы стараются уклониться отъ дѣйствія этого естественнаго закона, нападеніе на созданные машиной города и стремленіе къ простымъ формамъ деревенской жизни. Какъ въ критической работѣ, такъ и въ творческой дѣятельности всѣхъ троихъ имѣется много точекъ соприкосновенія. Но эти три мыслителя очень различаются благодаря разницѣ ихъ темпераментовъ по своимъ отношеніямъ къ труду и къ жизни. Считая „Извѣстія о Нигдѣ“ (News from Nowhere) самымъ полнымъ и самымъ конкретнымъ выраженіемъ ученія Морриса объ общественной реформѣ, мы видимъ, что все оно сводится къ единственному правилу: дѣлайте, какъ вамъ хочется. Для Морриса идеально то общество, въ которомъ всякій дѣлаетъ то, что любить и любить то, что дѣлаетъ. Изъ представленія о трудѣ исключается всякое понятіе о страданіи и непріятности; долгъ по отношенію къ самому себѣ, къ ближнему или къ обществу не признается Моррисомъ необходимымъ мотивомъ дѣятельности. Художникъ и теперь любить свое



дѣло, потому пусть всякій трудъ будетъ художественнымъ и вся необходимая работа будетъ исполняться не только потому, что она необходима, а и потому, что она доставляетъ удовольствіе. Рёскинъ и практичнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнѣе Морриса. Онъ понимаетъ, что очень многія работы непосредственно и по существу нежелательны; даже большинство наиболѣе тонкихъ артистическихъ работъ связано съ однообразнымъ и непріятнымъ подготовительнымъ трудомъ; безъ чувства долга и извѣстной дозы общественнаго принужденія, какъ мотивовъ къ труду, совершенно обойтись невозможно; но чувство нравственной обязанности и терпѣніе, часто требуемая трудомъ, отнюдь не являются антагонистами личнаго и общественнаго блага, хотя противъ нихъ и возстаютъ временно эгоистическія склонности; наоборотъ, долгъ и терпѣніе являются важными факторами для образованія характера, какъ людей, такъ и націй. Рёскинъ согласенъ съ Моррисомъ въ томъ требованіи, чтобы возможно большая часть работъ была интересной и пріятной и чтобы всѣ участвовали въ исполненіи такихъ работъ, но онъ не видитъ возможности, да и не признаетъ желательности, исключить изъ труда то свойство самопожертвованія, которое предполагаетъ подчиненіе узкихъ эгоистическихъ интересовъ болѣе широкимъ и долѣе существующимъ интересамъ общества. Но онъ не доводитъ свое ученіе о самопожертвованіи въ искусствѣ и въ жизни до такихъ предѣловъ, до которыхъ доводитъ его въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Толстой. Дѣйствительно, не легко изложить ученіе Толстого, не впадая въ пародію. Достаточно будетъ сказать, что великій русскій писатель, повидимому, отрицаетъ наслажденіе и любовь къ красотѣ, какъ законные мотивы художника; признавая общность чувствъ и идей мѣриломъ искусства, а желаніе учить другихъ и этимъ поддерживать общественную симпатію — единственнымъ мотивомъ настоящаго

искусства, онъ такимъ образомъ признаетъ самопожертвованіе или трудъ для другихъ — признаваемые Рёскинымъ только однимъ изъ мотивовъ настоящаго личнаго труда — мотивомъ единственнымъ. Рёскинъ, признавая вмѣстѣ съ Толстымъ, что искусство не должно быть чѣмъ то обособленнымъ, какой то спеціальною немногихъ, а существеннымъ факторомъ жизни всѣхъ, смотря по способности каждаго и по требованіямъ труда, которымъ занимается каждый, признавая далѣе, что отличіе изящныхъ искусствъ отъ промышленности есть отличіе степени, рѣшительно не раздѣляетъ отрицанія Толстымъ техники и его мнѣнія, будто единственная художественная способность состоитъ въ естественности выраженія. А кромѣ того, Рёскинъ всегда былъ энергическимъ защитникомъ права всякаго члена благоустроеннаго общества на наслажденіе; въ его понятіе о свободной и здоровой личной жизни входитъ и понятіе о радостномъ пользованіи всѣми физическими и умственными способностями; въ его идеальномъ обществѣ нѣтъ мѣста для аскетизма Толстого.

По своимъ взглядамъ на полезность и необходимость общественной дисциплины, даже въ формѣ принужденія, Рёскинъ не согласенъ ни съ Моррисомъ, ни съ Толстымъ. Въ идеальномъ обществѣ перваго принужденіе не имѣетъ мѣста, потому что оно ненужно для того, чтобы заставлять людей дѣлать все, что они могутъ, для общества; всѣ же разсужденія Толстого прямо основаны на предположеніи о безнравственности всякаго примѣненія физической силы. Такимъ образомъ по сравненію съ этими учителями Рёскинъ можетъ считаться представителемъ философіи здраваго смысла, не считающимъ, какъ Моррисъ, всякую работу могущей превратиться въ пріятную, и не идеализирующимъ, какъ Толстой, нравственныя способности человѣка.

3. Возможно утверждать, что философія Рёскина, какъ по отношенію къ искусству, такъ и по отношенію къ соціальной реформѣ, соединяетъ и даже уничтожаетъ предполагаемый антагонизмъ эллинизма и іуданзма болѣе полно, чѣмъ философія всѣхъ другихъ современныхъ мыслителей. Многіе, однако, полагаютъ, что основа мышленія Рёскина заключается именно въ сантиментальномъ іудаизмѣ. Можно сомнѣваться, чтобы существовали какія нибудь основанія для подобнаго предположенія, за исключеніемъ развѣ того факта, что, признавъ обычное пренебреженіе нравственнаго фактора въ искусствѣ, онъ съ особенной силой указывалъ на этотъ недостатокъ при изложеніи своихъ художественныхъ доктринъ; что же касается до другихъ обвиненій, часто выдвигаемыхъ противъ Рёскина приверженцами искусства для искусства, то они обусловливались просто ихъ непониманіемъ его ученія. Художникъ, оставляющій сферу какого нибудь спеціального искусства затѣмъ, чтобы перейти къ болѣе общему искусству жизни, неизбѣжно долженъ казаться многимъ грѣшникомъ противъ искусства въ узкомъ смыслѣ этого слова; признаніе общественной жизни органическимъ цѣлымъ измѣняетъ центръ и расширяетъ сферу мышленія, а философскій и духовный центръ болѣе широкой дѣятельности неизбѣжно ограничиваетъ „абсолютную свободу“ всякаго отдѣльнаго искусства.

4. Рёскинъ безъ всякаго намѣренія обманулъ многихъ и многихъ оскорбилъ, давъ своему ученію объ искусствѣ жизни названіе политической экономіи, иногда настолько распространяя значеніе этого названія, что оно охватывало всю науку и всю практику общественной жизни, а иногда ради боевыхъ соображеній ссуживая его до признанныхъ предѣловъ ортодоксальной политической экономіи.

Какъ общественный реформаторъ, Рёскинъ оказалъ

серьезныя услуги какъ критикѣ, такъ и теоріи искусства общественной экономіи. Онъ съ большою, чѣмъ кто либо, проникательностью и съ болѣе убѣдительнымъ краснорѣчіемъ указалъ на три наиболѣе глубокіе и наиболѣе губительные недуга современнаго промышленнаго общественнаго строя. Эти недуги слѣдующіе: во первыхъ, — господствующая въ трудѣ и въ жизни механичность, во вторыхъ, несправедливость, какъ экономическое основаніе всякаго торга, и въ третьихъ, извѣстныя потери и вредъ для труда и для характера людей, производимые промышленной конкуренціей.

Что касается до теоріи политической экономіи, то онъ положилъ истинно-научное основаніе науки и искусства общественной экономіи, настаивая 1) на приведеніи торговыхъ стоимости и полезности къ стоимости и полезности человѣческимъ, какъ къ истинной основѣ теоріи богатства, 2) на признаніи цѣнностей неторговыхъ равными съ торговыми, т. е. на сохраненіи органическаго единства соотносительныхъ способностей усилія (труда) и наслажденія (пользованія) и 3) на установленіи общественнаго мѣрила добра или счастья, какъ идеала.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что снѣ произвелъ подробное изслѣдованіе человѣческихъ процессовъ производства и потребленія.

Честное производство, справедливое распредѣленіе и благоразумное потребленіе—таковъ лозунгъ той общественной реформы, необходимость которой онъ отстаивалъ.

5. Люди, жалующіеся на Рѣскина, также какъ они жалуются на такихъ писателей, какъ Карлиль и Эмерсонъ, что онъ не далъ выработанной систематической философіи жизни, которая удовлетворяла бы уму, ошибаются не столько въ самомъ характерѣ ученія Рѣскина, сколько въ необходимой ограниченности чело-

вѣческаго мышленія и человѣческаго языка. О всѣхъ такихъ писателяхъ можно сказать, что они интуитивно понимали неспособность человѣческаго разума дать такое интеллектуальное удовлетвореніе. Неизбѣжное несовершенство языка, тѣ процессы различенія и опредѣленія, которые предполагаются разсужденіемъ, по самому своему характеру препятствуютъ уму при его стремленіи къ гармоніи и къ единству, которыя одни только могли бы дать желательное удовлетвореніе. Чрезмѣрное стремленіе къ кажущейся интеллектуальной полнотѣ можетъ произвести только ловко выработанную систему искусственной терминологіи, безчисленные пробѣлы которой неизбѣжно будутъ замѣтны при основательномъ ближайшемъ анализѣ. Рёскинъ справедливо полагать, что здравыя чувствованія и эмоціи и здравая оцѣнка вещей, порождаемая ими, даютъ для искусства жизни большую объединяющую силу, чѣмъ можетъ дать любая метафизика. Единство и гармонія жизни болѣе сознательно и болѣе опредѣленно осуществляются въ культивированіи полной человѣческой симпатіи такими людьми, какъ Рёскинъ, Эмерсонъ или Броунингъ, чѣмъ наиболѣе разработанными системами философін, когда либо созданными въ Германіи. Ни одинъ изъ современныхъ мыслителей не проявилъ такого яснаго сознанія цѣльности жизни, какъ Рёскинъ, и никогда разрѣшеніе ложнаго дуализма философіей не было столь дѣйствительнымъ; оно разрѣшается признаніемъ Рёскинымъ той истины, что „законы неба родственны законамъ земли“; не даромъ онъ прослѣдилъ въ исторіи и при ближайшемъ изученіи изящныхъ искусствъ тѣ тонкія нити, которыя соединяютъ вещественную и духовную жизнь. Источники здоровой физической жизни: чистый воздухъ и чистая вода, свободное общеніе съ силами незапятнанной земли — все это только вещественныя параллели источниковъ духовной жизни — удивленія, надежды и любви. Изъ первыхъ черпаетъ свои силы

тѣло, а духъ получаетъ питаніе и энергію отъ вторыхъ. Художникъ долженъ искать корней своего искусства въ природѣ, онъ долженъ истолковывать ее въ свѣтѣ любви къ идеѣ. Тоже можно сказать и объ искусствѣ жизни, въ которой каждый долженъ быть художникомъ; здоровыя условія труда и жизни суть основы достойнаго человѣчества. Современная промышленная жизнь нуждается въ реформѣ потому, что она страдаетъ отъ двухъ смертельныхъ недуговъ, противныхъ такому справедливому идеалу человѣческаго общества; во первыхъ, она лишаетъ людей здороваго физическаго основанія жизни, во вторыхъ, она отравляетъ источники духовной жизни и интеллектуальной честности, обуславливая преобладаніе эгоистическихъ стремленій, направленныхъ на достиженіе низшихъ матеріальныхъ цѣлей.

6. Отсутствіе симпатій, проявляемое Рёскинымъ къ многимъ изъ современныхъ общественныхъ идей и движеній, повидимому, несомнѣнно прогрессивныхъ, составляетъ недостатокъ, общій ему со всѣми великими творческими геніями, которые, говоря словами Оливера Венделя Гольмса, „хранятъ въ своемъ мозгу зародыши цивилизаціи будущихъ поколѣній или будущихъ вѣковъ“.

Итальянскій социологъ Ломброзо очень мѣтко объясняетъ это свойство великихъ оригинальныхъ умовъ, ихъ мизантропизмъ. Онъ говоритъ: „люди, создающіе новые міры, настолько же враги новшествъ, какъ обыкновенные люди и дѣти. Они проявляютъ необыкновенную энергію въ отрицаніи открытій другихъ; это есть или слѣдствіе, такъ сказать, насыщенія ихъ мозга, препятствующаго всякому новому поглощенію, или, можетъ быть, они пріобрѣтаютъ спеціальную воспримчивость только къ своимъ собственнымъ идеямъ и нечувствительны къ дѣйствию идей другихъ“.

Каково бы ни было научное объясненіе этого явле-

нія, не можетъ быть и спора въ томъ, что умы, столь напряженные и концентрированные, какимъ былъ умъ Рёскина, дѣйствительно „одержимы“ извѣстными руководящими идеями, получаемыми ими изнутри и исключаящими всякія идеи, приходящія извнѣ. Если это и недостатокъ, то онъ съ избыткомъ окупается высокими достоинствами умовъ такого рода.

7. Въ этой заключительной главѣ намъ остается сказать нѣсколько словъ о литературной манерѣ Рёскина и объ ея вліяніи на распространеніе его ученія и на усвоеніе обществомъ его идей.

Можно серьезно сомнѣваться въ томъ, помогали или наоборотъ препятствовали усвоенію его идей его блестящія литературныя способности. Остроуміе и воображеніе, краснорѣчіе и страстность — тѣ самыя качества, которыя такъ необходимы для вліянія литературы—имѣютъ всегда любопытное и противорѣчивое вліяніе на умы большинства англійскихъ читателей. Мы искренно и сильно наслаждаемся такими произведеніями, какъ сочиненія Рёскина, мы высоко цѣнимъ ихъ, и именно самое наслажденіе всегда дѣлаетъ насъ подозрительными; нашъ осторожный темпераментъ препятствуетъ намъ отдаться въ полную власть нашихъ чувствъ; въ нашемъ удивленіи эмоціональнымъ способностямъ писателя есть нѣкоторая автоматически дѣйствующая сдержанность.

Не довѣряя нашимъ способностямъ различать впечатлѣнія „справедливыя, умѣренные и прочныя“, коренящіяся въ фактахъ природы и человѣческой жизни, отъ впечатлѣній, являющихся слѣдствіемъ простого литературнаго искусства, мы стараемся обыкновенно остерегаться всего, что обращается не къ нашему разуму, а къ нашимъ чувствамъ. Несмотря на то, что литература всѣхъ народовъ свидѣтельствуетъ въ пользу употребленія страстнаго языка при служеніи истинѣ, здравый смыслъ нашей націи всегда отказывался при-

знавать такое свидѣтельство. Практическіе люди и теперь еще съ презрѣніемъ и подозрительно смотрятъ на произведенія воображенія и великія образцовыя произведенія фкціи; эти типическія произведенія нашей современной литературы, и теперь еще не признаются полезными орудіями истины.

Такое явленіе отнюдь не объясняется вполнѣ національной нелюбовью къ идеямъ и соотвѣтствующимъ недовѣріемъ къ идеалу. Прежде всего оно обусловливается ложной психологіей, основанной на дефектахъ темперамента, ошибочно стремящейся изолировать способность разсужденія и полагающей, что способность воображенія не играетъ никакой роли въ дѣлѣ открытія истины и обученія ей. Именно такое представленіе и лежитъ въ основаніи нашего національнаго недовѣрія къ привлекательности стиля; нѣкоторые изъ насъ даже Милля считаютъ „черезъ чуръ литературнымъ“ для серьезнаго мыслителя. Солидное и убѣдительное изложеніе политической экономіи должно держаться на почвѣ фактовъ и строить изъ нихъ прочное интеллектуальное зданіе. Открытіе истинъ социологіи должно происходить посредствомъ торжественной процессіи, проходящей предъ глазами читателей, конкретныхъ явленій разнаго рода и посредствомъ ихъ формальнаго истолкованія примѣненіемъ законовъ, основанныхъ на индуктивномъ разсужденіи и выраженныхъ въ точно опредѣленныхъ терминахъ; система такихъ истинъ должна быть излагаема въ рядахъ послѣдовательныхъ разсужденій, силлогистическимъ раскрытіемъ предложеній, вводящихъ эти истины въ свободно воспринимающій умъ непрерывными рядами.

Рѣскинъ ни самъ не усвоивалъ истинъ, ни излагалъ ихъ по такому способу. Мы уже высказались въ защиту его научнаго метода изслѣдованія. Мы указывали, во первыхъ, на то, что онъ и не искалъ такихъ фактовъ, познавать которые можетъ только разумъ при исключеніи человѣческаго чувства; человѣ-



ческие же факты, т. е. истинно социальные факты, для ихъ открытія и изслѣдованія требуютъ проницательной и творческой способности воображенія.

Экономическіе факты, которые должны измѣряться не объективно, въ терминахъ денегъ, а субъективно, въ терминахъ человѣческой жизни, могутъ быть изучаемы только органическимъ примѣненіемъ всѣхъ способностей человѣка, какъ рациональныхъ, такъ и симпатическихъ.

Далѣе мы указали, что въ тѣхъ случаяхъ, когда научный матеріалъ поддается строго интеллектуальному анализу, Рёскинъ, конечно, не непогрѣшимый, гораздо болѣе компетентенъ, чѣмъ большинство его оппонентовъ и способенъ исключить страстность и воображеніе тамъ, гдѣ возможно чистое разсужденіе.

Таже самая существенная характерная черта отличаетъ и методъ изложенія Рёскинымъ его ученія. Его методъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы заставить читателя не только понять, а и прочувствовать факты, чтобы сдѣлать знаніе жизненнымъ. Социальные факты, выражаемые въ формѣ статистическихъ данныхъ или въ абстрактныхъ терминахъ, суть только формальное приобрѣтеніе разума; они могутъ быть полезными для доказательства или опроверженія предложеній, для умственной гимнастики своего рода, но когда мы хотимъ отнести ихъ къ другимъ разрядамъ фактовъ, такъ чтобы они были для насъ основой поведенія, они бесполезны. Такъ какъ понятіе Рёскина объ общественной экономіи уничтожаетъ, какъ мы видѣли, преграду между наукой и практикой, то онъ совершенно основательно требовалъ, чтобы люди, которыхъ онъ училъ, оцѣнили жизненное значеніе излагаемыхъ имъ фактовъ. Приведемъ только одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ, насколько былъ правъ Рёскинъ, утверждая, что не одно только количественное констатированіе истины имѣетъ значеніе. Расчетъ Чарльза Бута, что тридцать четыре процента лондон-

цевъ живутъ на ежегодный доходъ, меньшій 21 шиллинговъ (на семью), повидимому, вполне реальное констатированіе факта; но въ дѣйствительности оно не имѣетъ значенія; даже умъ пойметъ его значеніе только тогда, когда мы приведемъ его къ терминамъ челоѳчества. А этого нельзя достигнуть однимъ только расчетомъ ренты и цѣнъ на пищу или опредѣленіемъ физическихъ потребностей средней семьи. Конечно, подобное знаніе для насъ необходимо; но необходима также и нравственная сила воображенія для того, чтобы истолковать факты и предоставить ихъ уму, какъ нѣчто единое и цѣлое въ ихъ отношеніи къ идеальной жизни, желательной для лондонца—и только тогда мы вполне вѣрно поймемъ эти факты. Первымъ великимъ дѣломъ, совершеннымъ Рёскинымъ въ качествѣ учителя, и было представленіе фактовъ въ такой гуманизированной формѣ, такъ чтобы они были доступны не только уму читателя, но и его сердцу. Ради этого онъ и напрягалъ до крайнихъ предѣловъ всѣ свои литературныя способности. Для людей, привыкшихъ къ формальнымъ способамъ поученія, для людей, подозрительно относившихся къ реторикѣ, его свободная рѣчь, полная отступленій и намековъ, была источникомъ смущенія и недоразумѣній и даже возбуждала въ нихъ досаду. Его письма въ „Fogs“ представляются надутымъ „умѣреннымъ“ людямъ часто выраженіемъ неумѣстнаго легкомыслія или коварныхъ и злостныхъ преувеличеній.

Такъ, на примѣръ, онъ часто очень грубо относился къ сановникамъ церкви и къ церковнымъ порядкамъ. Слѣдующее мѣсто представляетъ образецъ сатирическаго языка, которымъ написаны письма и который оскорбляетъ многихъ:

„а въ это время епископъ, ректоръ и супруга ректора и милая старая дѣвственница-квакерша, живущая въ Сьютбріарскомъ коттеджѣ, такъ шокируются тѣмъ, что вы пьете такъ много, и что вы такіе ужасные

мерзавцы, что для васъ ничего невозможно сдѣлать! И, конечно, не слѣдуетъ увеличивать вашу заработную плату, потому что вы ни на что, кромѣ пьянства, ее не израсходуете. А завтра всѣ они отправляются обѣдать въ Драйтонъ-Паркъ къ пивовару, члену парламента, избранному вами; и пивоваръ строитъ одинъ кабакъ на желѣзнодорожной станціи, другой въ Гай-Стритъ, третій на углу Фильпотсъ-Лэнь, а четвертый загородомъ, сзади Тенсталль-Террасъ, гдѣ онъ усыпалъ Буттеркѣпъ-Мидовъ разбитыми бутылками. И такимъ образомъ, посредствомъ подобныхъ мѣръ и на основаніи совершенно точныхъ расчетовъ, развитіе вашего благосостоянія вполне обезпечено“<sup>1)</sup>.

Какая это, въ сущности, замѣчательно вѣрная картина извѣстной крупной сферы нашей общественной жизни! И однако наша способность наблюденія настолько извращена, что существуетъ почти инстинктивное стремленіе отвергнуть эту картину, какъ карикатуру. Прочтите также блестящее шутовское замѣчаніе объ „англійскомъ ростбифѣ“ въ двадцать пятомъ письмѣ или какой нибудь изъ безчисленныхъ примѣровъ обвиненія духовенства въ томъ, что „оно за деньги проповѣдуетъ фальшивое евангеліе“.

Читатели, привыкшіе къ повадливой литературѣ, считаютъ подобныя мѣста въ письмахъ Рёскина просто дикимъ взрывомъ ничѣмъ не вызваннаго гнѣва, извинительнымъ только потому, что авторъ совершенно не владѣетъ собой. И однако Рёскинъ въ большинствѣ случаевъ и не желаетъ, да и не заслуживаетъ подобныхъ извиненій. Онъ желаетъ, чтобы его судили такъ, какъ судятъ великихъ писателей, не знавшихъ повадливости и не смѣшивавшихъ умѣренность съ слащавостью. Исаія, Павелъ, Данте, Мильтонъ и другіе пророки справедливости не смягчали свои выраженія и Рёскинъ требуетъ для себя права на такую же сво-

---

<sup>1)</sup> „Fors“. Письмо XXIII.

боду слова. О крупныхъ вещахъ надо говорить сильнымъ языкомъ и сильный человекъ въ жизни и въ литературѣ всегда называетъ вещи ихъ настоящими именами. Когда Рёскинъ въ рѣзкихъ, краткихъ и страстныхъ выраженіяхъ нападаетъ на испорченность и апатію церкви, на унижительную эгоистичность пожирающихъ прибыль торговцевъ, на презрѣнную и скучную жизнь на подгородныхъ дачахъ, на анархію, парадирующую предъ массаами подъ маской либерализма, на тиранію механизма въ торговлѣ и въ искусствѣ—когда онъ стремится запечатлѣть эти бѣдствія въ умахъ и сердцахъ читателей, неужели мы должны презрительно отметить эти обвиненія, неужели мы должны протестовать противъ такихъ „ужасныхъ нападковъ“, противъ „такого бессмысленнаго оскорбленія“, противъ „такой оскорбительной каррикатуры“? Не должны ли мы, наоборотъ, спросить себя, нѣтъ ли правды въ такихъ нападеніяхъ, не имѣетъ ли онъ дѣйствительно права употреблять такія выраженія? Рёскинъ всегда настаивалъ на правдивости и умѣренности своихъ писемъ. Онъ не отрицалъ, что многія изъ его выраженій страстны, онъ оправдывалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что они помогаютъ ему въ высказываніи истины, что „умственная страстность или раздражительность на время представляетъ важную добавочную силу, позволяющую мнѣ видѣть болѣе ясно и сказать то, что въ теченіи долгихъ лѣтъ было у меня на сердцѣ, болѣе живо“ <sup>1)</sup>).

Большая часть того, что признается преувеличеніемъ при констатированіи Рёскинымъ фактовъ, просто объясняется его сильнымъ воспріятіемъ истины и его энергичной манерой высказывать эту истину, — если даже и сдѣлать всѣ необходимыя оговорки относительно совершенно законнаго эмфаза литературнаго изложенія и относительно идеализации отдѣльныхъ истинъ, идеали-

---

<sup>1)</sup> „Fors“. — Письмо LXXXVIII.

зацін, всегда признаваемой Рёскинымъ настоящей функцией всякаго искусства.

Обвиненія въ безпощадномъ и несправедливомъ преувеличеніи обыкновенно исходятъ отъ людей, не изучавшихъ основательно сочиненія Рёскина и потому не понимавшихъ, что эпитеты, кажущіеся имъ безпощадными, выбраны авторомъ обдуманно. Авторъ „Sesame“ не только даетъ писателямъ совѣтъ добросовѣстно изучать языкъ, но и ни одинъ изъ современныхъ писателей такъ старательно не слѣдовалъ этому совѣту, какъ самъ Рёскинъ. „Свою литературную работу— пишетъ онъ въ „Praeterita“ — я всегда дѣлалъ такъ спокойно и методично, какъ дѣлають ковры“.

И это вѣрно даже относительно всевозможныхъ отступленій, которыя мы встрѣчаемъ въ его „Fogs“; выборъ предмета часто обусловливался какимъ нибудь случайнымъ событіемъ или полученнымъ письмомъ, но изложеніе всегда добросовѣстно до педантизма. Люди, жалующіеся, что Рёскинъ никогда одновременно не занимался однимъ предметомъ, ошибаются просто потому, что они не понимаютъ, что значитъ „одинъ предметъ“.

Рёскинъ иногда прикрываетъ свою главную тему нашивками біографіи и геральдики; онъ часто черезъ чуръ высоко цѣнитъ культурность и проницательность своихъ читателей, и тѣмъ не менѣе его методъ изложенія всегда по существу правильный. Онъ знаетъ, что первая обязанность учителя состоитъ въ томъ, чтобы завладѣть своимъ слушателемъ. Профессоръ въ своей аудиторіи, обращающійся къ студентамъ, добровольно посвятившимъ себя изученію какой нибудь спеціальной науки, находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ учитель, желающій овладѣть сопротивляющейся ему толпой и заставить ее выслушать его поученіе. Рёскинъ инстинктивно понималъ, что первый долгъ такого учителя состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать умы его слушателей въ состояніи всегда на-

пряженномъ, всегда готовыми къ воспріятію и не утомлять ихъ монотонностью скучнаго поученія. Рёскинъ вполне понималъ значеніе жизненнаго метода обученія, отличнаго отъ логико-механическаго, и умѣло пользовался первымъ. Для того, чтобы вниманіе слушателя и читателя всегда оставалось свѣжимъ и воспріимчивымъ, онъ постоянно измѣняетъ подходы къ нимъ, удивительно быстро и ловко разнообразить тему, съ замѣчательной гибкостью переходитъ отъ одной аналогіи, отъ одного примѣра къ другимъ, то покидая главную дорогу ради изслѣдованія какойнибудь пріятной боковой тропинки, то быстро возвращаясь по кривой линіи къ своей темѣ. Такимъ образомъ, иногда посредствомъ внушенія, посредствомъ патетическихъ или юмористическихъ воззваній, посредствомъ живыхъ и точныхъ изслѣдованій значенія словъ, пользуясь всякимъ орудіемъ реторики и разсужденія, никогда, однако, не выковывая такихъ орудій искусственно, а всегда находя ихъ у себя подъ рукой готовыми, онъ игралъ на душахъ своей публики — и всегда удачно. Достигалъ ли онъ этимъ распространенія знанія? Несомнѣнно. Когда онъ хотѣлъ убѣдить умъ, онъ убѣждалъ его; когда онъ старался передать читателю факты или ряды разсужденій, они достаточно ясно выдѣлялись изъ той реторической обстановки, которой онъ окружалъ ихъ; онъ очень рѣдко утрачиваетъ прапорціональность частей, случайное рѣдко затемняетъ или перевѣшиваетъ существенное.

8. Рёскинъ никогда не допускалъ, чтобы слова отвлекали его отъ вещей, которыя они должны выражать. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ практиченъ и вполне опредѣленъ. Но для него вещи духа были самыми реальными изъ вещей. Реальность идей и чувствованій, практичность здоровыхъ идеаловъ — вотъ что онъ проповѣдывалъ націи, гордищейся своей ложной практичностью потому только, что она имѣла удачу въ

„дѣланіи“, направленномъ почти исключительно на узкія матеріальныя цѣли.

Рѣскинъ своимъ ученіемъ постоянно стремится къ проясненію зрѣнія, къ возвышенности цѣлей, къ гуманизированію и къ достоинству поведенія. Какъ общественный реформаторъ, онъ возлагаетъ надежды на тѣ не напрапленныя или дурно направленные силы, которыя сдѣлали насъ, какъ личностей и какъ націю, столь преуспѣвающими въ всѣхъ грубыхъ формахъ дѣятельности и которыя, будучи направлены на цѣли болѣе благородныя, могутъ дать намъ величіе, измѣряемое не милями нашей территоріи, не милліонами населенія, не размѣрами нашей торговли, а „умноженіемъ высшей человѣческой жизни“. Къ этимъ силамъ человѣческой души онъ и обращался.

---

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

### 1. Мнѣніе Рѣскина о войнѣ.

Мнѣнія Рѣскина о войнѣ настолько любопытны, что о нихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Отчасти эти мнѣнія объяснимы его тенденціей преклоняться предъ силой только потому, что она сила; эта тенденція у него общая съ Карлилемъ. Романтическая сторона войны, изучаемая имъ еще въ дѣтствѣ по Гомеру и Скотту, всегда оставалась для него привлекательной; живое драматическое представленіе о войнѣ, о ея ужасахъ и ея славѣ, всегда отличается нѣкоторой нереальностью. Любовь къ власти и проявленіе личности сильнаго человѣка бросаютъ на войну сурово мрачное освѣщеніе и дѣлаютъ ее самой яркой формой проявленія силы. Такое настроеніе, несомнѣнно, менѣе мужественное, чѣмъ женственное; оно встрѣчается чаще у физически слабыхъ, сантиментальныхъ мужчинъ, чѣмъ у сильныхъ, такъ какъ первые идеализируютъ именно тѣ свойства, которыми сами не обладаютъ. Рѣскинъ считалъ войну совсѣмъ не такой, какой она есть и была въ дѣйствительности, потому его взгляды въ этомъ отношеніи и отличаются отъ взглядовъ немногихъ изъ писателей, видѣвшихъ войну лично и описывающихъ ее такой, какова она въ дѣйствительности, отъ взглядовъ такихъ людей, какъ Мадзини или Толстой. Съ



наибольшей охотой мы выбросили бы изъ сочиненій Рёскина его обращеніе къ Вульвичскимъ студентамъ, перепечатанное въ „Crown of wild Olive“; въ этомъ обращеніи Рёскинъ защищаетъ „военную игру“, какъ занятіе, въ которомъ находятъ „полное выраженіе личныя способности людей“ и которая, „хорошо съигранная, опредѣляетъ человѣка“. <sup>1)</sup> Правда, онъ признаетъ, что бывають войны наступательныя ради увеличенія территоріи или торговли, и такія войны онъ осуждаетъ. Но вѣдь немногіе открыто защищаютъ войну, ведущуюся ради выгоды. Обращеніе Рёскина къ англійской націи, въ которомъ онъ возбуждаетъ ее къ „агрессивнымъ войнамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она увѣрена, что ея власть будетъ благодѣтельной и покровительственной“, есть одинъ изъ наиболѣе опасныхъ совѣтовъ, какой только можетъ быть преподанъ народу, всегда готовому увѣрить себя, что его вмѣшательство и благодѣтельно и покровительственно, разъ только это вмѣшательство распространяетъ вліяніе Англій въ новой странѣ. Правда и то, что Рёскинъ одобряетъ войны, предпринимаемыя съ цѣлями рыцарскими, а не ради эгоистическаго хищничества; но желая развитія воинственнаго духа внѣ предѣловъ простой самозащиты, онъ открываетъ возможность для свободнаго проявленія опасныхъ силъ, не указывая на какія либо средства для сдержки ихъ.

Рёскинъ защищаетъ войну на двоякомъ основаніи. „Всѣ чистыя и благородныя мирныя искусства основаны на войнѣ; ни одно великое искусство никогда не создавалось никѣмъ, кромѣ воинственныхъ націй“. <sup>2)</sup> И онъ приводитъ примѣры Египта, Греціи и Рима.. <sup>3)</sup> Но развѣ изящныя искусства этихъ націй дѣйствительно были непосредственными результатами войнъ? Во

---

1) „Crown of Wild Olive“ §§ 101.

2) Ibid §§ 116.

3) Ibid §§ 89.

всякомъ случаѣ, египтяне никогда не были воинственнымъ народомъ. Большинство націй, создавшихъ цивилизацію, сдѣлавшую возможнымъ развитіе изящныхъ искусствъ, конечно, по временамъ были принуждены бороться за свое существованіе. Національный духъ, возбуждаемый борьбой за существованіе, какъ было, напр., у грековъ во время персидскихъ войнъ, иногда позже находилъ свое выраженіе въ искусствѣ и литературѣ. Но это указываетъ только на то, что національный характеръ совсѣмъ не настолько специализированное свойство, какъ полагаютъ люди, привыкшіе классифицировать народы по извѣстнымъ свойствамъ, проявляемымъ ими въ извѣстные періоды ихъ исторіи, признающіе specialностью Греціи искусство и философію, specialностью Рима законодательство, specialностью востока—астрономію, математику и т. д.

Нѣкоторыя націи были велики какъ въ искусствѣ войны, такъ и въ „благородныхъ мирныхъ искусствахъ“; это до нѣкоторой степени примѣняется къ Греціи и къ Риму, но совсѣмъ непримѣнимо къ Египту, Китаю, Финикіи и Голландіи, „Торговля, говоритъ Рёскинъ, только согласна съ изящными искусствами, но создавать ихъ она не можетъ“. Это не вѣрно по отношенію къ Голландіи и къ Италіи. Подобныя причинныя отношенія не могутъ быть доказаны; ни одновременность, ни послѣдовательность отнюдь не доказываютъ причинности. Рёскинъ для поддержанія своего положенія долженъ бы былъ доказать существованіе естественной и необходимой связи между разрушительнымъ военнымъ искусствомъ и созидательными мирными искусствами. Этого онъ не доказалъ и не могъ доказать.

Но всего любопытнѣе то, что, по его мнѣнію, война имѣетъ облагораживающее вліяніе на національный характеръ „Ни для какой націи, за исключеніемъ воинственной, было невозможно обращать вниманіе на гражданъ, а не на владѣнія“—говоритъ онъ. Говоря другими словами, переходъ отъ военной общественной

организаціи къ промышленной, признаваемый Спенсеромъ отличительнымъ признакомъ цивилизаціи, для Рёскина есть отличительный признакъ вырожденія и регресса. Такое положеніе не выдерживаетъ критики. Неужели воинскія доблести—дисциплина, храбрость, умѣнье владѣть собой — представляютъ достаточное вознагражденіе за вредныя и развращающія вліянія войны. Мышленіе солдата, какъ такового, направлено не на созданіе, какъ полагаетъ Рёскинъ, а на убиванье людей; развитіе воинскихъ доблестей признается средствомъ для достиженія этой цѣли. Если цѣль торговой дѣятельности, полученіе прибыли, унизительна, то неужели убійство, цѣль воинской дѣятельности, менѣе унизительно? А вѣдь сравнивать нужно именно эти двѣ цѣли. Неужели вообще солдатскія доблести суть здоровыя нравственныя свойства? Развѣ дисциплина не чисто формальное свойство, умѣнье владѣть собой развѣ свойство реальное, а храбрость развѣ не есть до значительной степени свойство чисто животное? Развѣ дурное вліяніе войны не сказывается слишкомъ часто въ неумѣннн солдата сообразоваться съ законами мирнаго общества? Таковы вопросы, которые можно бы было задать Рёскину и онъ совсѣмъ не далъ на нихъ удовлетворительнаго отвѣта своимъ различеніемъ между наемными и гражданскими войсками; послѣднія онъ восхваляетъ, а первыя осуждаетъ. Рёскинъ долженъ бы былъ знать, что въ настоящее время невозможно вернуться къ военной системѣ вполне неспеціализированной арміи. Въ особенности странно утвержденіе Рёскина, будто война направлена противъ жадности, въ настоящее время, когда большая часть войнъ ведется изъ за рынковъ. Рёскинъ долженъ былъ знать, что болѣе половины войнъ всегда вызывалось стремленіемъ захватить землю, пищу или торговлю другихъ. Несомнѣнно, очень печально, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Теннисона, высказанное имъ въ его „Maud“, гдѣ солдатъ является высшимъ существомъ

по сравненію съ кушомъ. Всякій, кто прочтетъ послѣ „Crown of Wild Olive“ Рёскина статью Эмерсона о „Войнѣ“, пойметъ, насколько легкомысленно мнѣніе перваго. Нелѣпость его мнѣнія тѣмъ болѣе удивительна, что даже въ этой лекціи о войнѣ, читанной имъ передъ Вульвичскими студентами, онъ доказывалъ, что война „страшна и смѣшна“ <sup>1)</sup>, цитируя слова Карлиля о нелѣпости національныхъ раздоровъ, при которыхъ бѣдные дурачки, которыхъ заставляютъ драться, являются орудіями правящихъ классовъ. „Раздается: пли!—и они выбиваютъ другъ изъ друга души и вмѣсто шестидесяти веселыхъ и полезныхъ ремесленниковъ предъ вами шестьдесятъ труповъ, которыхъ надо зарыть неоплаканными нѣмъ. Развѣ между этими людьми произошла какая нибудь ссора? Нѣтъ; какъ бы чортъ ни старался объ этомъ, имъ не о чемъ было ссориться. Они жили далеко одинъ отъ другого, они были совершенно чужими другъ другу; мало того, въ этомъ большомъ мірѣ они безсознательно, посредствомъ торговли, помогали другъ другу. Что же случилось? Эхъ, вы простяки! Да просто, ихъ правители поссорились и вмѣсто того, чтобы самимъ стрѣляться, заставили стрѣлять этихъ бѣдныхъ дурачковъ“.

Рёскинъ еще лучше Карлиля понималъ характеръ такой политики, онъ понималъ, что корень этого зла въ любви къ деньгамъ. Онъ понималъ то, что несмотря на наше чисто дѣловое воспитаніе мы все еще плохо понимаемъ; онъ понималъ финансовое происхожденіе современныхъ войнъ и финансовую подкладку военной славы. Эта истина настолько ясно изложена Рёскинымъ въ предисловіи къ „Minera Pulveris“, что большинство читателей признаетъ, вѣроятно, его простой пародіей, какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, когда истина имъ кажется неудобной. „Капиталисты, когда они не знаютъ, что имъ дѣлать съ ихъ день-

---

<sup>1)</sup> „Crown of Wild Olive“ §§ 99.

тами, убѣждаютъ крестьянъ, что имъ нужны пушки, чтобы стрѣлять другъ въ друга. Крестьяне сейчасъ же въ долгъ заводятъ пушки и на производствѣ ихъ капиталисты получаютъ проценты, а ученые получаютъ и честь и забаву. Потомъ крестьяне перестрѣляютъ извѣстное число другихъ крестьянъ, пока не устанутъ, и въ разныхъ мѣстахъ пожгутъ не мало мужицкихъ домовъ. Потомъ съ торжествомъ огвозятъ пушки въ города, въ арсеналы и т. п., и побѣдители ставятъ въ храмы разорванныя знамена. А послѣ капиталисты вводятъ налоги для уплаты процентовъ за долги, сдѣланные на приобрѣтеніе пушекъ и пороха“<sup>1)</sup>.

Въ одномъ мѣстѣ онъ еще болѣе ясно и смѣло высказываетъ это экономическое объясненіе войны и въ заключеніе приходитъ къ признанію, почти къ оправданію, той самой революціонной классовой войны, которую онъ постоянно оплакиваетъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

„Война между народами (хотя всѣ они и плуты и дураки) не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ есть зло. Но скрытое воровство—воровство, скрывающееся само отъ себя, легальное, почтенное и трусливое—развращаетъ и тѣло и душу человѣка даже до послѣдней ихъ фибры“.

„И такіе то воры въ Европѣ,—дѣйствительная причина всѣхъ европейскихъ войнъ—это капиталисты, т. е. люди, живущіе процентами на трудъ другихъ, а не на свою собственную справедливую заработную плату. Дѣйствительная европейская война, начало которой есть эта борьба въ Парижѣ<sup>2)</sup>, ведется между капиталистами и рабочими—такими рабочими, какими ихъ сдѣлали капиталисты. Капиталисты сдѣлали рабочихъ бѣдными, невѣжественными и грѣшными для того,

---

1) „Munera Pulveris“. Ср. „Fors“. Письмо VІІІ.

2) Писано въ іюль 1871 года.

чтобы получать въ свою пользу продукты ихъ труда. И, наконецъ, рабочіе начали смутно понимать это и вотъ они борются и будутъ бороться съ капиталистами, и въ борьбѣ будутъ такими, какими ихъ сдѣлали“<sup>1)</sup>).

Въ предисловіи къ памфлету о „Ростовщичествѣ“<sup>2)</sup> Рёскинъ повторяетъ и объясняетъ положеніе, кратко высказанное имъ въ „Unto this Last“: „одни капиталисты (или ростовщики) поддерживаютъ несправедливыя войны“. Если бы Рёскинъ обратилъ надлежащее вниманіе на характеръ справедливыхъ войнъ, онъ, вѣроятно, не говорилъ бы такъ вульвическимъ студентамъ и считалъ бы даже „справедливыя войны“ необходимымъ зломъ, имѣющимъ вредное вліяніе на воюющихъ.

Положеніе Рёскина о близкомъ отношеніи между войной и процентами подтверждается мнѣніемъ одного замѣчательнаго современнаго финансиста, выразившагося слѣдующимъ образомъ: „Вездѣ долгъ является великимъ факторомъ, опредѣляющимъ налоговое обложеніе. Въ послѣднее время съ нимъ конкурируетъ страсть къ воинскимъ приготовленіямъ; но эта страсть въ большинствѣ случаевъ не могла бы быть удовлетворена, если бы не было возможности заключать новыя займы. Самый большой долгъ—это долгъ, созданный войнами и воинственными подготовленіями. Чѣмъ сильнѣе это безуміе, тѣмъ сильнѣе власть великихъ владѣльцевъ процентовъ надъ всѣми пружинами національной жизни. Они не только налагаютъ на будущія поколѣнія обязанность все болѣе и болѣе переводить трудъ народа въ карманы кредиторовъ, но они дѣлаютъ необходимымъ для государства помощь крупныхъ финансовыхъ домовъ, что все болѣе и болѣе отдаетъ въ ихъ власть всѣ политическія учрежденія націи“<sup>3)</sup>).

1) „Fors“. Письмо VII.

2) Перепечатано въ „On the Old Road“, 11.

3) Вильсонъ въ „Contemporary Review“ 1898.

## II. Рёскинскія общества и ихъ дѣятельность.

Нѣкоторыя подробности относительно Рёскинскихъ обществъ въ Бирмингамѣ, Ливерпульѣ и Гласко могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на то сильное вліяніе, которое имѣли на вдумчивыхъ и образованныхъ людей Англіи книги и личность Рёскина.

Самое большое изъ этихъ обществъ бирмингамское, учрежденное въ 1896 году. Президентъ его деканъ Эли, а почетный секретарь и дѣятельный организаторъ Говардъ Уитгоузь, въ обществѣ около четырехсотъ членовъ. Цѣли общества изложены въ его уставѣ слѣдующимъ образомъ:

1. быть центромъ объединенія для студентовъ и другихъ лицъ интересующихся сочиненіями Рёскина.
2. поощрять изученіе и поддерживать распространеніе его сочиненій посредствомъ лекцій, дебатовъ и различными необходимыми изданіями.
3. вліять на общественное мнѣніе по вопросамъ художественнымъ и этическимъ въ указываемомъ имъ направленіи.
4. вообще поддерживать такія ученія, которыя съ пользой и удобно могутъ быть распространяемы въ Англіи.

Дѣятельность общества состоитъ изъ ряда лекцій, читаемыхъ въ зимній сезонъ, по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ цѣлямъ общества, такихъ лицъ, какъ

Коллингвудъ, деканъ Ферраръ, Вальтеръ Кранъ, Кинетонъ Парксъ и Флетчеръ. Для болѣе интимныхъ обсужденій разныхъ сторонъ ученія Рёскина устраиваются особыя собранія. Для членовъ существуетъ библіотека изъ книгъ Рёскина и другихъ авторовъ по поводу его книгъ.

Это крупное общество, наконецъ, издаетъ выходящій четыре раза въ годъ журналъ, „св. Георгъ“; первые выпуски журнала заслуживаютъ всяческой похвалы за содержаніе и форму. Въ журналѣ помѣщаются статьи и отчеты о лекціяхъ, читанныхъ въ обществѣ, обзоры произведеній литературы и искусства и многія цѣнныя замѣтки.

Бирмингемское общество, имѣющее и другое, предложенное самимъ Рёскинымъ названіе: „Общество Розы“, принимаетъ символъ вѣры Гильдіи св. Георга и печатаетъ его въ своихъ отчетахъ.

Ливерпульское Рёскинское общество, въ которомъ членовъ меньше, тоже проявляетъ большую дѣятельность. Читаемыя въ немъ лекціи имѣютъ специально отношеніе къ соціальной и экономической частямъ ученія Рёскина; кромѣ общихъ собраній общества происходятъ собранія по группамъ для изученія отдѣльных книгъ, напр. „Unto this Last“—Рёскина и „Прошлое и настоящее“—Карлиля. Есть библіотека изъ книгъ Рёскина.

Интересно развитіе образовательной и соціальной дѣятельности общества. Въ зимніе мѣсяцы имѣются классы для юношей и мужчинъ и для дѣвушекъ. „Обучаютъ художественнымъ швейнымъ работамъ, при которыхъ употребляется только простой матеріалъ, такъ что дѣвушки учатся тому, что настоящее украшеніе дома и личное совершенно не требуетъ большихъ расходовъ, что оно является просто вознагражденіемъ за терпѣніе и стараніе, соединенныя съ воображеніемъ и искусствомъ“.



Любопытная попытка буквального осуществленія экономическаго ученія Рёскина — это банкъ св. Антонія.

Этотъ банкъ учрежденъ въ подражаніе обычаю древней христіанской церкви давать денежную помощь людямъ, впавшимъ въ несчастіе, такъ какъ временная помощь такимъ лицамъ можетъ предупредить увеличеніе бѣдности. Деньги безъ всякихъ процентовъ даются по рѣшенію комитета банка, предпочтеніе оказывается лицамъ, которыхъ постигло какое нибудь несчастіе. Заемщикъ и кредиторъ въ денежныхъ дѣлахъ придерживаются простыхъ и братскихъ отношеній; предполагается, что заемщикъ уплатитъ долгъ по совѣсти, такъ какъ ему извѣстно, что деньги пойдутъ на помощь другимъ“.

Самое старое изъ Рёскинскихъ обществъ — Глазговское, оно учреждено въ 1879 году. Въ числѣ его почетныхъ президентовъ состоитъ магистръ коллегіи Балліоля, въ совѣтѣ засѣдаютъ многіе извѣстные люди. Цѣли общества слѣдующія: 1 поощрять изученіе Рёскина и поддерживать распространеніе его сочиненій, 2. быть центромъ объединенія для изучающихъ Рёскина и 3. поддерживать ученія, полезныя и пригодныя для Англіи.

Кромѣ обыкновенныхъ лекцій и хорошей бібліотеки при обществѣ имѣется особый лекціонный комитетъ, устраивающій лекціи о сочиненіяхъ Рёскина и объ имѣющихъ къ нимъ отношеніе общественныхъ и художественныхъ вопросахъ. Этотъ комитетъ устроилъ много лекцій извѣстныхъ лицъ, въ сосѣднихъ городахъ. Общество устраиваетъ также чтенія сочиненій Рёскина.

Въ другихъ городахъ Англіи, а также въ Соединенныхъ Штатахъ, тоже много небольшихъ Рёскинскихъ обществъ.

Бѣ эти общества своимъ происхожденіемъ обязаны непосредственному вліянію сочиненій учителя, но это вліяніе доказывается и безкорыстной культурной дѣятельностью многихъ лицъ, которая не является прос-

тымъ подражаніемъ, а только естественнымъ слѣдствіемъ брошенныхъ имъ въ общество идей.

Отношеніе членовъ Рёскинскихъ обществъ, а также безчисленныхъ, разсыпанныхъ по всей Англiи учениковъ Рёскина къ ихъ учителю очень удачно выражено секретаремъ одного изъ этихъ обществъ, которое съ его разрѣшенія я и приведу здѣсь: „мы смотримъ на себя, какъ на людей, ищущихъ истины, и при нашихъ изслѣдованіяхъ и при нашей дѣятельности мы не видимъ основанія не довѣрять вполне ученію Рёскина, не только какъ великаго и благороднаго учителя, но и какъ такого учителя, который ясно понималъ причины общественнаго хаоса и указалъ на истинные принципы здоровой и благородной національной жизни. При пользованіи своими способностями и талантами онъ благороднѣе Карлиля, онъ столь же проникателенъ, его сочиненія съ большей силой дѣйствуютъ на сердца читателей; и мы надѣемся, что работа его жизни будетъ имѣть все большее и большее вліяніе—и притомъ вліяніе благое—на развитіе всѣхъ общественныхъ движеній.

---